

ВЕЛИКИЕ ВЛАСТИТЕЛИ

в романах

ТУТАНХАМОН
1341 - 1323 до н.э.

ВЕЛИКИЕ

ВЛАСТИТЕЛИ

ТУТАНХАМОН

ВЕЛИКИЕ

ВЛАСТИТЕЛИ

в романах

ТУТАНХАМОН

**ВЕЛИКИЕ
ВЛАСТИТЕЛИ**
в романах

ТУТАНХАМОН

1341– 1323 г. до н. э.

Вера Василевская

ТУТАНХАМОН

**ИСТОРИЧЕСКИЙ
РОМАН**

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Астрель
Москва
2001

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
В19

Художник
В.Н. Любин

Василевская В.Е.

В19 Тутанхамон: Исторический роман. — М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001. — 448 с.: ил. — (Великие властители).

ISBN 5-17-005376-2 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-01787-7 (ООО «Издательство Астрель»)

Роман Веры Василевской является первым художественным жизнеописанием Тутанхамона — юного египетского фараона XVIII династии, правившего в 1333—1323 гг. до н. э. Исторические сведения о нем скудны, но достоверно известно, что за краткий период царствования он сумел полностью восстановить былую славу и могущество своей страны, разрушенные его предшественником, фараоном-еретиком Эхнатоном.

Написанный ярким и образным языком, передающим стилистические особенности дошедших до нас памятников древнеегипетской литературы, роман, безусловно, вызовет интерес всех любителей исторической беллетристики.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 5-17-005376-2
(ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-01787-7
(ООО «Издательство Астрель»)

© Василевская В.Е., 2001

© ООО «Издательство Астрель», 2001

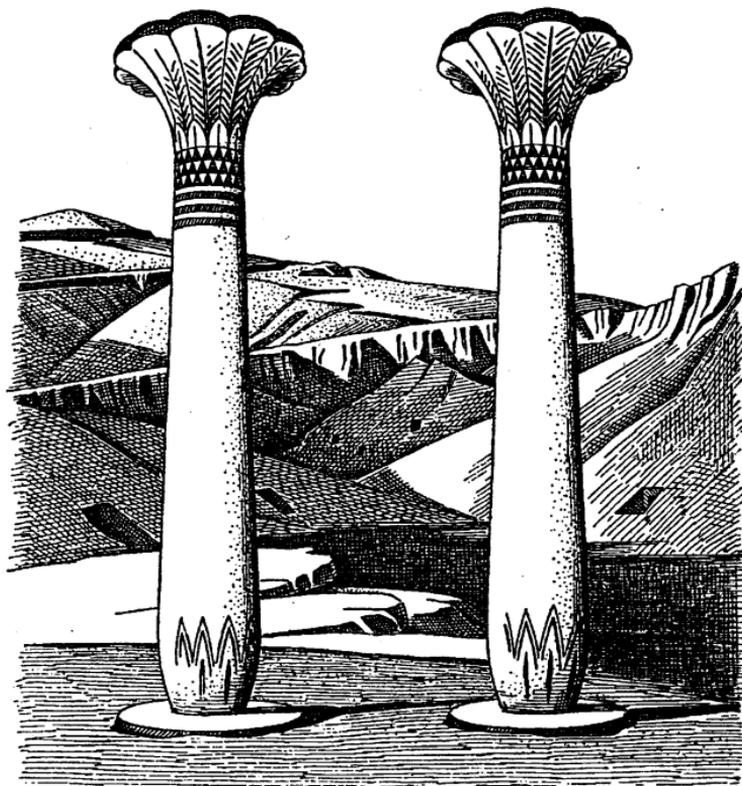
Энциклопедия «Британика».
Издательство Вильяма Бентона, 1961 г., т. 23.
Г. Картер. Гробница Тутанхамона. М., 1959.

Если взять за точку отсчета датировку, принятую британской египтологической школой, то Тутанхамон родился около 1341 года до н. э. Исследования мумии юного царя позволили заключить, что Тутанхамон, несомненно, принадлежал к XVIII царскому дому Египта и был кровным родственником фараона-солнцеклонника Эхнатона. Был ли он племянником или побочным сыном Эхнатона, установить не удалось. Родившийся в царствование фараона-солнцеклонника отпрыск правящего дома, естественно, получил солнцеклонническое имя Тутанхатон («подобный в отношении жизни есть Атон»), условно — «Живой образ Атона»). Вступив на престол в очень юном возрасте — от 7 до 12 лет, — юный фараон первые годы своего правления проводит в Ахетатоне, солнцеклоннической столице Эхнатона. Вероятно, права Тутанхатона на престол, так же как и права его непосредственного предшественника Сменхкара, не были безусловными и нуждались в подкреплении, что и было достигнуто с помощью брака. Тутанхатон женился на третьей дочери Эхнатона Анхесенпаатон, чьи прелестные изображения дошли до нас в большом количестве. Около четвертого года своего правления Тутанхатон меняет свое солнцеклонническое имя на Тутанхамон («подобный в отношении жизни есть Амон»), условно — «живой образ Амона») и переезжает в Мемфис. Именно с этого момента начинается возвращение к культу старых богов, уничтоженных Эхнатоном, повсеместное восстановление

храмов, возвращение привилегий жрецов и местной знати, развитие внутренней и внешней торговли, укрепление пошатнувшегося за время правления Эхнатона международного положения Египта. С другой стороны, Тутанхамон сохраняет имя фараона-еретика на всех предметах царского обихода, не преследует тех, кто поклоняется зримому солнцу Атону, и приближает к себе некоторых так называемых «сирот» — людей низкого происхождения, возвеличенных его предшественником. Ближайшими советниками юного фараона становятся Эйе, занимавший высокие придворные должности еще во времена его деда, Аменхотепа III, и полководец Хоремхеб. Благодаря надписям на многочисленных предметах, найденных в гробнице Тутанхамона, известны имена и других его приближенных: военачальник Миннехт, хранитель сокровищницы Маи, царевич Джхутимес. Единого мнения по поводу срока царствования Тутанхамона не существует, так же как нет единства в объяснении причин его ранней смерти. Различные источники называют различные сроки правления: от шести до девяти и даже четырнадцати лет, а раскрытие тайны гибели Тутанхамона до сих пор является предметом ожесточенных споров между египтологами всего мира. Несомненно только одно — он умер в возрасте приблизительно 18 лет и, судя по найденным в гробнице мумиям двух недоношенных младенцев, не имел наследников. Так называемый «хеттский след», связанный с союзническими отношениями Тутанхамона и митаннийского царя Душратты (последний погиб почти одновременно с Тутанхамоном) до настоящего времени является одной из наиболее вероятных версий гибели юного царя. Могучее царство хеттов во главе с царем Супиллулиумой представляло серьезную угрозу безопасности и независимости Египта и союзных ему государств Малой Азии; вполне естественно, что Супиллулиума отнюдь не был заинтересован в усилении и процветании своего противника. Короткое царствование Тутанхамона оставило в мировой истории яркий след, хотя настоящее его значение не раскрыто и сегодня.

ТУТАНХАМОН

Книга первая. Восход

Невольно прохожих сердца проникались любовью к прекрасному мальчику, полному высших достоинств, к несравненному юноше, чье благородство отменно...

«Начальное слово великой подательнице радости»

Великолепно твое появление на горизонте, воплощенный Атоң-жизнетворец! На небосклоне восточном блистая, несчетные земли озаряешь своей красотой. Над всеми краями, величавый, прекрасный, сверкаешь высоко, лучами обняв рубежи сотворенных тобою земель. Ты их отдаешь во владенье любимому сыну.

Ты — вдалеке, но лучи твои здесь, на земле.

«Гимн Солнцу»

ЖРЕЦ МЕРНЕПТА

Птицы летят, оглашая воздух тихими протяжными криками, похожими на жалобы безвременно ушедших на поля Иалу². Ни одного белого ибиса не видел я с тех пор, как сомкнулись двери священной гробницы, где упокоилось земное тело живого бога, владыки страны Кемет³, воссиявшего в Осирисе фараона Небхепрура Тутанхамона... моего мальчика, моего

возлюбленного сына, хотя великий грех для простого жреца произносить подобные слова. Но слова мои подобны шелесту тростника, растущего в изобилии по берегам Хапи⁴, ибо ветер умчит их, и они сольются с таинственным светом даров Нут⁵, и когда богиня склонится над моим мальчиком и превратит его в одну из бессмертных звезд, звезда эта будет дышать горечью моих слов, как дышат цветами обитатели блаженных полей. Ибо поистине нет под солнцем Кемет человека, который так любил бы фараона Тутанхамона, как верховный жрец храма бога Тота⁶, много изведавший и не познавший истины, недостойный Мернепта. Стоя на плоской крыше храма, я слежу за полетом птичьих стай и смотрю в небо, пустое для меня. Шестьдесят восемь раз мои глаза видели разлив Хапи, и песчаные бури житейских невзгод до сих пор не поглотили меня. Все они прошли надо мною, не причинив вреда, и лишь одна высушила сердце, и стало оно подобно полю, лишенному влаги. Так говорю я, жрец Мернепта, ибо знаю, что говорю. Когда-то от одного из жрецов нашего храма я услышал древнее предание о том, что где-то далеко-далеко, в странах, где люди умеют говорить на языке птиц и животных, лежат неподвижные черные озера, в которых не отражается ни пролетевшая птица, ни колеблющийся у берега тростник, ни склонившийся над водой человек. Ба⁷ мое стало подобно такому озеру в день великого гнева и великой скорби, когда Осирис⁸ отвратил свое лицо от страны Кемет и страшная пустыня Запада обратила к нам лик своих чудовищ...

Мне давно снились реки, голубые и прозрачные, обильные рыбой, благодатные, как Хапи, но более приветливые, манящие погрузить в них уставшие от трудов ладони. В тот год в пятидесятый раз надо мной взошла звезда Сопдет⁹ и жрецы возвестили разлив великой реки. В ту ночь сон не сомкнул моих глаз, и это было хорошо, ибо за мной пришли люди из царского дворца и велели собираться и идти с ними. Меня часто просили прийти во дворец, ибо бог мудрости Тот наделил меня даром исцеления и позволил мне знать многие тайны врачебного ремесла. Люди говорили, что мои заклинания отгоня-

ют злых духов болезни так, как это не под силу ни одному жрецу, и мне оставалось только верить, ибо я видел действие этих заклинаний. Но в ту ночь я не мог обратиться к моему богу-покровителю Тоту, ибо мой бог страдал, мой бог был повержен, моего бога не было. Надо всем царил тогда солнечный бог Атон, могучий и грозный, правящий в стране Кемет именем своего сына, фараона Эхнатона. Мне было запрещено произносить вслух имя моего бога, но никто не мог запретить мне взывать к нему мысленно, и я, собираясь во дворец, безмолвно просил Тота снизить и просветить мой разум, чтобы я мог помочь несчастной, нуждающейся в моей помощи. Эта несчастная была одна из дочерей Аменхотепа III¹⁰ и родная сестра нынешнего фараона, красавица Нефернаи, на долю которой выпало величайшее счастье и величайшая скорбь. Ее муж, доводящийся ей двоюродным братом, был храбр, как Хор¹¹, и погиб в ожесточенной схватке с хатти¹² близ города Хальпы¹³, оставив юную жену носящей под сердцем его ребенка. Я знал, что черная скорбь может не только иссушить сердце матери, но и погубить плод, и пытался утешить бедную вдову рассказами о блаженных полях Иалу, где ее молодой супруг вдыхает аромат самых чудесных цветов и ожидает ее лишь по истечении назначенного ей срока, исполнившей свой долг, давшей жизнь его ребенку, вырастившей и воспитавшей его. Она слушала молча, и под ее длинными опущенными ресницами мне виделись темные реки слез, идущие от зрачков в глубину сердца и питающие его невыразимой горечью. Она слушала, но слова мои не долетали до слуха ее измученного Ба, где царил жгучий ветер пустыни, злой ветер Сетха¹⁴. В эту ночь настал ее час, и я спешил к ложу роженицы, чтобы облегчить, по возможности, ее тяжкие муки. Она страдала уже много часов, и окружающие успели привыкнуть к ее глухим стонам и жалобным крикам и переговаривались уже не шепотом, а вполголоса, и, в который раз подливая масла в светильники, гадали, когда свершится предназначенное — в ночной час или уже на рассвете, когда на небосклоне появится золотой солнечный диск. Когда я вошел в ее покои, она лежала совсем тихо, за-

крыв глаза. Но руки ее были подняты и пальцы сцеплены над головой, и я понял, что судорога только что свела ее тело и она изо всех сил сдерживает крик. Она была очень хрупка, хотя и происходила из рода Аменхотепа III, где женщины рождались более крепкими и здоровыми, чем мужчины. Услышав мои шаги, она открыла глаза, и я увидел в них тихо колыхавшиеся тростники блаженных полей. Я поклонился и приблизился, и она посмотрела на меня блуждающим взглядом, не узнавая. Жалобный крик вновь разомкнул ее искусанные губы и полетел в высоту, туда, где на потолке справляли весенний брачный пир узкогорлые птицы, созданные рукой и мыслью искусного художника.

Она была молода, очень молода, но она хотела уйти в ночь к своему супругу, чтобы не иссякло воспоминание о недолгих ночах, проведенных с ним на брачном ложе, и я знал, что не в силах повернуть к жизни человека, глаза которого мечтают увидеть врата Аменти¹⁵. Однако я попытался унять кровотечение, обессиливающее ее, и мне удалось на краткое время подарить отдых ее измученному телу. Я сел около Нефернаи и поднес к ее губам кубок с целебными травами, она выпила всего несколько глотков и вновь откинулась на ложе, и золотые коршуны в изголовье вновь осенили ее своими громадными крыльями. Лицо ее таяло у меня на глазах, и темные тени уже пролегали под глазами и в углах рта, но она крепилась и даже пыталась улыбнуться, благодаря меня за заботу. Я укрыл ее ноги теплой шкурой леопарда и посоветовал думать о ребенке, которому она должна помочь появиться на свет. Нефернаи долго молчала, временами лицо ее искажала легкая судорога, но она тотчас же проходила, и роженица отдыхала, ожидая нового приступа боли. Как она была красива, о боги, как красива! Глядя на ее угасающее лицо, в котором все явственнее проступал внутренний свет, предвещающий близкую разлуку с земным, я вспомнил изображение богини Хатхор¹⁶, виденное мною однажды в юности в одном из храмов города Хемени¹⁷. У той богини были такие же миндалевидные глаза, полные бесконечной любви и муки, и такая же складка проле-

гала в уголках божественных уст, и так же тонка была рука лучезарной, прижимающая к груди полураскрывшийся бутон цветка. Словно наяву, я видел перед собой лик Золотой¹⁸, и мне казалось, что, избавив от мук Нефернаи, я избавлю от них и страдающую богиню, которая теперь ждала своего часа в полуразрушенном храме.

— Потерпи немного, госпожа, — сказал я ей, — когда первый луч солнца коснется твоего прекрасного лица, твой ребенок родится, и твои муки потонут в глубинах радости, ведомой только матерям, и ты больше не вспомнишь о них.

— Когда луч солнца коснется моего лица, Мернепта, я умру, — тихо сказала она, и в голосе ее были спокойствие и легкая грусть. — Я молю великую Исиду¹⁹ лишь об одном — чтобы она даровала мне счастье увидеть мое дитя, будь то сын или дочь.

Она сказала «великую Исиду», не побоявшись произнести запретное имя на ложе смерти. Я знал, что она права, и боялся, что она покинет этот мир раньше, чем раздастся первый крик ребенка, даже если мне удастся извлечь его живым. Я вновь принялся читать заклинания, и мои слова набегали на ее угасающее сознание, как волны, то принося облегчение, то тревожа его. Вдруг она вскрикнула пронзительно и страшно, как раненая птица, и в этот миг появился на свет ребенок, мальчик, такой хрупкий, что, казалось, тельце его было не толще стебля голубого лотоса. Я успел подхватить ребенка и поднести его к самому лицу умирающей, и она коснулась кончиком носа²⁰ лобика новорожденного, даря ему свой прощальный поцелуй. Потом черты ее осветились небывалым сиянием, она глубоко вздохнула и покинула обитель земной радости. Не впервые глазам моим предстало скорбное зрелище страданий и смерти, но тогда мое Ба почувствовало невыносимую боль, словно было рассечено на куски оружием злобного Сетха. Я держал на руках мальчика, у которого в первый миг жизни на земле еще была мать, но который уже был сиротой, и видел, что он родился болезненным и слабым и что мне предстоит взять на себя заботы о его здоровье. Даже по не-

определенным мягким чертам младенческого личика можно было увидеть, что мальчик этот будет красавцем, ибо его широко расставленные черные глаза были огромны, а пухлые губы очерчены столь четко, что казались обведенными пурпурной краской. Он едва вскрикнул, и кое-кому из толпившихся рядом показалось, что это был всего лишь последний вздох и что младенец уже отправился вслед за своей матерью в страну Запада, где оба они увидят отважного воина, уже забывшего о жестоких ранах, причиненных стрелами хатти. Но он был жив, хотя и очень слаб, хотя и теплилась его жизнь подобно угасающему светильнику среди непроглядной тьмы. Жрецы, среди которых первое место принадлежало Туту, одному из ближайших советников Эхнатона и верховному жрецу Дома Солнца²¹ в городе, называемом Горизонт Атона²², монотонно затянули полагающиеся заклинания над новорожденным царевичем, еще одним отпрыском царского дома Аменхотепов. Мое скромное присутствие в покое, где величайшее таинство жизни так тесно сплелось с величайшим таинством смерти, мне самому уже казалось ненужным, но я все не мог оторвать взгляда от прекрасного лица умершей Нефернаи. Исполняя предреченное ею, по ее бледным щекам тихо скользили мягкие ласковые лучи только что взошедшего солнца, но поистине казалось, что свет, излучаемый этим лицом, превосходит золотой блеск царственного Атона. Необычайно красиво выглядел и сам покой, убранство которого свидетельствовало о тонком вкусе той, кому он служил при ее жизни, и птицы на потолке, казалось, с шелестом расправляли свои белые и розоватые крылья, и журавли плавно выгибали шеи, красуясь перед своими подругами, и нарисованные тростники были полны птичьих криков. А на полу покоя раскинулся цветущий луг, где цветы соперничали друг с другом в красоте и яркости лепестков, и в солнечном свете все дышало на нем, все жило своей маленькой жизнью. Помню, тогда мне подумалось, что самым мрачным из всего убранства выглядело изображение солнечного диска, ибо оно поражало мертвенностью и торжественностью и как будто было создано только для того, чтобы

ему поклонялись, все равно, с любовью или без любви, с истинной верой, как Эхнатон, или с показной, как большинство его родственников и придворных. Я не заметил, как появилась в покое царица Нефр-эт, прекрасная, царственная Нефр-эт, чья улыбка была подобна улыбке Исиды, освещающей миры, чей гнев был подобен холодному блеску вод Хапи, когда сердится великая река и не выходит из своих берегов, чтобы насытить поля драгоценной влагой. Бросив взгляд на ложе, она сразу увидела, что Нефернаи мертва. Глаза ее, лучистые огромные глаза, наполнились слезами и стали подобны черным озерам, но озерам живым, встревоженным порывом злого ветра, и она прижала руки к груди, всматриваясь в лицо умершей, и ее губы тихо зашептали какие-то молитвы. Потом она подошла к младенцу, которого уже спеленали, и коснулась кончиком носа его лба, как незадолго перед этим сделала Нефернаи. Когда она обратилась ко мне, глаза ее все еще были полны слез, но она уже взяла себя в руки и заговорила твердым и ровным голосом.

— Возьми младенца и ступай за мной, достойный жрец Мернепта. Пусть увидит его фараон, пусть возложит на него руку благословения, пусть наречет его именем, угодным ему. Я же клянусь священным именем Атона, что никто не назовет этого мальчика покинутым и одиноким, пока мои ноги ступают по земле, а глаза видят блеск царственного Солнца.

Так могла сказать только царица Нефр-эт, и она знала, что именно эти слова должны достичь слуха Нефернаи. Клянусь священными таинствами храмов, тогда мне почудилось, что на губах умершей появилась улыбка, легкая, как воздух, и тотчас растворилась в потоке солнечных лучей, оповещая Ка²³ Нефернаи о том, что ее сын обрел мать в царице Нефр-эт. Повинуясь воле лучезарной, я взял на руки младенца и вслед за царицей отправился в покои фараона Эхнатона. Он был бледен, великий сын царственного Солнца, и глаза его заливала тоска, такая тоска, что даже солнечный свет тонул в ней, подобно тому, как исчезают лучи в подводном сумраке Хапи, где всегда царит уныние и тишина, как в печальных краях, где то-

мятся обреченные на страдания узники. Я пал ниц перед величием владыки Обеих Земель²⁴, а Нефр-эт взяла у меня младенца и поднесла его фараону, как подносят драгоценный дар, и положила его ему на колени, а сама встала рядом, печальная и царственная, воистину божественная госпожа. Лицо Эхнатона, некрасивое, тяжеловесное, не умело становиться прекрасным ни в радости, ни в великой скорби, и только большие умные глаза освещали это лицо, заставляя окружающих помимо своей воли замечать в нем нечто воистину царское, воистину божественное. Он склонился над младенцем, приподнял его на руках, все хранили молчание, и слышно было только тяжелое дыхание фараона, сердце которого безуспешно боролось с нахлынувшей на него скорбью. Всей стране Кемет было известно, как страстно желал сына Эхнатон, как горячо молился всякий раз, когда узнавал о том, что царица зачала, как горько сокрушался, что вот уже на свет появились две девочки, а великий Атон все еще не пожелал дать ему наследника. Но, клянусь Исидой, я почувствовал тогда, что племянник никогда не станет для него сыном, более того — будет напоминать фараону о его несбывшихся надеждах, и потому Эхнатон не произнес слов, подобных тем, что произнесла его жена. Он положил руку на голову ребенка, большую, властную руку, которая повергла во прах величие храмов, низринула на землю тысячи статуй богов по всей стране. Эта рука не держала боевого меча, но, сжатая в кулак, она разила смертельно. Сейчас она легла на голову новорожденного так, как ложится львиная лапа на только что родившегося львенка, когда могучий царь пустыни осторожно подбирает когти и смиряет силу мускулов, чтобы не поранить слабое существо, и я невольно залюбовался царственностью этого некрасивого, женоподобного сложением и мужественнейшего сердцем человека. И, хотя он заставил страдать моего бога, я не желал проклинать его, я не призывал на его голову смерть, как делали это тысячи людей по всей стране, я даже любил его, хотя моя любовь была преступной и предательской по отношению к моему богу и к моему храму. Но в Эхнатоне жило могучее Ба, которое лишь изредка

корчилося від нестерпимого болю, усвідомлюючи всю важкість свого бремені, муки якого, вероятно, були причиною странної болізни фараона, той, що інші називали прокляттям, а інші — благословенням богів. Помню, як однажды он велел мне супроводжати його во время прогулки і відслал всіх придворних, даже носителей опахала, даже верховного жреца Туту, даже первого из друзей, отца бога Эйе²⁵. Только телохранители следовали за нами, бесшумно сливаясь с тенями высоких пальм и кедров, и ветер шумел в кронах деревьев — горячий, злой ветер, дар Сетха. Короткие черные тени, отбрасываемые нашими телами, были подобны уродливым духам, так кривлялись они, так ускоряли и замедляли движение в соответствии с нашим шагом, так кривились, поглощая одна другую. Эхнатон внезапно оборвал беседу, остановился и указал мне на свою тень.

— Что это, жрец? Образ моего Ба? Но отчего он так зловец и уродлив? Отчего он тревожит меня, внушает мне ужас? Или тень являет собой все сокровенное, злое, всю потайную глубину нашего Ба? Когда великий Атон уходит за горизонт, тень удлиняется, растет, перерастает самого человека. Не потому ли силы зла так безраздельно властвуют ночами?

Многомудрые Эйе, Туту, Маху ответили бы так: «Твое величество, это всего лишь еще одно доказательство могущества великого Атона. Дающий жизнь всему живому дает жизнь и силам добра, там, где его нет, зло вырастает и приобретает силу, опасную для человека». Но потому они и были первыми советниками фараона, что знали ответы на все его вопросы. Я не был его первым советником, и меня звали Мернепта. Я был вынужден возносить хвалы Атону, но за пределами храма я отказывал этому богу в праве даже на самую малую любовь, ибо он ничем не мог сравниться с мудрым и справедливым Тотом. Я сказал:

— Твое величество, каждый человек принужден носить с собой постоянно свою тень, чтобы она напоминала ему о потустороннем мире; о том, что переживает наше земное тело, превращаясь в сах²⁶.

Я должен был бы сказать: «с Осирисом», но не хотел вызвать гнев фараона и потому назвал великого бога его же собственным, но тайным именем. Эхнатон напряженно всматривался в свою тень, и она застыла в неподвижности, как будто тоже изучала фараона, была готова ко всему, ждала опасно и настороженно. Среди государственных дел и забот, среди утомления и ярости повседневной борьбы случалось, что на него нападали приступы черной тоски, когда Ка его начинало задыхаться, когда Ба его металось, крича от невыносимой боли, от невозможности постичь непостижимое, от сознания непостижимости того, что уже казалось постигнутым. Сетх, убийца Осириса, бушевал тогда в сердце фараона, снова и снова вершил свое злодеяние, делая Эхнатона сопричастным убийству. И эта мысль о полуденных тенях была пробуждена не Атоном, а Сетхом, в которого Эхнатон не верил. Сколько крови пролил этот фараон во имя безумной любви к Солнцу, солнечному диску, равнодушному божеству, одинаково спокойно взирающему на материнские муки и на муки человека, подвергнутого страшной пытке из-за любви к свергнутым богам! Солнечные лучи он обратил в стрелы и копья, отнимающие жизнь у непокорных, у тех, кто знает дела и нужды своего степата²⁷ гораздо лучше фараона и всех его советников. Мудрым уже тогда было ведомо, какую цель преследовал фараон, низвергая старых богов. Ведь во главе каждого степата стоял свой бог, благословляющий власть правителя, а бог в стране Кемет если и не был превыше своего земного собрата, то по крайней мере обладал равной ему властью. Издавна фараон считался земным воплощением бога Хора, сына Осириса, победителя Сетха, и соколиные крылья осеняли могучую власть, но постепенно века стирали надписи с камней пирамид и заносили песком подножия могучего сфинкса, и даже око Хора уже было не в силах окинуть единым взором всю обширную страну Кемет, страну Верхнего и Нижнего Хапи. Это хорошо понял уже Аменхотеп III, отец Эхнатона, а сын решил единым ударом сокрушить могущество древних богов и их земных служителей. Это удалось ему, о, как удалось! Но мало кто по-

нимал, что за спинами древних богов стояли люди, что именно с ними боролся Эхнатон, а подвиг его на эту борьбу страх, обыкновенный человеческий страх, страх человека, боящегося утратить свою власть. Никто не знал до конца, что творится в сердце Эхнатона, быть может, и сам он не подозревал высоты полета собственного Ба, но в иные часы он становился просто человеком, даже менее, чем человеком, животный страх охватывал его тело, медное кольцо сжимало мозг, глаза теряли зоркость и разум — остроту. И тогда в саду, под сенью величественных пальм и могучих кедров, он казался всего лишь маленьким человеком, чье Ба выпустило когти. Но всем нам было суждено идти шаг в шаг за невзрачным маленьким человеком, боящимся высоты пальм и пилонов, высоты полета собственного Ба, идти шаг в шаг, нередко обгоняя его мыслью, предвидением, предчувствием. И в тот миг, когда он взял на руки новорожденного сына своей младшей сестры, боги открыли мне, что он не полюбит этого мальчика, как сына, и что ребенку придется испытать на себе всю тяжесть жизни рядом с Эхнатоном, узнать вкус всех опасностей, которыми сопровождалась жизнь царской семьи. Быть может, подобные мысли промелькнули и у Эхнатона, потому что из его груди вырвался тихий вздох, а в углах рта появилась странная полуулыбка, какой я еще никогда не видел. Все еще держа руку на голове ребенка, он сказал:

— Да пребудет с тобой милость великого Атона, мальчик! Отныне ты будешь зваться Тутанхатоном — живым образом Атона.

***

Кто я, жрец Мернепта? Судьба моя подобна судьбе Синухета²⁸, и мне довелось испытать в моей жизни и мед, и желчь. Мой отец был верховным жрецом храма бога Тота в городе Хемену, и я должен был унаследовать его титул вместе с громадным богатством. Боги одарили меня красотой, а занятия в жреческой школе у достойных и многоумных наставников развили

мой ум и обогатили его знаниями, доступными только жрецам великой страны Кемет. Но в тот год, когда над моей головой в девятнадцатый раз взошла звезда Сопдет, жизнь моя переломилась, как ось золотой колесницы, и я остался один перед лицом бури, едва не отправившей меня до срока на поля Иалу. Тогда наш город удостоился великой чести принимать в своих дворцах благого бога страны Кемет, великого фараона Аменхотепа III и его супругу, царицу Тэйе. Эта женщина... Я увидел ее впервые во время церемонии в нашем храме, вернее, это она увидела меня, выделила из толпы младших жрецов. Глаза ее цвета черного дерева и полные губы, будто нанесенные на смуглое лицо пурпурной краской, придавали ее красоте что-то страстное, чувственное. То была красота львицы, и это было первое, что подумал я, когда встретился с ней взглядом. Дочь рядового жреца, простого хранителя храмового скота, она была вознесена своевольной любовью фараона на лучезарные высоты и осталась царить на них, божественная, непостижимая Тэйе. Какой бог внушил ей опасную страсть к молодому жрецу Мернепта, быть может, то был карлик Бэс²⁹, покровитель женщин? Что-то дрогнуло во мне, когда я увидел устремленный на меня взгляд и понял, что за сила в нем таится. Я не знал женщин, и хотя многие красавицы заглядывались на меня, мое сердце было глухо к любовной песне и начинало стучать быстрее лишь во время особенно таинственных и прекрасных храмовых церемоний. Но тогда я вдруг понял значение этого взгляда, щеки мои вспыхнули, как у девушки, и я едва не уронил чашу, полную благовонных курений. Когда закончилась церемония, я вышел из храма и хотел удалиться к себе, но чья-то рука вдруг схватила меня за край белого жреческого одеяния. Я взглянул — это была чернокожая прислужница царицы Тэйе, и она показала мне свое лицо, приоткрыв край желтого покрывала. «Приходи сегодня вечером в сад, окружающий дворец правителя! Когда взойдет звезда Танау³⁰, я буду ждать тебя у раздвоенной пальмы и проведу в покои царицы. Таков приказ божественной госпожи, и ты скажешь стражникам у ворот, что несешь царице снадобье, предохраняющее от

укусов насекомых, которым славится ваш храм». Сказав это, она ускользнула прежде, чем я успел задать ей какой-либо вопрос. Что за буря бушевала тогда в моей груди, ведомо лишь моему богу-покровителю и тем богам, к кому я взывал в исступлении, прося просветить мой разум и дать мне хороший совет. До вечера я бродил по храмовому саду, забыв не только о пище и питье, но и о вечерних молитвах. Когда на небе появился голубоватый огонь, предвещающий восход прекрасной звезды Танау, я направился ко дворцу правителя, так и не получив ответа от богов. Сделав все, как сказала мне прислужница, я отыскал в саду раздвоенную пальму и не успел коснуться рукой ее шершавой коры, как та же прислужница вновь возникла рядом со мной и потянула меня за собой. Мы быстро шли по коридорам дворца, и мне казалось, что эта чернокожая девушка уже не раз бывала в нем, так быстро она шла, безошибочно делая поворот в нужном месте. И вдруг она подтолкнула меня вперед и отступила в сторону, и я замер на пороге покоев, ибо уже не мог уйти. Она уже поднялась мне навстречу, божественная, непостижимая Тэйе. «Знаешь ли ты, зачем я позвала тебя? — прошептала она, обвивая руками мою шею и приближая свое лицо к моему лицу. — О, ты знаешь!» И я увидел, как белое облако ее прозрачного платья плавно опускается на пол, расписанный лотосами и птицами. Три часа провел я в покоях царицы Тэйе, и все это время она поила меня жгучим вином своей безрассудной любви и была моей рабыней, угождая мне, как только возможно.

Помнил ли я тогда о том, что она царица? Нет, она была для меня только женщиной, первой, прекрасной, божественной, непостижимой Тэйе... Потом она оттолкнула меня, опьяненного, подобно опоенному волшебным зельем, и зашептала: «Уйди, уйди! Как твое имя?» — и, кажется, даже не расслышала ответа... Та же чернокожая прислужница вывела меня за пределы дворца, и я знал, что шатаюсь, как пьяный, и мозг мой горел, и тело было подобно горячему песку великой пустыни, ибо оно было иссушено страстью и любовью. Прислужница проводила меня за ворота и вдруг сказала быстро, приблизив

свои губы к самому моему уху, так что я почувствовал исходящий от ее волос аромат дорогих благовоний: «Беги, молодой жрец, каприз божественной госпожи может стоить тебе дорого!» Не сразу до моего сознания долетели эти глупые слова, ибо как мог я бежать, если она, она была здесь, за стенами этого дворца, если я мог видеть ее и видеться с нею? Но девушка повторила с расстановкой, будто высекая каждое свое слово на камне: «Беги, ибо даже если никто не видел тебя, ты сам выдашь себя своим безумием!» Она была права, и слова ее вдруг стали для меня ясны. Шатаясь, я спустился к реке, чтобы остудить хотя бы немного сжигающий меня огонь. Зачерпнув ладонью воду, я увидел, что неподалеку от меня бьется в предсмертной агонии маленькая серебристая рыбка. Она выпрыгивала из воды, выгибаясь всем своим крошечным тельцем, широко раскрывала рот, длинным цветистым хвостом судорожно била по воде. Я замер, глядя на нее. И вдруг понял все и вскочил, бросился бежать прочь от реки, будто там несчастной страдающей рыбкой билась моя собственная жизнь. В мутно-розовом сумраке рассвета я долго петлял по улицам, стараясь незамеченным выйти к городским воротам. Стража равнодушно взглянула на меня, и только один воин, судя по короткой курчавой бороде, ливиец, пристально посмотрел мне в лицо — должно быть, я был слишком бледен, и это показалось ему подозрительным. На миг я вспомнил о родителях, младших братьях и сестрах, но в следующее мгновение это воспоминание заслонилось другим, более горьким, более мучительным — воспоминанием о безумной ночи, которая, как я теперь понимал, погубила меня. Кажется, из моей груди вырвался глухой стон, кажется, я пустился бежать прочь от города, потому что очнулся уже далеко от Хемену, в лачуге бедного ткача в каком-то селении, у стен которой я лишился сознания от голода и безмерной усталости. Ткач был одинок, хотя боги и даровали ему счастье называться отцом троих сыновей. Все они стали воинами и погибли в походе против кочевых племен, все трое, один к одному. Ткач ни о чем не спросил меня, он лишь дал мне кров и пищу, и когда я окончательно при-

шел в себя, я назвался вымышленным именем Инени и сказал ему, что бежал из Хемену от мести давнего врага своего рода. И старый ткач положил руку на мое плечо и сказал мне: «Хотя я и вижу, что ты знатного рода и мне по справедливости надлежало бы быть хранителем твоих сандалий, я говорю тебе: оставайся в моем доме и будь моим гостем до тех пор, пока гостеприимство бедняка не станет для тебя тяжким бременем!» Вот так сказал мне старый ткач, чьи глаза смотрели на меня ласково, а лик был подобен лику Птахотепа³¹. И я остался в его лачуге и прожил в ней целых восемь лет, забывая постепенно тайны жреческого ремесла, как вдруг боги неожиданно снова явили мне свою милость. Однажды появился в наших краях купец из Джахи³², от которого я узнал, что владелец одного богатого судна ищет писца, который владел бы языками Кемет, Джахи и Вавилона. И, поблагодарив доброго ткача, я отправился к владельцу судна и на другой день начал свое путешествие к берегам Тира. Четыре года я пробыл корабельным писцом и за это время окончательно позабыл все премудрости жречества и стал похож на бывалого моряка. Моряки фенеху³³ полюбили меня и считали верным товарищем, ибо я при случае готов был приняться за любую тяжкую работу и никогда при этом не жаловался, даже когда канаты стирали мои ладони в кровь, а спина неумолимо ныла от тяжести. Но случилось так, что эпидемия черной лихорадки накинута на корабль и безжалостно истребила половину команды. Я, не зная усталости, ухаживал за больными и лечил их, как умел, но болезнь не пощадила и меня, и я уже приготовился к суду Осириса. Тем временем наш корабль прибило штормом к берегу, и мои товарищи вынуждены были оставить меня в бедном рыбацьем поселке неподалеку от Сидона, уверенные, что жить мне осталось не более трех дней. Но не три дня, а целых три недели боролся я со смертью с помощью одной бедной женщины по имени Бааштар, в хижине которой нашел я приют. Эта Бааштар была хромая и некрасивая, но сердце у нее было доброе, как у богини Исиды, и жила она одиноко и бедно, потому что никто не хотел брать ее замуж. Она выходила

меня, и я остался у нее в хижине и выучился ремеслу плетельщика сетей, чтобы отблагодарить ее за заботу. Долгое время мы жили подобно единокровным брату и сестре, но постепенно я начал присматриваться к ней, и моя плоть, исстрадавшаяся от одиночества, пробудила желание моего сердца. Никто и никогда не мог бы затмить образ моей царицы, лицо ее стояло перед моим взором непрестанно, но Тэйе навсегда была потеряна для меня, а я был всего лишь мужчиной, которому едва минуло тридцать два года, и неизбежное свершилось, как свершается в свой день и час все предназначенное богами. В тот вечер, темный и бурный, когда море глухо плескалось о берег, а ветер сотрясал стены хижины, я впервые коснулся кончиком носа ее щеки, и она вздрогнула, как будто я ее ударил. Наутро мы проснулись рядом на одной тростниковой циновке и с тех пор стали жить как муж и жена, хотя ни один из нас не попросил благословения у своих богов. Бааштар, как прежде приютивший меня ткач, не спрашивала ни о чем и отдала мне себя так, как умеют это делать женщины, истосковавшиеся по ласке. Она знала меня под именем Инени, ибо и ей я не открыл своего настоящего имени, но, вероятно, догадывалась, что у себя на родине я не был простым человеком, и в ее любви сквозили преклонение и страх низшего перед высшим. Долгое время она вздрагивала, как от удара, от каждой моей ласки, и даже когда Исида благословила ее чрево первенцем, она продолжала все так же испуганно и влюбленно смотреть на меня, словно не понимая, как мог я, таинственный и прекрасный незнакомец, подаренный ей морем, снизойти до ее смертного тела. Бааштар родила мне троих сыновей одного за другим и дочь, которую я назвал Тэйе, и в нашей хижине поселились тепло и уют. О моя жена Бааштар, прости меня! Никогда — ни тогда, ни теперь — уста мои не произносили слов любви, ибо в сердце моем жила безумная и прекрасная царица, и ты никогда не упрекнула меня, хотя и знала, что я не люблю тебя и только живу с тобой. О моя жена Бааштар, один, только один раз я почувствовал, как сердце мое обдало горячей волной страха за тебя, это было в тот день, когда волны перевернули

твою лодку и я бросился в море, чтобы спасти тебя. Я нес тебя, бесчувственную, на руках к нашей хижине, с наших одежд стекала вода, и я вдруг наклонился к твоему бледному лицу и поцеловал тебя, и в тот миг я любил тебя. О моя жена Бааштар, могла ли ты знать, что стала в то мгновение соперницей царицы? Прости меня, моя жена Бааштар...

Но время текло, как песок меж пальцев, и один за другим рождались мои дети, и птицы улетали и возвращались, и солнечные дни сменялись бурными ливнями. От моряков, прибывающих из страны Кемет, узнал я о смерти фараона Аменхотепа III и о восшествии на престол его сына, который вскоре отрекся от своего отца и своего имени и назвал себя сыном солнечного бога. Так же узнал я, что царица-мать жива и все еще очень красива и что сын слушается ее советов и во многом подчиняется ей. Сколько ни пытался я представить себе ее прекрасное лицо постаревшим, глаза моего Ба становились незрячими, и я все еще видел ее такой, какой она была в ту безумную ночь в Хемену. Ни над кем и никогда не властвовала так царица Тэйе, как над сердцем жреца по имени Мернепта, ни с кем не была связана она так таинственно и страшно, как со жрецом по имени Мернепта, и никто, кроме жреца по имени Мернепта, не пожертвовал бы ради нее загробным блаженством, ибо он любил ее, как любил Исиду Осирис, как любил Геб свою Нут³⁴, как любил Хапи благодатную страну Кемет. Уже сорок семь раз взошла надо мной звезда Сопдет, как вдруг однажды, выйдя в море вместе со своими старшими сыновьями ловить рыбу, я стал добычей морских разбойников. Так разлучила меня судьба на этот раз уже со второй родиной, с женой и оставшимися на берегу детьми, а по прибытии в Кемет меня постигла и разлука с сыновьями, вместе со мной попавшими в плен. Больше я никогда не видел ни Бааштар, ни моих детей, и половина моего сердца высохла, ибо до той поры, как я расстался с ними, я и не знал, что люблю их так сильно. Боги снова оказались милостивы ко мне и внушили мысль управителю храмовым хозяйством в городе Ипу³⁵ купить меня и поставить смотрителем над жертвенным скотом. И вот я

снова оказался в пределах храма, но это был уже храм единого бога Кемет, могущественного и грозного Атона. Снова я слышал моления и гимны и видел людей в белых льняных одеждах³⁶, и мое Ба тосковало, и бессильные слезы катились из моих глаз. Мне жилось хорошо, ибо управитель храмовым хозяйством оказался добрым человеком и приблизил меня к себе. Однажды он услышал, как я повторяю слова праздничного гимна в день восхождения звезды Соцдет и потребовал рассказать ему, кто я и откуда мне ведомы священные слова, известные только жрецам. И я рассказал ему все без утайки, умолчав только о причине моего бегства из Хемену, и он склонил свой слух к моим речам и, поняв, что я знатный человек, немедленно пошел к верховному жрецу храма и объявил ему об этом. Я не пожелал покинуть храм и стал хранителем жертвенного скота, и получил возможность присутствовать на церемониях и вместе со всеми петь торжественные гимны, и слезы были на глазах моих, когда мое тело наконец облеклось в белые льняные одежды, а головы коснулась бритва³⁷. Так стал я служителем храма Атона в городе Ипу и думал уже, что спокойно доживу в нем до старости и отправлюсь на суд Осириса с иссохшим от страданий, но спокойным сердцем, как вдруг явились гонцы и объявили, что фараон Эхнатон и его мать скоро придут в Ипу для поклонения храму Атона. Услышав об этом, я хотел бежать и скрыться, мозг мой пылал, как в ту безумную ночь, колени стали подобны воде, и я уже решил, что до срока отправлюсь в царство Осириса, но боги внушили мне мысль оставаться в храме и ждать решения моей судьбы. И вот я увидел мою Тэе рядом с ее царственным сыном, и жизнь моя показалась мне сжатой в комок пряжи, ничемной и жалкой, и краткой, как один-единственный вздох. Молча смотрел я на нее, как когда-то она смотрела на меня во время церемонии в храме бога Тота, и она, как я когда-то, вздрогнула и остановилась, почувствовав на себе мой горящий взгляд. Я приблизился к ней и молча приветствовал ее, и она получила возможность всмотреться в мои черты. Губы ее дрогнули, ресницы затрепетали, и вдруг она со слабым

стоном оперлась на руку стоящей рядом прислужницы. Я понял, что она узнала меня! На мгновение ужас промелькнул в ее чертах, потом она перевела дыхание и проследовала мимо, не глядя на меня. Я понял вдруг и то, что она непременно пошлет за мной, ибо иначе она не была бы царицей Тэ́е, божественной, непостижимой Тэ́е. С невеселой усмешкой я подумал о том, что, должно быть, в храмовом саду меня снова схватит за руку чернокожая прислужница и велит прийти с восходом звезды Танау ко дворцу правителя, к раздвоенной пальме. Но на этот раз не девушка, а громадный раб-кушит проводил меня³⁸ в покои старой царицы...

И вот, оставшись со мной наедине, она долго смотрела на меня, и ее глаза цвета черного дерева были такими же, как в дни ее молодости, и ноздри ее трепетали так же гордо и страстно, и пурпурные губы пылали, как факел, и обжигали, и манили к себе. Она была старше меня, и она выглядела очень старой, невзирая на ухищрения искусных служанок и на все хитрости, к которым обычно прибегают женщины, но глаза ее и губы были все те же, что погубили меня в ту безумную ночь в Хемену. Я стоял напротив нее и смотрел на нее, и я знал, что годы иссушили мое лицо и тело и страдания оставили свою печать на моих чертах, но я знал также, что был все еще красив и юношески строен, и мои ресницы были все так же длинные, а губы очерчены так же четко. Тэ́е закрыла глаза ладонью и, тихо покачиваясь из стороны в сторону, зашептала что-то совсем беззвучно, одними губами. Потом она отняла ладонь от лица и тихо спросила: «Ты пришел мстить мне?» «Я пришел, чтобы сказать тебе о своей любви», — ответил я так же тихо и принял ее в свои объятия, рыдающую, потрясенную, все еще прекрасную. «Как тебя зовут? — спросила она наконец, глотая слезы. — Подумать только, все эти годы я не знала твоего имени!» «Я и сам забывал его, — ответил я, — я так привык называть себя вымышленным именем, что истинное казалось придуманным, а вымышленное настоящим. Но тебе я скажу, царица, что меня зовут Мернепта, ибо я родился в день празднества этого бога». И она опять тихо заплакала и

спрятала лицо у меня на груди, а потом хотела припасть к моим коленям и просить у меня прощения, но я не позволил ей, и она снова подчинилась мне, как рабыня, и опустилась в кресло, а я сел у ее ног и поведал ей о своих приключениях, на этот раз не утаив ничего. И целую ночь горели светильники в покоех суровой и властной Тэе, тихо плачущей над моим рассказом, и часто она наклонялась и касалась кончиком носа моей головы, и гладила мои виски, а иногда заставляла меня смотреть ей в глаза и после этого принималась осыпать меня бурными ласками, словно боялась, что я опять исчезну на долгие годы. Она пожелала, чтобы я всегда был рядом, и фараон сделал меня своим советником и оставил жить при дворце, так что я мог часто навещать царицу и говорить с нею, и пощадил мое имя³⁹, что было величайшим из всех даров. Она не скрыла от меня, что ее жизнь с Аменхотепом III не всегда была безмятежной и счастливой, хотя он и любил ее и, как теперь ее сын, слушался ее советов. Боги даровали ей всего одного сына и много дочерей, и она была счастлива как мать, но в последние годы жизнь ее была полна беспокойства и страха за Эхнатона, навлекшего на себя гнев древних богов Кемет и многих знатных людей и жрецов, которые были лишены могущества и власти. Она не забыла, что сама была дочерью хранителя храмового скота, и потому смотрела благосклонно на любовь своего сына к некоей женщине по имени Кийа, но была опечалена судьбой царицы Нефр-эт, которую тоже любила, как дочь, и я старался утешить ее, убеждая, что фараон никогда не покинет своей первой жены и не свергнет ее с престола, как боялась Тэе. Царица-мать была привязана и к сводному брату Эхнатона царевичу Нефр-нефру-атону, болезненному, тихому юноше, который всегда жил в мире своей мечты и казался прекрасным богом Хором, пришедшим на землю из благословенных полей. Этот мальчик должен был стать соправителем, ибо боги до сих пор не дали Эхнатону сына, и Тэе с горечью думала о том, как нелегко будет слабому и мечтательному Нефр-нефру-атону нести это тяжкое бремя. «И все же, — говорила она мне, — теперь мне легче, ибо ты со мной

и дашь мне мудрый совет, когда мой собственный разум окажется бессилён!» И я чувствовал себя заново рожденным из утробы Нут, когда слышал эти слова...

Такова судьба жреца по имени Мернепта, моя судьба, осененная благодатным дыханием северного ветра, ибо мне было дано познать любовь.

...И снова крики птиц несутся к высоким облакам, тревожа богиню Нут, колебля грудь бога Шу⁴⁰, пронзая горестным стоном мой слух, склоненный к неведомому. Быть может, в этом хоре и твой голос, мой мальчик, мой светлый Хор, до срока ушедший на поля Иалу? Разлучив меня с сыновьями от плоти моей, боги даровали мне сына моего Ба, светлого и чистого, как солнце, ласкового, как прохладный северный ветер, божественного сына, превзошедшего в моем сердце всех моих детей. Ибо я был при его рождении и прочел над ним первое заклинание и опустил его на землю, чтобы он сделал свой первый шаг, и я надел на него набедренную повязку в день его прощания с детством, и я научил его первым молитвам и гимнам, которые надлежит знать царевичу. Я, жрец по имени Мернепта, обрел счастье солнца, ибо стал воспитателем и наставником мальчика, которому при рождении было дано имя Тутанхатон.

***

Этот мальчик был отмечен богами, воистину отмечен богами... Отец, не знавший его, и мать, успевшая лишь увидеть, оставили его одиноким в мире, где единоборство северного ветра с горячим ветром пустыни так же вечно, как единоборство Осириса с Сетхом. Над саркофагом прекрасной женщины по имени Нефернаи склонила свое лицо богиня-хранительница Нефр-эт⁴¹, и она же в мире живых стала хранительницей новорожденного мальчика. В царстве мертвых Эхнатон призвал к ответу молодого полководца и его супругу, в царстве живых он готов был покарать за любую провинность их сына, стараясь, впрочем, проявлять во всем и всегда милосердие отвергнутого

им Осириса. Кто был по-настоящему рад появлению на свет этого младенца, так это царица-мать Тэйе, моя Тэйе, божественная и непостижимая. Это она нежнее всех и горячее всех прижала его к груди, и в ее глазах мелькнуло самое истинное сожаление о том, что она не может стать его кормилицей, ибо некогда полные любви и жизни груди ее ныне были лишь сухими ветвями без цветов. Она призналась мне, что порой втайне от своего мужа сама кормила сына грудью, и боль, которую она испытывала при этом, была самой сладкой в ее жизни, едва ли не более сладкой, чем боль рождения ее детей. О, я знал, какая сила таится в ее груди, ибо и сам в долгих прекрасных снах припадал губами к тугим коричневым соскам, как младенец, и питался живительной силой этих грудей, пока жил на чужбине, но воистину мне не была ведома вся сила материнства, живущая в этой женщине. Втайне от сына она продолжала молиться матери Исиде, и хотя в Ахетатоне давно была возведена ее сень Ра⁴², она упорно отказывалась от сомнительной чести быть изображенной в сценах поклонения Солнцу вместе со своим сыном. Не была ли она воистину воплощением Исиды, более зримым, чем ежедневно появляющийся на небосклоне солнечный диск? Я видел, как она взяла мальчика на руки и, жмурясь от солнца, смотрела на него. И он смотрел на нее и, хотя еще не умел улыбаться, личико его было приветливым и добрым. И я заметил, как тень печали скользнула по лицу моей возлюбленной Тэйе.

— Вот кого я хотела бы родить, Мернепта, — сказала она тихо, обращаясь ко мне, — вот кто нуждался бы во мне более, чем мой собственный сын.

Я удивленно посмотрел на нее. Мы были одни в ее покоях, но слова ее были так опасны, что легко могли проворными змеями выскользнуть за порог.

— Разве твой божественный сын не почитает тебя? Разве не слушается твоих советов?

— И Аменхотеп почитал меня и слушался моих советов, — улыбнулась она, — но слезы, пролитые мною за время жизни с ним, заполонили бы берега Тростникового моря⁴³...

Я понял, о чем она говорит. Ведь до сих пор были люди, которые не простили ей ее происхождения и ее влияния на мужа и сына, и она, как никто, знала силу ненависти, которую ее сын умножал своим безрассудством. Она наклонилась к самому личику младенца, и я отвел глаза: она безмолвно испрашивала у этого крохотного существа любви, простой, бескорыстной любви, по которой так истосковалось ее сердце.

— Мернепта, — сказала она наконец, подняв голову, и я увидел в ее глазах то, что ожидал увидеть, — будь добр с этим мальчиком и не запрещай мне ласкать его, даже вопреки воле его величества: Мой муж был суров, и моего сына растила палка наставника. Но, как знать, не эта ли палка стала причиной нынешних бедствий Кемет?

— Что ты говоришь, госпожа? — спросил я удивленно.

— Я говорю: не расплачиваются ли все жрецы Кемет за один-единственный удар палки, когда-то обрушенный на плечи мальчика? И не пьют ли правители областей горькую чашу бедствий по вине одного из них, когда-то взглянувшего снисходительно на наследника, чье лицо никогда не было лицом бога?

Она была мудра, моя Тэйе, и в глубине сердца я не мог не согласиться с нею: да, могло быть и такое. И все же это казалось слишком простым. Чем же тогда провинились перед царевичем Аменхотепом древние боги?

Моя Тэйе смотрела на меня и ждала моего ответа, нет, не ответа — обещания, клятвы. Я мог бы сказать ей: «Разве я могу запретить тебе что-либо, царица?» Но в действительности — мог, и она это знала. И потому я ответил ей:

— Моя лучезарная, моя божественная госпожа, никогда в жизни я и пальцем не коснулся головы моих детей, а все они были умны, ловки и выносливы. Если ты позволишь мне принять этого мальчика в мое сердце так, как если бы он был моим сыном по плоти, ты не увидишь на его спине знаков моего усердия.

Если бы я знал тогда, что оба мы, я и моя Тэйе, склонились над будущим фараоном, никогда не посмел бы я произнести

столь дерзких и непочтительных слов. Но кто мог знать это тогда? Его величество Эхнатон был еще молод, и любая из жен и наложниц могла принести ему сколько угодно сыновей. А если бы свершилось небывалое, то сводный брат Эхнатона царевич Нефр-нефру-атон был еще совсем юн и мог бы процарствовать сто десять лет. И еще я понял тогда, что этот мальчик станет нашим общим ребенком, тем, кого могли бы дать нам боги в ту безумную ночь в Хемену. Клянусь священными таинствами храмов, об этом подумала и моя Тэе, ибо глаза ее вдруг вспыхнули совсем юным, цветущим пламенем. Она держала на руках ребенка и была прекрасна, воистину прекрасна.

...Кормилицей новорожденного царевича стала юная красавица Меритра, жена старшего жреца одного из многочисленных храмов Атона, проворная, как молодая газель, веселая, как птица в цветущие месяцы перет⁴⁴. Она была очень похожа на Нефернаи, и, должно быть, поэтому ни у кого не сжималось сердце, когда видели ее смеющейся, с младенцем на руках. Она натирала грудь душистыми целебными бальзамами, и жрицы шептали над ней заклинания всякий раз, когда она приступала к своим обязанностям. Ее любили, и только в глазах царицы Тэе порой вспыхивал уже знакомый мне ревнивый огонек, но кто всматривался так в глаза царицы-матери, как делал это влюбленный в нее жрец Мернепта?

Царица Нефр-эт ласкала мальчика, баюкала его печалью своих лучистых глаз. О, она была печальна, всегда печальна, хотя и горда той особенной гордостью, что свойственна только красивым женщинам. Истинная царица, плоть от плоти божественных, она и красива была особенной красотой — тонкой, умной. Царица в каждом слове, в каждом жесте, в каждом наклоне головы — во времена Сетха таких, должно быть, приносили в жертву. Но когда она улыбалась, это была улыбка, освещающая миры, улыбка Исиды, улыбка благословенного времени ахет, несущего разлив великого Хапи и благодать всей стране Кемет. И тот, кто любил ее — а таких было немало даже среди врагов ее мужа, — не мог не знать, что печаль,

таившаяся в ее глазах, исчезала лишь тогда, когда взгляд их падал на детей, играющих в саду или постигающих мудрость древних наук. Вот тогда, только тогда, теплели ее глаза, излучали мягкий свет, темный и мерцающий, как тот, что исходит ночами от вод великой реки. И когда чрево ее зацветало, таинственный взгляд ее чудесных глаз словно бы обращался внутрь нее самой и превращался в слух и осязание, и становился неведомым чувством, роднящим земную богиню с обитателями блаженных царств. И сейчас, спустя четыре месяца после рождения царевича Тутанхатона, она снова смотрела в глубь себя, улыбаясь уголками губ, таких строгих и целомудренных, словно бы и не была она женой и матерью уже двоих детей. И взгляд Эхнатона с надеждой обращался на нее, ибо третьим ребенком должен был стать сын. Кто из тех, кто видел фараона и царицу повседневно, не понимал этого?

Нефр-эт склонялась над младенцем, сыном счастливой Нефернаи. Счастливой? Да, ибо она родила сына, хотя он и не мог стать наследником трона великих фараонов. Пройдет время — и он станет полководцем, как его отец, или посвятит себя таинствам храмов. Он будет красавцем, ибо в еще неопределенных младенческих чертах уже мелькает нечто, что говорит о будущей красоте. Он познает любовь женщин и все наслаждения, которыми способна одарить принадлежность к царскому дому, все, кроме гнёта власти. Счастливый мальчик, принявший благословение семи Хатхор⁴⁵, благословение безмолвное, но сладостное. Царица Нефр-эт шептала молитвы Атону, но еще больше, казалось, верила в благословение детских ручек, тянувшихся к ее улыбке. Родится сын — и она будет спокойна. Родится сын — и она навсегда останется первой женой фараона, великой женой фараона. Родится сын — и она увидит в глазах Эхнатона великую благодарность, а плоть ее будет постоянно молодеть, радуясь его радостью. Родится сын — и...

Она подошла ко мне однажды после утренней трапезы, смугло-розовая от смущения, как поздняя заря. И взгляд ее под темными ресницами трепетал, как темная блестящая рыбка в сети удачливого рыбака.

— Мернепта, — сказала она мне, — ты мудр, тебе ведомы многие тайны храмов, ты многое видел и многое знал, и ты способен угадать желание моего сердца...

И подняла голову и посмотрела на меня, и я уловил страх и надежду в ее взгляде.

— Это так, твое величество, великая госпожа.

Она кивнула и, полузакрыв глаза, ждала. Была она вся словно цветущее гранатовое деревце, встревоженное порывом ветра, и ресницы ее, казалось, готовы были зазвенеть, как струны маленькой арфы. Сейчас стояла передо мной только женщина, обыкновенная женщина, ждущая утешения — или утешительной лжи? Нет, не лжи ждала она... И я спросил ее:

— Что тебе угодно знать, великая госпожа?

— Ты знаешь, — она вздохнула, — ты знаешь, Мернепта...

Что я мог ей сказать? Только то, что говорили другие жрецы. «Возноси молитвы великому Атону, лучезарная госпожа, и он благословит твое чрево долгожданным сыном!» «Приноси жертвы солнечному отцу, великая госпожа, и ты узришь сына у груди твоей!» «Проси о великой милости могущественного Атона, великая госпожа, и он склонит слух к твоим молитвам!» Но — иное говорил мне мой бог-покровитель, мой мудрый Тот. Он говорил мне, и я внимал ему, но не мог сказать этого женщине, смотревшей на меня с такой надеждой. И я молчал, и в моем молчании был ответ моего бога. Царица Нефр-эт знала, кому я поклоняюсь, и, отчаявшись, она просила совета и помощи и у него.

— Что же ты молчишь, Мернепта?

В последний раз вспыхнул огонек надежды в ее глазах и погас. Я склонил голову перед царицей, и она поняла. О, как хорошо поняла! «Жрец Мернепта, жрец Мернепта, — кричали ее глаза, — неужели мне придется называть тебя убивающим надежду?» Но за моими плечами стояла богиня Маат⁴⁶, и она была сильнее солнечного бога.

— Разве не обещала ты, великая госпожа, быть матерью тому, кто нуждается в твоей защите? — спросил я. — Разве не

было бы для тебя горем, если бы при своем рождении он перевернулся лицом вниз⁴⁷?

— Он будет моим сыном, — ответила она тихо, — моим, но не его.

Мы оба знали, что это правда, и я не стал утешать ее. Боги были разгневаны, и ни один из них не хотел благословить чрево великой царской жены. Проклят был он, только он, а не его отец, имя которого он беспощадно уничтожал вместе с именами старых богов. Проклят был он, только он, а не его сестры, ибо тогда не мог бы родиться маленький царевич. Проклят был он, только он, ибо ни одна из наложниц не могла родить ему сына. Но она, любившая его, несла на себе его проклятье, и он готов был отринуть ее, разделившую проклятье. Великая жалость объяла мое сердце, но я ничего не мог сказать ей, ибо знал: род Эхнатона должен был угаснуть вместе с ним. Древние боги Кемет были многотерпеливы, но случалось так, что даже лик солнца на время отвращался от земли и ночь наступала днем — жрецы говорили, что такие случаи бывали. Страшно было жить в стране Кемет в те дни, страшно было рождаться в стране Кемет, и я подумал о судьбе того ребенка, той девочки, которую носила сейчас во чреве великая царица, несчастная царица Нефр-эт. Что могло ожидать ее, третью дочь Эхнатона, уже во чреве лишенную благословения Исиды?..

Девочке, которая родилась на исходе времени шему, дали имя Анхесенпаатон — живущая во славу Атона.

***

За его первыми шагами ревниво наблюдали три пары глаз — моих, царицы-матери и царицы Нефр-эт. К кому он пойдет? Мальчик жмурился от яркого солнечного света, зажигавшего золотом кончики его длинных ресниц. Тэйе сидела в кресле, подавшись вперед, напряженная, внимательная ко всему, как львица. Нефр-эт стояла в углу комнаты, ближе всех к мальчику, держала в руках веер из ярких перьев, чуть-чуть помахивала им, чтобы привлечь внимание ребенка. Я стоял даль-

ше всех, мое белое жреческое одеяние было ничем не примечательно, а леопардовая шкура, переброшенная через плечо, пожалуй, могла и испугать, но мальчик вдруг улыбнулся и зашагал прямо ко мне, протягивая ручки, так уверенно, будто знал, за чем идет. Его широко расставленные темные глаза смотрели на мир приветливо и немного удивленно из-под высоко изогнутых черных бровей, и в тот миг я почувствовал странное желание стать для него целым миром, в котором он смог бы найти все, что ему было нужно. То была гордость любви и гордость превосходства над женщинами, но кто мог бы осудить за это меня, жреца по имени Мернепта, потерявшего всех своих детей и обретшего все утраченное счастье в маленьком царевиче, которому он помог появиться на свет? Женщины вздохнули, ревниво и разочарованно, а я сказал им, что воля его величества не зря избрала меня воспитателем его высочества, ибо юный царевич уже чувствует, сколько времени придется ему проводить за постижением наук и искусств под руководством жреца Мернепта, и желает заранее заслужить его расположение. Царица Тэйе улыбнулась, и лукавые морщинки вокруг ее глаз высмеяли меня лучше, чем ее язвительные слова.

— За твоей спиной выход в сад, о мудрый жрец Мернепта, — заметила она, — а по берегам прудов растет, конечно, немало папирусов...

Смех женщин зазвенел, как серебряный систр⁴⁸, и я был вынужден присоединиться к нему. Засмеялся и маленький царевич — совсем тихо, чуть приоткрыв пухлые губы. Он и потом, став взрослым, смеялся таким же тихим, задушевым смехом — не так, как Эхнатон, не так, как Нефр-эт или Тэйе, не так, как остальные. И все же смеялся он нечасто, реже, чем мне хотелось бы. Дворец, в котором он родился, не располагал к смеху. Тот, кто жил в нем с самого первого дня, со дня его основания, мог бы подтвердить это...

Слова нашего мелодичного языка дались ему рано и очень легко, и я сразу понял, что он легко выучит и аккадский, и арамейский, а может быть, и другие языки. Мне предстояло научить его письму, чтению и счету, красноречию и астрономии,

рисованию и музыке и некоторым другим наукам, которые надлежит знать отпрыску царского дома. Молодой военачальник Джхутимес, сын Аменхотепа III и митаннийской царевны, должен был взять на себя руководство военными упражнениями царевича и сопровождать его на охоте, а его величество, как верховный жрец Атона, брался самолично обучить племянника гимнам и песнопениям в честь великого бога. Пока же было достаточно и того, что я проводил с царевичем долгие часы, указывая ему на различные предметы и называя их имена. Растения, животные, птицы, краски — все становилось источником познания, и всего было неисчислимо много. По берегам прудов и рек росли чудесные лотосы, а в небе каждую ночь зажигала свои неисчислимые звезды богиня Нут — разве это не было чудом, истинное значение которого, быть может, было открыто только ребенку? Я, жрец Мернепта, переживший унижения и рабство, тяжкие болезни и горькие потери и едва не лишившийся погребения⁴⁹, я вновь чувствовал себя юным учеником жреческой школы, объясняющим младшему брату расположение ночных светил. К тому времени зрение мое уже начало терять остроту, но широко раскрытые глаза мальчика, сидящего рядом со мной, стали моими глазами и обрели небывалую зоркость. И сердце мое вновь зацвело, как благодатная долина Хапи после разлива великой реки, хотя совсем недавно я думал, что оно выжжено дотла, и боялся, коснувшись рукой груди, ощутить пальцами лишь горстку черного пепла. Теперь же я боялся лишь одного: что с моего языка сорвется имя моего бога-покровителя, великого, мудрого и доброго Тота, который все эти годы не покидал меня. Мне, как и всем, было запрещено произносить имена древних богов Кемет, но разве я не видел собственными глазами, как сквозь толщу каменных стен пробился однажды цветок, белый цветок на тонком стебле, такой хрупкий, что достаточно было сильного порыва ветра, чтобы уничтожить саму память о нем? Не я один — вся страна Кемет с ее древними богами была тем цветком, а Эхнатон был камнем, обрушенным на нас силой, превосходящей даже силу злобного Сетха. Этот хруп-

хий мальчик с доверчивым взглядом огромных черных глаз был лишен добрых богов, способных помочь и утешить, исцелить и направить, отвести беду и милостиво принять от сердца принесенную жертву. Он должен был расти как цветок, знающий одно лишь солнце. Но разве цветку не нужны благодатная влага, тень, роса, жизнь насекомых? Эхнатон отнял у этого ребенка всех богов, и даже в загробном царстве должен был встретить его так, как встречал на земле — как бог, суровый и властный бог. И не богиня Маат должна была протянуть ему руку и провести мимо чудовищ Аменти, а царица Нефр-эт — добрая, но отрешенная от всего, поглощенная своей печалью, живущая в своем одиночестве. Ведь там, в царстве мертвых, не было Атона! Перед глазами мальчика были бесконечные солнечные диски, длинные руки-лучи⁵⁰. Страшные руки, низвергнувшие богов, которые когда-то жили среди народа Кемет и управляли им! Воистину в те дни небо смешалось с землей, и новые цветы, подобные маленькому царевичу, рождались среди пепла. Амон-Ра, великий бог-покровитель города Опета⁵¹, истекал кровью под ногами безумного фараона, на чьих губах порой выступала зловещая пена. Кто мог подумать тогда, что ты, именно ты, мой мальчик, светлый Хор, казавшийся миловидным и хрупким, как девушка, вернешь величие и власть древнему богу? Мы всходили на плоскую крышу храма и наблюдали за тем, как восходят звезды. Он просил: «Подними меня!», ибо ему казалось, что я своими руками могу дотянуться до звезд. Руки мои были еще крепки и сильны, в них маленький царевич чувствовал себя уверенно. В рассеянном звездном свете он протягивал вперед ладошку, начинал загибать пальцы. «Господин, сын, второй сын, третий сын...» Это была игра, которой научила его Тэйе. Потом он указывал на звезду в небе, самую большую и яркую. «Господин!» Затем искал другую, поменьше: «Сын!» И еще одну: «Второй сын!» А были там и третий, и четвертый, и пятый — все неисчислимое множество богов, которых обратила в звезды богиня Нут. Небо дышало, и звезды мерцали, переливаясь одна в другую, сближаясь, как сердца влюбленных богов. Кто еще любил так,

как Геб и Нут? Когда-то Эхнатон клялся в вечной любви царице Нефр-эт, и солнечное имя Атона сияло над этой клятвой. Когда-то и я любил мою Тэе так, что готов был ради нее пожертвовать не только самым малоценным — жизнью — но и самым драгоценным — загробным блаженством. Теперь же... Ровно и ярко горела моя любовь, но это было лишь пламя маленького тростникового факела, и оно не могло осветить темные годы, прожитые мною вдаль от Тэе и Кемет. Раны мои не кровоточили, но все сердце мое было в глубоких шрамах, и я был обречен нести их до смерти. И целебной влагой проливалась на них лишь любовь маленького царевича Тутанхатона, на шею которого я уже надел первое ожерелье и в чье ушко вдел первую золотую сережку. Мой мальчик, мой сын, пришедший из утробы Нут и ушедший туда раньше дряхлого старца, мне были ведомы тайны твоего гороскопа, но я всегда надеялся, что сумею уберечь тебя от опасности. Ты, рожденный под несчастливой звездой и свершивший великое, ты, зовущий меня ныне печальным голосом птицы мент⁵², ты, сияющий на небе среди звезд, чувствовал ли ты тогда, как сильно я любил тебя?..

Три дочери Эхнатона и Нефр-эт стали подругами детских игр маленького царевича. Последняя, Анхесенпаатон, была всего лишь на год младше. Меритатон, старшая, до игр лишь снисходила. Был еще царевич Нефр-нефру-атон, сводный брат его величества, но он был совсем уже взрослый, пятнадцатилетний. Была в этом юноше какая-то болезненная хрупкость, свойственная всем потомкам Аменхотепа III по мужской линии, и была почти девичья миловидность и мечтательность. Поговаривали о том, что в случае отсутствия наследников у его величества он станет соправителем Эхнатона. Тяжкая доля для юноши, подобного царевичу Нефр-нефру-атону! В глазах его жил страх, безотчетный темный страх. Потому, должно быть, он и не гнушался детскими забавами, совсем не приличествующими его возрасту. Он охотно становился для младших и львом, и охотником, и злым гиппопотамом, и волшебным змеем, играл с ними в мяч и даже в козленка, но каждый

звук голоса или приближающихся шагов Эхнатона превращал его в подобие великого сфинкса, застывшего и безгласного. Более всего он страшился гнева своего царственного брата и, кажется, готов был скорее умереть, чем предстать перед ним ревящимся ребенком. Однажды я увидел его после военных упражнений, которыми Эхнатон понуждал его заниматься каждый день. Царевич Нефр-нефру-атон стоял, опершись локтем о ствол кедра и прикрыв рукою глаза. Проходя мимо, я поклонился и ласково приветствовал его. Он отнял руку от лица и посмотрел на меня, и я увидел в его глазах, помимо обычного выражения страха, прозрачную пелену слез. И тут я заметил, что ладони его были изодраны в кровь, а на руке, повыше локтя, виднелся красноватый вспухший рубец. «Его величество разгневался, — прошептал он, поняв значение моего взгляда, — мои руки были слишком слабы, чтобы натянуть тетиву большого лука...» Я знал, что последует за этим, и отвел глаза, ибо не хотел причинять несчастному юноше еще более сильную боль — боль стыда. Я оставил его в саду и прошел своей дорогой, но сердце мое рвалось к нему и терзалось великой жалостью. Эхнатон был жесток, жесток не только к своим врагам — о, к ним он был беспощаден! — но и к родным, к тем, кого он любил. Его воспитывали так же, но он был крепче и сильнее Нефр-нефру-атона, крепче телом, крепче сердцем. И я боялся, что плоть фараона когда-нибудь обрушится на хрупкие плечи моего воспитанника.

Царица Нефр-эт была полна жалости к Нефр-нефру-атону, но она не смела открыто пожалеть его. Это сделала Тэ́йе, моя Тэ́йе, — она спустилась в сад, она привела юношу во дворец, она приложила к его больной руке целебные листья, успокаивающие боль. И она удалилась, заметив, что тихой тенью скользнула в комнату Меритатон, старшая внучка. Потом поманила меня, позвала за собой, жестом приказав хранить молчание, и я увидел Нефр-нефру-атона и Меритатон, нашедших блаженство в объятиях друг друга. Губы моей мудрой Тэ́йе тронула добрая улыбка. «Хатхор снизошла во дворец, Хатхор здесь», — прошептала она, и голос ее был молодым, таким,

как у той, давней Тэйе. «Помнишь ли ты нас такими, Мернепта? — спросила она после, и глаза ее смеялись. — Мы были ненамного старше этих детей!»

Царица Нефр-эт ожидала четвертого ребенка, глаза ее снова были обращены в глубь нее самой, в самую сердцевину ее чрева. Она больше не спрашивала меня, ибо мой ответ для нее был слишком горек. Она приносила щедрые жертвы Атону и Хапи⁵³, одному из тех богов, на кого даже Эхнатон не мог поднять руку. И в глубине моего сердца я желал ей счастья. Бог Тот, мой добрый покровитель, ждал своего часа, ждал поры, когда безумный фараон наконец поймет, что не в его силах остановить ход ночных светил и запретить луне омывать землю серебристым светом. Чем слабее становился фараон, тем светлее становились глаза моего бога, а для этого было нужно, чтобы Эхнатон не имел сыновей. Царица как будто просила совета у приставшей к берегу молчания Нефернаи: что делать, чтобы родился сын? И получала ответ, всегда один и тот же: «Сыновья рождаются от любви...»

Но разве она не любила Эхнатона? Разве он, воссиявший как солнце в своем царском венце, не любил ее?

Глазами, безмолвными губами, всем существом молила она: «Люби, будь со мною!» Но женское сердце не хотело понять истины, ведомой старому жрецу: благодарность не внушает любви! «Эхнатон, Эхнатон, Эхнатон...» И даже — «Аменхотеп». Так звала она его в первые годы любви, в первые годы совместной жизни. Прошлое окликало ее этим именем, поило сокровенную глубину Ба жгучим ядом воспоминаний. Юная, прекрасная, когда-то она трепетала перед ним — не от страха, не от его величия, а от своей любви к нему, от его любви к ней. Тэйе была ревнива, но и она была очень скоро побеждена Нефр-эт. Воистину Прекрасная пришла в жизнь наследника⁵⁴, будущего Аменхотепа IV, и все во дворце знали это, ибо их любовь лучилась и расцветала, благословленная сияющей Хатхор. Они не расставались, повсюду были вместе. Они не расставались и теперь, но тогда... Царица-мать знала истину. Лев, могучий и любящий, светлый

Хор, победитель Сетха — таким он был в первые годы жизни с Нефр-эт. Потом между ними легла тень солнца, тень, порожденная ослепительным светом, и стала постепенно отдалять их друг от друга, укорачивать их встречи, часы совместных трапез, охот и бесед. Он погрузился в свою борьбу, она растила детей, дрожа от страха за его жизнь и здоровье, ждала мига, когда он, освободившись от тяжелого царского венца, бросался к ней и припадал к ее ласковым коленям, почти материнским, прятал лицо в складках ее платья. Она унимала бьющую его дрожь, шептала слова утешения, разубеждала, успокаивала, вливала новые силы, благословляла на новую борьбу, вновь и вновь отдавала ему свое томящееся тело. Но только дочери рождались от этого огня, и каждая новая беременность царицы отдаляла их друг от друга, разделяла все увеличивающейся пропастью. За окнами дворца шумели грозные волны Черной Земли, грозя каждый миг обрушиться на трон своенравного фараона и смести их всех — его самого, и ее, и хрупких царевичей, его брата и племянника, и беззащитных девочек. Каждая восходящая звезда напоминала лезвие предательского ножа, каждая тень могла скрывать невидимых убийц, каждый вздох, каждое слово любви или ненависти могло оказаться последним, и царица следовала за своим супругом повсюду, упрямо, с неизменным упорством, с твердой верой в спасительную силу своей любви. И пожертвовать ради него всем, даже жизнью детей, даже загробным блаженством могла она, пожертвовать спокойно, и гордо, и тихо, безмолвно, как она прожила всю жизнь с ним. Но кто бы потребовал от нее такой жертвы, губительной и прекрасной? Она мечтала разделить с ним всю его судьбу, всю тяжесть ненависти, проклятий, самый страшный крах и мучительный конец, но она была только женщиной, и всем было известно, что он даже не посоветовался с ней, на каком месте возводить новую столицу. Она была верной женой, другом, помощницей, безмолвной и бестрепетной, он знал, сколько тяжелых забот легло на ее плечи, когда она вошла в брачный покой царевича Аменхотепа. Но она не знала истины, ведо-

мой старому жрецу: благодарность не внушает любви! И чем более он был ей благодарен, тем менее любил.

Юноша и мальчик, Нефр-нефру-атон и Тутанхатон, отвлекали ее от горьких мыслей. Я замечал грустную улыбку на ее лице, когда она ловила украдкой брошенный на Меритатон влюбленный взгляд старшего царевича. Тэ́йе тоже мудро улыбалась, и ее опущенные ресницы скрывали великие тайны. Царица Нефр-эт сажала на колени маленького Тутанхатона, осторожно прижимая его к своему большому животу. Словно благословения ждала она от этого ребенка, рожденного чудом и чудом вырванного у смерти. Это она надела на его ручку красивый браслет из слоновой кости, на котором были изображены животные пустыни, и она учила его произносить их имена. А Нефр-нефру-атон тогда же подарил мальчику маленький лук и колчан со стрелами, которые очень скоро начали попадать в цель...

Четвертая дочь Эхватона и Нефр-эт получила имя своей матери — Прекрасная пришла.

***

Царевич Нефр-нефру-атон был болен, тяжело болен, и Меритатон ходила с заплаканными глазами. Между влюбленными тенью стоял целитель — первый из друзей фараона, носитель опахала по правую руку царя⁵⁵, первый советник и царский пи-сец, второй верховный жрец Атона. Многомудрый Эйе был уже немолод и опытен и славился познаниями в медицине. Он появлялся у ложа больного часто, слишком часто, но всегда — с целебным настоем, приносящим облегчение. Но, клянусь всеми славными богами великой Кемет, он появлялся всякий раз, когда лицо Меритатон слишком низко склонялось над лицом Нефр-нефру-атона. Не было ли то желание его величества? Девушка вспыхивала, убегала, потом возвращалась снова. Глаза ее молили о помощи, но что мог сделать я, воспитатель царевича Тутанхатона? Эйе не сгибал спины передо мною.

Меритатон принесла из сада букет чудесных голубовато-серебристых лотосов. Мы втроем — Тэ́йе, царица Нефр-эт и

маленький Тутанхатон — сидели у ложа больного, развлекая его волшебными сказками. Он был сегодня бледен, особенно бледен, и глаза его были полны грусти. Рука его лежала на груди, у сердца. Совсем тонкая рука, хрупкая, как у девушки, и на запястье золотой браслет, украшенный сердоликом.

— Что у тебя болит, мальчик? — спросила Тэе, заметив, что лицо его исказилось от боли. — Что болит, мой милый Нефр-нефру-атон?

Она любила его, хотя он и не был родным ей по крови. Рука ее потянулась к руке юноши и показалась такой сильной, властной по сравнению с ней. Хотя была это рука старой женщины, жизнь которой медленно и неумолимо клонилась к закату. И больной юноша ответил тихой лаской приласкавшей его руку.

— Сердце, твое величество. Сердце, вместилище разума...

Он так и сказал: «вместилище разума», словно только об этом и думал все то время, пока лежал на ложе в своем одиноком покое, просторном и прохладном, надежно защищенном от солнечных лучей. Я знал, что его тяготят горькие мысли. Он взглянул на царицу Нефр-эт, чрево которой вновь ожидало цветения. В ней была и его надежда, ибо никто на свете не был менее приспособлен к власти, чем милый и нежный Нефр-нефру-атон, получивший при рождении имя Сменхкара. Хотя он и был сыном Аменхотепа III, он всем своим обликом и нравом пошел в свою мать — вавилонскую царевну. И если царевичу Аменхотепу, будущему Эхнатону, бремя царской власти и в отрочестве было желанно, то для Нефр-нефру-атона оно воистину было тяжким и невыносимым. Потому он и смотрел с тайной надеждой на Нефр-эт, что она могла носить в своем чреве его спасение. Но такой надежды не было уже и у самой Нефр-эт. Она хотела провести ночь в храме Атона, но Туту заметил осторожно, что это неуместно великому богу. Она требовала ответа: почему? Почему? Тогда Эхнатон велел ей замолчать.

Все мы были в тот день слишком грустны, чтобы развлечь больного. Даже Тутанхатон, удостоившийся утром похвалы его величества за успехи в беге и плавании и моей скромной похвалы за чисто написанный на куске старого папируса текст.

Он сидел ко мне в профиль, уютно, по-детски устроившись на кожаной подушке, и я подумал, что он очень похож на Тэйе, именно на Тэйе, и что этот чуть вздернутый нос и пухлые губы — от нее. А Меритатон стояла со своим букетом на пороге покоя, полускрытая занавеской, и только я один видел краешек ее платья и длинные стебли цветов. Она ждала, когда мы уйдем, чтобы броситься к возлюбленному со всем огнем своего юного сердца, со всей живительной прохладой своих цветов. Маленькая сикомора, ждущая любви, тоненькая газель, она в волнении обрывала листья своего букета, и они летели на пол, выдавая внимательным глазам старого жреца ее робкое томящееся присутствие. И я сказал, обращаясь к царицам:

— Наши сказки утомили царевича, наши речи слишком шумны для его слуха. Будет лучше, если мы удалимся и дадим ему отдохнуть.

Тэйе сразу поняла истину и улыбнулась, улыбнулась мне одному, лукаво и молодо. Нефр-эт встала с неохотой, ей было горько возвращаться к своему одиночеству. И Тутанхатон вздохнул, покорно поднимаясь с пола. Еще не пришло время раскрывать ему тайны любящих сердец, но я знал, что время это наступит скоро: он был слишком красив, он был создан для любви. Мы ласково простились с Нефр-нефру-атомом и вышли через другую дверь в сад, где полуденная жара расплавленным золотом заливала деревья.

— Твое величество, — сказал я Нефр-эт, — тебе не нужно быть здесь в такую жару, прикажи проводить тебя во внутренние покои.

Она устало взглянула на меня, как будто хотела сказать: «Какая разница?» Слуги с опахалами следовали за нами, но жар и в тени был слишком силен. Тэйе положила руку на ее плечо и тихонько сжала его.

— Дочь, тебе не нужно быть на солнце, полуденный жар может повредить тебе. Приляг в своих покоях, я приду к тебе.

Она уже не сопротивлялась, она уже слишком устала, бедная царица Нефр-эт. Голова ее поникла, и она бессильно опустила руки. Мне показалось, что она не в силах идти, и руки

мои невольно потянулись к ней, чтобы поддержать ее. Но она взглянула на нас измученным взором своих красивых глаз и покорно кивнула головой. Рука ее легла на голову Тутанхатона, и мальчик ласково коснулся кончиком носа ее бессильных тонких пальцев.

— Как скоро ты стал большим, — с улыбкой сказала она ему, — я и не заметила, как был застегнут твой пояс и заплетена твоя косичка⁵⁶.

Это была похвала, всю горечь которой поняли только я и Тэйе. Вот уже и Тутанхатон подрастает, а у царицы до сих пор нет сына. И ничего не изменилось ни в ее судьбе, ни в судьбе Кемет. Синайские рудники скоро станут более богаты рабами, чем медью. Правители областей, местная знать, жрецы — ни один не избежит жалкой участи раба, если его величество решит так. Множество храмов уже повержено, и многие еще ждут разрушения. А сколько людей стало пищей крокодилов в священных водах Хапи! Вокруг фараона сжимается тяжелое медное кольцо. Неужели сам он не чувствует, как сплюсциваются его мускулы, как трещат его кости?

Нефр-эт ушла, взяв с собой Тутанхатона. Глаза ее грустили безмерно, и на губах была горькая улыбка. Она знала, что снова родит дочь. Эхнатон больше не клал руки ей на живот, не заглядывал в глаза с любовью и надеждой. Она увядала, как цветок папируса под слишком ярким солнцем. Все та же стройная шея, все тот же гибкий стан, но глаза под тяжелыми веками другие, и шаг утратил легкость, и грудь теряет великолепие своих очертаний. Осирис уходит от своей Исиды, уходит безвозвратно... Вот и она уходит, теряется в чаще деревьев и кустарников, вот затихает ее голос, замирает ее шаг. И вот мы уже одни, жрец Мернепта и царица-мать Тэйе, одни под сенью кедров и пальм, одни среди цветов и тихо струящейся по желобкам воды.

— Что ты думаешь о ней, Мернепта? — спросила меня Тэйе, и я уловил скрытый смысл ее вопроса. О, мы не любили бы друг друга, если бы не было так!

— Лучи ее звезды надломились, моя госпожа.

— Ты думаешь, Мернепта?

Тяжело дышал вокруг разморенный жарой сад, тяжело нависло над ним плавившееся от жары небо. С тревогой смотрел я на мою Тэие — жар, опасный для Нефр-эт, был опасен и для нее. Я увидел вдруг очень ясно, что она сильно постарела за последнее время. Заметил ли это ее сын, поглощенный своей неистовой борьбой? Я сказал ей:

— Удалимся и мы во внутренние покои, моя госпожа.

— Ты совсем изнемог от жары, мой бедный Мернепта? — пошутила она, но голос ее был слаб. И все же она не захотела уйти и повлекла меня в глубь сада, в беседку, увитую виноградом и гирляндами цветов. Здесь, в ее прохладной тени, она сказала:

— Кемет рвется из рук моего сына, как бешеный конь. Только кушиты еще платят дань, а ведь при моем муже, Осирисе Аменхотепе⁵⁷...

Она не боялась произносить имена старых богов, и не только в отсутствие сына. Впрочем, при Эхнатоне старалась делать это не так уж часто. Она щадила его, как любая мать. Как мать самого свирепого льва и несущего смерть крокодила.

— Мернепта, — заговорила она после недолгого молчания, — барка, на которой мы с мужем совершали длинные прогулки по водам Хапи, звалась «Великолепие Атона». В мои времена Атон был добрым богом, лучи его ласкали мою плоть. Осирис Аменхотеп почитал его, но он почитал и других богов. В каждом храме самого дальнего степата гостили боги других областей. Они везде были дома, и мы были дома среди них. Служители богов были сильны, но и кони в боевой упряжке фараона подобны вихрю. Разве мой муж не умел сдерживать их властной рукой? Сын мой хотел укрепить свою власть, но стало еще хуже. Кемет задыхается и теряет плодородие, страна скоро иссохнет, как сохнет царица Нефр-эт. Я говорила ему...

— Его величество всегда был почтительным сыном, госпожа...

Она кивнула.

— Всегда. Но он уже не в силах остановиться, как конь, стремглав несущийся с горы. И если на пути его встретится

каменная стена, он перескочит через нее или переломает себе ноги. Так будет, Мернепта. Кемет остановит его...

— А что будешь делать ты, госпожа?

Она помедлила, и глаза ее были красивы и печальны, как никогда. И сердце ее вдруг показалось мне разверстым цветком граната, чьи лепестки уже горчат и скоро опадут.

— Моя гробница в Месте Правды⁵⁸ уже готова, мой милый Мернепта. Я устала, и я не хочу видеть заката солнца. Лучше будет, если оно одарит меня своим светом там, в стране Запада, где рука моя вновь соединится с рукой возлюбленного.

— Осириса Аменхотепа? — вырвалось у меня.

Она взглянула на меня и усмехнулась, и в усмешке ее снисходительность и легкое презрение были слиты воедино, а в морщинках у глаз промелькнули доброта и нежность. Она молча смотрела на меня, а я сторал от стыда, и сердце мое металось подобно птице в силках охотника. Никогда еще я, жрец Мернепта, не испытывал такого жгучего стыда, ибо никогда не обнаруживал так своей слабости. Но сердце мое бушевало, и весь я был подобен знойному ветру пустыни, одинокому и неистовому. А Тэ́е, моя божественная, непостижимая Тэ́е, отделила один цветок от гирлянды и вложила мне в руку.

— В твою ладонь скользнет моя рука, Мернепта, в твою. И это будет день слаще нашей ночи...

И я бросился к ее ногам и обнял ее колени, а она положила руку на мою голову и долго не отнимала ее. Пристыженный и счастливый, поднялся я наконец и смог посмотреть на нее, а она укорила меня еще раз насмешливым взглядом своих прекрасных глаз и сказала:

— Теперь пойдем, Мернепта, я должна побыть с Нефр-эт. Не в моей власти исцелить ее печаль, но одиночество рождает в ней еще больше горечи. Ей нужно примириться с мыслью, что боги не дадут ей сына. И с другой мыслью примириться — что девочка Меритатон скоро станет женой Нефр-нефру-атона. Как примирилась она с поясом Тутанхатона и его косичкой.

— Похоже, что Эйе не нравится, когда рука Нефр-нефру-атона касается руки Меритатон, — сказал я.

— Когда придет время голове Меритатон лечь на грудь Нефр-нефру-атона, никто его не спросит, — улыбнулась Тэе. — Влюбленные не нуждаются в советниках, хотя бы и были они столь мудры, как Эйе. Эйе... Он давал много хороших советов моему мужу и много хорошего посоветовал бы моему сыну, если бы он слушался советов. А мешает он влюбленным лишь потому, что мой сын очень ревнив к своим дочерям и еще не понял, что истинное счастье заключено не в детях, а во внуках...

Лицо ее просветлело, когда она произносила эти слова. И я понял, что она, так же как и я, подумала не о девочках, своих внучках, а о маленьком царевиче Тутанхатоне, любимце семьи. И я улыбнулся, вспомнив, как она всегда искала случая побаловать его медовым печеньем и учила его играть в кости, проигрывая раз за разом. У моих детей, тех, что остались на побережье Джахи, должно быть, давно уже были свои дети. А мои сыновья, проданные в рабство, стали отцами рабов, и мне было горько думать о них, потому что никогда и нигде я уже не нашел бы их. И я вновь отогнал от себя эти мысли, как делал всегда, когда они начинали одолевать меня, подобно злым насекомым. Моя Тэе ласково смотрела на меня, и лицо ее светилось. Нет, никогда не даст она в обиду Нефр-нефру-атона и Меритатон, ибо она знает, что такое любовь, ибо ей ведомо, как тянется сердце брата к сердцу возлюбленной сестры³⁹. Вдруг я узнал, что фараон ревниво любит своих дочерей, оберегает их. Всегда он повелевал изображать их рядом с собой и Нефр-эт, будь то в храме, на прогулке или во время семейной трапезы. Станный он был человек — жестокий и властный, безумный и ранимый. И, мечтая о сыне, он все-таки любил дочерей нежной и ревливой любовью. Мы шли ко дворцу молча, погруженный каждый в свои мысли.

Тэе задержалась на миг у широкой каменной лестницы, тяжело опираясь на мою руку. Как знать, быть может, и она чувствовала себя одинокой в великолепном дворце своего сына, быть может, только прошлое принадлежало ей и не отвергало ее! Совсем тихо, одними губами, она сказала:

— Будь осторожен с Эйе, Мернепта. Под солнцем Кемет нет человека, улыбка которого была бы ослепительнее, а голос мягче, но человек, служащий одинаково и Амону, и Атому, опасен. Маху не так опасен, не так опасен и Хоремхеб. Эйе уже немолод, как ты и я, но глаза его зорче глаз ночной охотницы гиены. Он верен моему сыну, он был верен и моему мужу, но его верность опаснее предательства.

Она редко говорила так, до сих пор я думал, что она вполне доверяет Эйе, что он приятен ей. Хотя и я был облечен доверием фараона и был одним из его советников, я никогда не думал опасаться Эйе. Он был мудр, опытен, а главное — добр, и до сих пор я не сомневался в доброте его сердца. Легко ли было ему рядом со своенравным фараоном? Легче пребывающему в когтях льва, свободнее дышится придавленному тяжестью крокодила, больше надежд на спасение находящемуся в кольцах волшебного змея! Потому он и имел право кланяться величественно, словно бог отдавал дань уважения другим богам, потому ему и было дозволено многое, чего ни грозный Аменхотеп III, ни его сын не потерпели бы ни от кого другого. Эйе был Эйе, и его власть превышала представление о ней, но мне было безразлично, кто носит опахало по правую руку Эхнатона. Эйе парил высоко, но он и заслуживал этого. И был он единственным, кто мог держать в узде полководца Хоремхеба, горячего и необузданного, как ливийский конь. Эйе был сведущ во многих науках, и во всей стране Кемет, пожалуй, не нашлось бы более ученого человека. Эйе был Эйе, и слова моей царицы не были мне понятны. Но если она произносила их...

У ложа Нефр-нефру-атона сидела Меритатон, грациозная и тонкая, похожая на статуэтку из слоновой кости. Букет лежал у царевича на груди, и он жадно вдыхал аромат цветов, слабо улыбаясь и перебирая их венчики, и выглядел он так, словно исцелился мгновенно от всех своих немощей. Девушка встала, когда я вошел, и глаза ее искали дружеской помощи. Я поклонился ей и осведомился о здоровье его высочества, и он мне ответил, что все хорошо. Видимо, Эйе успел уже здесь побывать, потому что на низком овальном столике стояла алеба-

стровая чаша с питьем, которого еще немало оставалось в ней. Но лица влюбленных сказали мне, что здесь было и другое, что-то более опасное. Меритатон была проникательна, несмотря на свой юный возраст, и она поняла значение моего взгляда. Не стесняясь моего присутствия, она приложила к своей щеке узкую руку юноши и жестом дала мне понять, чтобы я ждал ее у дверей. Через некоторое время она вышла, и мы пошли с ней в покои царевен, где сейчас не было никого. Я знал, что уже наступил час охоты и что Тутанкатон под руководством Джхутимеса учится стрелять из своего маленького лука, и я был спокоен за него, но желание Меритатон поговорить со мной внушало тревогу, и смутное беспокойство начало овладевать мною. А Меритатон вдруг бросилась к моим коленям и обхватила их своими тонкими красивыми руками, и заплакала тихо-тихо, не всхлипывая, глядя мне прямо в лицо своими прекрасными страдающими глазами, глазами царицы Нефрет. Она была совсем юной и неопытной, но боги подарили ей редкую проникательность и острый ум, сердцем она уже давно была способна понять многое, что творилось во дворце его величества и вокруг него. Не прерывая ее, я лишь положил руку на ее узкое плечо и жестом дал ей понять, что готов ее выслушать и помочь, если то будет в моих силах. И она сказала:

— О достойный Мернепта, Ба мое скорбит, Ба мое мечется в тоске, и нет никого, кто мог бы выслушать меня и помочь мне. У матери слишком много своих забот, сестры еще малы, а другие... — Тут она прикусила язычок, и я понял, что она по каким-то причинам не хочет посвящать в свои тайны Тэе или боится ее гнева. — Ты знаешь все, тебе ведомы тайны людских сердец, и ты видишь все, все, ведь правда, Мернепта?

Она ждала согласия, и я сделал утвердительный жест. Тогда она заговорила быстро, опустив глаза и перебирая тоненькими пальчиками подвески своего браслета из драгоценного лазурита и слоновой кости.

— Нефр-нефру-атон — мой возлюбленный брат, и я кочу видеть его непрестанно. Желание его сердца сходно с моим, наши губы повторяют одно и то же. Для меня нет большей ра-

дости, чем принадлежать Нефр-нефру-атону, а для него — чтобы принять меня. Но есть человек, который не хочет этого, который сам мечтает втайне о могуществе и власти, и человек этот пойдет на многое, чтобы желание его осуществилось...

Она остановилась, чтобы перевести дыхание, и сердце мое замерло, ибо я решил, что она сейчас произнесет имя Эйе. Но то, что делал Эйе, не могло быть его собственным желанием, ибо то была лишь воля ревнивого Эхнатона. А отцовская ревность хоть и могущественна, но не всесильна! И я приготовился уже сказать все это бедной девочке, как вдруг она сказала:

— Она желает, чтобы не только я и Нефр-нефру-атон исчезли и превратились бы в невидимую пыль великой пустыни, она желала бы, чтобы не было ни матери, ни сестер, ни Тутанхатона. Знаешь ли ты, что Кийа носит в своем чреве ребенка от утробы его величества и, если родится сын...

КИЙА

Это было в год, когда появилась на свет пятая дочь его величества, царица Неф-нефру-ра, и когда долго, слишком долго тянулось время ахет. В тот год никто не мог бы сказать, что госпожа Кийа, любимая жена его величества, когда-нибудь исчезнет, и имя ее будет уничтожено повсюду, и сама память о ней канет в безмолвные воды великой реки...

Имя мое — Кийа.

Он сказал мне однажды: «Кийа, в вине, которое ты дала мне пить в ту ночь, не было ли волшебного зелья?» И я ответила ему: «О возлюбленный господин мой, если бы я владела подобным зельем, для чего держала бы я его столько времени?»

Случилось так, что дочь не слишком знатного, не слишком богатого и совсем не могущественного сановника стала возлюбленной великого фараона, усладой его сердца, упоением его плоти, его любимой женой и матерью его ребенка.

Я — Кийа!

Он сказал мне: «Кийа, в ту ночь ты стала необыкновенной, ты была подобна звезде, которую зачерпываешь ладонью в мерцающих водах ночного Хапи. Кийа, ты была такой — ускользящей и прекрасной...»

Взор его обратился на меня, когда во время пира во дворце я поднесла ему вино в серебряной чаше. Сквозь лик фараона, грозный и величественный, вдруг проглянул другой — лик мужчины, страстного и нежного. И рука его легла на мою руку, подносившую чашу. И губы его, раскрывшись, прошептали внятно: «Умасти свое тело самыми драгоценными маслами, Кийа, ибо ты желанна мне!»

В ту ночь его величество Эхнатон, добрый властитель страны Кемет, одарил меня своей любовью и оставил свое сердце в серебряной чаше, из которой я поила его вином. Безвестная Кийа, я стала великой. Десятая из наложниц, я стала первой. Удостоенная лишь лицезрения божества, я стала любимой.

Звезды рождались и плыли в далеких пространствах, но время замедляло свой бег, когда я лежала в его объятиях, когда голова моя покоилась на его груди. В одну из ночей свершилось великое, и во мне затрепетала жизнь. Не веря себе, прислушивалась я к словам опытных женщин, возвестивших мне великую радость. Гордость побудила меня к молчанию, ибо я не хотела, как царица Нефр-эт, сковывать возлюбленного крепкой цепью, хотя бы и золотой. Пусть он заметит, пусть он увидит сам, пусть радость его не будет рождена моей радостью. Я жила тогда в маленьком дворце на юге Ахетатона, среди зелени и воды, среди чудесных вещей, которыми одарил меня его величество. Здесь было хорошо и спокойно, и здесь я не видела никого из тех, кто отнимал у меня любовь фараона — ни царицы Нефр-эт, ни царицы-матери, ни его дочерей, ни царевичей Нефр-нефру-атона и Тутанхатона. Здесь не было никого из тех, кто внушал мне страх — ни Эйе, ни его жены, ни мудрого жреца Мернепта, который все на свете видел и понимал. Здесь не было того, кто любил меня — молодого военачальника Джхутимеса, царевича Джхутимеса, от любви которого я бежала со страхом, как от бушующего огня. Здесь не

было того, кто ненавидел меня и желал моей смерти — полководца Хоремхеба, лютого зверя, способного сокрушить своими кулаками каменную стену. Здесь не было Атона, в которого я не верила — он появлялся только с приходом фараона, своего возлюбленного сына. Здесь были мои боги, и я среди них, и были зелень и вода.

Отсюда я вершила свои тайные дела, менявшие направление великого корабля Кемет.

***

В тот день я не ждала его, его появление было чудесным, как нисхождение вод небесного Хапи. Он был один, никто не сопровождал его, телохранители остались у дверей. Эхнатон обнял меня, прижал к своей груди, коснулся кончиком носа моей щеки, губ, закрытых от удовольствия глаз. «Кийа...» Я повела его в свой маленький дворец, расписанный самыми радужными красками, благоухающий, как цветник, уютный, как дом отца. Живот мой уже был ясно виден, и вчера, увидев меня после целой недели разлуки, мой возлюбленный понял, что великое свершилось. «Кийа!» Он носил меня на руках по саду, смеясь от счастья, бездумно, беззаботно, как птица поет. И сегодня прибыл, чтобы навестить меня, чтобы справиться о моем здоровье, чтобы принять чашу вина из моих рук. Добрый властитель страны Кемет, мой бог сидел в позолоченном кресле, улыбался, наблюдая за моими хлопотами, улыбка его светила сквозь облако драгоценных благовоний, которые я зажигала в маленьких бронзовых курильницах. Я подала ему чашу с вином, он выпил жадно, осушил ее до дна. И потянулся ко мне, к моему телу, которое звал восходом и закатом, ибо было оно и смугло-розовым, и золотистым, и жарким, и прохладным. «Кийа...» В широкие окна дворца вливался всей густолиственной зеленью душистый сад, стены покоя, расписанные лотосами и птицами, дышали прохладой, сладостной в знойный полдень. Великая тишина стояла в саду и во всем дворце, словно и не было в нем никого, кроме нас двоих, слов-

но все замерло и время прекратило свой бег. «Кийа, Кийа...» Он ласкал осторожно, боясь причинить боль. И я любила его руки, его ласки более, чем его самого.

Любила ли я Эхнатона? О, порою мне казалось, что это была любовь, ибо я знала уже, что такое страсть и плоть, что такое благодатное время цветения, когда невинные еще руки сплетают венок из цветов мехмех⁶¹, чтобы возложить его на голову нежного юноши. Могла ли знать Кийа, что такое любовь, когда впервые разделила с ним ложе? Он был мужчина, страстный и пылкий, не очень красивый, не слишком сильный. Бывало, что Кийа готова была ревновать его к тени от веера, если этот веер держала не она. Бывало, что Кийа хотела вонзить свои ногти в глаза царицы Нефр-эт, когда он пренебрегал любимой ради великой. Бывало, что желанной казалась Кийе любовь царевича Джхутимеса, который не был ни великим, ни безумным. Но порой, когда руки Эхнатона смыкались вокруг моих бедер, сердце мое ликовало, и радость его затмевала радость плоти.

Он лежал на циновке, заложив руки за голову, деревья за окнами были полны аромата и птичьих криков. Золотая ладья солнца медленно плыла к закату, и чувствовалось это даже здесь, в зеленоватом сумраке покоя. Фараон сказал:

— Я пробуду у тебя до третьего часа ночи, моя любимая. Завтра я совершу торжественное жертвоприношение в храме моего великого отца, тебе лучше не быть там — будет жарко, много людей. Я приду к тебе вечером, я спрошу, что ты делала днем и хорошо ли берегла нашего сына.

— Ты приказываешь, мой господин, я повинуюсь.

— Тебе — не приказываю, тебя — прошу, тебе — повинуюсь. Тебе не нужно быть на завтрашней церемонии, не нужно видеть ни мою семью, ни меня...

— Тебя? Тебя я должна видеть непрестанно...

Он улыбнулся, и рука его легла на мой живот, и я почувствовала тепло от его руки.

— Ты носишь солнце Кемет, Кийа. Оберегай его, пока оно не воссияло над нами.

— Я берегу...

Глаза наши встретились, и я увидела затаенное нечто, чего не было раньше. Глаза наши встретились — и я была побеждена в этом поединке.

— Скоро ты будешь со мной постоянно, Кийа. Скоро...

— Когда родится сын?

— Даже если дочь... — Молчание испуга замкнуло его уста, и я долго ждала, прежде чем он заговорил. — Видеть тебя — желание моего сердца. Ты будешь со мной повсюду — и на ложе, и в садах, и в храмах, и в Зале Приемов. Слышишь, Кийа?

Сердце мое затрепетало от радости, от гордости. О, настал миг — я ждала его! Кийа станет царицей? Нет, выше — богиней, богиней в сердце Эхнатона станет она, хотя он и не признает других богов, кроме лучезарного Атона. Но Кийа — будет. Вопреки всей его вере, вопреки могуществу Атона — будет! Недаром Кийа втайне молится богине Хатхор и приносит ей щедрые жертвы. Богиня милостива к почитающей ее Кийе, она вознаградит ее любовь к фараону, отринувшему богов, она простит Кийе и за нее — его. Но Эхнатон никогда не произносит бездумных слов, чья цена подобна цене песчинки в Ливийской пустыне. Что-то он подразумевает под этим «постоянно», и Кийа должна угадать — что? Кем может войти она в Зал Приемов? Царицей — после великой жены фараона? Глаза сузились, превратились в лезвия отточенных кинжалов.

— Господин мой, меня страшат твои слова...

— Я говорю то, что говорю, Кийа.

— Но твой брат, мой любимый? — Моя рука коснулась его плеча, от прикосновения моей руки он должен был ощутить огонь. — Но твои дочери? Но Джхутимес, но Тутанхатон?

Ни одного слова о царице не было произнесено ни им, ни мною. Будто бы уже была решена судьба Нефр-эт, будто бы ее уже не существовало! Но так оно и есть, ибо любовь к ней умерла в сердце фараона. Ревнуют лишь к тем, кто отнимает частицу любви. Нефр-нефру-атон — разве фараон не желает видеть его своим соправителем?

— Кийа, мысли твои постоянно обращены к тем, кто живет в моем сердце. Но ты глядишь на маленькие сикоморы и не замечаешь высокой пальмы. Мои братья, Джхутимес и Нефр-нефру-атон, молоды, очень молоды. Они не поднимутся выше стены, построенной мною. Даже если... — Он предупредил мое желание возразить, замкнул мои уста. — Даже если мои враги вложат в их руки оружие. Но этого не будет, Кийа! Хапи не повернет свои воды вспять, и звезды не появятся на небосклоне, пока золотой диск царственного Солнца не уплывет за горизонт. Джхутимес не помышляет ни о чем, кроме военных дел, Джхутимес ждет часа, когда я прикажу ему отправиться к Хоремхебу, Джхутимес учит маленького Тутанхатона стрелять из лука и метать копье. Тутанхатон — ребенок, и он далек от трона, как времена Снофру и Джосера⁶² далеки от сегодняшнего дня. Не думай о юных царевичах, думай о том, кто не имеет соперников в моем сердце...

— Кто? Кто, господин мой, о ком ты говоришь?

— О тебе. О тебе, Кийа!

Руки мои потянулись навстречу его ласковым рукам, все осветилось радостью — глаза, улыбки, даже ладони и кончики пальцев. Вот теперь услышала Кийа то, что хотела слышать. Но дочери? И снова вспыхнула ревность, и второй огонь оказался сильнее первого.

— Твои дочери, господин мой, не примут меня, перед их ненавистью я склонюсь, их ненависть меня уничтожит. Они дети своей матери, твоей царицы...

— От утробы моей, Кийа! Мои дочери совсем еще девочки, сердца их чисты, ненависть чужда им, даже твои слова не превратят их в львиц, ибо я знаю их...

— И то знаешь, господин, что потянулись друг к другу сердца твоей старшей дочери и царевича Нефр-нефру-атона?

Маленький, но сильный лук с туго натянутой тетивой был в руках Кийи, и выпущенная стрела полетела в цель. Лицо фараона потемнело, как темнеет лик неба перед бурей, как темнеют воды Хапи перед разливом. Он не знал этого. Не знал, не видел. Он был мужчина, всего только мужчина!

— Давно говорят, господин мой, что царевич Нефр-нефру-атон взойдет вместе с тобой на трон Кемет. Женившись на твоей дочери, он укрепит свою силу. Не так сильна его любовь к Атону, как ты думаешь. И когда он окажется рядом с тобой, кто знает, чья рука вложит в его руку оружие против тебя? Ты знаешь, мой возлюбленный господин, что мальчик, который полюбил — уже мужчина. Ставший мужем — мужчина вдвойне. Я лишь предупредить тебя хочу, мой господин.

Страшно было бы его лицо любой женщине, если она не носила имя Кийа. А Кийа ждала, она умела ждать, она знала, что во время страшной бури в пустыне нужно закрыть лицо руками и не двигаться. И он заговорил медленно, словно уста его были замкнуты тяжелым камнем, заговорил тихо, и голос и слова его были такие, каких не знал еще никто.

— Слушай меня, Кийа... Государство — тяжелый камень, и он лежит на моих плечах, я подобен рабу в каменоломне, чьи глаза в земле и не видят света. Не боги страшили меня, не боги, а люди, таившиеся за их спинами. Ты знаешь это, Кийа? Будь то бог, будь то твой младший брат — за его спиной всегда может стоять хитрый и умный человек, и он страшен. Те люди рвали на части священную власть фараона, терзали ее, как собаки терзают кровавое мясо, зубы их были остры и сверкали в темноте, глаза их горели жадным огнем. Но гиена бежит от солнечного света, и великий Атон воссиял на небосклоне. Понимаешь ли ты меня, Кийа? Ты должна знать, тебе нужно знать, твое сердце подскажет тебе истину. Ночь страшна, Кийа, и в ночной тьме высятся страшные статуи старых богов, а за их спинами — жрецы и местные правители, почитающие себя хозяевами земли фараона. Быть может, настало бы время, когда они пожелали бы разорвать на куски Хани и саму священную звезду Соудет! Мог ли я терпеть, Кийа? Мог ли приносить жертвы тем, кто желал, чтобы жезл и плеть фараона⁶³ обратились в стебли папируса?

Изумление сковало меня, страх мешался с ним, легкое презрение покалывало сердце, и я не могла поверить, что все было так просто! О боги, о великая богиня Хаткор, неужели ве-

ликий Атон, лучезарный Атон, всеблагой Атон был лишь средством, а не целью? И неужели старых богов гнал страх, простой страх живого бога перед живыми людьми? Сердце билось неистово, и я прижала к нему руку, и оно било в ладонь, обжигая ее.

— Ты подставишь плечо под мою ношу, и ты должна знать, кто повергнется в пыль у твоих ног. Берегись их, они коварны, Кийа! Змеинная чешуя блестит лишь при свете солнца, звезды слишком слабы, ночной мрак скроет блеск чешуи, блеск кинжала. Они подобны змеям в Ливийской пустыне, которые жают хвостом, оставшись без головы, и ночью они подобны стеблям лотоса, и ты не узнаешь их, пока нога твоя не коснется чешуи. Спаси меня от ночи, Кийа! — Вдруг он задрожал, бросился ко мне, прижался головой к моим ладоням, к моим коленям. — Зажги светильники, все, все, и преврати ночь в благодатный день, и освети моих врагов, Кийа, освети! Неужели и они, мои братья...

Я склонилась над ним, обхватила его голову руками, закрыла собой. И в тот миг не были мы фараоном и его наложницей, нет — два лотоса, чьи стебли сплелись так крепко, что два венчика превратились в один, две птицы, рванувшиеся друг к другу под смертельным взглядом коршуна, два путника, настигнутые песчаной бурей. Его дрожь передалась мне, и зелень в окне дрожала, будто в смертельном ужасе, и дымок курений вился в страхе, словно жестокий ветер вдруг ворвался в разукрашенный дворец и возмущил его благоуханный покой. И пришлось закрыть глаза, зажмурить их, чтобы неплыли перед ними страшные лики богов, чтобы неплыл перед ними страшный лик смерти фараона. И губы невольно зашептали молитву богине Хатхор, и матери Исиде, и прекрасной Нут, и вдруг почувствовалось, как шевельнулся ребенок в чреве, мягко-мягко, в первый раз. И Эхнатон почувствовал, и рука его легла на мой живот, тоже мягко, будто и не рука властителя.

— Слышишь, мой возлюбленный господин?

И он ответил голосом, понизившимся до шепота, таким, какого еще не слыхала Кийа:

— Да.

Старые боги, новые боги... Обладай Эхнатон нравом, подобным нраву его младших братьев, все было бы иначе. Разве способны они, эти мальчишки — даже военачальник Джхутимес! — низвергнуть Атона и возвести на престол бывшее величие Амона-Ра? Не способны! И никто не способен! Он один, бог и повелитель, способен удержать в узде Кемет. И быть с ним — отрадно, и отрадно пробуждать в нем мысли, которые могут низвергнуть кого-то или спасти. Кто знает, как, когда рождаются в уме человеческом мысли, приводящие к великим переворотам? Этот слабый, мягкий удар ножки ребенка тоже может изменить судьбу Кемет. А если так, то и судьбу мира, которого так мало за пределами Черной Земли. Ведь смог же он, этот едва ощутимый удар, вывести фараона из оцепенения, избавить его от приступа ужаса перед неведомыми врагами, заставить его забыть о змеиной чешуе! Фараон поднялся, я поднялась следом за ним, наши руки не разомкнули объятий. Атон уже покидал небосклон, его величество должен был проводить своего лучезарного отца, пожелать ему доброго путешествия в царстве Аменти. Я хотела уйти, оставить его наедине с угасающим золотом солнечных лучей, но фараон удержал меня за руку, молча указал на место рядом с собой. И Кийа осталась, радуясь и гордясь, ибо это было в первый раз. Я смотрела, как он молится, как тихо шевелятся его губы, как медленно сжимаются и разжимаются длинные, узкие пальцы в перстнях, в кольцах. Мне не было дано погрузиться в молитву так, как ему, ибо я воздавала хвалу Атону лишь за один его дар — за благодатное тепло, ласкающее тело. Но разве он, сын Атона, уступал своему отцу, когда жарко ласкал мое тело, и разве ночью, в свете призрачных даров Нут, ласки его были холодны и губы его подражали великому молчанию далеких светил? Нет, ночью даже лучше! Ночью властвует Золотая, милостивая к любящим, снисходительная к безумным. Но как долго он молится и как часто пробегает по его лицу тень того ужаса, который в последнее время все чаще нападает на него и передается мне, сейчас еще более от-

крытой миру, чем когда бы то ни было! Последний луч солнца скользнул по полу комнаты, и сразу наступила темнота, как обычно бывает в Черной Земле. Лицо Эхнатона стало строгим, задумчивым. Думает ли он о Кийе, помнит ли, что она стоит рядом? Я зажгла светильник, теплые розовые тени поплыли по комнате. И, погруженная в эти розовые тени, услышала я его слова.

— Великий отец сказал мне, что нужно делать. Ты станешь соправительницей, ты взойдешь вместе со мной на трон Кемет. Пусть царица остается царицей, ты же станешь младшим фараоном. Не говори ничего, ничего не бойся. Я возвратил священную власть фараона для того, чтобы награждать достойных. И даже если ты родишь дочь... — Короткое молчание слилось с темнотой того угла, где стоял он, слабый свет светильника не достигал его, и — казалось, что слова Эхнатона плывут ко мне по воздуху, тихо переносимые руками бога Шу. — Даже если так, Кийа, ты подставишь плечо под мою ношу, ты поддержишь священный скипетр. Ты нужна мне, Кийа, постоянно, повседневно. Сердце мое изнемогает в разлуке с тобой, любимая, желание его иметь тебя рядом с собой повсюду...

Держа светильник в вытянутой руке, дрожала от волнения Кийа, и сама она казалась себе маленьким пламенем, факелом, освещающим путь. И фараон знал, куда нужно идти — туда, куда поплывет это пламя. Не сегодня явилась эта мысль, не сегодня он принял голос собственного сердца за голос великого отца. Власть для того, чтобы карать недостойных и награждать достойных награды. Эхнатон может сделать и больше, он может вымолить у Атона защиты и покровительства для своей любимой. И тогда никто во всем мире не осмелится пойти наперекор Кийе, ибо она воистину станет богиней. Он раскрывает объятия, и Кийа может поклясться, что с его губ едва не слетело имя старой богини: «Золотая...» Кийа превыше старых богов, ибо она — любимая, ибо она — будущая мать его сына. Сына, только сына! Кийа знает это. Кийа не обманет ожиданий.

Все свершилось по воле богов, все свершилось по воле Эхнатона, но желание его не исполнилось.

В тринадцатую ночь второго месяца времени перет⁶⁴, под лунными лучами, среди шестста крыльев ночных птиц и тревожного аромата ночных цветов появилась на свет девочка, которой по странной прихоти его величества дали имя его третьей дочери — Анхесенпаатон.

Люди вокруг говорили: Кийа бесчувственна, у Кийи сердце гнены, Кийа благословила появление на свет своего ребенка бессильными слезами ярости. Но Кийа была мертва, Кийи не существовало. Сердце ее знало, что крохотное беспомощное существо, произведенное ею на свет, виновно лишь в том, что будет носить длинный локон, а не косичку⁶⁵. Но Кийа, как никто, знала, что убила надежду фараона, а может быть, и его любовь к ней. И потому она в отчаянии ломала ногти о край ложа и кусала губы, уподобляя их растерзанному плоду граната.

Его величество провозгласил: госпожа Кийа, любимая жена, разделит с ним трон, госпожа Кийа станет младшим фараоном. Младшим фараоном? Такого еще не бывало. Он был готов отдать половину своей царской короны, и он сделал это, сжав зубы под осуждающими взглядами придворных. Он пожертвовал младшим братом, по моему совету он пренятствовал любви Нефр-нефру-атона и Меритатон. Он шел на все с легкостью отчаяния, словно хватался за ускользящий стебель лотоса, который утопающему кажется последней опорой. Но теперь всякий день он слышал о недовольстве то в южных, то в северных степатах, слышал о недовольстве жрецов и знати, писцов и военачальников, ремесленников и художников. Племена хабиру⁶⁶ на севере грабили и разоряли страну, и змеи хатти подняли свои головы, и даже Хоремкеб уже ничего не мог поделать, хотя я и просила фараона дать ему больше власти на северных границах. Поздно! И я принуждена была видеть, как несется Кемет по волнам бунтующей реки без паруса и весел, и сам кормчий был уже без сил и терял то, что еще

можно было потерять. Я знала: в гибели Кемет будет обвинена Кийа, конец Кийи будет ужасен.

Дворец был полон шипящих змей, чужеземки, жены и наложницы фараона, откровенно радовались близящейся гибели. Я была дочерью Кемет, плотью от плоти ее, и я слышала: «Кийа убила Кемет!» Так говорили, потому что Эхнатон возложил на мою голову корону фараонов. Так говорили, потому что Кийа возвысилась в несчастливый час, когда солнце Ахетатона готово было погаснуть. Так говорили, и во всех глазах я читала ненависть. Все правление Эхнатона сопровождали ненависть и гнев — его гнев, ненависть к нему. Ненавидевшие его ненавидели и тех, кто окружал его, кинжал, направленный в его сердце, готов был поразить любого члена царской семьи. Быть может, только двое избежали бы этой участи — царица Нефр-эт и Тутанхатон, мальчик.

Воины шептались по всем углам, лица их были суровы. О, как все они были сходны обличем с Хоремхебом, ненавидящим меня! Брось слово — и костер возгорится, как вспыхивают от случайной искры груды сухого тростника. Каждый из них, я уверена, носил под панцирем амулет с изображением Амона-Ра, Осириса или Пта. Каждого из них еще удерживала привычка к повиновению, страх перед начальниками, каменная рука Хоремхеба. Если бы он захотел... если бы он захотел только, трон великих фараонов пошатнулся бы от могучего удара и Кемет увидел Эхнатона распростертым в луже собственной крови. Разве не был убит фараон Аменемхет⁶⁷, менее безумный, менее страшный для Кемет?

«Уедем в Северный дворец, Кийа!» Голова его лежала на моей груди, переполненной молоком. «Что делать, Кийа, твое величество Кийа?» К моим ногам бросился торговец зерном, он лежал в пыли, глотал пыль, глотал слезы. «Твое величество, госпожа Кийа, больше нет ни золота, ни кораблей, больше нет ни вавилонских, ни арамейских — ни ханаанских⁶⁸ купцов! Твое величество, скоро не будет ни ярких тканей, ни слоновой кости, ни драгоценных благовоний!» Он глотал пыль, обыкновенную пыль, она не была золотой. Эне только пожал

плечами, когда я обратилась к нему. «Твое величество, когда-то царь Душратта писал его величеству Аменхотепу III: «Пусть брат мой пришлет золота в очень большом количестве, без меры, и пусть он пришлет мне больше золота, нежели моему отцу, ибо в стране моего брата золото все равно что пыль». «И его величество мог бы выполнить просьбу митанийского царя?» «Мог бы, госпожа».

«Уедем в Северный дворец, Кийа!» Уехать от них — от жрецов, чиновников, воинов, торговцев, построить город выше солнца, куда не долетали бы жалобы и угрозы? Он склонился над колыбелью девочки, похожей на него, некрасивой. «Уедем, Кийа!» Во время торжественных процессий два фараона были рядом. «Уедем в Северный дворец, Кийа, и, может быть, ты еще подаришь мне сына?»

Они все избегали меня — все, даже маленький Тутанхатон. Царица-мать при встрече смотрела прямо, и глаза ее усмехались откровенно и недобро. Меритатон и Нефр-нефру-атон проходили молча, опустив взоры. Девочки отворачивались, жрец Мернепта, воспитатель Тутанхатона, отводил взгляд, и только Эйе улыбался своей обычной улыбкой. Они не были нужны мне, я не любила их, я была выше их, ибо за меня фараон отдал бы их всех. Царица Нефр-эт почти не показывалась, мне сказали, что она опять ждет ребенка, страх охватил мое сердце медным кольцом, руки мои ослабели и едва удерживали жезл и плеть. И все же он говорил: «Уедем в Северный дворец, Кийа!» Я спала на своем ложе, вцепившись в его края так судорожно, что ломались ногти. Кинжал в спину, яд, веревка, стянутая на шее, — не чудовища Аменти, а земные ужасы страшили меня. Разве создано это тело для того, чтобы его растерзали гиены? Разве эти глаза созданы для того, чтобы глядеться в черное зеркало? Его величество повелел начать строительство моей гробницы, великолепной гробницы в скалах. Но если он умрет раньше меня, мое тело достанется пустыне, а сама я буду лишена жизни в стране Запада, и моему Ка никогда не принесут поминальной жертвы. Чем же провинилась я, о великая Хатхор, о могущественные Пта, Осирис,

Амон-Ра? Тем лишь, что не приняла любви военачальника Джхутимеса, тем, что поднесла чашу фараону, тем, что стала усладой его плоти, тем, что голова кружилась от высоты, на которую вознесла меня ночь любви, проведенная с добрым властителем страны Кемет. Тем, что была слишком красива... Слишком красива...

Мы уехали в Северный дворец, мы были вдвоем в покоях, где присутствие Нефр-эт не оставило никакого следа. Тень, смутная тень — вот кем была она, и ее не было бы совсем, если бы не было во дворце так много ее изображений. Теперь он приказывал изображать меня рядом с ним, писать мое имя так, как писали имена царских детей. И дочь была рядом с нами, болезненная, некрасивая Анхесенпаатон, Анхесенпаатон младшая, вторая Анхесенпаатон. Вторая, всегда и всюду только вторая! И если бы не родилась у царицы Нефр-эт шестая дочь, Сетепенра, моя дочь перестала бы существовать для фараона совсем.

Сетепенра — это имя его величество дал дочери по настоянию царицы Тэйе. Это она, пустив в ход всю свою мудрость и влияние на сына, внушила ему мысль о том, что нельзя закрывать все храмы, что некоторые нужно оставить... Кто из них — она или Эйе? — стал постепенно внушать фараону мысль, что недовольство Кемет вызвано присутствием женщины по имени Кийа? Он попросил меня вернуться в мой маленький дворец на юге Ахетатона. Попросил униженно, не глядя в глаза, потом приказал: «Завтра же!» Завтра должен был наступить праздник его восхождения на престол, уже двенадцатый. Завтра во дворце будет роскошный пир, и после него... Глаза мои заволокло горечью, но гордая Кийа не сказала ничего. Она и на пиру будет послушна, любезна, приветлива со всеми. Она — сопровительница великого фараона, возлюбленная его. Она и в падении своем будет прекрасна, если только это падение, если только чьи-то красивые злые губы не нашептали фараону в темноте, что Кийа должна уйти. Эти чужеземки, дочери мелких правителей, но среди них — и дочь царя Митанни, могущественного Душратты. Пусть схватят возлюбленную фарао-

на, пусть утопят ее в Хапи, пусть лишат загробной жизни, она и тогда будет прекрасна! Но угрозы ее беспомощны, а слезы никчемны. И вот снова маленький дворец, расписанный лото-сами и птицами, разноцветная игрушка среди зелени и воды. И по вечерам так тоскливо кричат птицы мент, что Кийа начинает пить вино чашу за чашей, чтобы не думать о них. Служанки и рабыни умащают ее драгоценными маслами, украшают ее руки и шею драгоценностями, ухаживают за ней, как за редкой необыкновенной птицей, но перья ее тускнеют, перья ее больше не отливают золотом солнечных лучей. Ибо солнце, то, что грело и ласкало ее, склоняется к горизонту, и его лучи уже не достигают ее. И если бы не Джхутимес...

ЦАРЕВИЧ ДЖХУТИМЕС

Сегодня небо раскалено до предела, сегодня кроны пальм кажутся купающимися в расплавленной меди, и вершины пирамид слепят глаза невыносимым блеском, багряным и золотым. Защитив ладонью глаза от слепящих солнечных лучей, я наблюдаю за тем, как его высочество царевич Тутанхатон стреляет из лука, как выпущенные им стрелы летят сквозь медные кольца, не задевая их. Хорошо! Клянусь священным именем Ра, этот мальчик в искусстве стрельбы далеко опережает не только царевича Нефр-нефру-атона, но и его величество фараона, да будет он жив, цел и здоров⁶⁹! Всего восемь раз восходила над ним священная звезда Сопдет, но рука и глаз его верны, как у опытного лучника. Слишком хрупкий для того, чтобы хорошо управляться с палицей, он все увереннее обращается с луком и дротиком. Хорошо! Кольца ярко блестят в солнечном свете, медь превращается в золото, черная косичка царевича на солнце тоже кажется золотистой. Все — золото, все — блеск, все — быстрый бег, полет, высота и скорость. Сможет ли стрела, пущенная им, сбить мою на лету? Говорят, великий фараон Снофру мог выпустить одну за другой двенадцать стрел, и каждая из них в полете настигала другую. Он поставил на колени страну Куш, и она теперь по-

корно платит дань! Он покорил ливийские племена, и хотя до сих пор они изрядно тревожат наши границы, до бывшего могущества им далеко. Синай, Ханаан, Джахи! Горько думать об этом, когда видишь, как нагло ведут себя хатти и хабиру. Если бы во главе войск фараона не стоял Хоремхеб, они, пожалуй, добрались бы и до границ земли Буто⁷⁰. Хоремхеб — вот чья слава подобна славе царственного солнца! Хоремхеб — вот имя, которое дам я своему первому сыну!

А все же Хоремхебу повезло, потому что, будь на месте его величества Эхнатона другой фараон, ему никогда бы не выбиться в ряды новой знати. Их, облагодетельствованных фараоном, несметное множество, больше, чем песка в Ливийской пустыне. Их, подобных сорной траве, великое множество в царских цветниках. Их, допущенных к трапезе Великого Дома⁷¹, больше, чем было раньше богов во всей стране Кемет. Кто среди придворных может похвастаться, что его предки делили трапезу с богами, правителями Кемет? Разве что Эйе. Мудрый Эйе, могущественный Эйе, которого порой не видно из-за спины Хоремхеба. Впрочем, если бы внезапный гнев не обрушился на военачальника Май, столько лет бывшего первым из друзей царя... Но Хоремхеб — герой из героев. Хвала Хоремхебу, храброму Хоремхебу, возлюбленному Сохмет⁷², возлюбленному Ра. Хвала им, тем отважным воинам, благодаря которым Кемет еще зовется могущественной державой!

— Джхутимес, прошу тебя, еще раз!

Стрела взвивается в воздух, сопровождаемая тонкой музыкой натянутой тетивы, стрела летит вверх, к полуденному небу, к полуденному солнцу, к подножию трона Сохмет. Тутанхатон выстрелил наудачу, солнце слепит его. Но рука, верная и зоркая рука хорошего лучника, не ошиблась и на этот раз. Моя стрела сбита, моя стрела не долетела до неба. А казалось, что она летит прямо в грудь Атона, зримого солнца. В грудь царствующего солнца, отца фараона? Божеству не страшны стрелы, но запрещено произносить слово «бог», но божественная сила превратилась в царскую мощь, но больше нет благого бога, есть только два великих фараона, солнце и его сын. Отец

мой и Эхнатона, царственный Аменхотеп, должно быть, скорбит там, в Аменти, среди сонма богов, ибо все боги Кемет умерли, и их тела лишены погребения. Как может быть иначе, если образы их уничтожаются повсеместно?

— Джхутимес, ты доволен мною?

Мы в близком родстве с ним, ведь я — сводный брат его матери, красавицы Нефернаи, и сводный брат царствующего фараона, но, занимая почетную должность наставника юного царевича в военных упражнениях, я невольно чувствую себя подчиненным. Происходи все при моем отце и его деде, великом Аменхотепе III, я был бы уже командующим корпуса Ра⁷³. На моем теле шрамы от ран, полученных во время похода в страну Куш, и Тутанхатон смотрит на них с восхищением.

— Как это было, Джхутимес? Расскажи!

Моя мать была митаннийской царевной, одной из младших жен моего отца, и совсем не была красива. Ее отец, царь Душратта, прислал ее ко двору фараона с униженными уверениями, что царевна, хоть и не блещет красотой, все же хорошо сложена и знает толк в танцах, которые так любит его величество. Его величество оказался неожиданно благосклонным к митаннийской царевне и с удовольствием ввел ее в свой женский дом. Даже царица Тэйе, как говорят, вполне оценила привлекательность младшей жены в том, что касалось сложения и танцев, и на свет появился я, Джхутимес, получивший имя могущественного предка моего отца⁷⁴. Я не так красив, как Нефр-нефру-атон, тем более мне не сравниться с царственным мальчиком Тутанхатоном, но разве Хоремхеб блещет красотой? Разве и фараон блещет красотой? Из всех детей Аменхотепа III он самый некрасивый, самый болезненный, самый малорослый. Но в хилом теле заключено могучее Ба! Может, потому и могучее, что ему дана столь хрупкая оболочка? Но разве Кийа любит его Ба? Разве с ним она проводит ночи? Божественная Кийа, ослепительная Кийа! Когда я увидел ее, сердце мое стало сердцем бога Геба, тянущимся к сердцу Нут. Но где найдется тот бог Шу, который разомкнет объятия Кийи и фараона? Никто не замечает в глазах ее грусти, а они полны

ею, как тихая заводь цветущими лотосами. Кийа, моя Кийа! Вознесенная на непостижимые высоты, разделившая ложе и трон с его величеством, Кийа наипрекраснейшая, ставшая матерью его ребенка, — неужели она потеряна для меня навсегда? Неужели никогда ее сладостное дыхание северного ветра не коснется моих губ?..

Теперь наша лодка рассекает гладь величественного царского пруда, глубокого и чистого, у берегов которого белые, розовые и голубые лотосы шепчутся о ночных увеселениях на воде. Тутанхатон ждет дня, когда я передам ему в руки весло. Кого он мне напоминает, особенно вот так, в профиль? Конечно же, царицу-мать Тэйе, великую жену его величества Аменхотепа. Она стара и все чаще болеет, все реже уезжает в свой дворец в Опете, и глаза жреца Мернепта, воспитателя Тутанхатона, полны тревогой за нее. Говорят, что Мернепта до сих пор влюблен в царицу Тэйе. Неужели и мне уготована такая судьба — любить мою госпожу до старости, ни разу не разделив с ней ложе? Царица Тэйе, вершительница судеб, любимая жена моего отца, она сделала мне много добра. Но она не любит мою Кийю, она втайне желает ее гибели, и это отвращает от нее мое сердце. О Кийа, моя божественная Кийа, ради тебя я готов на все, лишь бы ты потребовала от меня этой жертвы. Склони ко мне твой слух, произнеси одно лишь слово своими сладчайшими устами, и царевич Джхутимес превратится в огненного льва или послушного тебе охотничьего пса, потребуй только — и он пожертвует загробным блаженством. Но это может случиться, если Эхнатон узнает о моей любви. Он безумен, он ослеплен своим Атоном, он предает огню тела своих врагов — такого в стране Кемет еще не бывало. Сожжение тела — может ли быть что-либо страшнее этого? Не потому ли так многочисленны стали стаи птиц мент и так тоскливы их крики, что Ка слишком многих врагов его величества так и не могут найти своей земной оболочки?

— Прыгай в воду, мальчик, прыгай в воду!

Сильными, уверенными взмахами маленьких рук он рассекает водную гладь, ноги его словно превратились в хвост уп-

ругой, способной бороться с бурным течением рыбы. Я отталкиваю его веслом от лодки, он искусно сопротивляется, уходя под воду в тот миг, когда весло готово обрушиться на его голову. Родившись таким хрупким и слабым, он укрепляет свое здоровье ежедневно, заставляя меня думать о том, что и за этим хрупким обликом, должно быть, скрывается могучее Ба. Любимец всей семьи, всех придворных, этот мальчик поистине одарен всеми дарами семи Хатхор. Счастливый мальчик, ибо он никогда не узнает, что такое заботы трона. Возможно, так и проживет он весь предназначенный ему срок, и вряд ли он будет опасен и извилист, как путь змеи Мехен⁷⁵. Бывают люди, чей путь боги устилают цветами от самого рождения до смерти. Царевич Тутанхатон — из таких...

— Теперь бросай браслет, Джхутимес!

Я снимаю с руки браслет, украшенный ониксом и лазуритом, и бросаю его в воду, чтобы Тутанхатон нырнул за ним. Как проворная светлая рыбка, он исчезает в зеленоватой глубине. Кийа, моя Кийа, если бы ты приказала, я нырнул бы для тебя на самое дно Тростникового моря... О моя Кийа, всякий раз, когда я остаюсь наедине с собой, образ твой возникает передо мной, мерцающий и непостижимый, как явление богини в сумраке храма. Кийа, о Кийа, если бы фараон не был фараоном...

— Вот!

Тяжело дыша, мальчик появляется на поверхности воды, но сил, чтобы перебраться в лодку, у него уже не хватает. Протягивая ему руку, я чувствую хрупкость его руки, совсем детской. На отдых ему дано совсем немного времени — только чтобы досчитать до ста.

— Теперь плыви к берегу, Тутанхатон!

Кийа, моя Кийа, если бы знала ты, как умеет любить царевич Джхутимес, как сильны и нежны его руки, как щедры его дары, как верно его сердце! Кто из женщин сравнится с тобой, Кийа? Назови Джхутимеса своим братом, возлюбленным своим, напои его вином из своих ладоней, сплети ему венок любви — и ты можешь убить его, когда захочешь, ты можешь ото-

слать его далеко-далеко, в самое сердце Ливийской пустыни и приказать ему вырастить для тебя там чудесный цветок, и он будет поливать его своими слезами, даже если после ты брошишь в пыль его дар. Вереницу сменяющихся дней и ночей буду любить я тебя, Кийа, Кийа божественная. Кийа более прекрасная, чем Хатхор и Нут, Кийа, разделившая ложе и трон с моим братом... Сердце мое принадлежит тебе, Кийа, тело мое стало бы твоим, если бы ты захотела. Если бы ты захотела. Вавилонский царь Бурна-Буриах послал в жены Эхнатуону свою дочь, судя по изображениям, она прекрасна (красота ее, конечно, не затмит твоей, Кийа), и фараон не отказался от щедрого дара, быть может, любовь его к своей младшей жене угасает? Если это так, ты узнаешь, Кийа, что значит верное сердце. Джхутимеса, ты узнаешь, как крепки его объятия. Ведь он не покинет тебя, Кийа, ведь он не отвернется от тебя!

Лодка ткнулась носом в прибрежный песок, лодка нарушила задумчивость лотосов, образ возлюбленной потерялся в жгучих солнечных лучах, Хатхор уступила место Сохмет. Тутанхатон совсем бледен от усталости, но ничто на свете не заставит его разомкнуть губы и осквернить их просьбой об отдыхе. И в его руке вновь боевая палка с тупым наконечником, которой он не всегда удачно, но всегда уверенно отражает мои удары. Теперь нет времени помечтать о Кийе, теперь рука моя должна быть рукой воина, теперь все тело мое должно стать зорким, как третье око Ра⁷⁶. Ибо нельзя быть слабым тому, кто учит другого быть сильным. Ибо нельзя, чтобы мальчик победил мужчину, мышцы которого ослаблены мечтами о возлюбленной. Ибо звезда Сопдет восходила надо мной уже двадцать пять раз, и нельзя, чтобы воин был побежден мальчиком. И Тутанхатон получает почетную рану от удара по левому плечу.

— Теперь на колесницу, мальчик!

Кнут в его руке падает коней, но их бег и без того достаточно резв. Вот мелькнуло в воздухе темно-коричневое оперение птицы, и я подаю мальчику его лук.

— Обвяжи вожжи вокруг пояса и стреляй!

Выстрел не совсем удачен, стрела не поразила птицу, а лишь задела ее. В глазах Тутанхатона растерянность и стыд, и мое лицо сурово, ибо это первый его промах за сегодняшний день.

— Теперь подстегни коней, заставь их бежать быстрее ветра!

И ветер мчится за нами, горячий, раскаленный, как дыхание Сетха. Еще миг — и догонит. Нет, не догонит он: кнут в руке Тутанхатона делает свое дело, и кони несутся с невероятной быстротой.

Откуда в этом мальчике такая отчаянная, такая безудержная смелость во всем, что касается военных упражнений? Должно быть, кровь отца, отважного военачальника. Или кровь могучего завоевателя Джхутимеса III, покорившего все земли вплоть до Каркемиша. Клянусь священным именем Ра, он захочет быть в рядах войска Кемет, когда наденет наряд молодого мужчины. А воевать придется, обязательно придется! Царство Хатти уже протянуло свои когти к ханаанским владениям фараона, местные правители, еще верные Кемет, гибнут в борьбе с хатти и хабиру, не получая помощи от давнего союзника. Весь север Ханаана таит внутри себя огонь междоусобиц, и достаточно порыва ветра, чтобы он вспыхнул ярким костром. Отчего фараон не хочет посылать туда воинов? Отчего он мирится с потерей своих обширных владений? Если даже страна Куш, всегда покорная, осмелилась огрызнуться, как прибитая собака... А дань, какую дань несут к престолу фараона покоренные племена? А иноземные послы, которые вот уже сколько раз возвращались к своим дворам без ответных даров! Бурна-Буриаш просит владыку страны Кемет прислать ему хотя бы половину обещанного золота — какое унижение! А золотые изображения, обещанные нашим отцом царю Митанни, те, что даже были показаны его послам? Вместо них Эхнатон отправил Душратте деревянные изображения, покрытые позолотой. И это тогда, когда он жаловался на служителей бога и местных правителей, прибирающих к рукам сокровища царской казны? Где же золото, которого во времена нашего отца было неисчислимо много? Неужели все оно от-

правилося в сокровищницу Дома Солнца? И только Хоремхеб, великий Хоремхеб, могучий Хоремхеб, еще стоит на страже Кемет, как царственный лев Великой пустыни. Хоремхеб, чье имя фараон пощадил⁷⁷, Хоремхеб, которого побаивается даже царица Тэе...

— Довольно, мальчик! Очень хорошо!

Глаза его излучают радость, глаза, горящие подобно черным драгоценным камням на бледном от усталости лице. Его красота еще расцветет и будет заставлять придворных красавиц томиться по ней. Если бы я обладал такой красотой, быть может, Кийа... Но разве фараон красив? Разве Эхнатон взял что-либо от красоты своих родителей? Кийа, моя Кийа... Теперь я не могу ее видеть, она вместе с фараоном живет в Северном дворце. Здесь она не будет жить никогда, царица-мать не допустит этого. Если только... Но и тогда у моей Кийи останется много врагов. Быть может, самый могущественный из них — Эйе, отец бога. Эйе, с лица которого редко исчезает приветливая улыбка. Он и царица-мать заодно, и, если захотят, они могут погубить Кийю. Но зачем? Разве придают какое-нибудь значение обитательницам женского дома его величества? Придают, если они разделяют со своим повелителем не только ложе, но и трон. Придают, ибо такого еще не бывало. Была царица Хатшепсут, но лишь царица, хотя она и приказывала изображать себя в виде фараона⁷⁸. А Кийа носит венец фараонов, Кийа зовется младшим фараоном...

— Джхутимес, могу я спросить тебя?

— Спрашивай.

— Ты возьмешь меня на войну и позволишь править боевой колесницей?

— Если будет война, Тутанхатон.

— Если будет?

— Если ты пожелаешь стать великим воителем, подобным Снофру и Джосеру...

Растянувшись на траве под сенью густых кедров, ведем мы неторопливый разговор мальчика и мужчины, разговор двух царевичей, рожденных царским домом великой Кемет. Здесь,

в тени, прохладно и тихо, и говорить хочется не о войне, вовсе не о войне! Но Тутанхатон еще слишком мал, его, как всякого мальчика, больше интересует война, чем непонятная любовь, которой пропитан весь воздух и которая может быть подобна и самому чудесному аромату, и дыханию ядовитых испарений. Все впереди у царевича Тутанхатона, впереди и любовь. Только бы не такая жгучая и гибельная, как моя к Кийе.

— Джхутимес, верно ли, что в бою стрела летит почти на четверть смена⁷⁹?

— Разные стрелы бывают, Тутанхатон.

— Говорят, в Вавилоне делают мечи крепче камня и ярче солнца...

— Их делают из железа, а оно прочнее меди и бронзы.

— Ты их видел?

— Нет.

— Если бы иметь такой меч! Если бы иметь хотя бы кинжал!

— Когда-нибудь будешь иметь, Тутанхатон.

— А у хатги есть такие мечи?

— Есть.

Чья-то легкая тень проскользнула между деревьями, чей-то быстрый взгляд коснулся нас, распростертых на траве. Коснулся — и исчез, затерялся в гуще тамарисковых зарослей. Повеяло тонким ароматом, но это не цветы, это запах драгоценных притираний. Кто это — служанка, одна из царских наложниц, царевна?

— Я хочу стать полководцем, Джхутимес. Великим полководцем! Я завоевал бы для моей Кемет все земли, лежащие за Тростниковым морем. Я сделал бы из врагов Кемет подножие для трона его величества, я заставил бы все народы склониться перед величием владыки Обеих Земель. В бою я захватил бы вавилонские мечи, и в стране Кемет их стало бы много. И еще я воздвиг бы Дом Солнца, еще красивее и выше, чем сейчас. И его величество сказал бы мне: «Ты великий полководец, Тутанхатон!»

«Его величество...» Кто встанет у кормила великой Кемет, когда Тутанхатон вырастет и сможет стать полководцем? Эхна-

тону тридцать лет. Если боги даруют ему долголетие нашего отца... Пусть его величество живет долго, долго. Пусть его величество будет, как обещает, долгим по веку своему. Пусть только Кийа, моя Кийа, придет в мои объятия. Пусть только Кийа...

— Разве ты не знаешь, что она в Северном дворце? Зачем повторяешь ее имя?

Я произнес имя моей возлюбленной вслух, и Тутанхатон услышал его. Великие боги! Никто из членов царского дома не любит Кийю. Никто, кроме фараона и меня.

— Тебе показалось, Тутанхатон.

— До сих пор ты не лгал мне, Джхутимес...

Стайка пестрых птиц пронеслась в воздухе, над нашими головами, и щебёт их заглушил мой вздох, тяжкий, слишком тяжкий для мужчины, скорее подобающий женщине. Вздох любви моей к Кийе, вздох моего одиночества. О Кийа, моя Кийа, кто создал тебя, кто создал тебя для вечных страданий моих? Неужели и там, в Аменти, я буду лишь наблюдать за тем, как ты будешь следовать путем солнца бок о бок с Эхнатомом?

Царевна спасает меня — маленькая, изящная царевна Анхесенпаатон. Это она стояла за деревьями, это она украдкой наблюдала за нами. Так хороша она, что хочется любоваться ею, как драгоценным украшением или прелестным цветком. Она смотрит с улыбкой на нас, глаза ее лучезарны, глаза ее полны радости.

— Я хочу покататься на лодке, Джхутимес.

— Твое желание будет исполнено, прекрасная госпожа.

Зеленоватая поверхность пруда вновь отражает тростниковую лодку и нас троих — Тутанхатона, Анхесенпаатон и меня. Они сидят рядом и не смотрят друг на друга, но чувствуется, что Тутанхатон заботливо оберегает девочку, чтобы на нее не попали брызги воды, чтобы ей было удобно сидеть на корме. Так должен поступать любой мужчина, но когда Тутанхатон делает это для девочки Анхесенпаатон, он делает это с особенным удовольствием. Любовь, подобная маленькой хрупкой газели, или тень ее, тень от любви взрослых? О Кийа, о моя

Кийа, чего только не отдал бы я за то, чтобы были мы с тобой подобны этим двум детям, свободным и вольным любить друг друга, если Хатхор благословит их своим сиянием? И даже если благословение даст зримое солнце, царственное солнце?

***

Я ворвался в ее маленький дворец, разукрашенный, как игрушка, я оттолкнул стражников, пытавшихся меня задержать, я миновал толпу испуганных служанок, я вошел в ее покои, где лежала она на полу, измученная, обессиленная горем. Кийа, моя Кийа была свергнута с престола, лишена царского венца, дочь ее умерла вслед за царевной Макетатон, пережив ее на два месяца. Поддавшись злomu совету или собственной злой воле, Эхнатон изгнал свою возлюбленную, Эхнатон повелел стереть ее имя на всех изображениях, Эхнатон провозгласил соправителем царевича Нефр-нефру-атона, дав ему имя Хефер-нефру-атон, Эхнатон дал согласие на брак Нефр-нефру-атона со своей старшей дочерью Меритатон. То, чего боялась Кийа, то, чего так страшилась она, свершилось и сбылось в предназначенные богами сроки. Теперь, поверженная, лежала она на полу своего роскошного покоя, где, должно быть, долгие часы любви проводил с ней фараон. Как испугалась, как вздрогнула она, услышав мои шаги! Как обхватила она мои колени и как разрыдалась, когда я поднял ее и привлек на свою грудь! Глаза ее тонули в море скорби, тело ее было объято страхом, она была в моих объятиях словно мертвая, словно окаменевшая под взглядом волшебной радужной змеи. Не в силах вымолвить ни слова, я обнимал мою прекрасную, мою возлюбленную Кийю, ту, ради которой совершил бы и величайший подвиг, и величайшее преступление. Я уложил ее на ложе и сам сел с нею рядом, потому что она не отпускала моей руки, потому что она держалась за нее, как за последний амулет, дарующий жизнь. Всегда она знала о моей любви и всегда знала, что ничто на свете не может отратить меня от нее, даже если бы вся страна Кемет прокляла ее имя и уничтожила бы саму память о ней. Чем провинилась она,

что навлекло на нее гнев фараона, что заставило его низвергнуть со страшной высоты ту, которую столь высоко вознес он? Ее называли виновницей всех бед Кемет, ее ненавидели едва ли не больше, чем самого фараона, ее называли злой и хитрой, но для меня она была прекраснее всех даров Нут, прекраснее самой любви, которую внушала она. Молча смотрел я на нее, и сердце мое разрывалось от горя, когда я видел ее глаза, полные слез, ее лицо, искаженное страхом и страданием. Губы ее шептали невнятно, и я знал, что повторяет она один-единственный вопрос, на который ищет ответа, что молит своего царственно-возлюбленного ответить, объяснить: за что? За что? Но я не знал, наказана или спасена была она гневом фараона, и потому не мог разделить ее страдания, хотя и готов был сделать все, чтобы избавить ее от них. Только один светильник горел в ее покое, только это маленькое пламя освещало ее великое горе и мою великую любовь. И я сказал моей Кийе:

— Госпожа моя, возлюбленная моя госпожа, ты должна уйти, тебе лучше покинуть Ахетатон. Я останусь возле твоей колесницы, если ты пожелаешь, я буду сопровождать тебя всюду. Остаться здесь опасно, гнев его величества — да будет он жив, цел и здоров! — губит его врагов...

— Врагов?! Разве я враг ему?

— Но он изгнал тебя!

— Его обманули... царица-мать и этот проклятый Туту, и старый хитрый Эйе, и этот проклятый Хоремхеб....

— Не говори плохо о Хоремхебе. Не будь его, страна Кемет испытала бы многие бедствия. Кийа, прошу тебя, не говори плохо о Хоремхебе! Никто не может проникнуть в мысли его величества, никто не знает, что побудило его поступить так...

— Я знаю! Царица Тэйе, глаза которой уже обратились в сторону Запада, отец бога Эйе, полководец Хоремхеб, царица Нефр-эт, Меритатон и царевич Нефр-нефру-атон, все они, возненавидевшие меня!

— Кийа, тобой движет гнев...

— Я ждала этого! Я была слишком прекрасна для них, слишком недосыгаема. Воля моя была волей для фараона, со-

гласно моему желанию он принимал и отсылал послов, согласно моему желанию карал моих врагов, тех, для кого я могла просить казни...

— Молчи, Кийа!

Я закрыл ей рот рукой, ибо стены дворца могли иметь уши, ибо слова, которые она произносила, были слишком страшны. Кто мог догадаться, какую власть имела эта маленькая женщина? Только ее могущественные враги, Эйе и царица-мать. Но Хоремхеб, мужественный и благородный Хоремхеб, как мог он ненавидеть Кийю, как мог он мстить женщине? Кийа не права. Не права! Не права!

— Госпожа моя, смири свое сердце, сдержи свой гнев и свою печаль, помни о том, что тебе нужно спастись...

— От моего возлюбленного? От Эхнатона, чье лицо склонялось над моим столько раз?!

— Именно поэтому, Кийа, именно поэтому... Разве не клялся он в любви и верности царице Нефр-эт? Разве ханаанская царица не была владычицей его сердца целых три года?

Она вспыхнула, и я увидел перед собой лик разгневанной Тефнут⁸⁰, прекрасный и внушающий ужас. Пальцы ее разжались, она выпустила мою руку, блеск ее глаз затмевал блеск огня.

— Ты меня равняешь с ними, Джхутимес? Плакал ли он на их коленях? Говорил ли им о своем страхе, который гнал его из Опета? Посадил ли он ханаанскую царицу рядом с собой на трон Кемет?

— Кийа, ты погубишь себя!

— Что мне осталось? Уйди, не оставайся рядом со злейшим врагом его величества, не пятнай свою честь воина разговором с той, которая погубила Кемет!

— Кийа, не говори так! Кийа, ты знаешь о моей любви, знаешь, что ты одна для меня под благословенными лучами солнца, знаешь, что нет у тебя слуги преданнее царевича Джхутимеса, и ты говоришь так, ты отталкиваешь меня!

— Ты хотел получить мое тело? Так бери его, Джхутимес, вот оно здесь, окаменевшее от горя, оно принадлежит тебе,

потому что не нужно больше его величеству, вот оно, которое вскоре станет добычей огня! Бери его, Джхутимес, ты же мужчина, и в жилах твоих течет царская кровь, более царственная, чем в жилах Эхнатона, ведь его мать — дочь простого хранителя храмового скота! Что же ты медлишь, Джхутимес? Бери его!

Голова моя пылала, словно объятая венцом полуденной Сохмет, и кровь в жилах казалась расплавленным золотом, так обжигала она все тело, так яростно стучала в виски. И я сжал ее в своих объятиях, мою единственную, мою прекрасную возлюбленную, но не лег с ней, а вынес ее на руках из разукрашенного дворца и привез в дом моего друга, Пареннефера, тоже подвергнутого гонениям, человека, когда-то близкого ко двору его величества, руководившего постройкой Дома Солнца в старой столице. Забытый всеми, к счастью, и своим бывшим покровителем, жил он уединенно на окраине Ахетатона, ибо жена его и дочь остались при дворе и он не хотел разлучиться с ними. Туда и привез я мою возлюбленную госпожу и там пал жертвой огненной Сохмет, там стали мы подобны первоначальным Гебу и Нут, там приняла она мою любовь и мое семя, там обрел царевич Джхутимес свое недостижимое счастье. Наутро я вернулся во дворец фараона и был удивлен тем, что никто не заметил моего отсутствия. Мне казалось, что рушится мир, но никто, кроме меня, не слышал грохота, никто не видел разверзшейся пропасти и благословенного Хапи, изливающего свои воды с неба. Тутанхатон встретил меня, но он был печален и молчалив. А я боялся разомкнуть уста, чтобы не выдать своей тайны, и тоже хранил молчание, прерывая его лишь изредка коротким приказанием. Так протекли часы обычных занятий, и мой ученик был сегодня рассеян и неловок. Когда же он выронил из рук боевую палку, я велел ему остановиться и строго спросил:

— Что с тобой случилось, почему руки твои сегодня подобны женским рукам?

Раньше нелегко было бы ему перенести такое оскорбление, но сегодня он только опустил глаза и ничего не ответил. Я подошел, взял его за плечо — в глазах его были слезы.

— Ты плачешь, Тутанхатон? Почему?

Мне странно было видеть его плачущим, более странно, чем царевича Нефр-нефру-атона. И он знал, что мне это странно, потому что тихо сказал:

— Ты хочешь знать все, Джхутимес?

— То, что ты пожелаешь мне рассказать.

— Я хочу, чтобы никто не мог нас услышать...

— Тогда поговорим в лодке.

Он сидел напротив меня и казался совсем маленьким, совсем ребенком. Обиженным ребенком, огорченным ребенком. И я снова спросил его:

— Что с тобой случилось, Тутанхатон?

Тихо-тихо начал он свой рассказ, и порыв ветра заглушил его слова. Поэтому, взглянув на меня, он начал снова.

— Мы с Анхесенпаатон спустились к берегу Хапи по длинной лестнице, что ведет из дворца. Мы сидели там, когда от другого берега отчалила тростниковая лодка, совсем небольшая. В ней был старик, странный старик. Не жрец и не земледелец, не воин и не флейтист, с глазами пустыми, как дно бронзовой чаши. Он долго смотрел на нас и ничего не говорил. Я встал, чтобы защитить Анхесенпаатон, потому что она боялась, и тогда он сказал: «Небосклон Вечности — одному. Другому — немота Великой пустыни на всю жизнь, до конца дней...» Анхесенпаатон испугали эти слова, и она заплакала...

— И тебя тоже испугали?

Он признался со вздохом:

— И меня.

Тревога закралась в мое сердце, и я долго искал слова утешения. Был ли этот старик бродячим заклинателем, безумцем или человеком, подсланным врагами фараона? Всем было опасно жить в царском дворце, всех могла настичь месть врагов фараона, и немало нашлось бы в Черной Земле рук, готовых вонзить кинжал в сердце ребенка только потому, что в его жилах текла кровь, сходная с той, что мечтали бы увидеть разлитой по каменным плитам дворца ненавидящие Эхнатона.

Но если старик был подослан, как мог он узнать, что именно в этот час царственные дети окажутся на берегу Хапи?

— Старик был безумен и хотел испугать вас, — сказал я наконец, и мне казалось, что никогда в жизни я не произносил большей лжи. — Обратись к своему воспитателю, пусть он прочтет над вами заклинание, отгоняющее злых духов. Не придавай значения словам безумца, успокой царевну, не страшись ничего, ибо вы находитесь под покровительством великого Атона. Все пройдет, Тутанхатон, не тревожься, не печалься. Заклинание развеет твою тоску и тоску Анхесенпаатон, слова эти будут записаны и уничтожены, тем самым уничтожится и смысл их. Обратись к жрецу Мернепта, расскажи ему все от начала до конца, расскажи и то, что ты, быть может, утаил от меня...

— Я ничего не утаил от тебя, Джхутимес, — возразил мальчик, и в его голосе звучала глубокая обида. — Разве существуют тайны, которые надо скрывать от друзей?

Я скрывал мою тайну не только от него, доверчивого и наивного несмышленища, не только от друзей, но и от себя самого, ибо старался не думать о том, что Кийа все еще находится в доме Пареннефера и я могу вернуться к ней. А она ждала меня и, когда я вернулся, бросилась мне навстречу и обняла меня. Лицо ее хранило следы недавних слез, и оттого жгучая красота ее поблекла и, казалось, цвела уже не так ярко. Но это была Кийа, моя Кийа, и она была рядом со мной.

— Кийа, — сказал я ей, — моя возлюбленная Кийа, войди в мой дом госпожой и повелевай мною, как повелеваешь ты рабами и слугами. Выслушай меня, Кийа! Я давно стал твоим рабом, а тебя хочу сделать царицей. Уедем вместе, покинем Ахетатон, забудем все, что было с тобою и со мной до нашей встречи. Мы оба молоды, впереди у нас еще много радостных дней, я сумею сделать все, чтобы ты забыла причиненное тебе горе, я буду оберегать тебя превыше собственного сердца, я буду исполнять все твои желания, даже если ты прикажешь мне броситься в пропасть. Кийа, моя прекрасная Кийа, позволь мне называть тебя госпожой моего дома, позволь мне быть твоим возлюбленным братом!

Так говорил я, но взгляд ее был устремлен мимо меня, в пустую и одинокую даль прошлого счастья. Я сжал ее руки, она не ответила. Я привлек ее к себе и заглянул ей в глаза, но она все молчала, отрешенная, далекая. Наконец она разомкнула губы, и я услышал ее ответ, горький, как самое горькое вино.

— А забуду ли я, что когда-то была доброй властительницей Кемет, что носила корону фараонов? Забуду ли я слова и клятвы того, имени которого не хочу произносить вслух?

И я вошел с ней в дом Пареннефера и разделил с ней ложе, как в прошлую ночь, но я знал, что Кийа никогда уже не станет госпожой моего дома. Утром я приказал шестерым преданным воинам сопровождать ее в пути и простился с нею, оставив в ее руках концы своих оков. Она не отказалась от них, она приняла их милостиво. Она сказала, что когда-нибудь, быть может, вспомнит обо мне и войдет в мой дом, но сейчас слишком тяжела ее рана, слишком глубоки ее страдания. Я вновь сказал ей, что не будет у нее ничего вернее, чем любящее сердце царевича Джхутимеса. И она возразила лукаво, уже с улыбкой, улыбкой без благодарности и обещания:

— А разве сможешь ты расстаться с маленьким царевичем, которого учишь плавать и владеть оружием? Ты любишь его как родного сына, и в этом ты подобен другим. А он сторонился меня не хуже всех прочих и вместе со всеми радовался моему падению. Разве мне одной принадлежит твое сердце, мой верный Джхутимес?

И я понял вдруг, что это правда. Больше я ничего не сказал ей, и мы только обменялись прощальной лаской рук и расстались без обещаний. Но когда я вошел в опустевший дом моего друга, мне захотелось огласить покинутый ею покой диким воем брошенного пса.

***

Занятия закончились плохо: лопнувшая тетива сильно хлестнула Тутанхатона по лицу, на коже мгновенно вздулась багровая полоса, от боли мальчик закусил губы. От прохладной

воды ему стало немного легче, он даже сказал, что готов продолжать, но мне было жаль его, и я видел, как мужественно он пересиливает боль. Мы вернулись во дворец, где с самого порога ощутили царившее в нем беспокойство. Навстречу нам шел Эйе, шаги его не в пример обычным были быстры, резки, лицо сурово и мрачно. Он поклонился нам и не сказал ни слова, но на все не успевшие слететь с наших губ вопросы ответила царица Меритатон, выбежавшая навстречу из покоев царицы Тэйе. Сквозь слезы она объявила нам, что свершается срок царицы-матери, что она призвала в свои покои сына, а теперь с ней остался только жрец Мернепта, лицо которого почернело от горя. Тутанхатон побледнел, его губы слегка приоткрылись, словно он хотел задать какой-то вопрос, но Меритатон ушла от нас, побежала дальше, ей навстречу уже шел встревоженный и опечаленный Нефр-нефру-атон. Мы остались в обширном покое, примыкающем к покою царицы, сюда постепенно собрались и другие члены царской семьи, пришел и сам фараон, в глазах которого мы увидели столь редкие для него слезы, слезы истинного горя. Мы находились там долго, долго. Окна были распахнуты в сад, небо над деревьями постепенно приобретало фиолетовый оттенок, затем очень быстро начала сгущаться тьма. Вот уже первые звезды заблестели в глубине всегда безмолвных, всегда бесстрастных небес, вот послышался жалобный крик ночной птицы, вот наступила та особенная тишина, которая овладевает сердцами и сковывает их неммым страхом. Казалось, ничто не может разбить эту тишину — ни оглушительный рев песчаной бури, покрывающей пеплом страха лица путников в Ливийской пустыне, ни грозный голос разливающегося Хапи, ни даже злобный рык чудовищ Аменти. Но голос, брошенный в эту тишину вслед за багровым отблеском факела, обыкновенный человеческий голос рассек ее на множество осколков, будто бросили на пол драгоценный стеклянный сосуд из Джахи, и осколки эти, разлетевшись, впились в сердца тех, кто невольно вздрогнул от звука голоса, кто прикрыл ладонью от света привыкшие к темноте глаза, кто судорожно вздохнул, пытаясь подавить рыдание.

— Ее величество царица Тэ́йе, добрая властительница страны Кемет, взошла в свой горизонт...

Это сказал жрец Мернепта, появившийся на пороге, старый жрец Мернепта, в глазах которого застыли безмолвные, окаменевшие слезы великого горя. Пронзительно вскрикнула и зарыдала одна из младших царевен, тихо заплакала царица Нефр-эт, а его величество уронил голову на грудь, и все увидели, что по лицу его текут огромные светлые слезы. И вот вопли и рыдания окончательно разрушили тишину, наполнили воздух дворца горьким ароматом цветов с полей Иалу. Тутанхатон сжал мою руку, и я почувствовал, что его бьет дрожь. Рядом стояла маленькая царевна Анхесенпаатон, она тихо плакала, закрыв лицо руками. И хотя царица Тэ́йе не была моей матерью, хотя она была врагом моей возлюбленной госпожи, я чувствовал глубокую печаль, рвущую сердце жалобным криком птицы мент. Но никто из нас не мог поднять глаз и взглянуть на старого жреца, вышедшего из покоев царицы, ибо многие знали, а многие догадывались, что он любил ее. Он стоял один, величественный в своем горе, застывший подобно статуе из черного камня, и все крики и рыдания разбивались о безмолвие его скорби... Никто не мог предугадать великого несчастья, не мог и жрец Мернепта, с которым сразу после утренней трапезы царица-мать отправилась гулять по саду. О чем говорили они? Видимо, о чем-то хорошем, потому что старая царица вернулась во дворец улыбающаяся, довольная. И вдруг приложила руку к груди, там, где сердце, тихо вздохнула и опустила на пол, прежде чем успели подхватить ее слуги и бросившийся к ней Мернепта. Когда ее уложили на золотое ложе, она открыла глаза и тихим, но спокойным и твердым голосом приказала позвать к себе сына. Эхнатон пробыл у нее недолго и, выйдя из покоев матери, ушел к себе, удалился от всех, никто не видел его до тех пор, пока не объявили ему, что конец царицы Тэ́йе близок. Сразу после него в покои царицы был призван жрец Мернепта, на руках которого испустила дух великая Тэ́йе, вершительница судеб Кемет, мудрая Тэ́йе, непобедимая...

Она и в смерти была прекрасна и горделива, благородство ее лица было достойно древних изображений. Не потому ли когда-то покорила она сурового и надменного Аменхотепа III, что от рождения жила в ней эта горделивая царственность, свойственная только избранным? Недовольная знать никогда не скрывала своей неприязни к дочери рядового жреца, простого хранителя храмового скота, но разве мог кто-либо заставить Аменхотепа отказаться от того, что он любил? Она и после его смерти осталась царицей, ведь она лучше всех придворных разбиралась в государственных делах, лучше всех знала слабости правителей союзных держав, быстрее всех понимала, когда нужно действовать, а когда подождать. Она, ставшая матерью нескольких дочерей и единственного сына, и в старости оставалась женщиной, наряд которой всегда был благословлен Бэсом. У нее было мудрое сердце, язык ее никогда не произносил ненужных слов. И вот теперь лежала она, прекрасная и неподвижная, с улыбкой на застывшем лице, и губы ее все еще были приоткрыты, будто она хотела произнести последнее слово любви. Величие умершей царицы превышало величие живого владыки, ставшего вдруг похожим на растерянного ребенка, некрасивого и болезненного, обделенного любовью и вниманием близких. И царица Нефр-эт положила руку на его плечо и долго держала ее так, молча и нежно, опустив заплаканные глаза. Он, покинувший Кийю, сам был покинут, и земля горела под его ногами, раскаленная гневом уничтоженных богов. Дом Солнца, построенный им, был еще крепок, но дом его Ба был уже слишком хрупким, чтобы выносить злые порывы ветра. И хотя он был моим соперником, а потом врагом моей возлюбленной, я пожалел его, ибо он воистину был проклят, и боги не давали ему сына и постепенно отнимали у него детей, и даже те, кто любил его, отворачивались от него. А тот, кто стал его соправителем и стал называться возлюбленным Эхнатона, был слишком слаб, чтобы плечо его могло стать опорой разрушающегося дома. Но был рядом Эйе, мудрый Эйе, которого так боялась моя возлюбленная госпожа, Эйе,

отец бога, с лица которого так редко исчезала приветливая улыбка. Это благодаря желанию Эйе случилось то, что случилось...

ОТЕЦ БОГА ЭЙЕ

Хоремхеб шлет отчаянные послания фараону, каждый знак его письма начертанием схож с копьем, стрелой, острием меча. Хоремхеб уверяет фараона, что большая часть ханаанских владений скоро будет потеряна, что хатти наступают на пятки, что вавилонские купцы боятся воинственных хабиру, что правители дружественных областей гибнут один за другим и что если его величество — да будет он жив, цел и здоров! — не предпримет нужных мер...

А Эхнатон мечтает в своей роскошной столице, Эхнатон занят тем, что уничтожает настенные надписи в гробницах, безжалостно истребляя имена старых богов, имена прежних друзей. Даже благодетельствованные им низкорожденные порой становятся жертвами его гнева. Гибелен гнев фараона! Когда он гневается, Синайские рудники переполняются рабами, а воды Хапи краснеют от крови. В древней благословенной стране Кемет никто никогда не приносил человеческих жертв. Эхнатон — приносит!

Сегодня прибыла вавилонская царевна, предназначенная в жены фараону, оскорбленная красавица. Фараон послал сопровождать ее лишь пять колесниц, тогда как во времена его отца старшую сестру этой царевны сопровождало три тысячи! Оскорблены были не только вавилоняне, но и все мы, жители великой Кемет, мы прятали глаза под укоризненными и гневными взглядами вавилонских послов. Эхнатон не замечал ничего, он едва взглянул на новую жену. И опять — уничтожать, уничтожать, уничтожать...

С тех пор как царица Тэе ушла в страну Заката, нет никого, кто мог бы остановить руку фараона. Это не под силу даже Эйе, многоопытному Эйе... Никто еще не догадывается об этом, но Эйе знает правду. Один из немногих, часто один из

всех! Эйе умеет ждать. Эйе умеет молчать, когда это нужно. Именно поэтому гнев фараона обрушивается на него реже, чем на всех остальных. Но сейчас очень тяжело, очень... Вся эта разноголосая толпа из дальних степатов состоит из людей, пахнувших луком и рыбой, из людей, не умеющих носить парики. Откуда взялся военачальник Май? Откуда взялся Хоремхб? Откуда взялись все эти многочисленные служители Дома Солнца?

Царевич Нефр-нефру-атон... о нет! — младший фараон Анх-хепрура Хефер-нефру-атон пришел ко мне, чтобы попросить совета. И вновь сказанное противоречит действительному — нет, это я пришел в покои его величества и был милостиво принят бледным, болезненным юношей с тоскливым взглядом красивых черных глаз, унаследованных им от матери, вавилонской царевны. Он сидел в роскошном кресле, украшенном золотом, эбеновым деревом и перламутром, он держал в руке позолоченный жезл, его грудь украшали драгоценные ожерелья. Но казался он еще более слабым и хрупким, чем обычно, казался тенью самого себя, собственным Ка, сохраняющим прозрачность и невесомость. Его больное от рождения сердце искало только любви и покоя — первую он обрел, во втором было отказано всякому, родившемуся под сенью царского дворца. Брак с Меритатон, о котором он мечтал, не принес успокоения, ибо одному сопутствовало другое, свадебным флейтам — торжественные трубы. Эхнатон ничего не прощал, менее всего он был склонен прощать слабость и нерешительность. А Нефр-нефру-атон был именно такой. И не было ничего удивительного в том, что он пожелал спросить совета у мудрого Эйе, к словам которого не раз склонял свой слух даже суровый Аменхотеп III. Нефр-нефру-атон и не скрывал, что ищет помощи человека более опытного, более мудрого. Он спросил, знаю ли я о ханаанских послых, доставивших ко двору богатые и роскошные дары. Кивком головы я дал ему понять, что знаю. И тогда он спросил, стоит ли требовать от ханаанских правителей увеличения дани. Он не смотрел на меня, когда задавал этот вопрос, его тонкие пальцы

нервно сжимали жезл. Должно быть, фараон поручил своему младшему брату самостоятельно решить это дело. Что ж, он был занят истреблением имен в гробнице военачальника Маи!

— Твое величество, — сказал я, — не всегда требовать значит получить, и не всегда требовать значит показать свою силу. Как должен действовать Великий Дом, если хананеи откажут? Непокорных наказывают плетью, но концы нашей плети не простираются столь далеко. Непокорных повергают ниц и превращают в рабов, но нужны крепкие руки, чтобы надеть на рабов цепи. Оглашать воздух бесполезными повелениями все равно что кричать под водой.

С ним я мог говорить прямо, не соблюдая древнего обычая, согласно которому всякая мысль должна была исходить только от фараона. Да он и был всего лишь соправителем, которого никто не принимал всерьез. И я не считал нужным тратить время на бесполезные уверения несмышленища в его мудрости.

— Ты думаешь, Эйе, что мне надлежит принять их милостиво?

— Более чем милостиво, твое величество, ибо в то время, когда многие отпали от Кемет, некоторые ханаанские правители еще хранят верность Великому Дому. Верность заслуживает награды, вероломство наказывают. Покажи себя сильным, твое величество, дай почувствовать хананеям, что Кемет умеет ценить преданность. Величие нашего государства, твое величество, издавна покоилось на умении обходиться и с друзьями, и с врагами. С первыми — особенно. Знаешь ли ты, твое величество, как говорил твой великий отец? Он говорил: «Превыше врагов опасайся друзей, ибо даже самые добрые их мысли не могут стать нашими мыслями!» И он же говорил: «Опасайся, но не показывай этого, опасайся, но будь честен с ними». В одиночку даже такая великая страна, как Кемет, может уподобиться муравейнику, где каждый делает свое дело и все могут погибнуть, если сверху упадет искра.

Юноша задумчиво перебирал в руках позолоченный жезл, стараясь вникнуть в мои слова, постичь их скрытый смысл. А

ведь я говорил ясно, не так, как делали это другие придворные. Читал ли молодой фараон послания Хоремхеба? Знал ли о том, что вокруг Кемет все теснее сжимается шипящее кольцо ядовитых змей?

— Благодарю тебя, Эйе, — сказал он наконец, — я рад, что склонил слух к твоим речам. Я доволен тобою, Эйе, иди...

Мне, сыну верховного жреца Амона-Ра в древней столице фараонов, супругу кормилицы царицы Нефр-эт, советнику могучего Аменхотепа III, нелегко было стать служителем царственного солнца. Царский дом был моим домом, иного у меня не было, иных детей, кроме детей царского дома, у меня не было, два моих сына покинули этот мир один за другим еще в младенчестве. Боги наделили меня умом и проницательностью, они не отказали мне даже в красоте, которая стала явственнее с годами. Глаза мои были зорче глаз сокола, но они были и глазами ночной птицы, ибо умели видеть в темноте. Никогда не было в стране Кемет такой темноты, как в дни владычества царственного Солнца...

Царица Тэйе не доверяла мне, ибо сама хотела быть первой советчицей своего мужа. В ее глазах я был тем, на кого ей было больно смотреть, — кровь, струящаяся в моих жилах, была более древней и знатной, чем ее. В дни могущества Амона и я мог бы стать могущественным, но тогда не пришло еще мое время. Не пришло оно и сейчас, хотя близится к концу могущество Атона, хотя Кемет бурлит, как воды Хапи во время великого разлива, хотя каждый новый камень, брошенный в старых богов, может вызвать страшную бурю. Древняя столица фараона не смирилась, правители дальних степатов в настенных надписях своих гробниц ставят рядом имена Амона и Атона, а то и вовсе забывают последнего. Фараон, охваченный безумием, приказал уничтожить изображения богов в посланиях иноземных царей. Вот и не стало богов, вот и сам могущественный Атон превратился просто в царствующего фараона. Тэйе умела сдерживать необузданные порывы своего сына, она была владычицей жезла, Эхнатон же — воистину владыка плети...

Ко мне привели человека, покрытого пылью, измученного, едва державшегося на ногах. Он упал к моим ногам и не мог подняться, пока я не приказал двум рабам поднять его. Человек едва дышал, и нельзя было понять, сколько ему лет, потому что лицо его казалось лицом древнего старца, так был он измучен. Я приказал дать ему напиток, но предупредил, чтобы он пил медленно, ибо для иссушенных внутренностей вода могла стать смертельным ядом. Только после этого он смог разомкнуть окровавленные, спекшиеся губы, и я узнал, что он прибыл из Она⁸¹, чтобы рассказать о готовящемся покушении на жизнь его величества Эхнатона. Он сказал, что жрецы бывшего храма Пта⁸² послали в Ахетатон человека, который должен подкупить одного из телохранителей фараона и занять его место во время торжественного жертвоприношения в Доме Солнца и убить Эхнатона, когда его величество в сопровождении только брата-соправителя направится к жертвеннику в глубине храма. Ни лица этого человека, ни его имени пришедший ко мне не знал, но знал только, что он очень искусен и что сердце его полно ненависти. Кто был сам гонец, прибывший ко мне, действовал ли он сам или по чьему-нибудь повелению, я не успел узнать, потому что на губах этого человека показалась кровавая пена и он отправился в Аменти раньше, чем я успел узнать его имя и вознаградить за преданность Великому Дому. В мучительных сомнениях провел я долгие часы, размышляя над тем, должен ли я предупредить Эхнатона о грядущей опасности или попытаться самому отыскать преступника и предать его казни. Опыт подсказывал мне, что преступник может быть не один, что в случае неудачи его может заменить второй, и я решил положиться на волю могущественных богов и сменить телохранителей в самый последний миг, когда убийце будет казаться, что он близок к осуществлению своей цели и ничто не может ему помешать. Так будет лучше всего, рассудил я, и никто на свете не знал, что целую ночь и целое утро вслед за этим в моих руках была жизнь доброго властителя страны Кемет, царственного безумца Эхнатона, а может быть, и жизнь его брата, поневоле разделившего с ним страш-

ную в те дни судьбу правителя великого государства. В Доме Солнца будут все члены царской семьи, кто знает, что может случиться? Все жившие в тени венца Эхнатона стояли на краю гибельной пропасти.

И было жаль их, ни в чем не виноватых, жаль царственных детей, подобных птицам, свившим гнездо под грозящей обрушиться скалой. Торжественна и нарядна, как гирлянда цветов, была процессия, направлявшаяся к Дому Солнца в центре Ахетатона. В окружении блестящей свиты царедворцев и военачальников их величества Нефр-хепрура Уэн-Ра Эхнатон и Анх-хепрура Хефер-нефру-атон на своих золотых колесницах приближались к храму Атона, и солнечные лучи устилали им дорогу. Великое множество цветов гибло под колесами золотых колесниц, украшая своим гибнущим великолепием великолепие царского триумфа. Разбивались о непроницаемое молчание стражников и телохранителей приветственные крики толпы, словно не могли долететь до фараонов поверх их голов, звучали торжественно и грозно гимны, которые пели новые служители Атона, пары благовонных курений поднимались к небесам и, казалось, утопали в облаках, сами становились облаками, готовы были пролиться на землю тяжелыми душистыми водами небесного Хапи. Люди падали ниц в горячую сухую пыль, заметив приближение золотых колесниц, боялись встретиться глазами с их величествами, если бы их нескромный взгляд мог пробиться случайно сквозь кольцо стражей. Люди славословили величие царственного Солнца и его сына, глотали пыль, кашляли, терли себе глаза, проливали слезы восторга, передавали из уст в уста: «Их величества милостивы... Их величества будут награждать верных слуг... Их величества изливают милость свою на головы бесчисленных сирот...» Его величество Эхнатон был бледен, губы сжаты, упрямые, суровые глаза напряженно всматривались в даль, его величество Хефер-нефру-атон улыбался одними уголками губ, словно боялся собственной улыбки, похожий на нарядную статую Золотого Хора. Царица Нефр-эт и молодая царица Меритатон следовали за их величествами, а за ними — другие

члены царской семьи, блиставшие в меру способности своей блистать в присутствии такого грозного светила, как его величество Эхнатон. Знатнейшие люди Кемет, плоть от плоти божественных, древняя благородная кровь, знавшая владычество Осириса и Сетха, чистая кровь солнца, благороднейшие мужчины и женщины, рожденные повелевать, привыкшие повелевать даже на смертном ложе, несли они в своих сердцах древний завет власти, древний запрет быть похожими на простых смертных, древнее веление богов быть подобными им в милосердии и справедливости, в гневе и ярости, в способности дарить жизнь и отнимать ее! Благородные лица, сухая тонкость черт, гордость губ и глаз, величественность осанки, скупость и изысканность жестов — сам вид этих людей говорил об их божественном происхождении, о первоначальном благословении, разливающимся подобно великому Хапи по руслам многих поколений. И рядом — новая знать, кровь тех, кому в древние времена не дозволялось даже лицезреть торжественные выходы владык Кемет, тех, кто в иные времена не поднялся бы выше носителя опахала по левую руку правителя самого захудалого степата. Вот они здесь — бронзовотелье и широкоплечие, мускулистые, как камнесечцы, идущие широким шагом, как ливийские наемники, на которых и драгоценнейшие ожерелья выглядят как гирлянды цветов на шее рабочего быка. Вот они здесь, многочисленные сироты, которых фараон возвеличил и позволил им вкушать хлеб и вино со своего стола. Вот они здесь, позор Кемет, глядящие снисходительно и с презрением на знатных, но бедных по сравнению с ними. Вот они здесь, постоянно награждаемые фараоном и глядящие ему в рот, как собаки. И виной тому его величество Нефр-хепрура Уэн-Ра Эхнатон — величие и сила, мощь и гнев, проклятие сосланных в каменоломни Хенну, благословение избранных. Так он велик, как велик мир, как велика тайна небесных светил, как велика тайна мирового порядка, сменяющего день ночью, разлив — засухой, велик, как солнце, покрывающее бронзовым загаром лица избранных и сжигающее своей яростью неосторожных, пренебрегших его силой. Таков

фараон Нефр-хепрура Уэн-Ра Эхнатон, грозное настоящее Кемет, ее неведомое будущее. Если не остановит его рука тайного убийцы, вдохновленная местью изгнанных богов, никто уже не будет называться Аменемхетом или Сети⁸³, никто не почитит щедрыми жертвами самую священную из гробниц Осириса⁸⁴, никто не склонится в почтительном поклоне перед человеком в белой льняной одежде. Если только не остановить его, Кемет перестанет быть могущественнейшей державой, Кемет станет данницей ливийцев и хатти, знатные люди станут рабами царей Вавилона и Джахи, царевны станут наложницами мелких ханаанских правителей, царевичи — наемниками в войсках хабиру. Если не остановить его, гнев многотерпеливой Кемет может выйти из берегов и затопить роскошные дворцы Ахетатона, и река гнева обернется рекой крови царственных детей, чьи головы увенчаны золотыми диадемами. Если не остановить его...

Но вот и Дом Солнца, вот их величества сходят с колесниц, вот уже выстроились в ряд телохранители, невозмутимые, как каменные статуи. Кто из них прячет на груди нож, освященный в храме Пта? Не тот ли могучий кушит со шрамом через все лицо, с белками огромных глаз, сверкающих даже днем, военная добыча удачливого в боях военачальника Май? Нет, взгляд его спокоен, чист. А вот другой, бледный и напряженный фенеху, глядящий вниз, себе под ноги. А может быть, вон тот, который стоит с краю и не смотрит ни на кого, даже на их величеств? Вот она — рука богов, вот она скрыта в невидимой руке, вот она, готовая остановить дикого зверя, сорвавшегося со своей цепи. Вот сейчас их величества пойдут к жертвеннику во Дворе Солнечного Камня, где встретит их верховный жрец Дома Солнца Туту, и телохранители двинутся вслед за ними, чтобы отстать мгновенно, по знаку одного из жрецов. Мне надлежит проводить их лишь до третьего зала, дальше они пойдут одни. Вот приблизились царедворцы с великолепными дарами, приготовились возложить к алтарю царственного Солнца алебастровые сосуды с вином и драгоценным маслом, цветы, разноцветные фрукты. Как много цветов, и как много среди них

пурпурных! Но и белые, голубые и розовые цветы тоже могут стать пурпурными, если на них брызнет кровь фараона. А ведь если не пощадят его, не пощадят и юношу Хефер-нефру-атона, и еще больше станет пурпурных цветов, когда хрупкий юноша обагрит их своей кровью, более знатной и чистой, чем у его брата. И драгоценные дары, которые несут царедворцы к престолу царственного Солнца, могут стать погребальными дарами его сыновей: Остановись, твое величество Нефр-хепрура Уэн-Ра Эхнатон! Остановись и спроси свое сердце, готово ли оно пасть на весы Осириса, в которого ты не веришь или в которого веришь слишком сильно, ибо объят страхом перед ним. Смерть, как черная змея, дразнит своим ядовитым жалом, она так близко, что ощущается уже запах тления, ужасный, сладковатый запах. Неужели ты не чувствуешь его, добрый властитель Кемет, государь, живущий правдою, единственный для Солнца? Если не остановить тебя, сколько еще неисчислимых бедствий принесешь ты вскормившей тебя Черной Земле? Если не остановить тебя, не придется ли тебе угасающим взглядом увидеть твоих детей, распростертых в луже крови? Если не остановить тебя, не придется ли многоопытному Эйе обвинять себя в гибели Кемет?

Совсем близко от их величеств стоят царицы, мать и дочь, стоит царевич Тутанхатон, девятилетний мальчик, красота которого уже влечет к себе взоры, царственный мальчик с глазами Хора-ребенка, добрыми и умными глазами царицы Тэйе. Вот стоит царевич Джхутимес, влюбленный в свирепого Хоремхеба, видящий в нем единственный залог существования Кемет. Вот стоят маленькие царевны Анхесенпаатон, Нефр-эт младшая и Нефр-нефрура, вот и самая младшая Сетепенра, вот стоит жрец Мернепта, вот моя жена Тэйе, вот царедворцы Маху и Нахт-Атон, вот хранитель сокровищницы Сута, вот кормилица царевича Тутанхатона Меритра, вот еще и еще люди, и нет среди них никого, кто разделит со мной груз моего смятения. Если не остановить его, не предам ли я губительному огню свое тело и мумии моих предков? Если не остановить его, не проклянут ли потомки имя Эйе?

Но верность дается человеку при рождении, она — драгоценнейший дар Хатхор, и велика верность старого Эйе царскому дому Аменхотепа, доверявшего ему безраздельно.

И когда телохранители сделают первый шаг, верный Эйе подаст знак тем, кто мгновенно сменит их, и будет спасена жизнь его величества Нефр-хепрура Уэн-Ра Эхнатона, а может быть, и жизнь его величества Анх-хепрура Хефер-нефрутона. Но если миг промедления решит дело, если убийца успеет нанести удар, если рядом с ним окажется кто-нибудь из царственных детей? Если он хочет попытаться спасти свою жизнь, это невозможно. Но скорее всего человек, идущий на такое, готов к смерти, даже к страшной, мучительной смерти. Миг, один миг решит судьбу фараона. И судьбу Кемет. И судьбу мира. Эхнатон медлит, он тихо разговаривает о чем-то со своим братом. Быть может, ты ошибся, старый, многоопытный Эйе? Быть может, получив известие о готовящемся покушении, ты должен был доложить обо всем фараону и внушить ему, что он должен отказаться от торжественного жертвоприношения в Доме Солнца? Но тогда еще, быть может, не свершилось ничего предназначенного жрецами храма Пта и посланный ими человек не успел подкупить царского телохранителя. Но отчего же он так рассчитывал на удачу, отчего был уверен, что ему удастся подкупить царского раба? У жрецов есть много способов заставить человека исполнить их желание. Теперь же поздно сокрушаться о том, что не сделано. Эйе совершил свой выбор, Эйе делает знак, и одна шеренга телохранителей мгновенно сменяется другой. Их величества даже не обернулись, ибо не могли знать, что от них отступила смерть. У кого из тех, кто остался стоять, бешено застучало сердце, дрогнула рука, сорвались с уст проклятия? Скоро мне будет известно имя этого человека, скоро я получу возможность взглянуть в его горящие ненавистью глаза, скоро прикажу подвергнуть его самым страшным мукам, которые только в силах изобрести человеческий ум. Смею ли я подвергнуть этого человека чудовищным мучениям, если колебался сам, зная, что в моих руках жизнь фараона?

Но верность Эйе царскому дому безгранична. Верность, основанная на молочном родстве, верность, в основе которой древний завет подчинения верховным владыкам, верность, питающаяся любовью к детям, которых нет у старого Эйе. Эйе будет молчать о своей верности, пока не настанет его время... Когда на смену Эхнатону придет его младший брат, в мире все будет по-иному. Но возраст дает себя знать, в жаркую погоду, когда небо плавится от полуденного гнева Сохмет, начинает покалывать сердце и перед глазами плывут красные круги. Сегодня было слишком много волнений, сегодня Эйе должен дать отдых своим напряженным чувствам, смятенным мыслям. Получив достойную награду из рук их величеств — обыкновенную, не ту, которую дают в благодарность за спасение от смерти, — Эйе удаляется в свои прохладные покои, где рождаются его мысли, изменяющие направление пути Кемет, где зреет его великий гнев и великая обида... И горечь, ибо он видит, как покрывается черными язвами тело Кемет.

***

Молодой фараон-соправитель Хефер-нефру-атон снова был болен, тяжело болен, и снова я поил его настоем из целебных трав, и снова у ложа его сидела юная Меритатон, теперь уже его жена, которой не приходилось мешать осыпать возлюбленного нежными ласками. Когда-то я делал это по приказу фараона, а тот — исполняя желание Кийи. Теперь не было Кийи, презренной женщины, но не было в жизни Эхнатона и царицы, преданной и несчастной Нефр-эт. Все чаще овладевала им темная и грозная тоска, лишавшая крепости его мышцы, туманившая печалью его глаза, иссушающая его мозг. Он больше не покидал своего любимого дворца в центре Ахетатона, подарил Северный дворец брату-соправителю, а маленький разукрашенный дворец на юге столицы, в котором прежде жила Кийа — третьей своей дочери, Анхесенпаатон, любимой. Но тоска его не была тоской по изгнанной им самим возлюбленной, он и не думал о ней, как не думал обо всех тех

бесчисленных прежних любимцах, которых вдруг, внезапно, отдалаял от себя. Кемет уходила из его рук, как песок меж пальцев, бывшее могущество Кемет растворялось в тучах песка под копытами ливийских и арамейских коней. Окружив себя новой знатью, фараон не уничтожил старой, сменив соправителя, он уже не мог быть оправданным на суде жрецов Кемет, отделившись от царицы, он изменил своей клятве, начертанной на пограничных плитах Ахетатона. И не было во всем мире владыки, чья власть была бы могущественнее и призрачнее власти сына царственного Солнца, мечтателя и безумца Эхнатона, на которого все чаще нападали приступы его страшной болезни, и она, эта болезнь, уже не казалась благословением богов никому, даже бесконечно преданной, бесконечно любящей Нефр-эт. В день, предшествующий шестнадцатому празднованию его восхождения на престол, он призвал меня к себе, заставив покинуть страдающего от жестокой боли в сердце Хефер-нефру-атона. Он был в ярости, он проклинал Хоремхеба, осмелившегося в очередной раз просить разрешения пустить в ход войска на северо-восточных границах Кемет, он проклинал нерадивых чиновников, обогащающих свои дома непрерывно за счет царской казны, он гневался на Туту и на Маху, от его имени пытавшихся спасти торговлю с Вавилоном и Ханааном, он гневался на тех, кто осмеливался предупредить его об опасности, и на тех, кто уверял его в том, что никогда еще Кемет не была так сильна и могущественна. Казалось, фараон стоит по щиколотку в цветах, так живо были они изображены искусным художником на полу царского покоя, казалось, что золотые сандалии фараона ожесточенно топчут эти цветы. Эхнатон нервно переминался с ноги на ногу, покусывая губы, беспрестанно теребил подвески драгоценного ожерелья. Мне приходилось ждать, когда ярость фараона наконец найдет выход в потоке громких бессвязных слов, это должно было случиться, ибо лицо владыки постепенно багровело, черные глаза блестели ярко и зло. Впрочем, я делал то же, что и всегда — спокойно ждал, скрестив руки на груди, ждал молча, пока фараон обратится ко мне. Наконец он не вы-

держал, бросился к окну, резко отодвинул завесу из разноцветного тростника, целый поток солнечных лучей хлынул в покой и превратил расписной его пол в подобие настоящего луга, цветущего луга с трепетной и трогательной жизнью лепестков, листьев, насекомых, подлинный луг, а не призрачный цветочный ковер далекого загробного царства. Некоторое время Эхнатон будто дышал солнечными лучами, вбирая их в себя, как истомившаяся от засухи земля принимает благословение Хапи, и когда обратился ко мне, лицо его было уже более спокойно, только яркий румянец на скулах выдавал недавнюю, с трудом удержанную бурю.

— Эйе, что происходит во дворце? Что творится в Кемет? Говорят, что я поддаюсь нечестивым народам Сати⁵⁵? Это все Хоремхем! Говорят, что царская казна пустеет из-за того, что полнится казна Дома Солнца? Говорят, что я оскорбляю иноземных царей из-за того, что золото нужно мне самому для прославления царствования моего и моего отца?

— Это так, твое величество. Так говорят.

— И ты молчишь, Эйе, и позволяешь говорить?

— Что я могу сделать, твое величество?

— Твой язык подобен змее — когда она спит, она только ужасна, но когда просыпается, может ужалить смертельно! Придворные ропщут, и змея спит. Черный яд изливается на корону великих фараонов, и змея...

— Наблюдает спокойно за возней скорпионов, твое величество.

Эхнатон сделал быстрое движение, и золотая подвеска, хрустнув, осталась в его руке. Казалось, он должен был отбросить ее, но длинные пальцы впились в тонкую золотую птицу, как когти беспощадного льва, и не выпускали добычи. Нельзя было сейчас говорить с ним как с разумным правителем, даже просто разумным человеком, но я сказал ему:

— Твое величество, ошибиться может и великий, но мудрый умеет признать это, мудрый выше толпы, ибо знает ее слабости, знает, что подножием трона служат неджесы⁵⁶, простые писцы, воины, художники. Сделай хотя бы один шаг,

твое величество, покажись в Доме Солнца вместе с царицей Нефр-эт...

— Никогда!

Как нож, бросил Эхнатон это короткое и жестокое слово, и оно вонзилось в тишину солнечного покоя, безжалостно рассекло ее и отдалось многократным эхом. «Нет, нет! Никогда!» Даже для меня это было неожиданно, и эта глухая ярость ясно сказала мне: фараон болен, фараон медленно убивает себя своей яростью, жизнь фараона может оборваться внезапно... Пользуясь всеми своими правами, почти божественными, я положил руку на плечо Эхнатона и ощутил дрожь, бьющую тело владыки Кемет.

— Твое величество, мудрость никогда не облекалась первым словом, готовым сорваться с уст. Прости своего верного Эйе, но я скажу тебе, что гнев твой безрассуден. Ты силен и могуч, как твой великий отец, но есть место на земле, куда не могут проникнуть даже лучи царственного Солнца...

— Какое же это место, Эйе?

Фараон дышал тяжело, скарабей на его груди вздрагивал, как живой, и губы владыки были белы от ярости. Но я был спокоен, и ответ мой был спокойным.

— Человеческое сердце, полное темных тайн, человеческое сердце, великий Эхнатон. Никогда нельзя изведать до конца человеческое сердце, даже если это сердце обыкновенного неджеса. Ты никогда не думал о том, что изображения древних богов можно стереть с каменных плит, но нельзя уничтожить их в сердцах людей, питающихся благословением Хапи. Но теперь еще не поздно, твое величество, все или почти все можно исправить, власть Великого Дома по-прежнему нерушима, тяготы власти разделяет с тобой твой царственный брат, кроткий нрав которого может смягчить гневающихся...

Фараон откинул голову назад резким, почти судорожным движением, стал хватать воздух побелевшими губами. Длинная шея выгнулась и напряглась, руки беспомощно зашарили по воздуху, ища невидимой опоры, и страшная судорога сжала тело Эхнатона, бросила его оземь, на цветущий луг, утопающий в

солнечном свете. Не раз был я свидетелем таких припадков, но сегодняшний был особенно ужасен. Из горла Эхнатона вырывались страшные хрипы, и со стороны могло показаться, что Эйе смыкает пальцы на шею доброго властителя Кемет... Но он только помогал, оберегая фараона от удушья, ибо верность его царскому дому была безгранична и была сильнее его великой обиды. Постепенно судорога стала слабее, хрипы тише, и вот уже фараон распростерся на полу, как человек, отдыхающий после тяжелого труда, глаза его были закрыты, но дыхание становилось ровнее, и только мускулы все еще были сведены, и легкая дрожь пробегала по его телу. Стоя на коленях рядом с Эхнатоном, я разжал его пальцы, вынул из них золотую птицу. Мягкий металл легко поддался необузданной ярости фараона, шея птицы была надломлена. Долго рассматривал я эту птицу, держа на ладони... Не то ли произошло с фараоном, повелителем Кемет, бесстрашным и могущественным Эхнатоном? Вера его сломлена, спина его согнулась под бременем тяжелых забот, слишком слабое, болезненное тело не выдерживает страшного напряжения. Годы борьбы и страстной веры в могущество царственного Солнца отступали перед призраком страшной гибели Кемет и казались бесплодными, просто-напросто смытыми с папируса, на котором фараон медленно и тщательно, день за днем, выписывал строки своей необыкновенной судьбы. И я знал, что все чаще приходила к нему мысль, обжигавшая огненным дыханием Сетха — мысль о бесплодности этой борьбы, о тщете его усилий. Он мог бы царствовать, как его отец по плоти, царствовать спокойно, величаво, наслаждаясь головокружительной властью доброго бога, владыки Обеих Земель. Как ни убеждал он себя в том, что наглые правители дальних степатов все больше и больше расшатывают царский трон, все же власть Великого Дома в стране Кемет была достаточно сильна, чтобы слыть нерушимой. Зачем, во имя чего пожертвовал он собственным покоем и покоем своей семьи, всеми благами мирного царствования, а быть может, и загробным блаженством? Когда-то он знал ответ, не только сомнение, но даже тень колебания представлялась ему чем-то невозможным. Атон, великий Атон! Но

теперь уже и солнечный диск был не в силах разрушить тьму, порожденную его светом, тьма сгущалась в груди Эхнатона, наполняла ее. Когда эта тьма дойдет до горла, она задушит фараона, как душит утопающего беспощадная темная вода... Если бы знали враги Эхнатона, как тяжело он болен и как беспомощен во время припадков своей странной болезнью! Узкий серебряный кинжал, разомкнувший зубы фараона, легко мог бы войти в его сердце. Но верность Эйе безгранична, ибо не пришло еще его время. Он мог бы быть моим сыном, этот странный и великий Эхнатон! Когда-то, будучи маленьким царевичем, слушал он мои сказки о стране Волшебного Змея, о волшебнике из Джахи, об отважном Синухете. Тогда царевич Аменхотеп слушал, затаив дыхание, и глаза у него были такие же, как сейчас, когда он открыл их после припадка своей страшной болезни — пристальные и страдающие, и в то же время словно обращенные внутрь, в глубину собственного Ба. И я сказал ему, помогая подняться:

— Твое величество, ты должен беречь свои силы, только крепкие руки могут удержать руль управления великой страной. Побереги себя, твоё величество, усмири своё сердце, дай ему успокоиться дыханием северного ветра...

Он опустил в кресло, сжимая руками виски, и был он все еще похож на царевича Аменхотепа, некрасивого и болезненного, нелюбимого в семье. Я подал ему прохладного виноградного вина в маленькой серебряной чаше, и он осушил ее до дна, устало прикрыв глаза. Приложив руку к его груди, я услышал, что сердце его бьется уже спокойно. И я сказал ему, утешая, как утешал бы маленького царевича Аменхотепа:

— Твое величество, тебе нужно отдохнуть, тебе нужно успокоиться. Смотри, твой великий отец здесь, он с печалью взирает на своего сына...

Да, Атон был здесь, золотая пряха солнечных лучей обвивала покой, лежала на полу у ног фараона, мягко окутывала его грудь и плечи, касалась утомленного лица. И все же было тяжело, плохо, и сквозь тонкое золото проглядывала сгущавшаяся тьма.

— Эйе, мне нужен твой совет, я хочу услышать правдивые слова, я хочу погрузить свое сердце в истину твоих речей. Когда придется сойти в Аменти, мое место на престоле Кемет опустеет, мое государство... — Говорил он с трудом, будто каждое слово причиняло ему боль, будто был он ранен в самое сердце, — мое государство погрузится во мрак, все, что дал мне свершить всемогущий, погибнет. Кто сможет продолжить начатое мною, Эйе? Кто?

— Никто, твое величество.

Он резко поднял голову, и в глазах его я увидел ярость и мгновенный суеверный ужас. Слишком страшно прозвучали мои слова даже для этого могущественного человека! Он услышал то, что должен был услышать, ибо в моих словах была истина, и он понял, что это приговор, беспощадный приговор его многолетней борьбе, предвестие неизбежного поражения Эхнатона, пусть даже мертвого. Но в глубине сердца знал он, что это правда... Кто, кто после него сможет удержать лавину многобожия, которая до сих пор сдерживается его дрожащей от напряжения рукой? Тот, кто взойдет на трон Кемет после него, не продержится и трех дней, если только не будет столь же сильным, как Эхнатон, или если не отречется от всемогущего царственного Солнца. Только один человек во всем мире был бы способен продолжить его борьбу, и человек этот — его нерожденный сын, сын, которого он ждал столько лет, ждал жадно и страстно, ждал так, что, казалось, отдавал ему, нерожденному, свою кровь, живую силу своего тела. Но сына нет и, наверное, не будет, ибо даже Кийа, которую любил он безумно и страстно, обманула его надежды. И когда он умрет, над страной Кемет погаснет солнце... Часто приходилось мне молчать, слишком часто и подолгу, но именно это и придавало вес моим словам, когда я нарушал вынужденное или обдуманное безмолвие. Слишком хорошо знал я Эхнатона, так хорошо, что порой мог читать его мысли, но сейчас мне не хотелось делать этого. Я счел за благо оторвать его от мучительных раздумий, заговорил о здоровье его величества Хефер-нефру-атона, об успехах царевича Тутанхатона, о благотворном воздействии

курений кифи на утомленный мозг, о приготовлениях к торжественному празднеству во Дворе Солнца, втором великом храме Ахетатона. И он слушал меня, но так, как слушал когда-то маленький царевич Аменхотеп сказки о Волшебном Змее. Ибо все происходящее уже уплывало от него, ибо то, что казалось будущим, становилось прошлым, не успев побыть настоящим.

***

Жрец Мернепта был доволен успехами своего воспитанника, гордился ими. У десятилетнего царевича был прекрасный почерк, знаки древнего письма под его рукой были красивы и изящны. Легко и свободно говорил он на аккадском и арамейском языке, владел языком фенеху, красиво, как и подобает отпрыску царского дома, говорил на языке Кемет, древнем и новом. И Мернепта не приходилось напоминать ему старинную поговорку, что красивая речь дороже драгоценного камня, хотя Эхнатон и хотел, чтобы язык в его государстве стал проще и свободнее от древних образцов. Царевич Тутанхатон, обладая изумительной памятью, легко запоминал поучения и гимны; но больше всего он любил стихи, древние песни воинов, рассказы о великих победах своих царственных предков. Поднимаясь вместе со своим наставником на плоскую крышу храма, он легко находил созвездия, называл их, свободно определял по звездам любой час ночи. Потомки Аменхотепа III были способны к наукам, по праву могли гордиться своими знаниями, и мальчик Тутанхатон не был исключением. Но было одно, в чем он не знал себе равных — искусство изображать растения и животных с такой силой и с таким правдоподобием, что любой художник мог бы гордиться такой работой. И вот все во дворце стали замечать, что чаще всего юный царевич рисует для царевны Анхесенпаатон, любимой дочери великого фараона. Даже на песке рисовал он для нее быстроногих коней, могучих львов, тонкокрылых птиц. Анхесенпаатон смотрела с улыбкой, и это была улыбка ее матери, гордой красавицы Нефр-эт, улыбка Нефр-эт в те времена, когда она была сча-

стлива и любима. Не запоют ли через несколько лет во дворце свадебные флейты, думал я, замечая порой то руку Анхесенпаатон в руке Тутанхатона, то влажный цветок лотоса, который она прижимала к груди, то внезапный румянец на щеках царевича, когда он встречался взглядом с красивой изящной девочкой. Царица Нефр-эт смотрела грустно, мудро улыбалась. Как хороши были оба, как напоминали они древние изображения Осириса и Исиды, радующихся своей любви! Как нежно расцветало в роскошном дворце фараона чудесное гранатовое деревце, как усыпали его ветви цветы первой чистой любви! И я, старый Эйе, смотрел на царственных детей и думал о них, и тревожился за них, ибо верность моя царскому дому была безгранична, ибо эти дети были и моими детьми, и за них болело мое одинокое сердце, уже готовящееся упасть на весы Осириса. Ничто на свете не могло помешать любви родиться и расцвести даже здесь, в тени царского венца, в тени, рожденной царственным Солнцем, во дворце, где великие страдания разрывали сердца мятущегося фараона и покинутой им жены, где робкое Ба фараона-соправителя Хефер-нефру-атона изнывало от непосильного бремени, где жила еще тень жаркой красавицы Кийи, так долго державшей в своих руках нити управления Кемет. Мернепта, старый жрец Мернепта, ревниво оберегал от посторонних глаз эту маленькую любовь, таящуюся под густыми длинными ресницами Тутанхатона, под застенчивой улыбкой Анхесенпаатон. Должно быть, он, как и я, питал к этим детям отеческую любовь, должно быть, боялся, чтобы им не стали чинить препятствий. А дети сами выдавали себя — взглядом, улыбкой, жестом, непрощеным румянцем. Признаюсь, и в мое сердце закрадывался страх, когда я смотрел на них, ибо их счастье было слишком чистым и ярким, чтобы быть долговечным. Знал ли Эхнатон о любви Тутанхатона к своей дочери или нет, но он почти не замечал юного царевича, глядел поверх его головы — быть может, потому, что мальчик слишком остро напоминал ему о нерожденном сыне? Тутанхатона любили, не было человека, которому он был бы безразличен или неприятен. Поистине, то

был счастливый мальчик, одаренный всеми дарами семи Хатхор, и только одного недоставало ему — любви могущественного фараона, на которого он взирал с трепетом и восхищением. Была царица Нефр-эт, не ставшая матерью, но нежная и добрая, погруженная в свое горе и в свое одиночество, был царевич Джхутимес, в котором юный Тутанхатон нашел друга, и были оберегающие руки жреца Мернепта, ревнивые и ласковые, воплотившие всю любовь, которой много было в его сердце и которой не суждено было излиться до конца в любви к царице Тэе. И все же тревога не оставляла меня, верного Эйе, не умевшего выразить свою любовь. Боги сделали так, что в нужный час я смог спасти детей от губительного гнева фараона, боги сделали так, что дети не узнали об этом. В тот вечер Эхнатон пожелал говорить со мною в саду, наедине, вдали от людских ушей и глаз, в тот вечер он был скорее грозен, чем печален, и во время трапезы все хранили угрюмое молчание. Мы, двое, не вкушавших рыбы⁸⁷, едва перемолвились между собой, молодой фараон-соправитель, еще не оправившийся от болезни, не поднимал глаз, словно боялся, что Эхнатон обратится к нему, и только Анхесенпаатон и Тутанхатон, сидевшие неподалеку друг от друга, переглядывались и улыбались из-за краешков серебряных чаш, подносимых к губам. После трапезы Эхнатон повелел мне остаться рядом с ним, и мы вышли в сад, сопровождаемые безмолвными тенями телохранителей-кушитов, тела которых сливались с темнотой. Фараон бросал в тишину ночи резкие, злые слова, клеймящие слабость и изнеженность брата-соправителя, неумеренную энергию Хоремхеба, горькую гордость царицы. Он не спрашивал совета и не ждал ответных слов, он лишь говорил, часто касаясь рукой скарабея, висевшего на груди, под которым билось измученное сердце. И вдруг он остановился неподалеку от цветника, откуда слышались тихие нежные голоса, голоса мальчика и девочки, такие ласковые, не похожие на его голос. Он сделал мне знак молчать, и мы приблизились безмолвно, почти бесшумно, и увидели Тутанхатона и Анхесенпаатон, стоявших так близко друг от друга, что ее локон касался его косички. Ру-

ка ее лежала в его руке, и они смотрели на крохотную зеленую звезду, мерцавшую в чашечке цветка, живую звезду, такую яркую, что она казалась осколком солнечного луча.

— Это великий Атон посылает нам свой свет, — сказала царевна, и Тутанхатон важно кивнул, подтверждая истинность ее слов.

— Великий Атон, уходя за горизонт, не забывает своих детей, моя Анхесенпаатон.

— Неужели он никогда не спит в своих небесных чертогах?

— Наверное, не спит. Жизнь прекратилась бы, если бы великий властитель мира сомкнул глаза, и ночь была бы холодна, как самый холодный камень. Но даже если так, — с неожиданной горячностью сказал Тутанхатон, — я согрел бы тебя теплом моего сердца, светом моих глаз. Если бы тьма покрыла мир и мы не могли бы видеть друг друга, если бы даже мы оказались по разные стороны Великой пустыни, если бы настала великая засуха и высохли бы все реки и колодцы, я нашел бы тебя, я обнял бы тебя. И только если бы ты сама отвергла меня, если бы запретила быть рядом с тобой, только тогда я остался бы на месте, стал бы подобен кедру, которому никогда не покинуть своих корней. Но ведь ты не захотела бы этого?

Анхесенпаатон отрицательно покачала головой, и ее рука в руке Тутанхатона ответила ему нежным пожатием.

— Великий Атон благословит нас, сестра, ведь даже ночью он посылает нам свет в этой маленькой звезде! — Тутанхатон протянул руку к цветку, в котором таилось волшебство живого светящегося существа, и звезда, точно по мановению волшебного жезла, погасла, но тотчас же вспыхнула снова на ладони мальчика. Потом она засияла так же тихо и таинственно на ладони Анхесенпаатон. А потом они, улыбнувшись друг другу, осторожно пересадили светляка на розовый куст, и волшебство кончилось. Но было другое — тишина ночи, сладостное дыхание северного ветра, нежность ласковых рук. И безмолвие нашего присутствия придавало встрече влюбленных детей опасность и жгучую сладость настоящей любви.

— Любимая! — прошептал Тутанхатон и привлек царевну к себе, совсем так, как это делали взрослые. И она тоже прижалась головой к его груди, как это делали взрослые, вздохнула блаженно и сладко, как вздыхала в объятиях Эхнатона Кийа, как когда-то Нефр-эт. Глаза фараона сузились, и неожиданная ярость исказила его лицо. Казалось, что вот сейчас он шагнет вперед и резким движением оттолкнет Тутанхатона от своей дочери. Что привело его в такую ярость? Какая-то внезапная мысль, подобная порыву ветра, мысль, которую я не смог угадать, не сумел прочесть в сузившихся глазах фараона, в его внезапно сжавшихся пальцах, в резком движении, которое могло бы выдать наше присутствие. И я спросил тихо, одними губами:

— Что с тобой, твое величество?

Совсем тих был мой шепот, едва слышен, но под ночными звездами и он показался громким, способным разом нарушить торжественную тишину ночи. Эхнатон услышал его и отступил назад, ярость внезапно отхлынула от его лица, и он показался мне враз постаревшим и больным. Он повернулся и сделал мне знак следовать за ним, пошел по узкой дорожке между цветущими зарослями кустарника, маленький, тщедушный человек, вдруг поддавшийся низкой человеческой слабости. Дети не услышали, не обернулись испуганно в нашу сторону, они и не заглядывали в глубокое зеркало ночной темноты, смотрели только друг на друга. А мы уходили от них, все дальше и дальше, и остановились под развесистой сикоморой, листья которой мерцали таинственным отблеском малахита. Я думал о том, что с ним происходит, была ли то отцовская ревность или новый наговор очередной наложницы, которому Эхнатон мог поддаться так безумно и внезапно. Тогда, когда глазам его предстала робкая любовь Хефер-нефру-атона и Меритатон, он исполнял прежде всего желание Кийи, жестокой, своевольной красавицы. Останься в живых вторая дочь, царевна Макетатон, она сейчас, вероятно, тоже была бы замужем. Теперь и Анхесенпаатон, его любимая дочь, уходила от него, кончалась его безраздельная власть над нею, над сердцем ее,

над ее помыслами. И власти над Тутанхатоном тоже приходил конец, ибо мальчик, который полюбил — уже мужчина. А настоящий мужчина уже не может принадлежать никому, кроме той, кому отдано его сердце, чья голова лежит на его груди, ибо любят единожды, единожды отдают свое сердце на золотые весы Хатхор. Но Эхнатон был не только отцом, он был фараоном, и ярость его была яростью владыки Обеих Земель. И я осмелился вновь спросить его, видя, что он погружен в невеселые думы:

— Что случилось с тобой, твое величество?

Эхнатон поднял голову, и глаза у него были совсем измученные и больные. И ответил он тихо, почти изумленно:

— Что со мной? Мне хотелось ударить его, Эйе...

Ответ его не удивил меня, я видел это воочию на его лице, когда мы стояли, скрытые цветущим кустарником. Не удивило и то, что задышал он тяжело, прерывисто, что закрыл ладонью глаза. Ба его вздрогнуло, заметалось, буря вновь разрасталась в его груди и искала выхода, но облеклась она тихими, беспомощными словами, похожими на глубокий вздох.

— Каждый женившийся на моей дочери, Эйе, приближается к трону. Все они окружают меня, все теснее обступают меня. И я уже не верю никому, кто приближается к моим дочерям...

— Ты ошибаешься, твое величество.

— Ошибаюсь? — Не возмущался он, только спрашивал. — Ты думаешь, ошибаюсь, Эйе?

— Власть твоя велика, твое величество. Но власть опасна, ибо она может вызвать злое желание воспользоваться ею. Ты легко можешь разлучить Тутанхатона с твоей дочерью, но поступишь ли ты так, как должно поступать мудрому и справедливому отцу? Эти дети не могут думать о троне, им неведом яд великой власти, всю свою жизнь проживут они в роскоши и довольстве, проводя время в твоих садах и вкушая плоды с твоих деревьев. Злой дух внушил тебе эту мысль, проси своего великого отца, чтобы он отогнал от тебя злые чары...

— Отец? Он устал, Эйе. Он глух к моим мольбам, слух его закрыт для моих речей. Он уходит за горизонт и оставляет ме-

ня в беспросветной тьме, и во мне начинают звучать голоса поверженных богов...

Он замолчал и опустил голову, и жалость к нему всколыхнула глубины моего Ба, ибо сейчас он был не более чем слабым и больным человеком. Внезапная ярость его была не случайна, то был голос поверженного им Сетха, голос жестокости, которая причиняла больше страданий, чем унижительная слабость. Когда явилось это чувство, когда отравило его ядом власти, превышающей власть всех его предков? Быть может, в день смерти отца, великого Аменхотепа III, когда кто-то из придворных впервые распростерся у ног наследника, почтительно именуя его фараоном? Быть может, тогда ему тоже захотелось ударить человека, который вчера лишь мог пройти мимо него, ограничившись небрежным поклоном, или снисходительно улыбнуться, увидев, как жрец-наставник выписывает своей палкой замысловатые письмена на спине нерадивого царевича? Губы его зашептали молитву Атону, и, должно быть, он действительно ошибался, потому что Атон пришел, Атон услышал его зов, Атон зажег в груди фараона маленькое солнце и заставил согреться его кровь. Злые духи тьмы, а может быть, низвергнутые им боги хотели отомстить ему, омрачить счастье его доброты, они набросились на него — беспощадные, безмолвные враги, не имеющие облика, тень от тени его гнева, впились в его сердце острыми зубами, потянули его за собой на дно темной и бурной реки, что зовется человеческой яростью. Но могучим усилием воли, а быть может, и благодаря моим спокойным словам, он вырвался из их когтей, и силы добра вновь простерли свою власть над его Ба. Таков был он, этот странный человек, обладающий холодным разумом и способный быть безумным, пылать, как жертвенный факел, и быть холодным и далеким, подобно горным вершинам. И он сказал мне:

— Они слишком юны, пусть наслаждаются радостями любви, пусть время само отмерит им срок верности. Меня тревожит только одно, Эйе: когда я уйду, сияние славы Атона погаснет, этим детям не под силу быть опорой Дома Солнца. Когда мой брат сменит меня на престоле Кемет? Никто не зна-

ет предназначенных сроков, но сердце говорит мне, что вместе со мной угаснет и блеск царственного Солнца...

— Твой брат совсем еще юн, твое величество, а ты еще молод. Великий отец сохранит тебя на престоле Кемет, он не устанет оберегать своего сына...

— Мой брат родился, когда еще были живы старые боги. Еще жив херхеб⁸⁸, давший ему имя Сменхкара, живы жрецы, призывавшие на него благословение семи Хатхор. Лучи Атона не успели так глубоко проникнуть в его сердце, как в мое....

— Но и тебя нарекли именем Аменхотеп, твое величество.

— Не напоминай мне об этом! — Глаза его сверкнули гневом, мгновенная вспышка озарила все лицо. — Я уничтожил это имя, я уничтожил Амона! Я говорю тебе, Эйе, мой брат слишком слаб, чтобы стать опорой Дома Солнца. Кто будет с ним рядом? Может быть, Хоремхеб?

— Ты можешь положиться на меня, твое величество.

— Знаю! Знаю, Эйе! Но ты уже стар, а я чувствую, что мои силы на исходе. Разве не были удивлены люди моего дворца, когда я решил назначить себе соправителя? Мой отец сделал это, когда срок его жизни превысил семьдесят лет. Но я чувствовал, что должен сделать это, должен... У меня нет сына, Эйе. У меня больше никогда не будет сына...

— Митаннийская царевна носит в своем чреве ребенка, твое величество.

— Ты знаешь это от управителя моего женского дома? Пусть так, но всемогущий отец не откликнется на мою мольбу. Если бы он пожелал, царица Нефр-эт родила бы сына. Если бы он пожелал, Кийа...

Он резко оборвал себя, словно зачеркнул нечаянно произнесенное имя. Никто в Ахетатоне не слышал о Кийе с тех пор, как она исчезла из своего маленького дворца. Вероятно, она бежала в Ибу⁸⁹ или в один из дальних степатов, но в сердце фараона ее уже не было. И что значила по сравнению с этими женщинами митаннийская царевна?

— Одно скажу тебе, Эйе: счастлив тот, кто будет далек от трона Кемет в те дни, когда не станет Эхнатона. Счастливы

Джхутимес и Тутанхатон, счастливы мои дочери, все, кроме Меритатон, которой труднее будет, чем Нефр-эт. Я долго всматривался в изображения Нефр-эт и Меритатон в мастерской скульптора Хесира. Они очень похожи, но дочь слабее, нежнее. А ведь быть женой фараона нелегко... — Я изумленно поднял брови, но Эхнатон продолжал невозмутимо: — Ты был в мастерской Хесира? Видел его дочь? Красавица! Она могла бы стать прислужницей одной из царевен. Жаль только, что носит имя старой богини⁹⁰...

БЕНАМУТ, ДОЧЬ СКУЛЬПТОРА ХЕСИРА

Отец мой, сын художника Ани из Анхаба⁹¹, был искуснейшим скульптором, скульптором волей покровителей скульпторов Пта и Сохмет, как говорили еще совсем недавно, или, как говорили теперь, волей всемогущего Атона. Но сам он не мог оценить в полной мере милостей солнечного божества, ибо он был слеп, ибо в глазах его царила богиня ночи Нут. Он ослеп внезапно, в один день, высекая из камня статую Инпу⁹², и если бы его величество Эхнатон — да будет он жив, цел и здоров! — узнал об этом, он счел бы это доказательством могущества Атона, превосходства его над иными богами... Но его величество не знал этого, а знал только, что из-под резца скульптора Хесира выходят превосходные статуи и бюсты, самые достоверные изображения людей, какие когда-либо видела не обделенная талантливыми сыновьями страна Кемет. И мастерство моего отца заставило его величество разрешить скульптору неслыханную дерзость, против которой восстали все жрецы, ибо со времен правления Сетха не было такого, чтобы простой смертный, мастеровой, касался лица живого бога. Но слепой мастер коснулся, коснулся губ фараона, тяжелых век, слишком тяжелого подбородка, длинной и чересчур выгнутой шеи. Но зато его величество смог увидеть воплощенное в камне отражение в гладко отполированном серебряном зеркале. Каменный фараон был печален, задумчив, молчалив, но ощущалась грозная сила в прищуре его глаз, в

складке у рта, в линии подбородка. Это был живой фараон, живой бог, но еще важнее — живой человек. Долго смотрел его величество на своего каменного двойника, смотрел пристально, отступая немного назад, откидывая голову, прищуриваясь и вновь широко раскрывая глаза. И его величество сказал: «Я доволен тобою, Хесира!»

А после случилось то, что случилось, и никто не был властен изменить предначертания богов.

Его величество — да будет он жив, цел и здоров! — повелел всем членам своей семьи покорно подставлять свои лица чутким пальцам скульптора, какой бы позы, сколько бы времени ни потребовал Хесира. Его величество пожелал видеть изображения всех членов своей семьи, и с тех пор пальцы моего незрячего отца касались нежных щек царских дочерей, гладили юношеский пушок на лице его высочества Нефр-нефруатона, скользили по гибкой шее царицы Нефр-эт. А после они были принуждены касаться пухлых губ и миндалевидных глаз жгучей красавицы Кийи, любимой жены его величества, которая одна из всех не любила подставлять лицо под прикосновения царского скульптора. Может быть, боялась она, что они раскроют тайну ее Ба? Мы жили неподалеку от дворца, в доме, при котором была мастерская, и благодаря желанию его величества у нас были рабы и слуги и обилие всякой превосходнейшей пищи. Отец работал много, больше, чем какой-либо иной скульптор в Ахетатоне, и работа в его мастерской кипела с раннего утра до позднего вечера.

Моя мать умерла, когда я была еще в колыбели, и я никогда не видела ее живой, только в камне. В детстве я подолгу смотрела на красивое печальное лицо, прижималась щекой к шершавому розовому песчанику, приносила матери фрукты, цветы, свежий хлеб. Она благосклонно принимала дары, и в рассветных лучах казалось, что уголки ее губ скрывают улыбку. Должно быть, она была счастливой, очень счастливой, ведь она была женой такого человека, как мой отец, и ее сестры, иногда навещавшие нас, говорили мне об этом. Люди могли лгать, камень не лгал. Она смотрела с легкой печалью и свет-

лой улыбкой, наблюдала за тем, что творится в доме, и дарила нас тихой радостью блаженных, пребывающих на полях Иалу. Она вышла замуж за моего отца согласно горячему желанию своего сердца и была ему верной помощницей, когда Нут накинула на него свое черное покрывало. Должно быть, это она научила меня помогать отцу так, чтобы он как можно меньше замечал это, чтобы помощь была ненавязчивой и незаметной. Это она поддвигала к нему резец, когда он беспомощно шарил рукой по воздуху, стараясь найти его. Это она, заметив, что кто-то из работников оставил посреди двора ведро с известью или глиной, бесшумно бежала впереди идущего в том же направлении отца и убирала с его пути досадную помеху. Благодаря ей я научилась делать все это так, чтобы отец ничего не замечал и не понимал, как часто ему помогают. Для меня не было в мире человека дороже моего отца, и я чувствовала себя и сестрой его и матерью, когда помогала ему изо дня в день и видела, какие чудесные вещи выходят из-под его рук. Ничто в мире не могло нарушить нашего спокойствия, ибо оно было спокойствием наших сердец, ибо радость нашей жизни была радостью нашей любви. Много раз отец мог привести в дом новую жену, ибо он был еще молод и хорош собой, но он не делал этого. Порой он говорил о том, что скоро я выйду замуж и покину его, и в голосе его слышалась грусть, тихая и легкая, как шелест тростника, но покинуть его казалось мне невозможным, и я говорила ему об этом. Тогда рука его ласково касалась моей головы, и мне было радостно и грустно, так, что сердце разрывалось от смутных, тревожных и все же прекрасных чувств. Мне говорили, что я красива, и отец, коснувшись моего лица, подтверждал это. Но что значила моя красота по сравнению с красотой каменных изображений, которых так много было в обширной мастерской! Я так привыкла к ним, что порой проходила равнодушно мимо изображения его величества, его дочерей, его прекрасной жены. Только один раз задержалась перед изображением мальчика с широко расставленными, добрыми и удивленными глазами. Никогда еще не видела я такого лица, красивого, не отталкивающего слишком

ослепительным блеском своей красоты, кроткого, но полного внутренней силы, открытого, ясного и в то же время немного задумчивого, застенчивого. Рука моя невольно потянулась к этому изображению, коснулась его щеки. Как звали этого мальчика? До сих пор я не видела его в мастерской отца, хотя он несомненно должен был приходить сюда. Я спросила у отца, как зовут этого мальчика и сколько ему лет. «Это царевич Тутанхатон, — ответил мне отец, — племянник его величества, и ему недавно минуло одиннадцать лет». Тутанхатон? Теперь, подходя к изображению, я называла его по имени. Он был младше меня на три года, я могла бы быть его старшей сестрой. Он снизошел в мою жизнь, как нисходит на поля благословенный Хапи. Если все люди были созданы из слез бога Ра, этот мальчик был создан из самой чистой...

И вот настал день, когда я увидела его в мастерской отца. Его высочество был сосредоточен, серьезен. Чуткие пальцы моего отца очертили контур его мягких губ, красивый разрез огромных глаз. Длинные, необыкновенно длинные ресницы осеняли эти глаза, и, должно быть, это они придавали их взгляду оттенок печальной задумчивости. Он был высок для своих лет, тонок, изящен. Как истинный представитель царского дома, носил он золотые ожерелья, искусно выделанные браслеты, широкий затканый золотом и разноцветным бисером пояс, блестящую диадему. Кожа у него была очень светлая, светлее моей. Он пришел в сопровождении телохранителей и старого жреца, должно быть, своего наставника, человека с добрым и умным лицом. Он разглядывал все вокруг, не скрывая восхищения, восторженно прижимая сжатые руки к груди. Голос у него был тихий, мягкий, мелодичный, он и сам казался таинственной музыкой, звучащей в глубине храма. Я наблюдала за ним из-за своей занавески. И вдруг мне безумно захотелось самой прикоснуться к этому лицу, провести кончиками пальцев по нежной гладкой щеке, коснуться длинных ресниц. И я стала говорить себе: нет-нет, нельзя, он царевич, он божественной крови, он далек и недосягаем, как ночные звезды, и счастье уже то, что можно видеть его. Но вдруг такая боль охватила неразумное

сердце, что я сжалась за своей занавеской и заплакала. Чуткое ухо моего отца уловило этот звук, но уловил его и царевич — взволнованный, обернулся он в сторону занавески.

— Кто это? Мне послышался плач...

Глаза у него были такие, как воды Хапи в месяцы шему — темные, без блеска, только в зрачках, окруженных мелкими лучиками синеватого оттенка, изредка вспыхивал огонек, как какая-нибудь звездочка, глядящаяся с небес в зеркало великой реки. И когда я увидела их так близко, мне показалось, что все вокруг перестало существовать и обратилось в эти глаза.

— Твое высочество, это моя дочь Бенамут.

— Почему она плачет? Ты чем-нибудь обидел ее? — Улыбка скользнула по лицу моего отца, мудрая, таинственная улыбка. Кто лучше него, того, кто знал всю сокровенную суть моего Ба, мог догадаться о том, что происходит? И мой отец сказал:

— Клянись священным именем Атона, твое высочество, в ее слезах я неповинен.

Мне всегда казалось, что мой отец угадал в этом мальчике нечто, что было скрыто от остальных. Теперь я видела это воочию в его заботе о ком-то безвестном, кто тихо плакал за занавеской в мастерской скульптора. Его высочество Тутанхатон пожелал, чтобы я предстала перед ним.

— Твое имя Бенамут? Отчего ты плачешь, что случилось с тобой?

Могла ли я объяснить ему, если и сама тогда не знала, что происходит со мной? Молча стояла я перед ним, стараясь сдержать слезы. Но они все текли и текли по моему лицу, из горьких превращаясь в счастливые. Отец пришел мне на помощь, ласково сказал:

— Твое высочество, Бенамут огорчена тем, что нечаянно разбила глиняную статуэтку, над которой я долго трудился. И хотя я утешал ее и говорил, что мне нетрудно будет сделать такую же, она не нашла утешения в моих словах и продолжает оплакивать мою потерю.

Его высочество улыбнулся, и я улыбнулась сквозь слезы и кивнула головой, чтобы подтвердить истинность слов отца.

Улыбнулся и жрец, стоявший за спиной мальчика, и от этих улыбок слезы мои стали высыхать, словно и в самом деле были слезами маленького горя.

— Не плачь, — сказал его высочество, — возьми это ожерелье, носи его. Оно красивое и достойно твоей красоты.

Он снял со своей шеи ожерелье из золотых и фаянсовых бусин и подал мне, и его улыбка была ярче блеска золота. Упав на колени, я поблагодарила его высочество Тутанхатона за оказанную мне милость и прижала ожерелье к груди, и оно грело меня, как благодатные лучи солнца. Его высочество смотрел на меня, и я поняла, что понравилась ему. Нехорошо было так долго занимать внимание его высочества и отрываться от работы отца, и я поспешила удалиться, сопровождаемая взглядом и улыбкой царевича. Выйдя во двор мастерской, подняла я взор к небесам, посмотрела на солнце. Разве оно красивое? Золотое, яркое, жгучее — да, но не красивое, потому что в душе не возникает нежности, когда глядишь на него. Раньше были другие боги. И самый красивый из них — молодой Хор, сын Осириса, победитель злобного Сетха, Хор-красавец, Хор-чудо, Хор — воплощение благородства, ума, доброты. Теперь у Бенамут есть для него земное имя — Тутанхатон...

***

Этого молодого военачальника звали Кенна, он был старше меня на десять лет, он казался совсем юным, но на лице его уже был шрам от удара, нанесенного рукой кочевника хабиру, шрам, делавший его мужественнее, старше своих лет. Он был другом царевича Джхутимеса, был другом могучего полководца Хоремхеба. Его мать, достойная и почтенная Ренпет-нефрет, пожелала иметь изображение своего любимого сына, и он пришел в мастерскую моего отца, где сразу же завязался дружеский и веселый разговор. Пока отец работал, то касаясь лица Кенна, то отходя к своему рабочему столу, на котором изготовлял слепок из глины, Кенна рассказывал о последней победе Хоремхеба над кочевниками шасу⁹³. Он не уставал превоз-

носить мужество и неутомимость Хоремхеба и в этом был подобен царевичу Джхутимесу, восторженная любовь которого к первому полководцу Кемет была известна всем в Ахетатоне. Отец улыбался, слушая его, и мне, сидящей в углу мастерской и занятой перемешиванием глины, было весело.

— Кто говорит, что Кемет менее могущественна, чем во времена великого Джхутимеса? Кто говорит, что могут повториться времена владычества царей-чужеземцев⁹⁴? Кто осмеливается утверждать, что дальние степаты могут отпасть от Кемет и обратиться в ее злейших врагов? Я льву не пожелал бы оказаться в пустыне глаза в глаза с Хоремхебом!

Глаза молодого военачальника горели восторгом, и руки его творили в воздухе замысловатые жесты, как это свойственно жителям Сати. Но хотя в жилах Кенна не было ни капли чужеземной крови, он был подобен чужеземцам в восторженности и неумеренности своего преклонения перед любимым полководцем.

— Кто говорит, что могущество Кемет всего лишь призрак?

Отец мой опустил глаза, скрывая улыбку.

— Но ведь говорят, господин Кенна.

— Говорят бездельники, у которых языки что вымоченный папирус! Каждый, кто видел Хоремхеба в бою, скажет, что это ложь!

Отец поспешил унять горячность молодого воина:

— Не только в войне дело, господин Кенна. Разве торговля не важна? Царская казна пустеет, и даже если Хоремхеб захватит богатую добычу...

— Казна переполнится военной добычей Хоремхеба!

— Казна Дома Солнца, — тихо сказал отец.

В Ахетатоне, да, пожалуй, и во всей Кемет давно уже поговаривали о том, что его величество Нефр-хепрура Уэн-Ра Эхнатон тратит несметные сокровища на содержание и украшение своей столицы, особенно Дома Солнца. Не хотел ли он построить храм до небес, подобный вавилонским зиккуратам⁹⁵? Ради этого его величество Нефр-хепрура Уэн-Ра Эхнатон го-

тов был превратить в золото все богатые товары, прибывающие в Кемет, все богатые товары, предназначенные для торговли с соседними державами. И лицо молодого военачальника омрачилось, когда он услышал слова отца.

— Это так, Хесира! Это правда, войны устали глотать пыль и питаться колючей травой ради того, чтобы обогащались дворы Дома Солнца. Войны говорят об этом, и даже если ты знаешь...

— Не забывай, в моей мастерской бывают многие знатные люди.

— Это печальнее всего...

Хотя и была я женщиной и многого не знала тогда, даже мне было известно, что в Ахетатоне многие произносили дерзкие речи. Даже мне было известно, что многие уже выражали свое недовольство открыто. И оба фараона, его величество Нефр-хепрура Уэн-Ра Эхнатон и его величество Анх-хепрура Хефер-нефру-атон, были бессильны изменить что-либо.

— Здесь, в столице, многое выглядит по-иному, Хесира. Здесь, в столице, опаснее, но и легче. Горько видеть, как Кемет теряет свои владения в Ханаане...

Прозвучало это неожиданно, даже для моего невозмутимого отца. Ведь только что Кенна превозносил до небес Хоремхеба, только что говорил о лживых языках, подобных вымоченным папирусам. И вдруг с уст его сорвалась горькая правда, тем более горькая, что он таил ее так долго. И, отбросив маску благополучия, прикрывавшую его лицо, он заговорил:

— Хесира, это правда. Кемет потеряла почти все свои ханаанские владения, только в Куше Хоремхеб стоит еще крепко, но со всех сторон уже подступают враги, и шасу среди них самые безобидные. Хатти — вот самые опасные враги! Его величество Эхнатон не видит этого или не хочет видеть. А глаза его брата обращены только к древним папирусам и к нежному лицу его молодой жены. Внутри Кемет беспокойно, и на границах беспокойно, и времена чужеземных властителей могут вернуться...

Отец сдержался, не напомнил Кенна, что только что он говорил совсем другое. А Кенна, как будто угадав его мысли, сказал:

— Мы все пытаемся убедить себя, что это не так, все, даже Хоремхеб. И порой нам удается верить, как верит ребенок в старую сказку. Но тот, кто любит Кемет, не может не видеть. Иноземных царей оскорбляет то, что их послов отпускают без даров, что им не помогают военной силой, что в их посланиях переправляют письма, а то и просто уничтожают их. Никто уже не посылает дочерей в женский дом фараона, никто уже не стремится к дружбе с Кемет. Это горькие слова, очень горькие, Хесира...

— Правдивые слова часто бывают горькими, господин Кенна. Но разве лучше жить, спрятав голову в песок? Даже если ничего не можешь сделать... У меня нет сына, которого я мог бы послать на войну с врагами Кемет, когда враги обступят нас со всех сторон и опасность будет грозить самому Ахетатону. Горько, что времена великого Джхутимеса были так недавно...

Кенна молчал, опустив голову. Отец тоже прервал работу, и неоконченный слепок был похож на маску безысходной печали. Но таким он был с самого начала, ибо пальцы моего отца были зорче моих молодых глаз. Он угадал правду в сердце Кенна, когда молодой воин произносил еще восторженные, полные отваги и радости слова. Как могла я не заметить этого?

— Довольно на сегодня, господин Кенна. Не согласишься ли разделить со мной трапезу? Бенамут будет прислуживать тебе.

Кенна обернулся ко мне с улыбкой, он смотрел на меня с восхищением, я заметила это еще в первый раз, когда он посетил мастерскую. Я встала, поклонилась ему и занялась приготовлением трапезы, пока Кенна с моим отцом вполголоса обсуждали что-то. Я заметила, что молодой военачальник часто посматривал на меня и отвлекался от разговора, и это было мне приятно. Я подала свежие лепешки, орехи, финики в мед, виноград и ячменное пиво и сама села за низкий столик — по желанию Кенна, рядом с ним.

— Мед покажется слаще, когда ты помотришь на него своими красивыми глазами, Бенамут.

Отец торопился, он ожидал прихода его величества Хефернефру-атона. Он ел быстро, и по лицу его было заметно, что он занят какими-то мыслями. Сидя рядом с Кенна, я ощущала силу, исходившую от него, молодую силу, могучую и добрую. Он так часто бросал на меня взгляды, что постепенно я привыкла к ним и перестала обращать на них внимание. Один раз он подал мне гроздь винограда, и его рука чуть коснулась моей руки. Сердце мое не забилося так, как билось оно при мысли о царевиче Тутанхатоне, но прикосновение это было приятно, и я улыбнулась Кенна, молодому военачальнику, сыну почтенных и знатных родителей. Он не мог считать себя облагодетельствованным его величеством, ибо не нуждался в возвышении, но он был истинным сыном Кемет и гордился своим родом, а я была всего лишь дочерью царского скульптора, хотя он и был самым искусным мастером во всем Ахетатоне и поистине был облагодетельствован фараоном. При его величестве все люди искусства стали почитаемыми и уважаемыми людьми, и дело их уже не было простым ремеслом. Ахетатон был чудесным городом, возникшим за три года в необитаемой пустыне, и дворцы его казались дворцами из сказок, так были они легки, изящны и красивы. А сколько было вокруг прекрасных статуй, каменных плит с чудесными изображениями, искусной резьбы и драгоценных украшений! Жить в Ахетатоне было счастьем для художника, и мой отец поистине был любимцем богов. В детстве мне казалось, что в таком волшебном городе, как Ахетатон, могут происходить любые чудеса. И то, что знатный человек, молодой и красивый, улыбался мне, было не большим чудом, чем ежедневная жизнь в столице царственного Солнца.

Поблагодарив за трапезу, Кенна собрался уходить, но все медлил, не отрывая глаз от меня. На шее моей было золотое ожерелье, подаренное его высочеством царевичем Тутанхатоном, оно было слишком дорогое и нарядное, но я не могла отказать себе в удовольствии носить его почти каждый день, за исключением тех дней, когда мне нужно было появляться в городе. Казалось мне, что ожерелье это хранит тай-

ну, и мне не хотелось открывать эту тайну чужим глазам, нескромным и завистливым, а то и просто любопытным. Но Кенна заметил ожерелье, и я не могла понять, досадно это мне или приятно.

— Какое прекрасное ожерелье на тебе, Бенамут! Должно быть, работа царских ювелиров?

— Это подарок его высочества царевича Тутанхатона.

Кенна был удивлен и не мог скрыть этого. Я не опускала глаз и только боялась, что слишком яркий их блеск выдаст меня, ибо всякий раз, когда я произносила имя царевича вслух или мысленно, все трепетало во мне, как цветущий сад. Но Кенна отчего-то помрачнел, когда услышал мой ответ.

— Да, — пробормотал он, — ты красива, ты очень красива, Бенамут.

Была ли я так красива, как говорили об этом окружающие, или только казалась такой — мне не было важно, ибо на меня падали лучи моего солнца. Совсем недавно я видела его высочество, когда он вновь навестил мастерскую моего отца, на этот раз в сопровождении царевны Анхесенпаатон. Вот она действительно была красива, изысканно красива. Тонкая и легкая, нежная, с гладкой кожей, она казалась изящной статуэткой из слоновой кости, а глаза ее сверкали подобно двум черным камням, драгоценнее которых нет на свете. От ее одежд исходил тонкий аромат, и вся она казалась легким облаком тончайшего аромата. Она смотрела на царевича так, что нельзя было не понять ее взгляда. И он отвечал ей нежным взглядом, ласковой улыбкой, и своим тихим, мягким голосом рассказывал ей что-то, показывая различные статуи и статуэтки, еще в первый раз вызвавшие его восхищение. Я склонилась перед ними, мне было и радостно и грустно. Увидев меня, царевич сказал с улыбкой:

— Это ты, неловкая Бенамут? Больше ты не разбиваешь статуэток? Кто бы мог подумать, что такая красавица обладает неуклюжестью гиппопотама!

Он назвал меня красавицей, и я вспыхнула от радости и не рассердилась за его шутку. Да и могла ли я рассердиться — на

того, за кем бросилась бы без раздумий в темные воды Хапи? Все засмеялись, а я ответила царевичу:

— Ты как луч царственного Солнца, твое высочество, вступишь в мастерскую. Разве удивительно, что яркий свет слепит глаза?

Он посмотрел на меня с удивлением, как будто не ожидал, что я могу говорить так красиво. Мне показалось, что и глаза его улыбнулись, не только губы, но мне нельзя было слишком долго смотреть на него, и я отступила и спряталась за занавеской, а царевич сказал моему отцу:

— Твоя дочь достойна быть при дворе его величества, скульптор Хесира.

— Да, она очень хороша и изящна, — подхватила маленькая царевна.

Я не могла мечтать о таком счастье, и я запретила себе повторять мысленно слова их высочеств. А теперь и Кенна сказал мне, что я очень красива, и я могла бы возгордиться, если бы...

— Когда же ты придешь снова, господин Кенна? — спросил мой отец, подходя к нам. — Моя работа еще не закончена, и, пока ты в столице, я хотел бы увидеть тебя еще раз. Если ты не сочтешь это назойливостью, могу я спросить, когда ты снова придешь в мою мастерскую?

— Пусть твоя дочь скажет, когда она захочет меня видеть, — потребовал Кенна.

Это была не более чем шутка, и я ответила на нее тоже весело:

— Я желала бы, чтобы ты вовсе не уходил из мастерской, господин Кенна. Ты говоришь так хорошо и красиво, что хочется слушать и слушать тебя без конца....

— Даже когда я говорю невеселые вещи? — спросил он и пристально посмотрел на меня, как будто оба мы говорили всерьез. И я ответила ему на этот раз серьезно:

— Никому не хочется слушать невеселые вещи, особенно когда речь идет о великой Кемет. Но отраднo, что есть люди, подобные тебе и полководцу Хоремхебу, чьи сердца верны Кемет и в благополучии, и в несчастье.

Кенна хотел ответить, но у дверей мастерской послышался шум, и вошли телохранители его величества Хефер-нефруатона. Кенна отступил назад, в глубину мастерской, и пал ниц, приветствуя фараона. Его величество был не один, его сопровождала царица Меритатон. Оба они были молоды и красивы, но на их лицах лежала печать утомления и грусти. Молодой фараон, как говорили, был тяжело болен, и приступы его болезни участились в последнее время. Его величество ласково ответил на приветствие моего отца и опустился в резное высокое кресло, в котором сидел обычно, когда отец работал. Он сказал приветливо:

— Дорогой Хесира, в твоей мастерской чувствуешь себя как в самой прекрасной беседке, предназначенной для отдыха. Здесь всегда прохладно, отчего это? От дыхания глины и камня?

— Должно быть, так, твое величество.

— Здесь спокойно, Хесира. — Молодой фараон грустно улыбнулся, и мне отчего-то стало жаль его. Он был счастлив, он делил трон с великим Эхнатоном, он наслаждался властью, богатством и любовью прекрасной царицы, но что-то в его лице говорило о том, что Ба его страдает. Живя рядом с отцом, я сама научилась читать сокровенное в лицах людей, и я была уверена, что работа моего отца подтвердит мои мысли. И молодая царица Меритатон тоже была грустна. Что происходило с ними, детьми царственного Солнца?

Его величество заметил Кенна и милостиво позволил военачальнику поцеловать краешек своей позолоченной сандалии. Отец подошел, осторожно и ласково коснулся кончиками пальцев лица молодого фараона. Лица людей становились более спокойными, мягкими под руками скульптора Хесира, и то же произошло с его величеством. Когда отец отошел, он сказал:

— Твои руки несут прохладу северного ветра, Хесира. Кто может назвать тебя незрячим? Твои руки служат тебе волшебным оком...

— Волшебное око не всегда может разглядеть простой камень на дороге, твое величество. Но ты прав, иногда моя сле-

пота дарит мне чувство волшебной силы. Раньше я был обыкновенным скульптором, изображавшим то, что видели мои глаза. Теперь я стараюсь изображать то, что видят глаза моего Ба. И я благодарен моей слепоте, отнявшей у меня зримый мир и подарившей внутренний мир, глубокий, бездонный, как воды подземного Хапи.

— Разве можно быть благодарным слепоте? Я не мог бы жить, не видя света, мною овладело бы отчаяние, и я блуждал бы, как безумный, в своей черной ночи. Неужели великий Атон дал тебе мудрость, недоступную иным?

— Не мудрость, твое величество, иной мир. Каждый из нас владеет им, но у кого есть время и желание заглянуть в него? Когда взгляд погасших глаз обращается внутрь, ты видишь чудесные вещи...

— Когда ты говоришь, тебе трудно не поверить, Хесира.

— Я говорю то, что обдумывал не раз, твое величество.

Руки моего отца были заняты работой, а взор обращен на молодого фараона, как будто он мог его видеть. Это было похоже на таинственный обряд, совершаемый скульптором и глиной, на магическое действие, освященное присутствием множества изображений, в которых таилась неведомая жизнь. Я любовалась движениями отца и чувствовала, что ими любоваются все. Великая сила таилась в руках незрячего мастера, и руки его снимали покров с тайны, окутывающей сокровенные глубины человеческого Ба. Какой стала изображенная им Кийа? Хищной, властной, самолюбивой. И в то же время — жалкой, потерянной. Лицо ее менялось, когда смотрели на него сбоку, спереди, чуть сверху. Неуловимое лицо, которым обладала она, осталось неуловимым и в розовом песчанике. И все же оно открылось все целиком, каждой своей чертой, каждой затаенной тенью в углах губ, в углах глаз. Царевич Джхутимес захотел владеть изображением Кийи, и он прикрыл рукою глаза, когда увидел ее. Все знали, что он был влюблен в бывшую любимицу его величества...

— Как не хочется уходить отсюда, Хесира! — сказал молодой фараон. — Здесь мне и дышится легче, чем во дворце.

Есть у тебя молодое виноградное вино? Мои губы пересохли от жажды.

— Подай вино его величеству, Бенамут, — сказал отец, не отрываясь от работы.

Я опустилась на колени перед его величеством и подала ему алебастровую чашу с вином, которую он принял с благодарной улыбкой. Здесь, вблизи, я увидела, каким бледным было лицо фараона-соправителя, как тяжелы были его подведенные синей краской веки, как страдальчески морщились губы, словно он испытывал непрекращающуюся боль. Он отпил всего несколько глотков и отдал мне чашу, и рука его чуть-чуть дрожала.

— Благодарю тебя, Бенамут. Ты становишься все красивее с каждым днем... Твой отец уже нашел тебе жениха?

Лицо Кенна вспыхнуло при этих словах, и он бросил быстрый взгляд сначала на меня, потом на моего отца, забыв, что тот не может его видеть. Отец ответил молодому фараону:

— Твое величество, я хотел бы узнать желание сердца Бенамут. Пока она не объявила мне его, я не хочу принуждать ее к браку с человеком, быть может и достойным, но не любимым ею.

— Это похвально, Хесира. Твоя дочь заслуживает доброй судьбы...

Все они говорили одно и то же и не знали самого главного, того, что питало глаза мои светом, а грудь — воздухом. И только мой отец, должно быть, догадывался о чем-то, потому что нередко заводил со мною разговор о царевиче Тутанхатоне. Ему как будто казалось совсем естественным, что я могу оказаться в царском дворце, и он говорил так, словно распорядительница церемоний в царском дворце уже пригласила меня прислуживать одной из царевен. Быть может, он решил просить этой милости у фараона, если бы он спросил искусного мастера о желаемой награде? Ведь его высочество Тутанхатон сказал так. И ее высочество, царица Анхесенпаатон, подтвердила...

Внезапно и резко откинулась занавеска у входа в мастерскую, кто-то вошел быстрым шагом, опустился на колени пе-

ред его величеством Хефер-нефру-атомом. Это был царский слуга, и он задыхался от волнения и быстрой ходьбы. С трудом выговаривая слова, он обратился к его величеству, лицо которого вдруг покрыла смертельная бледность, как будто он ожидал страшной вести:

— Твое величество, тебя просят как можно скорее прибыть во дворец, его величество Нефр-хепрура Уэн-Ра Эхнатон умирает..

Пронзительно вскрикнула царица Меритатон, его величество закрыл рукою глаза, а мой отец, мой незрячий отец, движения которого редко выдавали его несчастье, вдруг беспомощно зашарил рукою по воздуху и, не найдя опоры, поднял руки к небесам, откуда, казалось, сейчас должен был донестись оглушительный грохот. Кенна откинул голову назад, и было непонятно, что промелькнуло в его чертах — суеверный ужас или нечто похожее на облегчение. Среди общего безмолвия кричала только царица Меритатон — надрывно, страшно, закрыв ладонями лицо.

ЦАРИЦА МЕРИТАТОН

То, что казалось невероятным, то, чего не могло быть, свершилось под солнцем Кемет.

Мать стояла на коленях у его ложа, и руки ее рвались к небесам, и тень ее горя покрывала всю Черную Землю. Не видя и не слыша ничего вокруг, стояла она на коленях у ложа отца, и одно только отличало ее от каменной статуи — слезы, катившиеся по щекам. Но потом и они застыли, словно стали каменными, и она стала подобна себе самой, оберегающей сохранный ковчег⁹⁶ в гробницах своих подданных.

Потрясенные, столпились мы вокруг ложа, на котором под взглядами золотых сфинксов свершилось великое и непостижимое, то, чего не должно было свершиться. Над всем и над всеми царил монотонный голос верховного жреца Дома Солнца Туту, и слезам нашим не было места в этом огромном зале, залитом торжественностью скорбных песнопений. Над ложем склонилась мать, вновь и вновь вглядываясь в застывшее ли-

цо. Что видела, что читала в нем она? Было ли то пожелание долгой жизни ей, оставшейся, или обещание скорой встречи в Аменти, не мог бы сказать никто. Но вот она перестала плакать, вот слезы ее застыли и превратились в камень. Вот она простерла руки охраняющим жестом, и мы отступили назад, оставив ее наедине с ее великим горем. И даже голос жреца, монотонный и ровный, замер в гулком пространстве зала, отступив перед величием скорби царицы.

Я взглянула на своего мужа, у ног которого уже распростились придворные, когда мы вернулись из мастерской скульптора Хесира. Мой возлюбленный был бледен, рука его дрожала, сжимая мое запястье, рука его вновь была рукой царевича Нефр-нефру-атона, нежного и застенчивого. Он, ставший владыкой страны Кемет в тот миг, когда перестал быть им мой великий отец, возлюбленный сын царственного Солнца, сейчас страшился собственной тени, ибо перед взором его вставало огромное государство, семнадцать лет назад потрясенное ударом скипетра великого Эхнатона. И голова у него кружилась от страшной высоты, на которую он был вознесен вопреки своему желанию.

Эйе был с моим отцом в его покоях, когда случился страшный припадок, окончившийся смертью его величества. Ничто не предвещало беды, и Эйе думал, что ему, как всегда, удастся помочь фараону. Он сделал все, что мог, и не призвал никого, но когда увидел, что жизнь покидает фараона, послал слуг за самыми искусными во врачевании служителями Дома Солнца. Но ни заклинания, ни целебные травы, ни надрез на руке, который сделал сам верховный жрец Туту, не помогли фараону. Не возвращаясь из смутного сна, овладевшего им во время припадка, он испустил дух на руках матери, встревоженной шумом во дворце и бросившейся в покои фараона. То, о чем мечтал он когда-то, возводя стены Ахетатона, сбылось. Сбылось и желание матери, боявшейся, что смерть настигнет ее супруга в объятиях ненавистной Кийи. И были они вдвоем, как в начале царствования, когда молодой фараон Аменхотеп IV клялся в вечной любви царице Нефр-эт.

И было так, что множество светильников горело вокруг ложа великого фараона, и мертвые золотые глаза сфинксов бросали яркие отблески на окаменевшее лицо. И было так, что мы стояли плечо к плечу, словно путники, застигнутые в пустыне песчаной бурей, беспомощные, хотя мы и были плотью от плоти великого фараона. Буря уже рвалась в окна дворца и повергала наземь высокие пилоны храмов царственного Солнца, и перед лицом этой бури стоял мой возлюбленный муж Хефер-нефру-атон, получивший при рождении имя Сменхкара.

И я, старшая дочь великого Эхнатона, должна была встать рядом с ним.

Погасло солнце, золотой диск медленно уплыл за горизонт, чтобы светить ранее ушедшим на поля Иалу. Ушли и мы, ощущая на своих сердцах страшную тяжесть, подобной которой никто из нас не испытывал ранее даже в самые горестные часы разлук и страданий. Только жрецы и царица остались у ложа фараона, только их скорбь служила ему покровом в эту ночь. И еще до наступления рассвета великий Эхнатон должен был покинуть стены столь любимого им дворца, чтобы войти в заупокойную обитель, где опытные в своем деле жрецы должны были подготовить его к путешествию в Аменти. Тот, кто сам был богом мертвых, умер, ибо свершилось то, чего не должно было свершиться. Никто из нас не спал, никто не мог спать, казалось, что никогда, до самой смерти, сон уже не будет властен над нами. Во всех покоях горели светильники, пламя их освещало бледные, потерянные, искаженные страданием лица, заломленные руки, черные тени метались по стенам, увеличивая, удваивая нашу скорбь, а вестники смерти летели уже во все концы, оповещая Кемет о невероятном, о том, чего не должно было свершиться. Бессонное отчаяние побудило дочерей Эхнатона собраться всем вместе в отдаленном покое дворца, где мы предались своему горю, оглашая тишину огромного зала то горестными воплями, то тихими слезами.

Нас было трое, оставшихся в живых — Анхесенпаатон, Нефнефрура и я. И нам казалось, что завтра солнце не покажется на небосклоне, что оно навек отвратило свой лик от

страны Кемет. Так оплакивали великого Эхнатона его дочери. Пережившие его смерть, потрясенные ею, ибо для нас он воистину был добрым властителем, владыкой сердец наших, ибо рука его была покровом для нас, взор его был отрадой для нас. Его смерть, хотя и знали мы, что детям положено переживать родителей и заботиться об их гробницах, казалась более невероятной, чем смерть Макетатон, Нефр-эт младшей, Сетепенра. Они были только девочки, существа, подобные нам, не нашим дыханием жила Кемет. А он был великим Эхнатоном, возлюбленным сыном царственного Солнца, скипетр которого разрушал и воздвигал миры. И плакали мы обо всех сразу: о нем, и о матери, и о себе, и о великой, несчастной Кемет.

Уже на рассвете я вернулась в свои покои, где давно ожидал меня мой царственный супруг. Бледный и печальный, сидел он в резном позолоченном кресле, подлокотники которого были сделаны в виде тонких, сплетающихся жгутами змей, казалось, будто они оплетают его руки и не позволяют ему встать, вырваться, освободиться из их цепких колец, что они, эти священные змеи, отныне станут тяжким бременем для хрупкой плоти, для испуганного, мятущегося Ба. По лицу Хефер-нефру-атона я догадалась, что он тоже не ложился и не смыкал глаз целую ночь. Он казался повзрослевшим, даже постаревшим. Резкая морщина прорезала его лоб, глаза глубоко запали, светлая кожа казалась белой, как полупрозрачный алебастр. Он протянул руки мне навстречу, я упала на колени возле его кресла и обняла моего мужа, моего возлюбленного Хефер-нефру-атона, на плечи которого легла сейчас страшная тяжесть. Долго мы оба молчали, и розовые лучи рассвета, проникая в покой, увидели нас не размыкающими объятий. Наконец муж спросил меня:

— Где ее величество, Меритатон?

— Не знаю, господин мой. Мы оставили ее у ложа возлюбленного супруга, и я не слышала, чтобы она вернулась к себе.

— Ей будет тяжело видеть меня со знаками царской власти. Ей будет тяжело слышать приветствия придворных и жрецов... Я не хотел бы причинять ей лишнюю боль.

— О чем ты говоришь, любимый!

Мой муж грустно улыбнулся, и мое сердце сжалось еще сильнее — а я думала, что больше печалиться уже невозможно!

— Любимая моя Меритатон, я знаю, что всякому, кто видел на троне великого Эхнатона, нелегко будет увидеть меня и поверить, что на престоле восседает фараон, истинный сын царственного Солнца. Мне хотелось бы бежать, скрыться от глаз жителей Кемет, от глаз придворных и жрецов...

— Но то же чувствовал и мой великий отец, когда вступал на престол Кемет вслед за своим отцом. Так всегда чувствует тот, кто идет вслед за большим и сильным владыкой, но кто говорит, что нельзя достичь высоты его?

— Никто не может стать превыше великого Эхнатона, и ты знаешь это лучше меня, Меритатон. Теперь таким же великим, как он, сможет стать лишь тот, кто низвергнет царственное Солнце, как Эхнатон низвергнул Амона-Ра. Но я не смогу ни уничтожить Атона, ни возвысить его. Я погибну в лучах царственного Солнца, Меритатон, я чувствую, что погибну. Ты знаешь, сколько врагов вокруг. За сегодняшнюю ночь их стало еще больше...

На его глазах показались слезы, и хотя он старался скрыть их, я не могла не заметить. И я ничем не могла ему помочь, ничем! Вдохнуть в него силы, мужество — это было под силу лишь царственному Солнцу, а не мне, слабой и измученной. Я знала его, я его знала лучше, чем кто-либо, и я понимала, что все, что он говорит, — правда. Во всем Ахетатоне, да и во всей Кемет не было человека, плечи которого не согнулись бы под тяжестью венца, принятого от великого Эхнатона. Но кому-то надлежало подставить плечи под эту тяжесть, ибо ни на час не должна была прерваться священная власть фараонов. Кто был виной тому, что плечи Хефер-нефру-атона, моего возлюбленного Хефер-нефру-атона, были для этого слишком слабы?

— Меритатон, сегодня на всех рудниках, во всех каменоломнях сотни рабов проснутся с надеждой на спасение, с надеждой на свободу. Они будут ждать от меня, чтобы я вернул

им их дома, их имущество, если только можно что-либо вернуть. А те, кто уже сам не может вернуться?

— Торопиться нельзя, мой господин. Да и кто сказал, что ты должен менять решения великого Эхнатона? Это все были враги, тайные и явные, слугители проклятого Амона, враги царственного Солнца, а значит, и твои и мои!

— Но среди них были и совсем невинные, Меритатон.

— Когда вершатся великие события, многие становятся их жертвами. Но может ли пострадать совсем невинный? Разве мой отец был несправедлив? Разве он не знал своих врагов в лицо? Ты должен думать о том, чтобы не погас блеск царственного Солнца. Это похвально, что ты думаешь о прощении, о милосердии, но одним только милосердием нельзя править.

Он покачал головой, на лице его выразилось страдание. Новый день должен был обрушиться на нас тяжесть неведомых забот и опасностей.

— Что делать, Меритатон? Как поступить, чтобы стены дворца не всколыхнула буря?

— Призови Эйе, господин. Призови человека, преданного нашему дому.

— Я думал об Эйе. Из всех он самый преданный и мудрый, но есть еще Туту, есть Маху, Хоремхеб...

— Хоремхеб далеко. Пройдет немало времени, прежде чем он узнает. Туту — даже не сын Кемет, в его жилах течет чужеземная кровь. Отец доверял ему, но в последнее время был им недоволен, отчего — не знаю, но я не посоветовала бы тебе приближать его к трону. Маху? Он слишком хитер и любит свою выгоду. Панехси, Май, Пареннефер — если бы на них не обрушился гнев отца, я бы сочла их верными людьми и посоветовала бы тебе приблизить их. Но по-настоящему опереться мы можем на Эйе, только на Эйе.

— Пусть так, Меритатон. Мне тяжело... я болен, ты знаешь, я болен. Рука великого Эхнатона была крепче черного камня, и он не знал страха. А перед моими глазами уже нет ничего, кроме этого страха. В них словно песок, горячий, колющий песок. Я не думал... я не был готов к этому.

— Кто из нас был готов, мой возлюбленный господин? Кто?

— Эйе сказал, что его величество не случайно назначил себе сопровителя. Может быть, он знал что-то? Ведь царственное солнце открывало ему порой свои тайны...

— Может быть, господин. Может быть! Но страшно было бы, если бы трон Кемет остался пуст. У нас не было братьев...

— Что будет, если митаннийская царица родит сына?

— Поздно. Твой престол наследует твой сын.

Мой муж взглянул на меня, и я увидела в его глазах горький вопрос, горькую тоску. Мы были женаты три года, и сына у нас не было.

— Господин мой, мы еще молоды, впереди много счастливых лет. У нас будут сыновья, много, много. Зачем думать об этом сейчас?

— Если бы великий Атон даровал его величеству сына, твоя мать могла бы стать новой царицей Хатшепсут...

— Теперь это не заботит ее. Ты примешь престол по праву, мой возлюбленный господин, вокруг тебя будут мудрые советники. Царственное солнце не погаснет, его дом не опустеет. Ты не должен печалиться...

— Мне тяжело дышать, Меритатон. Руки так слабы, что могут выронить жезл и плеть...

— Я поддержу их!

— Ты только женщина, моя возлюбленная Меритатон.

И я подумала: разве Кийа не была только женщиной? А она правила страной Кемет, она повелевала сердцем фараона, она носила венец сопровителя. А царица Хатшепсут, разве она не была только женщиной? А царица Тэе, о которой говорили, что половину государственных дел Кемет решала она?

— Пусть так, мой господин. Но руки мои достаточно сильные, чтобы поддержать тебя. Ты устал, тебя измучила бессонная ночь. Ты поступил неразумно, ведь тебе предстоит тяжелый день, полный забот. Помни, с этого дня ты владыка великой Кемет, ты будешь увенчан двойной короной великих фараонов, и ты наследуешь ее по праву. Ты тот, кому вечноживущий Эхнатон пожелал передать власть.

— Если бы он видел меня сейчас, Меритатон! Если бы видел!

Он закрыл лицо руками, плечи его содрогнулись от безмолвных рыданий, и я снова приникла к нему и принялась утешать, смиряя свое собственное сердце, которое говорило мне, что мой возлюбленный Хефер-нефру-атон прав, что страх его не бесплоден. Я подумала, что так, должно быть, чувствуют себя в первом полете птенцы, только что вылетевшие из родного гнезда. Высота, пронизанная лучами солнца, и для нас таила множество неведомых опасностей. Мы были одни перед лицом надвигающейся бури, одинокие и беспомощные, и бессильные изменить свою судьбу, как изображения, которые легко можно изгладить с каменных плит. Что будет завтра? Не пожелает ли захватить власть верховный жрец Дома Солнца Туту? Не поднимут ли головы многочисленные сторонники Амона в Оне и Опете, не захотят ли они заступить дорогу к трону моему возлюбленному супругу? Не прикажет ли Хоремхем своим войскам идти на Ахетатон, чтобы смести с лица земли столицу царственного Солнца? Все это было невероятно, и все это могло быть, ибо свершилось то, чего не должно было свершиться, ибо небо смешалось с землей и воды трех Хапи⁹⁷ слились в один безумный, клокочущий поток, готовый поглотить и невинных, и виноватых. Если бы отец успел, он мог бы подготовить своего брата к власти, мог бы дать ему множество необходимых советов, мог бы указать верный путь, хотя и не был Хефер-нефру-атон подобным силою Эхнатону, хотя и не мог он так гнать коней своей колесницы и так хлестать плетью мешающих его пути. Вот уже показался краешек солнечного диска, настало новое утро страны Кемет, первое утро власти фараона Хефер-нефру-атона, моего возлюбленного мужа, который в этот миг сожалел о том, что ночь так коротка и не может длиться вечно. И я не могла победить его страха ни своей слабостью, ибо слезы мои были ему понятны и не требовали утешения, ни силой, которой у меня не было, ибо сама я была полна страха. И когда в дверях покоев появился Эйе,

почтительно приветствовавший нового фараона и его супругу, я ощутила облегчение, огорчившее меня, ибо оно свидетельствовало о моей слабости, и предоставила многоопытному отцу бога руководить действиями моего мужа, подчинившегося ему беспрекословно. Он воистину был послан нам великим Атоном, этот мудрый царедворец, этот старик с молодыми зоркими глазами и мужественным сердцем высоко парящего сокола.

***

Эйе казался озабоченным сверх всякой меры. Вертя в руках свиток, ходил он по Залу Приемов и не смотрел ни на фараона, ни на меня, сидевшую рядом с троном. Хоремхеп пригласил гонца с известием, что собирается прибыть в Ахетатон для участия в церемонии погребения великого Эхнатона, и желание его было естественно и понятно, ибо он был высшим военачальником Кемет, одним из друзей фараона, человеком, с которым считались. Но его отсутствие на границах могло развязать руки хатти, которые только и ждали удобного случая, чтобы напасть на пограничные города, слишком слабые, чтобы дать им отпор своими силами. В последнее время эти мелкие стычки с хатти случались часто, часто... Кому из нас не было ведомо, что в дни великих перемен в государстве враги слетаются к нему со всех сторон, как хищные птицы, готовые рвать когтями еще живого, но ослабевшего льва? Муавитяне, хатти, шасу, каски, ливийцы, арамеи — сами по себе они не были так страшны, но, налетев одновременно со всех сторон, могли нанести чувствительный урон. А хатти к тому же были хитры и вероломны, в последние дни отец нередко упоминал о том, что их лазутчики действуют слишком хорошо, ибо Супиллулиума отчего-то очень быстро узнает о намерениях Великого Дома бросить тот или иной корпус на защиту отдаленной крепости или на подавление подстроенного хатти восстания в дальних областях Ханаана. Эйе полагал, что мог и в самом дворце быть лазутчик, хитрый и осторожный, и настаивал

на том, чтобы отец повнимательнее пригляделся к своим семьям⁹⁸, но мог ли отец в последнее время придавать значение подобным мелочам, когда так заботило его благополучие царственного Солнца?

Никто не мог запретить Хоремхебу прибыть в столицу, да и поздно было делать это. Но Эйе заботило еще что-то, кроме отсутствия Хоремхеба на границах. Он никогда не высказывал вслух необдуманных мыслей, все, что он говорил, было взвешено весами самой строгой меры. И потому мы ожидали с волнением и беспокойством, что он скажет, как ответит на беспомощный вопрос владыки: «Что делать теперь, Эйе?» Кемет казалась погруженной в полуденный сон, так медленно она воздевала руки к Царственному Солнцу. Она долго не могла поверить в то, что великого Эхнатона уже нет на ее престоле. Она поверила с трудом, лишь когда увидела заупокойные церемонии во всех святилищах Атона, и протирала себе глаза, когда видела на своем троне молодого фараона Анх-хепрура Хефер-нефру-атона. Верховный жрец Дома Солнца Туту сказал, что жертвенные дары стали скромнее, и количество их уменьшалось с каждым днем. Во дворце кое-кто произносил имя проклятого Амона, оно звучало все назойливее и громче. Тело его величества Нефр-хепрура Уэн-Ра Эхнатона готовили к погребению в Доме Вечности⁹⁹, а его собственный дом ощущал, как колышутся его стены. Грозной бури, которой мы ожидали, не было. Но не было и покоя, не было мирного царствования, не было ясного света с небосклона, хотя великий Атон каждое утро появлялся над землей Кемет. Быть может, если бы налетела страшная буря, быстрее побежала бы кровь по нашим жилам и напомнила бы нам, что мы дети царственного солнца. Но мы были принуждены стоять неподвижно, чтобы не разрушить хрупкой опоры, и неподвижность грозила обернуться вековым спокойствием великих пирамид. Лицо моего мужа казалось застывшим, утратившим все живые краски. Голос его, когда он произносил утреннее приветствие царственному Солнцу, казался исходящим из уст великого сфинкса, так был он ровен и мертвенно-спокоен. За-

стывший, как статуя, в своих церемониальных одеждах, он и сейчас хранил молчание и казался менее живым, чем его собственное изображение на стене Зала Приемов, где он представлялся принимающим двойную корону Верхней и Нижней Кемет. На покрытую росписями стену бросали нежные розовато-оранжевые отсветы огоньки светильников, лицо фараона оставалось в тени.

Он как будто даже не замечал того, что я держала его руку, бессильно лежащую на подлокотнике трона. Это была холодная, безжизненная рука, рука тяжелобольного или смертельно уставшего человека. Таким он и казался мне весь последний месяц, так, вероятно, было и на самом деле. Эйе прохаживался по залу так, как будто в этом огромном парадном помещении не было никого, как будто он был в нем наедине с собой, с собственными мыслями. Ему можно было позволить такое нарушение правил. Да и что можно не позволить человеку, от которого ожидаешь спасения? Ведь к нему был обращен этот беспомощный, полный отчаяния вопрос: «что же теперь делать, Эйе?», ведь от него мы ждали ответа, ему вручали свои судьбы, не говоря уже о судьбе Кемет. И хвала Атону, что он находился рядом и соглашался помочь, что он думал, много думал о наших делах, забывая о себе, о времени своем и о годах. Он был мудр, воистину мудр, наш многоопытный советник, и он был добр к нам, молодым правителям Кемет, для которых слишком тяжела была власть великих фараонов.

Эйе наконец опустился в простое резное кресло, стоявшее напротив царского трона. Он не выпускал свитка из рук, и это придавало важность его позе. Красивое лицо с резкими чертами неуловимо менялось в отблесках пламени светильника. Эйе, всегда Эйе, всюду Эйе... И в тот день, когда погасло солнце Ахетатона, он единственный присутствовал при этом страшном таинстве. Тот, кто не знал верности Эйе царскому дому, мог бы допустить мысль о причастности старого царедворца к великой скорби. Но мы знали ее, и она была спасительна для нас.

— Твое величество, — сказал Эйе, — путь твой должен быть ровным и непреклонным, как путь царственного Солнца. Ты должен решить, и время не терпит промедления. Что угодно тебе, твое величество Анх-хепрура? Окружить себя людьми чистой, древней крови? Но пока у твоего трона толпятся немху, возведенные из ничтожества великим Эхнатомом, ты не сможешь сделать этого. Новое и старое никогда не примирятся между собой, как никогда не сойтись птице мент и ястребу. Твое величество желает даровать прощение тем, кто слишком усердно поклонялся покровителю Опета? Но те, кто был возвеличен благодаря преданности царственному Солнцу, не станут пить вина из того кувшина, из которого ты напоишь прощенных тобою. Чувствуешь ли ты, что мышца твоя крепче камня и может стать опорой Дома Солнца?

Хефер-нефру-атон молчал, и молчание его было красноречивее горьких слов, которыми мог бы он ответить старому царедворцу. Только Эйе мог позволить себе говорить так, для всякого другого это было бы непозволительной дерзостью, только Эйе мог обнажать так беспощадно сокровенные глубины сердца фараона. Он знал все, все видел и все понимал. И лучше всех в стране Кемет знал он, что его величество Анх-хепрура Хефер-нефру-атон не в силах стать опорой Дома Солнца.

— Твое величество, есть только одно средство, которое может привлечь к тебе сердца многих, которое может вернуть тебе покой и радость владычества над страной Кемет. Оно покажется тебе странным, но иного я не знаю. Призови других советников, быть может, они окажутся мудрее меня. Но я могу сказать лишь одно: твое величество, ты должен посетить Опет, ты должен примириться с теми, кто не покинул его ради всего великолепия Ахетатона, кто остался на руинах храмов. Не теперь, твое величество, спустя некоторое время после упокоения великого Эхнатона в Доме Вечности. Прикажи верным сопровождать тебя, прикажи верным царственному Солнцу служить ему, как подобает служить великому. И тогда... Тогда, быть может, ты спасешься, твое величество.

Мы оба вздрогнули, когда в пустоте огромного зала прозвучало это слово. Кто осмелился бы угрожать фараону? А в словах Эйе звучала угроза, беспощадная угроза. Значит, опасность была так велика, что Эйе решился произнести вслух странное, страшное, непозволительное слово. Он смотрел на нас прямо и твердо, сжав губы, всем своим видом давая понять владыкам Кемет, что ничего не скажет сверх уже произнесенного. Он держал свиток, как скипетр, он был величествен, как парадная статуя. От него исходила сила, великая сила тайного знания, постижения скрытых от наших глаз вещей. Эйе, бывший с великим Эхнатоном в тот день, когда... Еще немного, и мы услышим из его уст похвалу покровителю Опета!

— Больше ничего нельзя сделать, Эйе? — спросил мой муж, и в его вопросе уже был ответ. Эйе покачал головой — несколько раз, медленно, твердо. Я заглянула в глаза Хефернефру-атона, они казались выточенными из темного камня, свет отражался в них так, словно они не ощущали его. Во мне все сжималось от боли, похожей скорее на сдерживаемую ярость, но я молчала, ожидая слова Хефернефру-атона. Быть может, легче, да и милосерднее было бы первой нарушить молчание, бросить в лицо Эйе: «Никогда!» Я с тревогой смотрела на мужа, зная, что перед ним, как и передо мной, разверзлась черная пропасть. Остаться на краю? Преодолеть ее? Сделать шаг, и...

Молчание длилось долго, так долго, что стало тяжелым и плотным, как камень, стеснило дыхание. Мой муж поднялся, рука его выскользнула из моей руки и бессильно коснулась лба.

— Пусть так, Эйе. Объяви о моем желании, когда придет время. А пока... Мне очень тяжело, трудно дышать. Дай мне твоих трав, которые всегда помогают. Прикажи начальнику караула не беспокоить меня...

По знаку Эйе растворились двери, выход фараона должны были сопровождать телохранители, слуги, носители опахала. Все они распростерлись у его ног, все были прахом у ног его. Он стоял перед ними, не замечая их, только сдерживая боль.

Эта боль держала его спину прямой, боль стирала всякое выражение глаз, боль удерживала в застывшей руке знаки царской власти. Я тихо шепнула Эйе, чтобы он вернулся в Зал Приемов после того, как окажет помощь больному фараону, что я буду ждать его здесь. Он почтительно склонил голову и вышел вслед за Хефер-нефру-атомом, а я осталась одна. Совсем одна...

В моем сердце жил страх перед Эйе, он казался мне человеком, наделенным божественной мудростью. И слышать слова его было страшно, как слова отверзшего уста бога. Если бы мне была неведома верность Эйе царскому дому, я боялась бы кубков с питьем, подносимых его руками.

Я понимала, что не сейчас, не сегодня родилась в его сердце мысль о посещении царским двором проклятого Опета. Что побудило его принять такое решение, самое горькое, самое предательское из всех? Неужели он не любил моего отца? Неужели он не любил царственного Солнца?

Время, проведенное в одиночестве, показалось мне бесконечным, и когда вновь вошел Эйе, я подумала, что он принес мне весть о новом рассвете. По моему знаку он сел, и я спросила его:

— Как здоровье его величества?

— Он спит, великая госпожа. Я дал ему травы, успокаивающие боль и навевающие сон.

— Его болезнь — это болезнь, которую ты вылечишь?

— Это болезнь, которую я попробую вылечить, великая госпожа.

Эта оговорка была существенна, и она огорчила меня. Эйе был не единственным врачом, их было много, и все же лучше него никто не разбирался в болезни фараона, никто не приносил ему большего облегчения. Мне стало горько, так горько, как будто все сердце стало сплошным вместилищем печали.

— Ему очень больно, Эйе?

— Очень, великая госпожа. Есть травы, которые успокаивают боль, но они не исцеляют болезни. Здесь нужно что-то

иное... Мы возносим молитвы великому Атону об исцелении его величества, но и они мало помогают.

Я вздрогнула, как от удара плетью.

— Эйе, мое сердце полно скорби... Ты сказал, что мы должны навестить Опет, а может быть...

Страшно было произнести вслух свою мысль, но Эйе был Эйе, и порой он казался всеведущим и оттого всемогущим. Он сказал спокойно, глядя мне прямо в глаза:

— И остаться там, твое величество.

— Это безумие!

— Это необходимо, твое величество.

— Необходимо? Оставить город царственного Солнца, не приносить ему жертв, позволить и другим делать то же? — Я задыхалась, сердцем моим уже овладевала ярость.

— Твое величество, ты хочешь спасти своего супруга, владыку страны Кемет? Ты не желаешь, чтобы повторились времена великих смут, разрушительных для Кемет? Дом Солнца был построен великим Эхнатоном. Удержать его...

Он не стал продолжать, в этом не было смысла, я знала правду, я была дочерью своего отца. Я стояла перед Эйе, чувствуя себя совсем маленькой, беспомощной девочкой. Руки мои ослабели, колени стали подобны воде, голос моего сердца не долетал до меня. Так никогда еще не было. Так не было даже при земной жизни отца, великого Эхнатона. И впервые я поняла, что мы теперь остались одни, навеки одни...

— Это твое последнее слово?

— Последнее, великая госпожа.

— И нет другого пути, кроме предательства?

— Это не предательство царственного Солнца, это только шаг.

— Шаг в сторону врага — не предательство?

— Нет, великая госпожа.

— А что же это?

— Это мудрость, только мудрость. Спасти Кемет можно только оставшись в живых.

— Неужели опасность так велика? Неужели власть фараонов не священна?

— Разве священная власть фараонов уберегла от ножа убийцы Аменемхета, разве спасла она фараона Дждедефра¹⁰⁰?

— Но поднять руку на моего мужа, который никому не причинил зла!

— Человек, ослепленный яростью, порой не отличает белое от черного, света от тьмы. Он принял случившееся с ним за волю фараона, неважно какого, и он поднимет руку на эту власть, кто бы ни сидел на троне Кемет.

— Ты говоришь о знати Опета?

— И о ней тоже, великая госпожа.

— И о знати Она?

— И о ней.

— Неужели возможно такое?

— Все возможно, великая госпожа, на этом свете все возможно. И мой долг — предупредить тебя об этом.

— А если мы не послушаемся тебя? — Вдруг пришла ко мне простая мысль, что можно не послушаться! — Если останемся здесь, в Ахетатоне?

— Тогда его величество столкнется лицом к лицу со всеми оскорбленными в Кемет, а их больше, чем песка в пустыне, великая госпожа. И когда эти люди поднимутся сразу все и захотят взять власть в свои руки, не стены этого роскошного дворца станут им преградой.

— Клянусь священным именем Атона... — Я вдруг почувствовала, что руки мои бессильно опустились, у меня не было уже сил ни возражать, ни смотреть в глаза Эйе, ни даже соглашаться с ним. — Мне не пристало идти против решения моего царственного супруга. Пусть будет так, как ты говоришь. Если бы я не знала твоей преданности нашему дому, я...

Я не договорила. На меня смотрели спокойные, твердые глаза.

...Анхесенпаатон проскользнула в мои покои, прижалась прохладной щекой к моей щеке. Ей недавно минуло одиннадцать лет, я не успела заметить, как безмолвно, неуловимо пре-

вратилась моя сестра в маленькую женщину. Она была любимицей отца, но я не чувствовала ревности, ведь я была царицей Кемет, а она всегда была принуждена оставаться только царевной, у которой нет иных забот, кроме нарядов и развлечений, охоты и музыки, жертвоприношений и церемоний. Погруженная в свои невеселые думы, я не сразу ответила на ее приветствие, она опустилась на колени рядом с моим ложем, ласково взяла мои руки в свои, такие тоненькие и нежные, как стебельки цветов.

— Мне хочется спросить, сестра, мне нужно услышать... Скажи, почему мужчины так много времени отдают охоте, военным упражнениям и ученым занятиям? Разве нет на свете ничего иного, что могло бы стать отрадой для них?

Я улыбнулась ей, вздыхавшей совсем по-взрослому, тяжело и горько.

— Это ты говоришь о Тутанхатоне? Это он отдает все время охоте, военным упражнениям и ученым занятиям?

Я могла бы и не произносить этого, глаза сестры сразу сказали мне, что я угадала, что нечаянно выпущенная стрела попала в цель. Такой крошечной и хрупкой казалась она, что трудно было поверить в серьезность ее речей и мыслей. Но я слишком хорошо знала ее, все мы слишком хорошо знали друг друга...

— Он хочет стать полководцем и ни о чем другом не думает, как только взять в руки меч и защищать Кемет от врагов. Но где они, эти враги? Я их не вижу. Это Эйе видит их, знает о них. Эйе и другие советники, а я не хочу знать! Я хочу видеть его повседневно, непрестанно...

— Анхесенпаатон, мужчина есть мужчина, даже если он очень юн. Вот видишь, твой Тутанхатон не владыка Кемет, а его время не принадлежит ни ему, ни тебе. Что же говорить и о чем тогда сокрушаться мне?

Она взглянула исподлобья.

— Кто же установил такой порядок?

— Великие фараоны, Анхесенпаатон. Так заведено, и так будет всегда. Благодарю великого Атона за то, что вам не дано

изведать государственных забот. Но кем бы ни стал Тутанхатон — полководцем или наместником земли Буто, ты будешь редко его видеть. А ведь он не фараон...

— К счастью! Но я хочу видеть его. Я боюсь, что он захочет отправиться на войну с хатти вместе с Хоремхебом, который вернется на границы после дней великой скорби. И я буду как жена Хоремхеба, которая не видит его от восхода до восхода звезды Сопдет...

— А разве ты уже жена Тутанхатона?

Она вдруг заплакала — так неутешно и горько, что я пожалела о своих неосторожных словах.

— Разве можно думать об этом в дни великой скорби? Он забудет обо мне, как только взойдет на боевую колесницу...

— Разве не легче, сестра, попытаться сделать заботы мужчины своими? Думай о том, о чем думает он, заботься о его делах, смотри его глазами. Так ты станешь ближе к нему, так войдешь в его сердце. Я делаю так всегда, чтобы не быть одинокой...

— А если он погружен в свои думы, если не замечает, что ты рядом, что смотришь на него? Разве тогда ты идешь к Хефер-нефру-атону, разве говоришь с ним?

— Нет. Но время немощей и трудов проходит, и тогда я вновь желанна моему господину.

— Хотелось бы мне быть такой мудрой, как ты.

— Ты еще очень юна, Анхесенпаатон.

— А если мужчина просит твоего совета, должна ли ты говорить то, что подсказывает тебе твое сердце, или то, что он хочет услышать?

— Иногда правда может убить, Анхесенпаатон, а ложь оказаться спасительной. Если ты обладаешь мудрым сердцем, ты поймешь, когда нужно говорить прямо, когда промолчать или подождать. У тебя есть еще время научиться этому, сестра.

— Ты уже научилась, Меритатон?

— Давно...

Сестра развеяла мою грусть, разговор с нею позабавил меня. Мне давно было известно желание ее сердца, весь дворец

знал об этом, а может быть, вся Кемет. Тутанхатон был любимцем, благословение великого Атона лежало на нем. Он был умен, скромен, ласков. Высокий для своих лет, тонкий в талии, красивый, он казался уже взрослым юношей рядом с моей хрупкой сестрой. А то, что говорила она, было правдой: Тутанхатон мечтал стать смелым воителем, подобным Снофру или Джхутимесу. И хотя иным он казался слишком нежным, слишком миловидным, от царевича Джхутимеса я знала, что рука его обладает достаточной крепостью, чтобы уверенно держать оружие. Мне было спокойно, когда я видела его рядом с моим мужем, их дружба была радостна мне. Мальчик Тутанхатон казался сильнее, увереннее молодого фараона. Он ведь был здоров, тяжкий недуг не терзал его, он не знал головокружительного страха перед Кемет. Он любил Анхесенпаатон и не скрывал этого, и любовь их была радостна и спокойна. А я еще помнила те времена, когда желание проклятой наложницы разлучало меня с моим возлюбленным, когда Эйе не отходил от его ложа, когда всякий миг встречи мог быть прерван и не повториться долго, долго... Теперь же я была женой фараона, повелителя Обеих Земель. Счастлива была судьба Тутанхатона и Анхесенпаатон, далеких от трона!

— Эйе сказал, что по прошествии дней великой скорби мы сможем пожениться, — сказала Анхесенпаатон совсем тихо, — и мне стыдно, потому что я очень хочу этого. Эйе даже торопит нас, словно боится, что нам помешает что-то. Может быть, ему ведомы сокровенные тайны?

— Может быть, Анхесенпаатон. Так не тревожься! Тутанхатон не покинет тебя, не поедет вместе с Хоремхебом. Свадьба ваша будет пышной и прекрасной, и в свое время ты узнаешь все, что полагается знать жене. Да убережет тебя великий Атон от скорбей и несчастий!

Она ласково прижалась ко мне и коснулась кончиком носа моей щеки, потом щекой потерлась о мою щеку. Ей не хотелось уходить, да и мне было приятно ее присутствие. Она забралась на мое ложе и устроилась в ногах, свернувшись в комочек, как ее любимая белая кошка.

— Правду говорят, Меритатон, что можно властвовать над сердцем мужчины, над всеми помыслами его и чувствами? Мне бы хотелось, чтобы это было так. Я бы не стала вмешиваться в дела моего мужа, но я была бы владычицей его сердца и он думал бы обо мне непрестанно. Так ведь бывает, Меритатон?

— Часто бывает, сестра.

Я подумала о Кийе, проклятой, презренной Кийе. Вот она владела сердцем великого Эхнатона, вот она сумела возвести себя на трон Кемет. И не только его сердцем владела она, всем была известна любовь царевича Джхутимеса, который и теперь продолжал любить Кийю, хотя ее не было в Ахетатоне, хотя следы ее давно затерялись, как теряются в пустыне среди песка следы одинокого путника. А ведь когда-то целовали след ноги фараона-соправителя Кийи и говорили: «Да живет она!» Среди обитательниц женского дома фараона Хефер-нефру-атона не было ни одной, кто красотой и расчетливостью мог сравниться с Кийей. Да и возможно ли было повторение такого безумства? Мой муж не был похож на своего великого брата. Если не может он сравниться с ним величием, значит, не сравнится и безумством...

Анхесенпаатон засыпала, ее дыхание становилось тихим и глубоким. Я не стала будить ее, лишь устроила поудобнее на своем узком ложе, погладила нежно по щеке, гладкой и ароматной, как крыло священной птицы. Слишком радостным и беззаботным был наш разговор для дней великой скорби, слишком светлы улыбки, а ведь совсем недавно казалось, что солнце погаснет вместе с уходом нашего великого отца. Что зовем мы человеческой памятью и любовью, что остается в мире от человеческой жизни?.. Вот удалился в Аменти великий Эхнатон, вот оставил сиротами своих детей, вот овдовела великая царица Нефр-эт, а дворцы Ахетатона по-прежнему стоят нерушимо, и в небе по-прежнему светит солнечный диск, хотя его возлюбленный сын уже не простирает к нему рук. Вот нога нового фараона вступит на землю Опета, и что-то изменится — неуловимо, но неизбежно. Мне хотелось уви-

деть моего мужа, но я знала, что мое появление будет тяжело ему, что мы не сможем смотреть в глаза друг другу после того, как так спокойно и легко предали царственное Солнце великого Эхнатона. И только мирный сон моей младшей сестры удержал меня от горьких, безысходных, не приносящих облегчения слез.

***

Все свершилось по совету Эйе, как и то, чего не должно было свершиться. Отворились и вновь сомкнулись навсегда двери Дома Вечности, и Туту возложил на них печать с изображением царственного Солнца. И мать, гордая царица Нефр-эт, упала как мертвая на руки прислужниц, когда нельзя было больше быть рядом с погасшим солнцем Ахетатона. Она, вынесшая так много страданий, поистине была великой женщиной, великой царицей. У себя в покоях, в неживом свете маленьких светильников, горевших даже днем, она предавалась отчаянию, страшному и безмолвному, подобному черной скале, поглотившей тайну упокоения великого Эхнатона. От глаз ее исходил мертвенный блеск застывших слез, а руки ее казались надломленными крыльями птицы бенну¹⁰¹. Но эта птица уже не могла воспарить к небесам в обновленном оперении, раненые крылья лежали на земле. наших утешений она не слушала, они не были ей нужны. Горе ее, ее великое горе простирало над ней руки охранительным жестом, оберегало ото всех, даже от близких. Она проходила по коридорам дворца подобно тени и появлялась только в Доме Солнца и в заупокойном храме великого Эхнатона. Нас разделила невидимая стена, выше тех, которыми окружен Мен-Нофер¹⁰², выше тех, которыми обычно отгораживается от житейских забот обыкновенное маленькое горе. И мы впервые ощутили себя чужими своей матери. Всех нас она легко бы отдала за своего возлюбленного супруга. Но разве мы сами не понимали, сколь неравноценно его величие и наше ничтожество?

Вместе с избранной свитой преданных царедворцев его величество Анх-хепрура Хефер-нефру-атон навел на старую столицу Кемет, обитель отверженного Амона, город Опет. Ни мать, ни сестры, ни Тутанхатон не сопровождали нас, мы были одни, одни, как повелось с первых дней царствования. Мой муж страдал от участвовавших приступов своей болезни, сердце его, казалось, порой замирало в груди и отказывалось гнать по жилам больную кровь. Он не в силах был взойти на колесницу и весь путь от Ахетатона до Опета проделал в своих золотых носилках. Порой он впадал в забытие, и Эйе, сопровождавший нас, давал ему пить целебные травы, действие которых когда-то было волшебным, а теперь оказывалось бессильным. Лекарства уже не помогали, нужно было что-то другое, более сильное, нужны были молитвы о здоровье фараона во всех храмах Кемет, нужны были священные заклинания, ведомые служителям Солнца. И я боялась, что трудная дорога убьет моего господина.

Во время остановок в пути я приходила к нему, садилась рядом, обнимала его, и мы молчали. Что-то огромное и страшное, как великая Западная пустыня, вторгалось в нашу жизнь, отделяло нас друг от друга, хотя не было еще дней, когда бы мы с такой горькой нежностью смотрели друг другу в глаза. Мы покинули великого Атона, и он покинул нас. Могло ли быть иначе?

Полулежа на подушках среди леопардовых шкур, Хефер-нефру-атон молча наблюдал за тем, как восходит на небосклон и заходит царственное Солнце. Его красивое лицо казалось уже неживым, уже лицом статуи — стража гробницы. Эйе, сопровождавший нас, подходил тоже молча, молча кланялся, подносил фараону чашу с питьем. Если бы в чаше был смертельный яд и Хефер-нефру-атон знал об этом, он бы, наверное, все равно выпил ее до дна. Решение, каким бы оно ни было, должно быть принято сердцем и всей его мудростью, а если этого нет, двойная тяжесть обрушивается на человека, последовавшего чужому совету, хотя бы этот совет и был спасителем. И теперь эта двойная тяжесть была на плечах Хефер-

нефру-атона и усугублялась его болезнью, слабостью его тела. Так вступал в старую столицу великих фараонов, находящуюся под покровительством проклятого Амона, молодой владыка Кемет Анх-хепрура Хефер-нефру-атон, бледный и печальный, как умирающая звезда. И вопреки обычаю, фараон не показался толпе, бурно приветствовавшей его.

Перед отъездом из Ахетатона Эйе настоял, чтобы начались приготовления к свадебной церемонии Тутанхатона и Анхесенпаатон. Это было против обычаев, ибо не миновали еще дни великой скорби. Но Эйе торопился, и Мернепта поддерживал его в этом, и даже Хоремхем, вдруг воспылавший отеческой нежностью к юному царевичу. Свадьба должна была состояться сразу по возвращении его величества в Ахетатон, ибо предполагалось, что окончательный переезд в старую столицу займет много времени. Окончательный переезд! Это было решено. Решено Эйе, молчаливо принятое фараоном, с болью в сердце одобрено мною. Это был странный способ — спастись в гнезде ядовитых змей, которые угрожающе шипели, пугая трепетом своих жал. Но это был способ, указанный Эйе, а значит, он был верным. И мы подчинились оба, почти безмолвно, словно у нас уже не было своей воли. Что значило по сравнению со всем этим незначительное нарушение старых обычаев! Помолвка была оглашена в присутствии самых близких людей и немногих избранных придворных. Присутствовала и мать, впервые за все это время надевшая платье царицы и даже улыбнувшаяся уголками бледных губ, когда Тутанхатон надел на шею невесты свадебное ожерелье. Они были так юны и так лучились счастьем, что даже те, кто сами были ранены горькой любовью, не могли не радоваться, глядя на них. И хотя человеческая мудрость ограничена собственным опытом, всем казалось в тот день, что великая любовь так же необходима и естественна, как ежеутреннее восхождение на небосклон царственного Солнца. Оставшись потом вчетвером — его величество Хефер-нефру-атон, моя сестра, я и Тутанхатон, — мы говорили о будущей свадьбе, о церемониях и жертвоприношениях, вели неторопливый разговор, который в

иное время был бы радостным и легким, а теперь — лишь необходимым. Я заметила горькую печаль в глазах Хефер-нефру-атона, которую он старался скрыть за своей обычной застенчивой улыбкой. Он сказал:

— Я рад, что исполнилось желание ваших сердец. Великий Атон благословляет любовь, великий Атон радуется, когда видит счастье своих детей. Вы оба очень юны, но юность — единственный недостаток, который исправляется без участия нашей воли и вопреки нашему желанию. Хорошо, что вашему счастью не помешает ничто — ни люди, ни тяжкие заботы...

Он остановился, ему было тяжело говорить, и он прижал руку к груди, в которой медленно и больно билось его сердце. Тутанхатон поднял на фараона сияющие глаза, глубокие, как воды великого Хапи, и сказал, тщательно подбирая слова, медленно выговаривая их, словно каждое было драгоценным камнем:

— Твое величество, да пребудешь ты жив, цел и здоров, клянусь тебе именем великого Атона, что и на полях Иалу я буду любить Анхесенпаатон, клянусь, что никому не передам ее руки, не отвергну, не забуду, не приму жизни, если за нее должна будет заплатить она. Пусть ворота Страны блаженных затворятся передо мной, если я солгу или в чем-либо изменю своей клятве...

Хефер-нефру-атон ласково кивнул головой и коснулся рукой подбородка юного царевича, выражая свои теплые чувства к нему и доверие к его словам. Анхесенпаатон, сидевшая на полу на вышитой подушке, казалась статуэткой, выточенной из золота солнечных лучей. Слушая Тутанхатона, она прижала руки к груди и опустила голову, и в розовых мочках ее ушей медленно покачивались круглые серьги, отмеряя такт едва уловимых движений. Она ждала, что его величество обратится к ней, и не ошиблась. Хефер-нефру-атон сказал:

— А что ты скажешь, дорогая сестра?

— Сердце велит мне сказать, твое величество, что оно бьется сильнее всякий раз, когда Тутанхатон произносит мое имя. Мое сердце велит мне сказать, что оно верит, верит каж-

дому слову Тутанхатона и хотело бы стать достойным его любви...

Речи влюбленных обычно не балуют разнообразием, и на этот раз было то же, но слова эти звучали очень убедительно в устах юного царевича и моей сестры. Так всегда бывает при рождении новой любви — как при рождении нового солнца.

— Примите от меня в подарок Южный Дворец, — сказал Хефер-нефру-атон. — Я хочу, чтобы ваша жизнь была окружена прекрасными вещами. Ведь это так приятно, когда превосходные вещи радуют нас своей красотой...

— Прими нашу благодарность, твое величество.

— Эти дары достойны тебя, Тутанхатон, и твоей возлюбленной сестры. Кроме того, вы получите в подарок часть военной добычи Хоремхеба и дани арамейских племен. Кстати, — лицо Хефер-нефру-атона вдруг оживилось, — один подарок я преподнесу вам сейчас же. Слыхали вы что-нибудь о кочевниках шасу? Правитель Угарита прислал мне в подарок карлика, который родом из этого самого племени. Это совсем не то, что карлики госпожи Бенремут, изображающие сановников земель Нехебт и Буто. Приведите карлика Раннабу! — приказал он слугам, явившимся на его зов. — Сейчас вы увидите, как он умен и забавен. И ты ведь еще не видела его, моя госпожа!

Анхесенпаатон захлопала в ладоши от восторга, когда увидела карлика. Ростом он был немногим больше двух локтей¹⁰³, но на короткой шее сидела крупная голова взрослого мужчины, казавшаяся еще крупнее из-за обилия черных косматых волос, подобных львиной гриве. Огромные, почти неестественно огромные черные глаза карлика смотрели спокойно и с каким-то внутренним достоинством из-под густых черных бровей, а нижнюю часть его лица закрывала столь же густая борода, непривычная для жителей Кемет. С первого взгляда было заметно, что он очень силен, мускулы его рук и ног казались отлитыми из бронзы. Набедренная повязка, вышитая разноцветным бисером лента на голове, деревянное ожерелье и круглые серьги в ушах составляли его наряд. Карлик распро-

стерся на полу у ног фараона и вновь поднялся по милостивому знаку его величества. Сложив руки на груди, он спокойно ждал дальнейшего, и мне было не по себе под этим невозмутимым пронизательным взглядом. Точно ожившая статуя карлика Бэса, смотрел он на меня, и я опустила глаза, боясь, что ему станут ведомы тайны моего сердца.

— Раннабу хорошо владеет языком жителей Кемет, — сказал фараон, обращаясь к нам, — и умеет читать и писать. Будь он повыше ростом и не так космат, он мог бы стать хорошим писцом. Но всемогущий Атон повелел, чтобы он жил для забавы лучших людей. Спой нам, Раннабу! — приказал он, приветливо улыбаясь карлику. — Я уже слышал его песни, от них становится грустно и хорошо на сердце. Спой, Раннабу, спой песню любви для тех, кому ты отныне будешь принадлежать, для его высочества царевича Тутанхатона и ее высочества Анхесенпаатон. Они будут повелевать твоим дыханием, и из рук их ты будешь получать пищу.

Карлик распростерся на полу перед Тутанхатоном, и я заметила, что черные глаза этого уродливого существа внимательно следят за каждым движением юного царевича. Тутанхатон никогда еще не обладал такой редкостью, и глаза его засияли от восторга. Он протянул руку и нерешительно коснулся косматой головы, как касался голов своих охотничьих собак. Раннабу вновь почтительно поклонился и, отступив немного назад, запел. Странное чувство рождал этот голос, низкий и хриплый, пугающий и в то же время удивительно приятный, казавшийся исходящим из глубин сердца. Он цел на своем языке, но и не понимая слов, можно было почувствовать нежность и грусть этой песни, от которой веяло диким ветром далеких степей и благодатным дыханием затерявшихся в песках оазисов. Раннабу раскачивался из стороны в сторону, и казалось, что все мы находимся на палубе корабля, совершающего таинственное и приятное плавание. Анхесенпаатон закрыла глаза и всем телом вторила ритму, а Тутанхатон удивленно смотрел на карлика, словно пытаясь угадать, что за сила таится в уродливом теле и необыкновенном голосе. Его ве-

личество Хефер-нефру-атон слушал, опустив голову на грудь, тихо перебирая ряды золотых бус. И не хотелось, чтобы кончалось таинственное плавание, чтобы замирала в обширных пространствах царских покоев песня далеких кочевых племен, рожденных, чтобы служить подножием трона великих фараонов Кемет. И когда кончилась песня, все мы еще слышали ее, никто из нас еще не вернулся из таинственного путешествия в страну неведомых богов. Раннабу все еще тихонько раскачивался, и от этого, должно быть, казалось, что песня продолжает звучать. Его величество поднял голову и посмотрел на нас, и я увидела в его глазах прозрачный влажный блеск исторгнутых из глубины сердца слез.

...Теперь, в Опете, мне часто слышалась эта песня, ибо она будила воспоминание о счастливом дне в Ахетатоне, дне, полном любви и покоя. По настоянию Эйе мой муж повелел открыть двери храма Амона, но не приносить жертв и не отправлять богослужений. Он делал все ощупью, как слепой, он шел медленно и неуверенно, снедаемый великой печалью и великим страхом. Он не находил в себе сил охотиться и совершать пешие прогулки, он начинал задыхаться, когда из пустыни дул горячий сухой ветер, а в иные дни не показывался из своих покоев, отказываясь от пищи, приказывая не беспокоить его. Ба его страдало и насыщало страданием слабое тело, которое уже не в силах было выносить бремени государственных забот. Он перестал читать донесения, их прочитывал Эйе. Отказывая в приеме иноземным послам, он отказал даже правителю Тира, пожелавшему прислать ему в жены свою дочь. Ни женщины, ни даже любимые им древние папирусы не трогали его, не привлекали его внимания дольше, чем на миг. Он угасал, как утренняя звезда при первых лучах солнца, он таял, как тает на солнце мягкий воск, руки его были так слабы, что уже не могли ни сдерживать, ни погонять. Эйе продолжал давать ему свои травы, но теперь от них делалось только хуже. Во всех храмах, посвященных Атону, жрецы возносили молитвы о здоровье фараона, но и это уже не помогало. И тогда пришла пора испробовать последнее средство, самое сильное и опас-

ное. Ночью царская барка отплыла на западный берег Хапи, в Город Мертвых. В барке, кроме гребцов, были только трое — мой муж, Эйе и я. Мы направлялись к одному из таинственных заупокойных храмов, имени которого не дозволялось произносить. Мне велели остаться у порога, ибо женщине было запрещено входить туда. Шатаясь от слабости, Хефер-нефру-атон шагнул в темноту, вслед за ним, бесшумно и легко, в темноту шагнул Эйе. Там, в тайном святилище, должен был совершиться магический обряд, призванный исцелить страдания владыки. Я осталась одна — среди тишины, темноты, присутствия мертвых. Я опустила на камень и закрыла лицо руками, не в силах видеть изредка вспыхивающих далеких огней, не в силах слышать шелеста крыльев летучих мышей. Долго ли я просидела так — не знаю... Я услышала шаги, подняла голову, и тогда увидела Эйе, который поддерживал молодого фараона, бессильно склонившегося к нему на плечо. Я не осмелилась спросить, все ли прошло так, как должно, я должна была помочь моему возлюбленному дойти до барки и возлечь на приготовленное ложе. Мы с Эйе не смотрели друг на друга, только руки наши соприкасались, помогая медленным, неверным движениям моего несчастного Хефер-нефру-атона. И по прибытии во дворец мы не сказали друг другу ни слова, ибо не было возможности сказать, ибо мой возлюбленный впал в тяжелое забытие и долго не приходил в себя. Эйе приказал зажечь благовонные курения вокруг ложа фараона, приказал херхебу читать заклинания, отгоняющие злых духов немощи, сам долго втирал в виски владыки целебный бальзам, привезенный из страны Офир¹⁰⁴. Никто будто не замечал моего присутствия, я, царица и супруга повелителя Обеих Земель, сжалась в комочек в дальнем углу покоя, как какая-нибудь простая женщина, наложница или рабыня. Мой возлюбленный, мой несчастный супруг казался вернувшимся издалека, когда он открыл глаза. И, несмотря на неудовольствие Эйе, я подошла к его ложу, я опустила возле него на колени, как когда-то давно, тысячу лет назад, в прекрасном дворце Ахетона, под строгим взглядом моего отца, под злым взглядом

Кийи, под суровым взглядом того же Эйе. Это было на исходе ночи, когда уже близился рассвет. Мой возлюбленный ничего не сказал, только взял мою руку и положил ее себе на грудь, и в его глазах вдруг увидела я страшные образы цветов с полей Иалу. Это было все, и это был один миг. И когда над фараоном наклонился Эйе...

ОТЕЦ БОГА ЭЙЕ

...И когда я наклонился над фараоном, он уже перестал быть живым богом Кемет и начал свой путь в страну Запада, к полям Иалу. Сердце его остановилось, и взгляд его устремился в сторону Аменти. И я отправил в Ахетатон гонца с тайным посланием к жрецу Мернепта, а спустя несколько часов — второго, который вез послание, начинающееся так, как оно должно было начаться: «Твое величество, властитель добрый, образ Ра, государь, живущий правдою, владыка Обеих Земель Тутанхатон, да пребудешь ты жив, цел и здоров...»

Ты видишь, что творится в нем, даже когда
уста его немы.
Сердце его истинно, душа его открыта, нет тьмы
в груди его.
Золотая, он почитает тебя, пошли ему жизни!

«К богине Хатхор»

ЖРЕЦ МЕРНЕПТА

В тот день, когда прибыл гонец из Опета с известием о восхождении в свой горизонт его величества Анх-хепрура Хефернефру-атона и весь Ахетатон содрогнулся, уstraшившись столь явного проявления гнева богов, его высочество царевич Тутанхатон был особенно удачлив на охоте, его добычей стал роскошный леопард, воистину рожденный для гибели от царской руки. На рассвете этого дня сон мой был прерван прибытием тайного гонца от Эйе, сообщившего мне первому страшную весть и повелевшего совершить обряд бракосочетания царевича с третьей дочерью великого Эхнатона без полагающихся церемоний, быстро и тайно. Я понял, чего хочет от меня отец бога, я понял, что с охоты вернется уже не его высочество, а его величество Тутанхатон, повелитель страны Кемет, владыка Обеих Земель... Сердце мое рвалось первым приветствовать его как фараона, но, подчинив свой порыв разуму и осторожности, полагаясь на мудрость многоопытного Эйе, я встретил царевича как обычно и сказал ему, что, согласно воле его величества, обряд бракосочетания будет свершен сегодня же без торжественных церемоний, ибо его величество, вероятно, желает дать своему племяннику какое-нибудь важное поручение, для которого необходимо облачиться в наряд молодого мужчины. Глаза Тутанхатона вспыхнули изумлением и радостью, и он поспешил в святилище, даже не переодевшись после охоты, не сняв своего легкого позолоченного панциря. И царица Анхесенпаатон была изумлена и обрадована, и я убедил ее не тратить времени на облачение в роскошный свадебный наряд. Так и стояли они перед жертвенником Атона во

Дворе Солнечного Камня, где в присутствии немногих избранных жрецов состоялся обряд бракосочетания, причина поспешности которого была известна только мне да еще, быть может, верховному жрецу Дома Солнца Туту, который всегда все знал. И когда обряд был завершен и царица Анхесенпаатон была названа женой царевича Тутанхатона, я простерся ниц перед моим воспитанником и произнес, смиряя стук бешено и радостно бьющегося сердца:

— Приветствую тебя, твое величество, владыка Обеих Земель, возлюбленный Ра, фараон Тутанхатон!

***

Эйе воистину был мудр, ибо женитьба царевича на третьей дочери фараона Эхнатона делала неоспоримым его право на престол великой Кемет, ибо двойная принадлежность к царской семье делала его единственным законным наследником трона великих фараонов. Никогда не помышлявший о троне мальчик, юный супруг дочери Эхнатона, в лучшем случае предназначенный для того, чтобы принять титул царского сына Куша¹⁰⁵, стал владыкой огромной страны, едва облачившись в наряд молодого мужчины. Внезапная кончина его величества фараона Анх-хепрура Хефер-нефру-атона потрясла Кемет едва ли не больше, чем смерть сына царственного Солнца. Кроткий и болезненный, мечтательный юноша Хефер-нефру-атон стал жертвой губительного потока, захватившего его и сдавившего в своих жестоких объятиях, и после его смерти Кемет понеслась бы без руля и паруса, если бы не мудрость старого Эйе, хитрого Эйе, опасного Эйе... Предвидел ли он смерть молодого фараона или так хорошо умел действовать по обстоятельствам, но в тот же самый день, когда он отправил гонца в Ахетатон, другой гонец помчался к северо-восточным границам Кемет, где находился со своими войсками Хоремхеб. Эти два могущественных человека стали опорой трона юного фараона Тутанхатона, это они сделали так, что верховный жрец Дома Солнца Туту, к речам которо-

го склонял слух даже великий Эхнатон и в руках которого была власть, превышающая представление о ней, был вынужден покинуть столицу и удалиться в свои поместья в низовьях Хапи, это они, Эйе и Хоремхеб, окружили имя Тутанхатона величественным сиянием. Это они, Эйе и Хоремхеб, наследовали возвеличенному ими фараону...

В скалах близ Ахетатона, среди гробниц и заупокойных храмов, вновь звучали скорбные песнопения и совершались погребальные обряды над телом усопшего владыки, несчастного Анх-хепрура Хефер-нефру-атона. Царица Меритатон оплакивала своего супруга в Северном дворце, куда удалилась вместе со своей матерью, великой царицей Нефр-эт. Анхесенпаатон, потрясенная неожиданным новым горем и внезапно обрушившимся на нее счастьем, тщетно пыталась утешить сестру. Тутанхатон, коронация которого должна была совершиться сразу по истечении дней великой скорби, казался глубоко удрученным, погруженным в свои думы. Он стал взрослым за эти несколько недель, так тяжелы были испытания, выпавшие на его долю. Диадема с золотым царским уреем¹⁰⁶, которую он носил теперь, казалось, была слишком тяжелой, угнетала его. И все же я видел в нем внутреннюю силу, разгоравшуюся постепенно, видел крепость его Ба, видел твердость совсем еще мальчишеской руки, сжимающей царский жезл, и сердце мое ликовало, ибо я ждал возвращения моего бога, ибо знал, что этот мальчик вернет мне его... В эти недели, оставшиеся до коронации, будущий владыка Кемет пожелал углубить свои знания в аккадском, арамейском и вавилонском языках, познакомиться с языком Митанни и Хатти. Это было желание, достойное фараона, но все же я спросил его, отчего он не желает положиться на опытность царских писцов и переводчиков. И он ответил мне, улыбаясь:

— Мой достойный наставник Мернепта, разве я мог поручить кому-нибудь переписывать текст поучения Птахотепа, который ты приказывал принести тебе на следующее утро? А обязанности фараона более важны, чем обязанности царевича-ученика...

Склонившись над клинописными табличками, разбирали мы мудреные письма хатти. Когда-то — и не так уж далеки были те времена — царство Хатти искало дружбы с Кемет, присылало богатые дары и царских дочерей в женский дом фараонов. При вступлении на престол Эхнатона хатти были еще достаточно смиренны, но к концу его правления, как выражался Хоремхеб, «стали наступать на пятки» жителям дальних степатов страны Кемет. Могущественное это царство простерло свои границы вплоть до устья Иордана, подчинило себе сильные государства Арцава и Киццувадна. Мир или война с ним были важнее для Кемет, чем все ханаанские дела и дела страны Куш. И то, что юный фараон понимал это, казалось залогом спасения Кемет.

— Каким богам поклоняются хатти? — неожиданно спросил Тутанхатон, отрываясь от глиняных табличек. — Расскажи мне как можно подробнее, учитель.

— Хатти поклоняются богу плодородия Сандану и богине Иштар, — сказал я, — поклоняются и священному льву, и священному быку, и священной змее. Царь Хатти называет себя Солнцем...

— Именно так? Не сыном Солнца, а Солнцем?

— Именно так, твое величество.

— Как странно мне слышать из твоих уст, учитель, эти слова — «твое величество»! — Улыбка осветила лицо Тутанхатона, ласковая и смущенная улыбка. — Скажи мне еще, хатти любят красоту?

— Статуи их богов и царей величественны, но некрасивы. Ты мог видеть, твое величество, их каменные вазы, сосуды из серебра, чеканку на золоте. Все это, может быть, и красиво, но не радует глаз изяществом и тонкостью отделки. В чем они достигли большого искусства, так это в строительстве укрепленных городов. И Хаттуса, и Куссар окружены двойными стенами.

— Что еще необычно у хатти?

— Они выращивают много овец, а кони у них необыкновенно дороги. Плоды финиковых пальм не созревают в их

стране, зато они употребляют в пищу необыкновенно вкусные сладкие плоды желтого цвета, которые мне однажды довелось пробовать во время моих странствий. Выращивают там и другие плоды, мелкие и твердые, которые употребляют в пищу и недозревшими, когда они еще зеленого цвета, и спелыми, когда они чернеют. Деревья, на которых они растут, цветут необыкновенно красиво. Такие деревья растут и у нас, в земле Нехебт, но они очень редки. Из этих плодов выжимают масло, полезное и приятное на вкус. Но мне не довелось его пробовать, твое величество, — предупредил я вопрос фараона.

— С могущественной державой нужно жить либо в крепком мире, либо вести с ней победоносную войну, — задумчиво сказал Тутанхатон. — И пока нет сил вести победоносную войну, придется мирно разговаривать с хатти.

— Ты говоришь мудро, твое величество.

— Этой мудростью я обязан тебе, мой учитель Мернепта.

— Ее внушили тебе боги, — неосторожно сказал я.

— Боги? — Тутанхатон посмотрел на меня, и взгляд его показался мне неодобрительным. — О каких богах ты говоришь? Есть один великий бог — Атон, царственное Солнце. Он дарует мудрость и жизнь, внушает человеку добрые и разумные мысли. Ты раньше не упоминал ни о каких других богах, Мернепта. Должно быть, они существуют, но все они должны поклониться Атону.

— Ты сам спросил меня о богах хатти, твое величество. И если я упомянул о богах Кемет, то лишь потому, что вспомнил своего бога-покровителя Тота, владыку мудрости.

— Того, что спас Кемет от гнева богини Тефнут?

— Да, твое величество. И еще Тот создал письменность, обучил ей все народы. Прости меня, недостойного...

— Лучше продолжим разговор о хатти. — Тутанхатон недовольно тряхнул головой и, сделав мне знак последовать его примеру, снова склонился над табличками. — Что это, Мернепта? Знак царя-Солнца?

— Так, твое величество.

Больше мы не говорили о старых богах, больше я не проносил имени Тота, но в глубине моего сердца жила мысль о том, что скоро, очень скоро настанет то время, когда я смогу открыто поклониться и принести жертвы богу с головой священного ибиса. Фараон Тутанхатон не был безумцем, фанатично поклоняющимся Атону, он был слишком умен, слишком добр. Злая сила была опорой Дома Солнца, и когда не стало ее, Атон утратил свое могущество. Никто не говорил об этом, но, клянусь священными таинствами храмов, все предчувствовали приближение благодатного небесного Хапи. Мальчик-фараон излучал свет, теплый, не ослепляющий золотым блеском свет. И я, его воспитатель и наставник, преклонялся перед таинственной силой, заключенной в этом свете. Боги, которым поклоняются хатти... Никто не стоял за его спиной, когда он задал мне этот вопрос. И еще один вопрос задал он мне, когда ночью стояли мы под звездным небом на плоской крыше Дома Солнца. Зная, что скоро обилие государственных забот отвлечет его от ученых занятий, Тутанхатон стремился постичь то, что еще было можно, пренебрегал часами сна, задавал мне множество вопросов, старался проникнуть в тайную суть вещей. В эту ночь созвездие Змеи стояло прямо над нашими головами, и мерцание таинственных светил пробуждало мысли о неизмеримой и непостижимой вечности. У ворот храма негромко переговаривались стражники, по двору изредка проходили младшие жрецы со светильниками в руках, спешившие к ночному бдению во дворе Солнечного Камня, тихо колыхались ветви огромных пальм и флаги на высоких столбах у входа в святилище, но ничто не нарушало торжественного величия ночи, всемогущей и всеобъемлющей, дарившей спокойствие даже самым беспокойным сердцам. При слабом свете пламени светильника Тутанхатон делал отметки на карте звездного неба, наблюдая, как располагаются звезды над моей головой, и золотой урей на его диадеме вспыхивал ярким огнем, когда юный фараон наклонялся над светильником. Он работал молча и сосредоточенно и, показав мне сделанное им, заслужил мое одобрение. Потом мы стали

смотреть на звезды, начавшие игру фиолетовых, голубых, зеленоватых огоньков в черной чаше ночного неба. Так красивы были эти танцы звезд в чертогах владычицы Неба, что взор не мог оторваться от них и уста были сомкнуты безмолвным восхищением, и часы ночи летели незаметно, претворяя наш восторг в частицу своей вечной тайны. Постепенно звезды начали бледнеть, и я спохватился, что его величество так и не сомкнул глаз в эту ночь. Я давно привык к ночным бдениям, близость страны Запада побуждала меня не трогать драгоценное время на сон, подобный смерти, но с моей стороны было непозволительно, чтобы мой царственный воспитанник не посвятил ночному отдыху хотя бы три часа. Он был задумчив, даже печален, и вздрогнул, когда я попросил его поспешить во дворец, чтобы дать себе хотя бы небольшой отдых перед новым тяжелым днем.

— Нет, дорогой учитель, — сказал он, — я не устал, я не хочу спать. Что значит сон в мои годы?

— Тебе всегда придется мало спать, твое величество. Обязанности фараона побуждают владыку страны Кемет подниматься с рассветом, а ложиться, когда весь небосклон усеян звездами. У тебя будет мало времени для отдыха и в течение дня, а моления и церемонии в дни праздников не оставят и часа свободного времени. Пока на твою голову не возложена корона Обоиx Земель, ты можешь еще позволить себе пренебречь некоторыми церемониями, но когда тебе будет дано тронное имя, ты не будешь принадлежать себе. Разумно ли жертвовать драгоценным сном теперь, когда еще есть время?

— Учитель, я знаю, что ты прав, но позволь мне тебя послушаться. Разве я часто делаю это?

— Ты прав, твое величество, нечасто.

— Скажи мне, учитель... — Он не смотрел на меня, но каждый мускул его трепетал от волнения, от ожидания ответа. — Скажи мне, и я хочу услышать от тебя правду, достоин ли я носить двойную корону великих фараонов? Я видел свое будущее иным, видел себя на боевой колеснице, вооруженным тяжелым мечом, видел себя подобным его величеству Джхутиме-

су при Мегиддо¹⁰⁷, мечтал о том, как приму из рук служителя бога синий шлем... Я должен был стать царским сыном Куша или наместником земли Буто, его величество Хефер-нефруатон должен был править долго, долго. Почему все случилось так? Почему я приму двойную корону Кемет, которую еще много лет должен был носить его величество Анх-хепрура?

— Потому что так было предназначено тебе, твое величество.

— Кем предназначено?

— Атоном... — Я хотел сказать: «богами», но вовремя сдержался и повторил: — Атоном, великим Атоном.

— Он призвал к себе своего великого сына, он призвал к себе его величество Анх-хепрура, он оставил меня одного на престоле Кемет. Это так должно быть, учитель?

— В твоём вопросе уже ответ, твое величество.

Задумавшись, он опустил голову, увенчанную царской змеей, и долго молчал, поглаживая кончиками пальцев драгоценный скарабей на своей груди. В свете бледных утренних звезд лицо его было поистине лицом Хора, горько задумавшегося над растерзанным телом своего божественного отца.

— Бывали случаи, когда фараоны восходили на престол в моем возрасте?

— Бывали, твое величество. Бывали и младше — десятилетние, даже девятилетние.

— Но они правили не сами.

— Не сами. Их именем правили советники, иногда матери или другие родственницы, как царица Хатшепсут...

— А моего слова будут слушаться, учитель?

— Твое величество, если оно будет разумно и твердо, будет воистину царственным словом — кто посмеет ослушаться его?

— В стране Кемет издавна почитают стариков. Разве мне может быть дана мудрость шестидесятилетнего?

— Твое величество... — Я задумался на миг, прикидывая, стоит ли говорить. — Твое величество, я скажу странную вещь, но мне кажется, что годы сами по себе еще ничего не значат. Они обогащают нас опытом, а мудрость, божественная мудрость, может быть ниспослана и двенадцатилетнему. Ты

всегда жил во дворце, ты видел и слышал всех высших сановников Кемет, ты многое видел и думал о многом. И это поможет тебе теперь, великий господин...

Он застенчиво улыбнулся, из-под длинных ресниц блеснул благодарный взгляд. Его явно утешили и ободрили мои слова, и мне было приятно это. Мы полюбовались еще бледнеющими звездами и вернулись во дворец, где юный фараон бросился на ложе и мгновенно заснул, не успев даже снять диадемы с золотым царским уреем, как позволено человеку только в детстве или цветущей поре ранней юности. А я отправился в свои покои и долго еще молился своему богу-покровителю, прося его не оставлять юного Тутанхатона своим покровительством. И я знаю, что великий бог внял моим мольбам...

***

И вот настал день, когда на голову Тутанхатона была возложена двойная корона земель Нехебт и Буто, настал великий день, когда над страной Кемет взойшло солнце фараона Небхепрура Тутанхатона.

На рассвете этого дня мне, воспитателю и наставнику его величества, была дарована великая честь возвестить новому владыке Кемет приход благословенного дня, приветствовать его пробуждение ото сна. В своей роскошной опочивальне лежал он на драгоценном ложе, украшенном изображениями золотых зверей, обитателей Страны Богов. Тонкая ткань, благоухающая миррой, окутывала его прозрачным облаком, и он поистине был подобен спящему богу. Крепко спал юный владыка Кемет, полуоткрыв губы, улыбаясь во сне, и невидимые боги-хранители простирали свои руки над его сонным покоем. Я приблизился и возгласил утреннее приветствие, и он открыл глаза и обратил ко мне юное прекрасное лицо, сияющее доброй улыбкой. Тотчас покой заполнили жрецы и придворные, хранители одежд, сандалий и бальзамов, носители опахал и царских жезлов, важнейшие сановники во главе с Эйе,

прибыли царицы Анхесенпаатон, Меритатон и Нефр-эт. Все они приветствовали пробуждение фараона и прислуживали ему, пока совершался обряд его облачения. Пока искусные в своем деле мастера полировали ногти на ногах и руках фараона, подводили черной и синей краской его глаза, пока умащали его лицо и тело драгоценными маслами, тихо звучали торжественные песнопения в честь восходящего солнца и его лучезарного потомка, владыки Кемет, грядущего, чтобы властвовать во имя царственного Атона. На голову повелителя был возложен парик, поверх него — бело-красный немес¹⁰⁸, закрепленный золотой лентой с царским уреем. Белая складчатая набедренная повязка, перехваченная широким золотым поясом, царский передник из цветных бус с бахромой в виде священных змей и сандалии из позолоченной кожи дополнили наряд фараона, грудь его была украшена драгоценными ожерельями и изображениями скарабеев, на запястьях, предплечьях и щиколотках надеты золотые браслеты, пальцы унизали массивные перстни. В церемониальном царском наряде Тутанхатон казался совсем взрослым, и когда верховные сановники Кемет пали ниц перед повелителем, никому не показалось странным различие между их возрастом и возрастом нового фараона. Парадная золотая колесница, запряженная парой белых коней, доставила владыку к Дому Солнца. Ударив трижды своим скипетром в ворота храма, фараон назвал свое имя, и ворота святилища распахнулись перед ним. Совершив очистительные обряды, фараон принес в жертву великому Атону сосуды с благовониями, вино и плоды, и после этого был препровожден служителями храма во двор Солнечного Камня, где состоялось таинство общения нового владыки Кемет со своим солнечным отцом. Когда же голова его была увенчана двойной царской короной и были провозглашены пять великих имен¹⁰⁹, царедворцы вновь пали ниц и пожелали фараону долгих лет царствования и процветания. Потом состоялась церемония представления верховных жрецов, высших сановников и военачальников, и никого не удивило, что почетное место по правую руку фараона занял отец бога Эйе,

а по левую — Хоремхеб. Был удостоен почестей и наград и я, воспитатель и наставник его величества, и сердце мое ликovalo при виде великой радости Кемет. Множество золотых ожерелий и драгоценной посуды получили в награду избранные его величеством, множество подарков досталось и народу, допущенному на двор храма, и в этот день даже рабам приказано было выдать мясо и вино. До самого вечера затянулся торжественный пир в главном царском дворце Ахетатона, а когда фараона торжественно проводили в его опочивальню, великая грусть вдруг сковала мое сердце, и я закрыл рукою глаза, чтобы его величество не увидел моих слез. Вот кончено все, к чему был призван жрец Мернепта, вот ученик превратился в великого властителя страны Кемет, вот воспитанник повелевает высшими, вот мальчик становится мужчиной, ибо ничто так быстро не разлучает с детством, как двойная бело-красная корона, как скипетр в руке, как жезл и плеть. Вот прошло время, когда мои руки возносили его к звездам, и ныне я — лишь прах у ног его. И я почувствовал себя одиноким, воистину одиноким, как бывает одинок тот, кто слишком большой любовью взрастил сокола и выпустил его на свободу. Вернется ли он когда-нибудь на руку твою? Когда фараон сотворил коленопреклоненную молитву царственному Солнцу и возлег на свое ложе, я вместе с другими придворными приготовился уйти, но вдруг его величество остановил меня и пожелал, чтобы я оставил горящим один светильник и занял место в кресле напротив царского ложа. Я воспротивился этой великой чести, но фараон настоял на своем, сказав:

— Тебе, учитель, не пристало стоять перед ложем своего ученика.

— Да будешь благословен ты, твое величество, — возразил я, — добрый властитель страны Кемет — уже не ученик.

— Не отказывай мне в этом, учитель, — сказал фараон, улыбаясь мне, как в былые времена, — чтобы мне не пришлось сожалеть о том, что трон лишил меня многих простых вещей, бывших отрадой моего сердца. Сядь, учитель, и скажи

мне, как прошла торжественная церемония и был ли я достоин имени моих великих предков?

— Ты сиял, словно солнце, твое величество, — сказал я.

В моих словах не было ни капли лести, и его величество благосклонно принял их. Усталость смежала его веки, но он спросил меня:

— Учитель, знаешь ли ты послания великих фараонов, начертанные на стенах пирамид?

— Мне они известны, твое величество.

— А те, что начертаны на стенах гробниц в скалах?

— И они тоже.

— Что оставили в назидание потомкам великие фараоны, если сказать коротко?

— Фараону надлежит быть справедливым и сильным, твое величество.

— Справедливым и сильным... А в чем состоит справедливость, Мернепта?

— Дстойно награждать, достойно карать.

— С этим мне хотелось отправиться в царство сна, хотелось услышать от тебя добрые и мудрые слова, достойный Мернепта, — сказал его величество с улыбкой. — Ты ведь будешь со мной? Ты не покинешь меня?

— Никогда не покину, твое величество.

— Тогда подожди, пока я усну, не покидай меня, пока не увидишь, что я крепко сплю. Завтра утром придет Хоремхеб, мы о многом будем говорить, и мне бы хотелось, чтобы ты присутствовал при нашей беседе. Сегодня мы уже не пойдем на крышу храма, правда, учитель? Завтра придворные мудрецы займутся толкованием моих снов, и мне бы хотелось их порадовать, увидеть что-нибудь приятное, но кажется, я так крепко засну, что ничего не увижу.... — Он улыбнулся и закрыл глаза, но тотчас же открыл их снова. — Почему такая тишина во дворце, учитель?

— Потому что ты удалился в свою опочивальню, твое величество.

— А тебе не хочется спать, учитель?

— Нет... — Я улыбнулся и повторил: — Нет.

— Почему старые люди спят так мало?

— Сон напоминает смерть, твое величество, он отнимает драгоценные часы жизни, которых у старых людей осталось совсем немного. Вот поэтому — боятся и не хотят.

— Страшно быть старым?

— Страшно тому, кто, оглядываясь, видит за собой лишь пустоту бесполезно прожитых лет, лет без добра, без любви, без познания. Тебе не будет страшно, возлюбленный господин мой, твоя жизнь будет отдана благу Кемет, ты сотворишь много добра, много, много...

— Ты мне поможешь?

— Если только смогу, если тебе понадобится мой опыт и знания, если только ты будешь нуждаться в помощи, лучезарный господин мой.

— Я всегда буду спрашивать твоих советов и всегда буду слушаться тебя, даже когда стану совсем взрослым... — Тутанхатон снова смежил веки и улыбнулся мне уже откуда-то с дальнего края наплывающего сна. — Пожелай мне добрых сновидений, учитель, только побудь у меня еще. Завтра... завтра опять будем вместе. А Хоремхеб...

ПОЛКОВОДЕЦ ХОРЕМХЕБ

Такого не бывало еще с полководцем Хоремхебом, чтобы он опускал глаза перед фараоном, даже при Эхнатоне не бывало такого. И тем более при Хефер-нефру-атоне, юноше слабом, как тростник, нежном, как цветок папируса. А теперь на троне передо мной сидел мальчик, и взгляд мой пытался проникнуть в глубь земли, преодолев преграду в виде расписного пола Зала Приемов. Мы были втроем — фараон, его наставник жрец Мернепта и я, высший военачальник страны Кемет, прославленный в боях Хоремхеб. Фараон был совсем еще мальчик, в прежний свой приезд в Ахетатон я видел его лишь мельком. А кто мог подумать тогда, что этот красавец царевич займет престол вместо внезапно скончавшегося фараона Анх-хепрура? Пророком я не был!

Не потому взгляды мои прятались в землю, что мне нужно было таить что-либо. И не потому, что Хоремхебу было стыдно за свои неудачи в делах с хатти, для борьбы с которыми вполне годилась и плетка. Просто потому, что мальчик-фараон требовал от меня простой правды, а правда эта была горька и жгла стыдом. Так произнести, как хотел он, полководец Хоремхеб не мог. Эхнатон предпочитал тешить себя призраком былого могущества, Эхнатон принимал дань от жалких ливийских племен с таким видом, словно на поклон к нему пришли сразу цари Хатти, Митанни и Вавилона. Этот мальчик не хотел утешительной лжи. Царевич Джхутимес как-то обмолвился, что юный Тутанхатон мечтал стать великим воителем, подобным Джхутимесу III. Наверное, это и мешало ему смотреть сквозь сомкнутые веки в лицо богини Маат.

— Оставим в покое царство Хатти, Хоремхеб. Если они нападают на владения мелких царьков в северном Ханаане, это еще не прямой вызов Кемет. Ханаан ближе, и он ведет себя вероломно. Я правильно понял смысл донесений из Дома Войны?

— Все верно, твое величество.

— А все же, Хоремхеб, в чем дело? Величие Кемет не могло покоиться только на ханаанских владениях, значит, и утрата части их не может подорвать могущество нашего государства. Кто же сильнее? Хабиру, шасу, муавитяне, хатти? Мне угодно знать твои мысли, Хоремхеб.

— За правду, которую я должен буду сказать, ты накажешь меня, твое величество.

— Верных не наказывают, Хоремхеб.

Ответ был хорошим, достойным великих предков Тутанхатона. Этот мальчик внимательно читал старые папирусы и слушал наставления своего учителя! Но прямога мне никогда не казалась достоинством владыки. Воина — да, но не фараона! Это была черта, свойственная юности, выдававшая возраст Тутанхатона.

— Твое величество, если ты пожелаешь склонить свой слух к моим речам...

— Пожелаю!

— Дело в том, твое величество, что войско Кемет недостаточно сильно. Кто составляет его главную силу на юге и северо-востоке? Наемники! Они дорого стоят государству. Со времен великого Джхутимеса повелось, что десять мужчин, способных носить оружие, поставляют одного воина...

— Так пусть поставляют двоих!

Я улыбнулся горячности юного фараона. «Мальчик, мальчик...»

— Твое величество, немногие хотят окончить свои дни в пустыне, питаюсь колючками и горячим песком. Если прикажешь брать двоих, народ будет недоволен.

— Но ведь это же для блага Кемет!

— А кто будет работать — на полях?

— Для этого нужны пленники, Хоремхеб. Много пленников! Я слышал, что во времена Аменхотепа II¹⁰ было приведено из одного удачного похода целых сто тысяч! А во времена великого Джхутимеса простые воины получали в награду рабов...

— Но пленники, твое величество, сами собой не появятся на полях Кемет!

Я позволил себе дерзость, и лицо мальчика вспыхнуло.

— Что же велишь делать, Хоремхеб?

— Не гневайся, твое величество, если скажу. Раньше при храмах было много землепашцев, и они легко шли на войну по приказу служителей богов. Если такой человек уходил на войну, семья его не умирала с голоду, а после удачного похода ему доставалась и кое-какая добыча. Теперь же землепашец предпочтет отрезать себе руку, чтобы не идти на войну, потому что некому будет заботиться о его детях. А если даже его детям пришлось бы стать храмовыми рабами, это для них не было бы плохо, ибо храмовый раб живет лучше многих и у него есть пища на каждый день. Но многие храмы лежат в руинах, другие закрыты, хозяйства их заброшены. Жрецы всегда помогали воинам...

— Хоремхеб, существуют храмы царственного Солнца!

— Но их немного, твое величество, и они не слишком богаты. Я слышал, верховный жрец Дома Солнца жаловался, что жертвоприношения стали редки и скромны...

— Это началось еще при его величестве Анх-хепура Хер-нефру-атоне, — вставил жрец Мернепта.

— Истинно, достойный Мернепта. Ты хотел услышать правду, твое величество, — ты ее услышал.

Я слукавил, ибо дело было не только в храмовых земляпашах. Войско было беспокойно из-за того, что одна часть воинов поклонялась Атону, другая служила старым богам, и из-за этого часто вспыхивали ссоры и даже кровавые поединки. В годы царствования Эхнатона возвысились военачальники, чьи отцы не имели возможности построить себе гробницу, а знатные люди принуждены были терпеть непристойное возвышение. И если эти новые военачальники называли себя сиротами, благодетельствованными его величеством, и были все как один яркими приверженцами зримого Солнца, то знатные люди прятали свои амулеты и молчали, стиснув зубы, ибо многие лишились имущества и родственников, вставших на защиту Пта или Амона. Дошло даже до того, что кое-кто из знати предпочел отречься от своего рода и назвать себя сиротой, ибо только такие при Эхнатоне становились людьми наградного золота. Я был в числе тех немногих, кому повезло, кого своевольный владыка счел достойным своей милости, несмотря на их происхождение. Род мой происходил из города Хутнисут¹¹, мой отец был его правителем, и хотя знать Она или Мен-Нофера всегда смотрела на нас свысока, писец носителя опахала по правую руку моего отца считал себя счастливым человеком. Вряд ли разбирался во всех этих делах мальчик-фараон, но я чувствовал, что при нем будет иначе. Внушить ему верные мысли по поводу военных дел Кемет казалось мне делом первостепенной важности. Но странное дело: в том, как он меня слушал, не было неуверенности и смущения неопытного владыки.

— Много ли военной добычи было отправлено в Дом Солнца, Хоремхоб? — неожиданно спросил фараон.

— Много добычи, твое величество.

— И воины получили мало?

— Меньше, чем в предыдущее царствование, твое величество, — сказал я, осмелев.

— Для царского дома я не возьму добычи следующего похода. Пусть больше достанется воинам, простым воинам, чтобы война стала выгодным делом. Готовься к походу против хананеев, тех, что тревожат наши северо-восточные границы, Хоремхеб, ты ведь давно хотел этого? Если войско будет нуждаться в конях или колесницах, царская казна будет открыта для военачальников. Пусть это немного, но великие дела не свершаются в один день.

Я с удивлением слушал мальчика-фараона, который говорил так просто и разумно. Советовался ли он с Эйе или нет, слова его были отрадны и для меня выгодны. Эхнатон и не помышлял о том, чтобы обновить вооружение войска за счет царской казны. Несметное количество золота тратил он на постройки, на возведение храмов в честь царственного Солнца, на награждение своих многочисленных немху. Скроенный женоподобно, лишенный воинственности, он лишь антилоп мог поражать своим копьём. А в этом мальчишке чувствовалась сила, хотя он и был хрупок и миловиден.

— Твое величество, позволь мне принести тебе благодарность от имени всех военачальников и всего войска Кемет, послушного твоему слову. Если тебе будет угодно, мы отправимся в поход тотчас же, как прикажешь. Первая же добыча обогатит воинов и вернет им веру в могущество нашего войска...

— А разве эта вера была утеряна?

— Поколеблена, твое величество. Великий Эхнатон закрывал глаза на то, что творилось на границах, он был занят служением своему божественному отцу. Нельзя было допускать, чтобы хатти и хабиру хоть в малой мере покусились на города Кемет, а не видя отпора, они вообразили, что им дозволено мечтать о власти до пределов Евфрата. Но теперь, твое величество, они увидят крепость мышцы твоей! А если нам удастся справиться с кочевыми племенами хананеев, тог-

да и хатти увидят, что с Великим Домом Кемет нельзя разговаривать, как с мелкими царьками Сати. Твое величество, да будешь ты жив, цел и здоров, имя твое будет прославлено нашими мечами!

Глаза мальчика-фараона радостно заблестели, но он попытался скрыть свою радость, как это полагалось владыке Обеих Земель. Что ж, с таким фараоном можно было рассчитывать на возвращение военного могущества Кемет. Эхнатон, слабый, презренный Эхнатон, которого и во сне нельзя было представить стоящим на боевой колеснице, сумел за семнадцать лет своего царствования развеять славу великого Джхутимеса, так разве не в силах этот мальчик вернуть хотя бы ее тень? За его спиной стоят мудрые советники, а он достаточно умен, чтобы прислушиваться к их советам. И если еще возьмет в советники Хоремхеба... Хоремхеб далеко не глуп. Более того, о власти Кемет, да и о самом фараоне в Ханаане и в других сопредельных государствах судят по Хоремхебу. Сильный, властный, суровый — таким он предстает в глазах правителей Сати и мелких царьков подвластных Кемет областей. Что Эхнатон, что Хефер-нефру-атон, что Тутанхатон — о Кемет судят по Хоремхебу. И плохо, когда фараон, подобный женщине, вынуждает льва сидеть в клетке.

— Что ты скажешь по поводу иноземной дани, Хоремхеб? — спросил мальчик-фараон, и по лицу его было заметно, что это его действительно интересует. — Я знаю, что страна Куш издавна поставляла нам золото и слоновую кость, ханаанские земли — свинец и олово... что еще?

— Еще лазурит, твое величество, драгоценный лазурит.

— И краски, достойный Хоремхеб, — вмешался ученый жрец.

— Это очень хорошо! — Мальчик задумался, прикусив нижнюю пухлую губу, и посмотрел на меня все тем же испытующим взглядом, от которого мне делалось не по себе, хотя никто не имел большего права открыто смотреть в глаза любому фараону, чем полководец Хоремхеб. — А какие товары привозили купцы из Хатти?

Так вот оно что! Его не оставляла мысль о хатти, и это было добрым знаком для Хоремхеба, которому хатти были что кость в горле. С этим мальчиком мы пойдем далеко, если только... Если его пути не разойдутся с нашими.

— Хатти торговали с Кемет редким металлом, называемым железом, серебром и лесом, годным для кораблестроения, твое величество.

— Что они брали взамен?

— Сухое золото, твое величество, — зерно.

Кажется, я понял, какие мысли были в сердце мальчика-фараона — он прикидывал в уме, не выгоднее ли заключить мирный договор с хатти. Но если это и было выгодно ему, это не было на руку Хоремхебу. Хоремхеб воин, и ему нужна военная добыча — скот, золото, пленники. Особенно пленники, труд которых ничего не стоит их владельцу. Пусть железо и редко, и дорого, оно все же не заменит нескольких десятков пар крепких рабочих рук. Да и бронзовые тела женщин хатти, откровенно говоря, куда привлекательнее железных тронов и скипетров.

— Одно приказываю тебе, Хоремхеб: что бы ни случилось, я всегда должен знать истину. Истина часто бывает горька на вкус, но плоды ее слаще тех, что порождает утешительная ложь. Ты понял меня?

— Понял, твое величество — да будешь ты жив, цел и здоров! Я слышу слова настоящего воина, настоящего потомка великих завоевателей. Тебе не придется пожалеть, что ты склонил свой слух к речам Хоремхеба. Твое величество, ты будешь доволен...

Мне было дозволено коснуться краешка царской сандалиии, и я стал человеком наградного золота, получив от фараона драгоценное ожерелье, достаточно тяжелое для того, чтобы Хоремхеб ощущал его достойным украшением своей могучей груди. Нетрудно было понять, что мальчик, только что взшедший на престол и мечтавший стать полководцем, уже на другой день после своего воцарения стремился показать себя взрослым и решительным правителем. Что и говорить, сила в нем была. Во всяком случае, он хорошо понимал, что никакие

почести, воздаваемые Атону, не стоят ханаанских владений. Пока этого достаточно, а дальше Хоремхеб сумеет направить энергию юного фараона в нужное русло. Брошена на благодатную почву и мысль о храмах, вот тут Хоремхеб докажет, что он достойный потомок знати Хутнисут. Пусть Эйе, отец бога, кичится чистотой своей древней крови и молочным родством с царским домом, по сравнению с многочисленными немху Эхнатона, Хоремхеб — золото чистого веса. Хоремхеб родился под звездами, приносящими счастье, его бог-покровитель достаточно силен, чтобы выжить при свете любого солнца. Нужно только быть твердым и прямо следовать по намеченному пути, открывая истину фараону лишь тогда, когда это выгодно. Впрочем, может случиться и так, что мысль Хоремхеба станет мыслью фараона и сила владыки Обеих Земель — силой его полководца.

***

Военачальник Кенна устроил празднество в честь своего полководца, дом его лучился счастьем, все самое лучшее и дорогое было извлечено на свет, чтобы усладить взор Хоремхеба. После стольких месяцев походной жизни приятно было облачиться в благоухающие одежды и возложить на голову венки из цветов, собранных руками красивых невольниц. И было приятно, что на празднество в доме Кенна собрались только лучшие друзья, достойнейшие из достойных. Тут был царевич Джхутимес, военачальники Рехмир и Сеннефер, был тут и новоизбранный хранитель царской сокровищницы Май, старый друг. И еще неожиданного гостя увидел я в доме Кенна — слепого скульптора Хесира, возвеличенного из праха Эхнатона и своим искусством. Он и вправду был больше, чем обыкновенный ремесленник, ибо руки его касались лиц божественных фараонов, ибо он имел гораздо большее, чем право лицезрения их в дни жертвоприношений, церемоний и торжественных приемов. К тому же в жилах его не было рабской крови, до меня доходили слухи о том, что прадед скульптора был

жрецом в городе Анхабе, что любовь к искусству вынудила его сына покинуть стены жреческой школы и стать учеником знаменитого художника. Было ли то правдой или нет, но лицо скульптора поражало благородством черт. Или он находился под особенным покровительством богини Сохмет? С ним была девушка, тоненькая и изящная, как стебель лотоса, и она была поразительно хороша. Из драгоценностей на ней было только очень красивое ожерелье из золотых и фаянсовых бус, а прическу украшали живые цветы, от которых еще свежее и прекраснее казалось ее лицо. Она сидела за столиком рядом со скульптором, разрезала для него мясо, подавала вино, и движения у нее были изящными, как у придворной танцовщицы.

— Кто это? — спросил я Кенна.

— Бенамут, дочь Хесира.

— Она очень красива, Кенна. Очень красива!

В глазах Кенна промелькнула тревога, я понял не сразу, но когда понял, усмехнулся.

— Брось, Кенна. Мне довольно красивых пленниц из страны Куш, хананеянок, вавилонянок... Ты хочешь сделать ее своей наложницей?

— Я хочу сделать ее госпожой своего дома, Хоремхем.

Не ожидал я такого от молодого и знатного военачальника, которому с радостью отдала бы свою руку дочь любого верховного жреца или правителя области. Приятно спать с красивой наложницей, но делать ее госпожой своего дома? Кенна просто опьянен. Когда он вернется из похода, хмель выветрится у него из головы, и девушка Бенамут станет для него тем, чем должна быть. Но чем больше я глядел на нее, тем больше поддавался чарам ее своеобразной красоты. И мне захотелось ее обнять, страстно захотелось... Вот она случайно взглянула в нашу сторону, и я был пронзен взглядом ее огромных глаз, томных и сладостных, как у молодой газели. Да и тело ее под легкими одеждами было гладкое, легкое, упругое, совершенное создание искусства. Полно, уж не высек ли ее скульптор Хесира из смугло-розового мягкого песчаника и не была ли она оживлена прикосновением волшебного жезла богини Сохмет?

— Это ты подарил ей золотое ожерелье? — спросил я Кенна.

— Это подарок его величества Тутанхатона, да будет он жив, цел и здоров.

— Его величества? — Это меня удивило. — Когда же это?

— Когда его величество был еще царевичем и приходил в мастерскую Хесира, чтобы скульптор запечатлел его облик в камне.

— Его величество еще очень юн...

— Бенамут много его старше.

Оба мы, видно, подумали об одном и том же — о красоте юного фараона, о его безграничной власти, о том, что пребывание в его женском доме через несколько лет станет мечтой многих знатных женщин Кемет. Пока он еще мальчик, которому военные упражнения кажутся привлекательнее женских ласк, но когда ему минет пятнадцать...

— Что ж, Кенна, Бенамут счастлива, что уже одарена вниманием повелителя. Из полагающейся тебе добычи возьмешь самое красивое и постараешься сравниться щедростью с фараоном, да будет он жив, цел и здоров! Поднимем чаши в честь его величества, фараона Небхепрура Тутанхатона! — возвысил я голос, и громкий одобрительный хор приветствовал мои слова. — Да будет благословенно его царствование, да пребудет он на престоле Кемет много лет, да снизойдет процветание на его дом и на всех, угодных ему!

Все подняли чаши, все осушили их с радостью во славу юного фараона. И мне удалось заметить, как покрылось краской лицо Бенамут, как засияли счастьем ее глаза. Забавно было заметить это, забавно... Может быть, плод уже зреет и подарок юного фараона не был случайным? Кенна говорит, что Бенамут много старше Тутанхатона, но вряд ли больше, чем на год или два. Да и какое это имеет значение? Как она хороша, о боги, как хороша!

Заиграла музыка, и нагие танцовщицы, украшенные гирляндами цветов, вбежали в пиршественный зал и превратили его в подобие роскошного цветника, опьяняющего ароматами.

Никому не хотелось толковать о делах, все лучилось наслаждением и цвело им, и воистину пир Кенна благословляла Владычица Радости, золотая Хатхор. Все сердца радовались восхождению на престол мальчика-фараона, хотя он и был кровным родственником проклятого Эхнатона, хотя и мог стать продолжателем его безумных дел. Но трудно было представить его лицо искаженным яростью или охваченным безумным восторгом Эхнатона перед явлением царственного Солнца, и спокойствием веяло от жезла и плети в тонких мальчишеских руках. Схлынула темная волна, фараон-безбожник, фараон — враг древних обычаев и всего, что составляло силу и мощь Кемет, отправился в преисподнюю и теперь уже, наверное, осужден на вечные мучения в Аменти. Каково-то было ему, злему безумцу, встретиться лицом к лицу с богами, которых он низвергнул с их престолов? Да, там ему пришлось несладко. Что ж, Осирис для того и приносит себя в жертву каждый год¹¹², чтобы вершить суд справедливости в загробном мире. За глумление над знатью, золотой кровью Кемет, ему тоже придется поплатиться. Когда бог Ра совершает свое путешествие по подземному Хапи и предстает очам покоящихся в гробницах, кто из древних царей не заступит дорогу к свету проклятому еретик, поднявшему руку на мировой порядок? А все же смел он был, этот еретик, если смог за несколько лет перевернуть каменные глыбы, которые складывались веками. Многих он отравил ядом своего безбожия, и тому, кто возьмется за восстановление старых порядков, немало придется потрудиться. Взялся бы за это я, полководец Хоремхеб? Нет! Клянусь священным именем Хора, — нет! Взяться и получить нож в спину? Да и внешним врагам, тем же митаннийцам или хатти, выгодно, чтобы в Кемет продолжалась смута. Что говорить, если это заметно даже в войсках! Если бы пренебречь древними обычаями и разделить их не на три, а на два корпуса и дать им имена Атона и Амона, клянусь Хором, они позабыли бы о всех ливийцах и хатти и с ожесточением бросились бы друг на друга. Примирить их теперь? За это не взялся бы даже я, могучий Хоремхеб. Кто-то должен сделать

первый шаг, и тогда я, пожалуй, подставил бы плечо под каменную глыбу, но для такого шага нужна не только сила. Лев и змея — вот что должно сойтись в образе человека или бога, который возьмется за наведение порядка в Кемет. А под силу ли это мальчику-фараону с лицом нежным, как у девушки, да к тому же еще и выросшему под гимны и славословия царственному Солнцу?

— Не годится быть задумчивым на пиру, достойный Хоремхеб, — сказала красавица с глазами жаркими и томными, бесстыдными и невинными одновременно, обвивая мою шею руками и лаская меня кончиками своих грудей, жарких, душистых, зовущих. — Ты печален? Ты думаешь о военных делах? Никакие военные дела не стоят любви, достойный Хоремхеб! Вот подумай: если бы отец твой всегда думал о своих делах и не пришел бы в одну благословенную ночь к твоей матери, явился бы на свет могучий лев Хоремхеб, защита Кемет?

— А ты, пожалуй, не прочь стать матерью нового Хоремхеба?

Красавица засмеялась, и зубы ее заблестели подобно драгоценной слоновой кости, и кудри ее были словно лазурит¹¹³. Лаская ее, я увидел Кенна, разговаривающего со слепым мастером. Вот это была единственная причуда Эхнатона, достойная похвалы — возвеличение скульпторов, вознесение художников. И впрямь нужно было быть смелым человеком, чтобы приказать мастерам изображать себя таким, как есть — некрасивым, женоподобным. Зато теперь, изображая красоту нового фараона, мастерам лгать не придется. Чего же ждать от девушки Бенамут, если красота нового владыки Кемет и мужчинам бросается в глаза? Хоремхеб некрасив, но у него мужественное лицо. И у Кенна мужественное лицо, лицо воина. А нужна ли красота воину, когда он мчится на своей боевой колеснице и поражает врагов мечом? Да, пожалуй, мало кто из этих врагов разглядит его лицо под боевым шлемом, и лучше не глядеть в лицо человека, который тебя убивает, потому что образ его будет преследовать тебя и в Аменти. А хорош будет юный фараон в синем шлеме с золотыми лентами и царским

уреем на лбу, когда появится перед войсками на своей золотой колеснице. Клянусь священным именем Хора — появись! Хоремхеб сделает так, что враги Кемет увидят крепость мышц нового фараона. Так будет действовать Хоремхеб — во славу его величества. Так будет действовать он — в похвалу себе. Так будет действовать он против старого Эйе, искушенного в дворцовых делах, презирающего Хоремхеба за то, что его отец был начальником слуг бога в Хутнисут, а не в Оне или в Опете. Хоремхеб станет превыше Эйе, отца бога, и юный фараон поможет ему в этом, клянусь священным именем Хора, — поможет!

— Поднимем чаши в честь достойного Хоремхеба, могучего льва Кемет, гибели и ужаса врагов его!

Это крикнул Джхутимес — сын фараона Аменхотепа III Джхутимес, наставник его величества в военных упражнениях, молодой военачальник, идущий за Хоремхебом, как за солнцем. Воистину он предан Хоремхебу, пойдет за него на смерть. На таких людей можно рассчитывать, на таких людей можно опереться и Хоремхебу, и самому фараону. Когда скончался молодой Хефер-нефру-атон, никто и не вспомнил о Джхутимесе, сыне Аменхотепа III и митаннийской царевны, хотя он и имел на трон не меньше прав, чем внук Аменхотепа Тутанхатон, племянник Эхнатона Тутанхатон... Это у хатти такой обычай — передавать трон племянникам, сыновьям сестер. Но в этом случае, пожалуй, лучше было последовать обычаю хатти. Джхутимес не создан для трона, хотя и силен, и могуч, хотя и бьется в его груди мудрое и справедливое сердце. Легко, слишком легко он мог бы стать добычей ученых жрецов или хитрых наложниц. До меня доходили слухи о его любви к этой презренной девке Кийе, наложнице еретика, которая одного моего имени боялась как огня. Кстати, где она теперь? Ее роскошная гробница, выстроенная по приказу Эхнатона, до сих пор поражает Ахетатон своим великолепием, достойным царицы Хатшепсут.

Бенамут тоже поднесла к губам чашу, но не стала пить ее до дна, опустила на стол. Видимо, этой честью удостаивала

она только юного фараона. Впрочем, так ли уж она недоступна? Вряд ли найдется в стране Кемет женщина, которая осмелится отказать Хоремхебу. Его мужественное лицо и крепкие руки, его щедрость к своим женщинам стоят прекрасных глаз его величества Тутанхатона. Приказать ей приблизиться или самому подойти к ней? Хоремхлеб стоит так высоко, что легко может приказать дочери скульптора сделать это. И не только это. И даже будь Бенамут женой Кенна, для Хоремхеба преград не существует. И он почитит ее своим вниманием, клянусь священным именем Хора, — почитит!

— Я не встречал тебя прежде в доме Кенна, Бенамут. И нигде не встречал! Хесира, ты скрываешь свою дочь в глубинах своей темной мастерской?

Как она опустила глаза, как смутилась под моим взглядом! Длинные ресницы бросали тень на ее нежные гладкие щеки, и хотелось потрогать эту тень, поиграть с ней. На шее ее блестело золотое царское ожерелье. Что ж, она ведь еще не наложница Тутанхатона!

— Ты слишком добр ко мне, господин.

— Добрым ты назовешь меня, когда твои руки будут полны сосудами с благовониями из страны Пунт, когда в ушах твоих закачаются золотые серьги, украшенные бирюзой и карнеолом, когда будешь появляться на улицах Ахетатона в золотых носилках. А ради твоей красоты, Бенамут, я готов опорожнить все ларцы и сундуки своего дома...

Она подняла глаза и смотрела в упор, твердо и смело. На меня был устремлен неподвижный взгляд ее отца, горящий ревностью взгляд Кенна, хотя он был далеко и не мог меня слышать. Кровь разгоралась во мне, и я был подобен священному быку в дни его томления, и мускулы мои были как солнце. Я положил руку на ее плечо, и она сжалась, как от удара, но многие девушки дрожали и плакали перед тем, как лечь на мое ложе. Такие больше нравились мне, чем жаркие красавицы, обнажавшие зубы в смехе от каждого прикосновения. И вдруг случилось небывалое — она оттолкнула мою руку, брезгливо стряхнула ее, как будто я был последним из неджесов,

презренным рабом. И, смиряя ярость, я прошептал, делая вид, что принял ее движение за шутку:

— Не хочешь быть моей, Бенамут? Думаешь стать наложницей фараона?

***

Эйе удостоил меня своим посещением, прибыл в мой дом со всей торжественностью, с какой полагается навещать высшего военачальника верховному сановнику Кемет, отцу бога и носителю опахала по правую руку царя. Окруженный блестящей свитой, он тем не менее оставил ее дожидаться у ворот и один переступил порог моего дома, подставляя свою голову лучам палящего солнца. В последнее время Эйе очень постарел, возраст его выдавали и ссутулившиеся плечи и походка, но лицо — наверно, благодаря тщательному уходу — оставалось моложавым. Он приветствовал меня тепло, как друга, за обычным цветистым пожеланием здоровья и благоденствия слышалась как будто искренняя приязнь. Но с чего ему было любить Хоремхеба? Высший военачальник — всегда кость в горле чати¹⁴. Тот, у кого под рукой стрелы и копья, желанным другом быть не может. Или Эйе прибыл ко мне по желанию юного фараона?

В просторном, прохладном покое моего дома мы расположились в богато изукрашенных креслах, которых много в последнее время появилось в Ахетатоне. Не нравились мне смешные утиные головы, которыми кончались их ножки, но нельзя было показать себя неотесанным воином, ничего не смыслящим в тонкостях столичного искусства. Эйе из вежливости пригубил чашу молодого виноградного вина, а я выпил все до дна, потому что хмель никогда не мешал мне вести серьезные разговоры. Вот в делах с женщинами мог помешать, как на пиру у Кенна, в случае с Бенамут. Не будь я пьян, как львица Хатхор-Сохмет¹⁵, я бы и не приблизился к ней, и не стал говорить каких-то слов, которые, видимо, ее оскорбили. Не таков был военачальник Кенна, чтобы спус-

тить обиду кому бы то ни было, даже высшему полководцу, и мне было неприятно, что так случилось у него же в доме да еще на празднике, устроенном им в мою честь. Пришлось сделать вид, что все было только шуткой, потрепать по плечу слепого мастера, похвалить строгость и целомудрие Бенамут, но от всего этого внутри саднило, как будто наглотался песка. А теперь, когда мне было уже пора покидать столицу и готовиться к походу против хананеев, явился Эйе с неизвестной целью, двухголовая, а то и трехголовая змея. Однако начал он прямо, вопреки своему обыкновению, чем немало меня удивил и даже — хотя я никому не признался бы в этом — заставил встревожиться.

— Достойный Хоремхеб, опыт, дарованный мне прожитыми годами, подсказывает мне, что с тобой следует вести себя прямо и просто. Мудрый ценит истину, глупец предпочитает утешительную ложь, ведь так?

— Истинно, досточтимый Эйе.

— Так вот... — Эйе подался вперед, и прямо в сердце заглянули его глаза, небольшие, но пронзительные, пугающие своей ясностью. — Эхнатона больше нет, и мы не станем называть его «вечноживущим», ведь так, Хоремхеб? Эхнатона не стало, и угасает блеск царственного Солнца...

Он ждал подтверждения или опровержения своих слов, но не так прост был полководец Хоремхеб, чтобы не глядя проглотить приманку и попасться на крючок. Если Эйе в душе предан Атону, ни к чему ему было приходить сюда. Он же знает — я не сирота Эхнатона, я — исключение из правил.

— Блеск царственного Солнца угасает, — спокойно продолжал Эйе, — скоро старые боги начнут поднимать головы, и в Кемет воцарится великая смута. Как бывает всегда в таких случаях? Погибнут лучшие и с той и с другой стороны, власть окажется в руках тех, кто при случае охотно продаст и своих начальников и своего бога. Во время смуты начнут погибать посевы, пересыхать каналы, и, что бы ни случилось после этого, народ всегда будет вздыхать о тех временах, когда было достаточно масла и полбы. Ты согласен со мной?

Я кивнул, ибо кивок — не ответ, ибо от него легче отречься, чем от любого самого пустячного слова.

— Мудрые давно знали, для чего Эхнатону понадобилось возвеличить Атона. Власть фараона он укрепил, но какой ценой? Ценой громадных потерь, ценой тысяч человеческих жизней. Мудрость правителя в ином: окружить себя мудрыми советниками, которые и на местах творили бы твою волю...

— Это так.

— Я рад, что ты со мной согласен. Кемет слишком большая страна, чтобы ею мог управлять даже всеведущий бог. Прежде всего те важны, кто занимает высокий пост, и это без разъяснений понятно, ведь так, достойный Хоремхеб?

— Так.

— Будем говорить прямо, — Эйе положил руку на стол и приготовился загибать пальцы. — Кто важен? Хранитель сокровищницы, начальник приемного чертога, судебного чертога, правитель Дома Войны, управитель царским хозяйством. Если половина из них пожелает поклоняться Амону, а другая останется верной царственному Солнцу...

Я начал кое-что понимать, но мне нужно было проверить истинность своей догадки. Эйе был слишком умен и хитер, чтобы излагать передо мною мысли, явившиеся только что или не обдуманно по много раз. Оставалось неясным, действует ли он по своему почину или исполняет желание фараона. Но фараон как будто призывал меня к откровенности и прямо-те, неужели же этот мальчик умеет так хитрить?

— Ты прав, досточтимый Эйе. От высших лиц государства зависит слишком многое, чтобы можно было пренебрегать ими. — Гладкая фраза, ни к чему не обязывающая! — И знать тайные мысли тех, кто управляет кораблем Кемет, дело вполне достойное чести.

— А могу ли я, Хоремхеб, узнать твои тайные мысли? — вдруг тихо спросил Эйе, наклоняясь и делая такое движение, словно хотел взять меня за руку, даже — схватить. — Я пришел говорить откровенно с умным человеком, у которого много силы в крепких руках...

Трудно было противиться столь открытому напору, и я поступил так, как делал порой во время войны в труднодоступных горных ущельях: будь что будет, пойду напролом!

— Ты хочешь узнать, что я думаю о будущем Кемет? Хорошо, скажу: фараон не сможет стать опорой Дома Солнца, блеск Атона погаснет. Ты это хотел услышать?

— Погаснет, но как? Сам собой? Или волей верховного владыки?

— А есть ли разница?

— Разница огромная, Хоремхеб. Эхнатон повелел быть солнцу, и оно возшло на небосклон. Если его величество Тутанхатон повелит солнцу погаснуть...

Я вздрогнул, словно в окна моего дома внезапно ворвался злой ветер пустыни.

— А почему этого не мог сделать его величество Хефрнефру-атон?

— Сменхкара? — Эйе пренебрежительно назвал молодого фараона его истинным именем, о котором мало кто вспоминал. — Что он мог сделать? Он и не нужен был на троне Кемет. Слабый, болезненный, мечтательный юноша, погруженный в красоты древних сказаний и в красоту своей жены Меритатон! О нем и говорить не стоит, Хоремхеб. Его величество Тутанхатон — иное дело...

— Такой юный?

— В этом мальчике большая сила таится, Хоремхеб! — Эйе, казалось, отбросил все опасения, говорил совсем прямо. — Он слишком умен, умнее Сменхкара, в чем-то умнее и Эхнатона. Мальчиками порой бывает труднее управлять, потому что они упрямы и своевольны. Ты согласен?

— Согласен.

— Тутанхатон верит в царственное Солнце лишь потому, что родился во дворце, где уже не было старых богов. Он уже понимает, что в Кемет творится неладное. Ты знаешь о том, что кто-то пытался уже осквернить гробницу Эхнатона? И то, что фараон Сменхкара скончался в старой столице, вызвало толки среди знати.

— Это ты убедил его уехать в Опет?

— Я. Чтобы спасти его...

Спасти? Усмешка моя вышла невеселой.

— И его величество Тутанхатона ты тоже собираешься спасать таким же способом?

— Боюсь, не пришлось бы мне спасать себя самого! — Эйе усмехнулся, и тоже невесело. — Мы оба, ты и я, Хоремхеб, не пойдем за колесницей царственного Солнца, ибо нас слишком многое связывает со старыми богами. Но мы оба должны сделать так, чтобы они вернулись нашим именем. Нашим, полководец Хоремхеб! Нельзя до поры до времени внушать эту мысль фараону. Нельзя, ибо он слишком умен, чтобы не понять выгоды возвращения старых богов.

Я умолчал о том, что уже невольно подал фараону эту мысль в разговоре о храмовых людях. Умолчал и о том, что мне показалось тогда — что у мальчика уже были какие-то свои мысли на этот счет. То, что сейчас говорил Эйе, подтверждало истинность моей догадки.

— Хорошо, досточтимый Эйе, но если кто-то подаст эту мысль фараону раньше нас?

— Кто же?

— Его учитель Мернепта.

— Ученый жрец? Он не осмелится. К тому же он очень стар, слишком многое пережил, и его не было в Кемет, когда Эхнатон разрушал храмы. Нет, он — нет...

— Май?

— Просто исполнительный слуга.

— Джхутимес?

— Ни на что не годен, кроме войны. Кстати, до сих пор еще сходит с ума по своей страстной красавице Кийе. Я думаю, что именно он и увез ее из Ахетатона, когда она впала в немилость. Где она теперь — не знаю. Мог бы узнать, но это ни к чему. Итак, Джхутимеса оставим в покое.

— Но ведь не Туту же, не Меритатон, не царица Нефр-эт?

— Туту ты сбрасываешь со счетов только потому, что он верховный жрец Дома Солнца? Возвеличенный Эхнатоном,

он ухватится за любое средство, если увидит, что земля ускользает из-под его ног. Поверит ли народ жрецу, столько лет возглашавшему гимны царственному Солнцу — это другое дело. Но Туту не пользуется доверием фараона. Еще ты сказал, Нефр-эт и Меритатон? Первая поддерживала своего мужа в борьбе против старых богов и не захочет предать его тени. Вторая — девушка, юная вдова, рожденная при блеске царственного Солнца. Но бывает так, что даже наложница, если она умна, может нашептать фараону слова, которые он потом претворит в великое. Кийа нам это показала... — Эйе, казалось, размышлял вслух, покачивая головой. — Но Тутанхатон еще мальчик, хотя и муж третьей дочери Эхнатона. Кроме нас двоих, Хоремхеб, никто не может стать оком и ухом царя. Поэтому мы с тобой и должны пить вино из одной чаши, не опасаясь друг друга.

Он смотрел на меня, взглядом проникая в глубину моего Ба, стремясь обезоружить, обезопаситься моим же мечом от тайных врагов. Не так я был прост, чтобы поверить Эйе, всегда умевшему блюсти свою выгоду. Я не сомневался, да и никто бы не мог, в его преданности царскому дому, ибо в то время, когда внезапная смерть Эхнатона повергла Кемет в ужас и смятение, он легко мог бы встать во главе оскорбленной знати, пользуясь всеми своими божественными правами, и не допустить восхождения на престол Хефер-нефру-атона, тем более легко мог он это сделать после внезапной кончины последнего, но он стоял рядом с тронном, раскинув руки охранительным жестом над юными и неопытными наследниками. Может быть, в том и была его сила, что многие видели этот охранительный жест? Теперь же он стремился обезопасить себя, заручившись моей поддержкой, предложив мне руку дружбы. Со стороны чати это было мудро — потихоньку сколачивать надежную опору для трона, превращать друзей в нерушимую крепость, находить и обезвреживать тайных врагов. И все-таки я не сомневался, что в нужное время, удобное ему время он сам произнесет слова, поспешности которых так опасается, произнесет, не дожидаясь ни моего присутствия, ни моего

одобрения. Выгода на его стороне — мне редко придется бывать при дворе фараона. И все же я кое в чем посильнее Эйе, ибо мальчик-фараон бредит военными успехами, а они уж всецело зависят от высшего военачальника Хоремхеба! Мальчику приятнее будет прислушиваться к советам опытного воина, чем к советам старого надоедливового сановника. Пожалуй, нужно будет сделать так, чтобы Тутанхатон попробовал настоящего боя, ощутил бег боевой колесницы и жар нагретого от постоянной стрельбы лука. Вот тогда Хоремхеб воистину выисится над всеми этими многочисленными сиротами Эхнатона и над самим чати, слишком уверенным в себе чати... Пока же следовало действовать осторожно. Эйе прав — честь восстановления старых порядков должна принадлежать тем, кто заслужил ее долгой непререкаемой верой. Разве я когда-нибудь отказывал в ней своему богу-покровителю? Разве я не ношу на груди амулет слезы Исиды? И даже если мне приходилось склонять голову перед царственным Солнцем, я всегда утешал себя тем, что Эхнатон пытался представить Атона не столько богом, сколько великим фараоном. А разве позорно для воина склонять голову перед великим властителем? Поклоняемся же мы великим пирамидам, хотя Хуфу, Хафра и Менкаура¹⁶ многое понимали и делали совсем не так, как по прошествии веков представляется правильным нам, их потомкам. Теперь же все будет иначе. Первую открытую жертву я принесу моему богу-покровителю в своем родном городе...

— Так я могу думать, что мы поняли друг друга, Хоремхеб? — сказал Эйе, улыбаясь так дружески, словно я был его кровным братом, только что доказавшим ему свою безграничную преданность. — До тех пор, пока ты видишь меня в кресле чати, ты можешь рассчитывать на мою дружбу и помощь всегда, когда бы она тебе ни понадобилась.

— Хотел бы ответить тебе тем же, но в моем распоряжении только стрелы, мечи и боевые колесницы, но уж они-то, думаю, тебе не понадобятся.

— Они понадобятся, если немху вдруг решат поднять мечи против фараона. — Эйе снова стал серьезным, на лице его

промелькнула озабоченность. — Поэтому стоило бы обезопасить пути заранее, Хоремхеб. Немху нам не нужны! Мы должны оттеснить их, а потом столкнуть в пропасть.

— Их слишком много.

— Количество никогда не решает всего дела. Ты должен знать это как хороший воин, Хоремхеб. Сейчас они боятся, это правда. Нужно не дать им опомниться, как можно скорее стереть их имена с каменных плит.

— Каким же способом?

— Способов много. Лучший из них — сделать так, чтобы фараон перестал им доверять.

— Всем сразу?

— Он мальчик, неопытный мальчик. Если ребенка укусила злая собака, он начнет бояться и ненавидеть всех собак.

— Этому мальчику не три года.

— Уверю тебя, Хоремхеб, стоит одному немху повести себя не так, как кажется правильным молодому фараону, и он перенесет свою неприязнь на всех сирот Эхнатона. Нужно, чтобы он перестал им доверять...

— Но в его свите немху нет.

— Ты уверен? — Эйе взглянул на меня насмешливо.

— А кто? Ведь не Мернепта же, не Май, не Джхутимес, не ты и не я. Правда, есть Туту. Но ты же сказал, что он ему не доверяет? Кстати, почему?

— Не знаю. Не все бывает объяснимо, Хоремхеб.

— Хотя я и не ученый жрец, мне это известно.

— Ты обиделся? Прости меня и не гневайся, достойный Хоремхеб. С немху мы справимся, если только будем смотреть в одну сторону. Что важнее, по-твоему — смотреть друг на друга или в одну сторону?

— Смотреть — значит приглядываться. А если ты предлагаешь верную дружбу...

Мне ловко удалось прикинуться простодушным воином, и Эйе рассмеялся.

— Тогда будем смотреть на врагов наших — немху, будем смотреть на фараона, которого оба мы любим и которому же-

лаем долгих лет царствования и благоденствия. Хорошее у тебя вино, Хоремхеб! Поднимем чаши за здоровье нашего юного повелителя, фараона Тутанхатона?

— Поднимем, Эйе. Его величество — да будет он жив, цел и здоров! — заслуживает того, чтобы у него были верные и добрые друзья.

Мы выпили и поставили чаши на стол, и Эйе весело смотрел на меня, как будто вино уничтожило последнюю преграду между нами, сделало нас кровными братьями. Я приказал подать фрукты, сваренные в меду, и мы ели их с истинным удовольствием.

— А скажи, Эйе, — заметил я как бы между прочим, — можешь ты сказать, по-настоящему ли юный фараон предан царственному Солнцу?

— Он верит, да, но что-то его смущает. Должно быть, то, что руки-лучи потребовали себе в жертву слишком много крови, а не только вина или благоуханного масла. Ему пришлось бы по сердцу Тот или Хатхор, а может быть, и Тиа¹¹⁷, и Маат. Но пока не сказано им ни единого слова в защиту старых богов, — Эйе подчеркнул это «им», — все мы — верные служители Атона.

— Истинно так.

— А кстати, Хоремхеб, — Эйе легко переходил от разговора к разговору, и меня это порой настораживало, а порой забавляло, — посетил ли ты уже мастерскую скульптора Хесира? Отважный полководец Хоремхеб достоин того, чтобы облик его был запечатлен в камне. Как удалось тебе уберечь свое лицо от вражеских стрел? На твоей шее остались их следы, но они пощадили твои щеки и лоб, чего не скажешь о молодом Кенна. Знаешь ли ты, что он решил жениться на дочери слепого скульптора? Что и говорить, она красива, изысканно красива, и если бы его величество был постарше, она могла бы стать украшением его женского дома. Говорят, он очень мило стиво обошелся с Бенамут, когда навестил мастерскую ее отца уже после своего воцарения. Подумать только, Хоремхеб, прошло уже восемь месяцев! И знаешь, эта девушка, Бенамут...

БЕНАМУТ, НЕВЕСТА ВОЕНАЧАЛЬНИКА КЕННА

Военачальник Кенна собирался покидать Ахетатон, войско готовилось к походу в Ханаан. И Хоремхеб должен был уехать. С волнением ждала я этого, первого — с печалью, второго — с радостным нетерпением. Ибо Кенна стал преданным другом нашего дома, а Хоремхеб — его заклятым врагом. Случилось так, что я, несчастная, стала причиной вражды между молодым военачальником и его полководцем, которого раньше он любил, как отца или старшего брата. Но никогда, даже ради спасения жизни, я не стала бы наложницей Хоремхеба, никогда, ибо любила другого. У Бенамут была гордость, и за эту гордость она не ждала награды. Наградой стала любовь Кенна — нежная и сильная, подобная дыханию душистого ветра с Ливанских гор. Чем заслужила я любовь этого человека, отважного, как молодой лев, и становящегося робким, как газель, когда он оказывался рядом со мной? Ведь было у него много знакомых женщин, которые с радостью отдали бы ему свою руку. У них было все, у меня — ничего. Ничего, кроме красоты, которая не приносила мне радости, и искусства моего отца...

Изображение его давно было закончено, и в отсутствие Кенна на меня смотрел его каменный двойник — мужественный, серьезный и печальный. Когда он впервые появился в мастерской, он был иным — восторженным и веселым. Видно, многое изменилось с тех пор, как он переступил наш порог. И в самом деле, ведь успели смениться два фараона...

В тот день, когда наконец свершилось то, чего ожидали и я, и мой отец, Кенна пришел с роскошными подарками — алебастровыми сосудами с благовониями из страны Пунт, золотыми серьгами искусной работы, ларцом из эбенового дерева и слоновой кости. Он поставил дары перед моим отцом и пожелал, чтобы он коснулся их. И рука моего отца легла на принесенные Кенна дары и принялась осторожно, любовно ощупывать их. По их ценности отец мог судить о силе чувств молодого военачальника, и он был рад, что ожидания не обманули его. Потом он сказал:

— Верно, ты хотел поговорить со мною, Кенна?

Он больше не говорил «господин Кенна», ибо военачальник давно запретил называть его так. Отец прямо смотрел в глаза Кенна своими прекрасными незрячими глазами, и казалось, будто он проникает этим неподвижным взглядом глубоко-глубоко, в сокровенную обитель сердца воина. Но сердце Кенна было чисто, в груди его не было тьмы, и он выдержал этот взгляд спокойно и с достоинством, которого я не могла не оценить. Стоя в дальнем углу мастерской, я размешивала глину, стараясь придать ей ту густоту, которая наиболее подходила для работы моего отца. Труд этот был мне привычен, руки мои делали свое дело, не нуждаясь в помощи глаз. И я видела, как блеснул взгляд Кенна, когда он обернулся в мою сторону.

— То, что я скажу тебе, досточтимый Хесира, должно быть, не тайна для такого мудрого и проникательного человека, как ты. Желание моего сердца — взять в жены твою дочь Бенамут, сделать ее госпожой моего дома...

Он остановился, ибо волнение помешало ему продолжать, ибо дыхание перехватило у него в горле. Поистине, он вел себя так, словно был сыном простого ремесленника, а я знатной госпожой, однажды подарившей его благосклонным взглядом. Сердце мое забилося, но не так, как билось оно при звуке одного только имени его величества... А отец мой сказал:

— Великая честь для меня и моей дочери, Кенна, что ты пожелал обратить на нее свое благосклонное внимание. Но тебе известно, что, хотя я и отмечен милостью Великого Дома, приданое ее не будет столь роскошным и богатым, как полагалось бы невесте такого человека, как ты.

— Мне это известно, Хесира.

— За свою работу я неоднократно получал награду золотом и многими превосходными вещами. Ты возьмешь в жены девушку хотя и небогатую, но и не такую, что принуждена сама стирать свои платья. Что же до предков ее и моих, прадед мой был жрецом храма богини Хатхор в Анхабе. Никто из моих предков не был простым землепашцем, ничье тело не зна-

ло плети. Ты можешь видеть это по моему лицу и по лицу моей дочери...

— Я вижу это, досточтимый Хесира.

— Тогда спроси свое сердце еще раз и спроси Бенамут, желает ли она принять такую честь. Моя дочь — не рабыня. Пусть ее ответ будет и моим последним словом.

Руки мои были испачканы глиной, и потому я не могла прижать их к сердцу, готовому выпрыгнуть из груди. Кенна взглянул на меня, и в его взгляде прочла я великую нежность и горькую печаль. Он сказал:

— Позволь мне поговорить с твоей дочерью наедине, досточтимый Хесира.

Отец кивнул, и мы вышли из мастерской и пошли в сад, где гранатник был в цвету, где пурпурные лилии томились от полуденного зноя. Мы остановились у стройной маленькой сикоморы, и Кенна взял мою руку и сжал ее в своей. Так горяча была его рука, что ее прикосновение обожгло меня, и так сильна, что я испугалась, как бы он не сжал пальцы и не превратил мое запястье в подобие увядшего стебля. Кенна и раньше касался моей руки, но никогда — так, как это он сделал теперь. С трудом я заставила себя поднять голову и посмотреть на него, и нечто большее, чем девичье смущение, затмевало мой взор. Не было на свете другого человека, кроме отца, который был бы мне так же дорог, как Кенна, но был бог, светлый Хор, солнце, превыше которого я не знала... И то, что Кенна догадывался об этом, было для меня больше упреков. Сквозь листву пробивались золотые солнечные лучи и рассыпались у наших ног подобием тонкой чудесной резьбы, и было томительно и тяжело, как бывает в знойный полдень, но не так, как всегда, ибо на этот раз томилось мое Ба... Что могла я сказать Кенна? Был один, кому я принадлежала всецело, хотя он и не знал об этом, и был он недостижим, как бог Ра в своей сияющей золотой ладье. Словно огненные стрелы Сохмет, пронзали меня воспоминания о последней встрече с ним в мастерской моего отца, в день, когда его величество пожелал видеть изображение усопшего владыки, фараона Анх-хепрура Хе-

фер-нефру-атона. Оповещенные о прибытии его величества заранее, ожидали мы с отцом, когда он взойдет на наш порог. Разум говорил мне, что всего лучше было бы уйти и не показываться на глаза фараону, а любовь требовала другого, и голос ее звучал все более настойчиво и властно. Одетая в свое лучшее платье, умащенная дорогими благовониями, с золотым царским ожерельем на шее, ожидала я прибытия его величества у дверей мастерской и вдруг бросилась в сад, чтобы нарвать букет свежих душистых цветов. Так быстро убежала я, что отец не успел ничего мне сказать, хотя мог ощутить по аромату цветов, что я сделала. Так, с охапкой цветов, прижатых к сердцу, ждала я появления его величества Тутанхатона, взор которого золотыми каплями проникал в сокровенную обитель моего Ба, глаза которого были источником сладости северного ветра, уста которого несли его благодатное дыхание... И вот он появился, вот сошел со своей золотой колесницы, и мы с отцом распростерлись у его ног, целуя его след на земле. И когда он сделал шаг по направлению к мастерской, я усыпала его путь цветами, и он улыбнулся своей лучезарной улыбкой, доброй и немного застенчивой. Мог ли он знать, что каждый цветок хранил мой поцелуй, мое взволнованное дыхание? Его величество вошел в мастерскую и остановился перед изображением усопшего фараона, и глаза его наполнились слезами. Он стоял так долго, долго... Потом обернулся к моему отцу, почтительно стоявшему поодаль, и тихо сказал:

— В лице его величества ожидание близкой смерти, Хесира. Как ты сумел увидеть это? Или твоему незримому взгляду доступны тайны Всемогущего?

— Твое величество, мои руки делали только то, что делали. Они принадлежат простому человеку, не знакомому с таинствами храмов и небесных светил. Это всего лишь руки мастерового...

— Искусство — тайна не меньшая, чем те, что вершатся в сумраке святилищ. Вот его величество Хефер-нефру-атон ушел в Страну Заката, а его Ка словно пребывает здесь, в этом изображении. И как поверить, что камень лишен дыхания?

Кто из нас видел эту складку у рта, эти легкие морщинки в углах глаз? А ты увидел! Художникам и скульпторам нужно воздавать почести наравне со жрецами, и велик был вечноживущий Эхнатон, понявший это. Мое желание, Хесира, чтобы ты всегда изображал меня таким, каким видишь. И что бы ты ни увидел в моем лице...

— Твое величество, мне будет позволено создать твоё изображение в царском венце?

Его величество улыбнулся, и улыбка его говорила о том, что он еще не привык носить двойную корону Кемет. Он прошелся по мастерской, останавливаясь то перед одним, то перед другим изображением, и лицо у него было такое, словно он хотел постичь тайну.

— «Искусство не знает предела — разве может художник достигнуть вершин мастерства?» — произнес он строки из поучения Птахотепа, и мой отец почтительно склонил голову, как будто эти слова относились только к нему, к нему одному. — Как ни хороши лица их величеств Эхнатона, Нефр-эт и Хефернефру-атона, кажется, что вот это лицо еще живее... — Он указал на изображение Кенна, которое к тому времени было уже закончено, но еще оставалось в мастерской, ибо его мать Ренпет-нефр-эт пожелала иметь еще два точно таких же. — Кто этот молодой человек? Судя по лицу, отважный воин...

— Твое величество, это военачальник Кенна.

— Я запомню его имя! Человек, у которого такое открытое и смелое лицо и взгляд прямой и благородный, не может таить в груди тьмы. Вот видишь, в чем еще состоит сила твоего искусства, — засмеялся его величество, обращаясь к моему отцу, — ты указываешь царю на его верных слуг, ты привлекаешь мое внимание к тем, кто достоин возвеличения. У тебя теперь будет много работы, Хесира, ибо я буду направлять к тебе тех, чьи сердца скрыты от меня. У тебя есть изображения всех высших сановников Кемет? Пусть приходят к тебе все, от начальника приемного чертога до хранителя царских сандалий!

Он смеялся, но глаза его были серьезны. Как ни был благосклонен к художникам его величество Эхнатон, его величест-

во Небхепрура хотел сделать больше. Он думал о чем-то глубоко, серьезно, глядя на каменные изображения царских особ, сановников, военачальников. Я смотрела на него из-за своей занавески, вспыхивая каждый раз, когда он поворачивался в мою сторону. Как изменился он в последнее время! Теперь он казался мне моим ровесником, едва ли не старше.

— Не прячься, Бенамут, — вдруг сказал его величество, — я хочу, чтобы ты была передо мной. Ты приятна мне, и разве пристало тебе, дочери такого искусного мастера, прятаться от своего повелителя? Ты носишь мое ожерелье, это хорошо, — засмеялся он, увидев драгоценное украшение на моей шее. — Скоро ты и твой отец станете людьми наградного золота, а пока прими вот это... — Его величество сделал знак одному из сопровождающих его придворных, и тот извлек из небольшого ларца, которого я раньше не заметила, блистающую золотом фигурку льва и по приказу фараона передал ее мне, онемевшей от счастья. — Это изображение священного льва хатти, искусная работа старых мастеров этой страны. Она немного груба, но посмотри, как много жизни в золотых глазах этого зверя!

Я распростерлась ниц перед фараоном, не смея поднять глаза, бессвязно шепча слова благодарности. Лев, который был у меня в руках, не походил на статуэтки наших мастеров, он и в самом деле был сделан грубее, проще, но глаза его были живыми и печальными, словно то был раненый лев, лев, страдающий от боли. От тепла моей ладони фигурка стала совсем теплой, совсем живой.

— Ты когда-нибудь видел работу мастеров хатти? — спросил его величество, обращаясь к моему отцу, и просто, легко прозвучало в его устах слово «видел». — Что скажешь о ней, как нравятся тебе изделия из бронзы, золота и серебра?

— Они грубы, твое величество, но всегда выразительны. Однажды мне довелось держать в руках фигурку женщины, которая, как говорили, была сделана давным-давно, в те времена, когда люди не знали еще плуга и ярма для животных. У нее не было лица, формы ее были грубы, но в ней было

много выразительности, истинного воплощения женской силы, ее предназначения. Главное — что мастер вкладывает в свою работу.

— Это так!

— Не всегда можно угадать истинные мысли мастера, делавшего ту или иную вещь. Порой из-под рук его выходит совершенно противоположное тому, что было в его замысле, и он сам дивится этому. Но я, твое величество, да простится мне эта дерзость, кажется, понял, в чем дело...

— В чем же, Хесира?

— В том, твое величество, что камень, глина или золото живут своей жизнью и только подсказывают рукам мастера нужную форму. Потому и случается, что они выдают тайны, неведомые скульптору...

Его величество задумчиво слушал моего отца, слушал, как ученик. Я сжимала в руке золотого льва, и он казался мне все более живым и все более печальным. Может быть, в нем была заключена печаль неведомого мастера хатти? Мне не хотелось думать о печали фараона.

— Я вижу, тебе понравился мой подарок, Бенамут? — спросил его величество, отрываясь от созерцания головы верховного жреца храма Атона, второго по значению святилища после Дома Солнца. — Что ты о нем скажешь? Каков он?

— Печален, твое величество.

— Печален? — Фараон удивленно поднял брови. — Почему же печален? Мне он казался совсем живым, может быть, только что вернувшимся в свое логово, утомленным, но не печальным... Но даже если так, я уверен, что ты разведалишь его, Бенамут, развеешь его печаль. Надеюсь, он принесет тебе счастье.

— Уже принес, твое величество, — тихо сказала я, прижимая фигурку к груди.

После ухода его величества я долго-долго смотрела на его подарок, и золото расплывалось перед моими глазами от счастливых слез. Отец подошел ко мне, положил руку мне на плечо.

— Прохладная у тебя кожа, Бенамут, — сказал он, — верно, ты испытываешь наслаждение? Его величество Небхепрура Тутанхатон милостив к нам, должно быть, тебя благословляют боги... И если будет много работы, это хорошо, — добавил он задумчиво, — быть может, мой страх бесплоден.

— Какой страх, отец?

— Стать ненужным. Стать просто ремесленником, в лучшем случае — мастером, изображающим только подобие человека. При его величестве Эхнатоне мы, художники и скульпторы, почувствовали себя свободными...

— А разве не всегда так было?

— Не всегда. Посмотри на древние изображения владык Кемет — разве это живые люди? Только в лице фараона Сенусерта I можно увидеть что-то истинное, принадлежащее только ему. Ведь владыки Кемет не всегда были красивы, хотя почти всегда величественны. Его величество Эхнатон повелел изображать себя таким, каков он был. И были мастера, которые делали его даже более некрасивым, чем на самом деле. Даже ее величество Нефр-эт, а уж кто прекраснее ее, не на всех изображениях выглядит так. Потом мастера стали внимательнее, они начали глубже изучать натуру, и ненужное, искажающее облик фараона, ушло. Новый владыка Кемет мог бы повелеть вернуться к старым образцам...

— Его величество Небхепрура Тутанхатон — да будет он жив, цел и здоров! — очень красив, и нет нужды изображать его живо, — возразила я, избегая незрячего взгляда моего отца.

— Поистине так. Но красота уходит с годами, увядает... Пройдет время — и человек может захотеть утешительной лжи, ему захочется видеть себя вечно красивым, вечно молодым. Тогда, чтобы никто не мог обвинить властителя в человеческой слабости, приказывают всех изображать одинаково — красивыми и бесстрастными. Но если фараон понимает, какая сила таится в искусстве, это хорошо...

Его величество не забыл своих слов, сказанных о военачальнике Кенна, он пожелал видеть его в Зале Приемов, и Кенна долго не мог понять, чему обязан подобной честью.

Фараон не только подробно расспрашивал его о военных делах, но и пожелал, чтобы Кенна участвовал в его охоте на антилоп и милостиво говорил с ним. Кенна узнал много позже, что это искусство моего отца заставило молодого фараона обратить внимание на безвестного, хотя и знатного и отважного военачальника. Но Кенна знал еще что-то, догадывался по моему лицу, что золотой лев хатти был не просто знаком обычной царской милости. Потому, должно быть, и не было безмятежным его лицо, когда мы вышли в сад и остановились под маленькой сикоморой. Первое слово принадлежало ему, а я многое успела передумать за то время, пока мы стояли молча среди золотой резьбы солнечных лучей и лиственных теней. Наконец он сказал мне, сжимая мою руку своей сильной и твердой рукой, сказал тихо, как всегда теперь говорил в моем присутствии:

— Желаешь ли ты стать госпожой моего дома, Бенамут?

Я ответила ему тоже тихо:

— Да.

Глаза его излучали нежность и любовь, но слишком много печали таили на своем дне эти глубокие черные озера. Мне и сладостно, и горько было в этот миг, и я была подобна цветам в руках возлюбленного, только что сорванным и уже чуть увядшим. Он привлек меня к себе, и его сердце забилось возле моего сердца. От горькой нежности хотелось мне и петь, и плакать, и, отдаваясь нежным ласкам Кенна, думала я о неожиданном счастье и неожиданной горечи, которая будет сопровождать всю мою жизнь с ним. Ни слова не произнесли мы о фараоне, но и в моих мыслях, и в мыслях Кенна был он. Ему, ему одному принадлежала Бенамут безраздельно, но он был богом, и благословение бога не могло принадлежать мне одной. Только в мечтах, только в сновидениях, тревоживших мое девичье ложе, мне одной принадлежала его любовь, ласка его рук, лучистый взор его глаз. «Горе, горе мне, — подумала я, — сердце мое улетает от меня...»

— Моя мать, госпожа Ренпет-нефр-эт пожелала, чтобы моя свадьба состоялась через год, ибо только к тому времени исте-

чет срок скорби по моему отцу, назначенный ею. Все это время я проведу в походе против кочевых племен хананеев, — сказал Кенна. — Когда я вернусь, мы сразу отправимся к жрецам Дома Жизни, и мой дом станет твоим домом.

— Это большая честь для меня, Кенна.

— Только честь? — Глаза его были полны укоризны, нежного упрека. — Неужели только честь, Бенамут?

— Нет, брат мой, и честь, и радость. Я буду ждать тебя, — прошептала я и обвила руками его шею. Моя золотая печаль не должна была ранить его, и я поклялась себе самой, что никогда не встревожу, не обижу, не огорчу моего мужа, хотя сердце мое никогда не исцелится от губельной любви к солнцу. И когда мы вернулись в дом и объявили отцу о нашем обоюдном желании стать мужем и женой, ни на моем лице, ни на лице Кенна нельзя было увидеть и следа печали.

***

Так я стала невестой военачальника Кенна и была представлена его матери, госпоже Ренпет-нефр-эт. Если бы не великая награда, которой удостоился мой отец в день празднования годовщины восхождения на престол его величества Тутанхатона, она бы не приняла так милостиво дочь простого скульптора, хотя и правнучку жреца. Но, став людьми наградного золота, мы с отцом получили право не склонять головы в почтительном страхе перед теми, кто должен был стать покорным посетителем нашей мастерской, исполняющим волю его величества. Все рабы наши и слуги, все друзья моего отца высыпали на улицу, чтобы приветствовать нас, когда мы возвращались после церемонии в царских садах. И Кенна был счастлив, потому что его величество пожелал сделать его одним из своих друзей и отдать под его начало корпус, располагавшийся на южной границе Кемет. Его величество милостиво обещал почтить свадьбу Кенна своим присутствием, и не было в тот миг человека, который не позавидовал бы счастливой звезде молодого военачальника. Было ли наброшено на мои глаза

золотое покрывало Хатхор или то было истиной, но мне показалось, что его величество иначе взглянул на меня в тот миг, когда ему стало известно о желании Кенна сделать меня госпожой своего дома. Было ли то сладостным обманом Золотой или истиной, но мне почудилось, что в прекрасных глазах фараона промелькнула грусть. Но было ли во всей стране Кемет что-либо, что могло быть ему неподвластно? Он воистину был светлым Хором, золотым Хором, снизошедшим на землю благословенного Хапи. И мне было даровано счастье видеть его, вдыхать сладостный воздух, которым дышал он...

Хоремхеб больше не смотрел на меня, не заговаривал со мною. И все же спокойно рядом с ним мне было так же, как спокойно человеку рядом со львом. Сила и опасность исходили от него, и мне казалось опасным даже его присутствие при особе фараона. Кенна, Джхутимес, Рехмир, Мехи — все они восхищались Хоремхебом, все почитали его первейшим лицом государства, хотя он и был третьим после чати и верховного жреца Дома Солнца. В те дни весь Ахетатон говорил о том, что истекает счастливое время могущественного Туту, что Атон отвратил от него свой сияющий лик. А иные поговаривали о том, что лик царственного Солнца все реже склоняется к Ахетатону, городу его славы. Много людей бывало в мастерской моего отца, и уста их не всегда были надменно сомкнуты. Тревожило то, что Эйе и Хоремхеб всеми силами поддерживали блеск гаснущего солнца, сами приносили ему богатые жертвы. А жрец Мернепта, воспитатель и наставник его величества, однажды пожелал иметь изготовленную руками моего отца статуэтку бога Тота. Ученый жрец просил сохранить тайну, и мой отец выполнил свое обещание, но и без того это было странно и при его величестве Эхнатоне даже смертельно опасно. Вряд ли Мернепта пользовался тем, что фараон любил его как отца и был привязан к нему, вряд ли мог быть уверен, что его тайна останется тайной, но, видимо, он не боялся ни Эйе, ни Хоремхеба, если позволял себе заказывать царскому скульптору статуэтку бога с головой ибиса. Жрец Мернепта рассказывал о том, как любит его величество

красивые, искусно сделанные вещи. Он рассказывал о золотых кузнечиках, которые в детстве были любимыми игрушками царевича и казались живыми, так искусно они были сделаны. Жрец Мернепта упомянул и о ларце, на котором было чудесное изображение их величеств Тутанхатона и Анхесенпаатон в беседке, украшенной гирляндами цветов и виноградными лозами. Искусству поистине был сужден счастливый век владычества богов в дни царствования второго преемника его величества Эхнатона, и сердце радовалось при мысли об этом. Мернепта говорил о том, как изящна и изысканна стала обстановка главного царского дворца в Ахетатоне, как много новых чудесных вещей очень тонкой работы появилось с восшествием на престол юного фараона Небхепрура. Новый фараон не приказывал так часто изображать себя на стенах дворцов и каменных плитах вдоль границ Ахетатона, но любил изображения животных пустыни, сцен охоты. Сам он охотился не только на газелей и диких коз, но и на леопардов, львов и пантер, шкуры которых во множестве украшали его покои. Я слушала с восхищением, затаив дыхание, и мне казалось, что слова царского воспитателя рисуют в воздухе чудесное изображение всего, о чем он говорил. Так божественна была красота фараона, что она воистину притягивала к себе красоту окружающего мира, так сверкала она, что разгоняла тьму. И когда жрец Мернепта получил свою статуэтку и ушел, щедро вознаградив отца за работу, мне хотелось и петь и радоваться, как в праздник разлива Хапи, когда все веселятся и надевают самые лучшие одежды. Но пришел Кенна, задумчивый и огорченный чем-то, и я поспешила поднести ему пальмовое вино в серебряной чаше, которое он выпил жадно, словно только за этим и пришел в наш дом. Когда я увидела его в первый раз, он был весел, глаза его сияли восторгом, голос его звенел. А ведь то было невеселое время для военачальников, обеспокоенных судьбой Кемет, тогда войска стояли без дела на границах, вынужденные терпеливо наблюдать за наглыми выходками хатти и хабиру. Теперь же все было по-иному, фараон повелел не отдавать кочевникам ни локтя Черной Земли, разбираться с ни-

ми на месте, не дожидаясь, пока гонец достигнет столицы и вернется обратно. Такому опытному полководцу, как Хоремхеб, конечно, можно было поручить командование войсками на самом опасном участке границ — северо-востоке, но враги Кемет еще не почувствовали крепость мышцы молодого фараона и по-прежнему вели себя нагло и самоуверенно. Не это ли заботило Кенна? Он долго не начинал разговора, всепил вино, отвечая односложно на вопросы моего отца и мои. И только когда осушил до дна четвертую чашу, сказал:

— Плохие дела, Бенамут, плохие дела, достойный Хесира! Хоремхеб стал лют, как дикий лев пустыни. Он узнал, что кое-кто из военачальников не возложил своей жертвы на алтарь царственного Солнца, и приказал жестоко наказать виновных. Их били плетью, их сделали простыми воинами. Лучший из них, Мехи, был возвеличен его величеством Эхнатоном. Теперь он повержен в прах, теперь его глаза в земле. И другой, Нахт-Атон, тоже подвергся гонениям — за то будто бы, что его воины возносили моления Амону. А уж кто был преданнее Атону, чем Нахт-Атон и Мехи? Мехи не мог принести достойной жертвы, потому что за время его отсутствия его жена наделала долгов и заложила ростовщикам поместья своего мужа. Но Хоремхеб не стал слушать никаких оправданий, он сказал, что не желает подвергаться гневу царственного Солнца из-за нескольких бездельников и негодяев, врагов его величества. И теперь они лежат в пыли у его ног и молят о снисхождении, хотя они оба — истинные приверженцы великого Атона. Сам Хоремхеб никогда не выказывал столько почтения царственному Солнцу, как они. А теперь, когда у Хоремхеба такая власть... Говорят, что скоро он станет главным царским домоправителем. Кто ему возразит? Никто!

— Разве Мехи и Нахт-Атон не могут пасть к ногам его величества? — спросила я, и сердце мое забилося.

— Кто допустит их к фараону? Если бы все дела решал единолично его величество! Но так не бывает никогда и нигде. Что-то творится во дворце, Бенамут, что-то там происходит. Кажется, что Хоремхеб и Эйе идут одной дорогой, но вдруг

оказывается, что первый идет наперекор второму и оставляет того в растерянности. Это говорил мне Джхутимес, а он хорошо знает дворцовые дела. Нет, пожалуй, не так — хорошо видит, знать же их не может никто. Как-то он сказал мне, что Хоремхеб и Эйе недолгое время казались друзьями, потом стали больше похожи на врагов, чем на друзей. Никто не думал, что могут повториться времена, когда преданных Амону лишали погребения и даже сжигали на кострах! А теперь Хоремхеб делает так, что люди об этом вспоминают...

— Может быть, дело не только в богах, — заметил мой отец. — Ты сказал, что Мехи и Нахт-Атон были теми, кого называют сиротами Эхнатона? А Хоремхеб родом из старой знати, хотя и не столичной. Может быть, Кенна, дело именно в этом?

— Сыну начальника служителей бога в Хутнисут прикрываться именем Атона для борьбы с теми, кто по желанию Эхнатона вышел из глинобитной хижины? Нет! — Кенна пренебрежительно махнул рукой. — Но что происходит, не могу понять. Боюсь за его величество, он слишком молод. И если Эйе и Хоремхеб играют в кости с тайными знаками, понятными только им двоим...

— Чати не может быть другом Хоремхеба, он смотрит на него свысока, как все люди знатных родов Опета на знатных людей дальних степатов. Пропась между ними глубже, чем между жрецом и воином, между львом и шакалом. Здесь что-то иное, и столь зримое поклонение Хоремхеба царственному Солнцу не случайно. И ты прав, Кенна, страшно за его величество. Кто теперь рядом с ним?

— Эйе, постоянно Эйе, больше, чем Хоремхеб. Еще жрец Мернепта, царевич Джхутимес, хранитель сокровищницы Май. Конечно, ее величество царица...

— А их величества Нефр-эт и Меритатон?

— Обе они погружены в свое горе.

— Эйе и Хоремхеб несомненно что-то задумали, — сказал мой отец, — но действительно ли глаза их смотрят в одном направлении или каждый только пытается усыпить бдитель-

ность другого — трудно понять. Все равно, я уверен, что его величество поступит по-своему.

— И я уверен в этом и этого именно и боюсь, — сказал Кенна. — Его величество очень юн, но ум его — ум взрослого мужа. Он не обрушится на своих противников с яростью, как это делал Эхнатон, но когда он заговорит, слово его будет крепче бронзы и камня. Если бы он узнал, что творит в столице Хоремхеб, я думаю, он повелел бы ему отменить свое решение...

— Тебе нужно оказаться рядом с его величеством, Кенна.

— Это непросто...

— Тебе может помочь Джхутимес.

— Не думаю. У Джхутимеса свои дела. Говорят, в Ахетатоне опять появилась эта женщина, Кийа... Как она осмелилась? Если об этом узнает Хоремхеб, Кийа не выйдет живой из его рук. Любовь к ней Джхутимеса была известна всем, и Хоремхебу — лучше всех. Теперь, конечно, Кийа никому не нужна и не опасна. Но Хоремхеб не из тех, кто забывает обиды, а ведь все знают, что это она заставляла его величество Эхнатона держать его вдали от столицы и запрещать вести войну с хатти и хабиру...

— Это так.

— Если Эйе и Хоремхеб только с виду друзья, тогда вражда между ними опаснее для фараона, чем открытая ненависть каждого из них к деяниям Великого Дома. Все это очень плохо! Если бы его величество посетил твою мастерскую, Хесира...

Но фараон больше не посещал мастерскую, и отец был вынужден заканчивать работу над его изображением в царском уборе по памяти. Сердце подсказывало мне, что больше он ни придет... Солнце, горячее солнце, которое жило в моей груди, больно жгло меня своими лучами, и я просыпалась ночью, разбуженная болью от этих солнечных ожогов. Там, на высоте, где царил он, его подстерегала опасность, но я не могла ни спасти его, ни хотя бы предупредить. Его царствование началось так спокойно и радостно для измученных страхом жите-

лей Кемет, что казалось невозможным, чтобы черное дыхание Сетха коснулось цветущей земли, по которой ступал он. Но теперь, слушая Кенна, я понимала, как много опасностей подстерегает его величество, как опасен его путь по изгибам великой реки, что зовется государством Кемет. И когда мой отец оставил нас вдвоем с Кенна, я со стыдом подумала, что мысли о фараоне совсем отогнали от меня мысли о моем женихе. А ведь он должен был скоро покинуть меня и отправиться на войну с хананеями, быть рядом с Хоремхебом, который не прощает обид! Я подседа ближе к Кенна и обняла его, и заглянула ему в глаза, стараясь отвлечь от горьких дум своей лаской. Он выпил еще одну чашу вина, но хмель не брал его, взгляд молодого военачальника оставался ясным. И меня теперь страшили не столько хананеянские стрелы, сколь жизнь его бок о бок с Хоремхебом в течение двух времен года или целого года, так как лишь после этого он мог получить командование корпусом на южных границах и, возможно, стать наместником одной из покоренных южных областей. Я старалась не думать о том, что и мне придется покинуть Ахетатон, сейчас иное тревожило меня, иное наполняло сердце горькой нежностью, смешанной со стыдом. Кенна привлек меня к себе и покрыл поцелуями мое лицо и волосы, благоухающие живыми цветами, которыми я украсила их для него. Так впервые богиня Хатхор дала мне почувствовать, что человек, ласкающий меня, — мой будущий муж, повелитель и господин, и я должна стать матерью его детей и владычицей его ложа. Он снял со своей руки перстень с изображением сокола на драгоценном лазурите и надел на мой палец, и я заметила, что у него на руке остался еще один точно такой же, только голова сокола была повернута в другую сторону. Я приняла перстень и поцеловала его, и Кенна нежно и благодарно взглянул на меня. Я тихо сказала:

— Когда ты уезжаешь, Кенна?

— Завтра, любимая, завтра на рассвете. Ты будешь вспоминать обо мне?

— Буду всегда думать о тебе...

Он улыбнулся и погладил меня по щеке, и я опять почувствовала, какие у него сильные, даже немного грубоватые руки. Я подумала о том, что никогда не беспокоилась бы за его величество, будь Кенна всегда рядом с ним. И снова устыдилась своих мыслей...

— Первый же гонец привезет тебе мое письмо, Бенамут, — сказал Кенна. — Но год — это совсем недолго. Если я буду командовать южным корпусом... Ты ведь поедешь со мной?

— Мне только жаль будет покинуть отца. Как будет он жить без меня? Но, может быть, и там, на границах земли Нехебт, нужны хорошие скульпторы?

— Они нужны всюду, но, по-моему, его величество не отпустит твоего отца, он слишком его ценит. Мы будем навещать его...

— Я хочу быть там, где ты, Кенна. — И снова я подумала, что тяжелее всего мне будет не видеть его величества. — Пусть все будет хорошо и дом наш будет изобилен и счастлив...

— Я вернусь с хорошей добычей из похода в Ханаан.

— Береги себя...

— Если ты будешь думать обо мне и любить меня, ничего со мной не случится, — сказал Кенна и улыбнулся, но улыбка его вышла грустной. — Я верну тебе одно из своих изображений, первое. Ты будешь смотреть на него и вспоминать меня.

— Брат, благодарю! Но и без этого твой образ не покинет меня...

— И твой меня, Бенамут.

Назавтра он уехал, и я осталась ждать его и готовиться к будущей свадьбе. Много времени оставалось у меня для того, чтобы приготовить свой свадебный наряд, и в доме моего отца поселилась легкая грусть, которую я не могла изгнать из своего сердца, да и не хотела этого. Таков уж был вечный удел женщины, будь она царицей или рабыней, презреннейшей из смертных или первой из божественных. Разве не приходилось подолгу ожидать своего мужа моей матери, до срока ушедшей на поля Иалу? Разве не приходилось терзаться долгим ожида-

нием царице Нефр-эт, супруге великого Эхнатона? Не стало ли ее ожидание вечным, лишенным надежды, бесконечным и безысходным, как путь подземной реки? А ведь она была жива, царица Нефр-эт, хотя мало кто вспоминал о ней. Там, за стенами царского дворца, томилось ее сердце, сердце великой женщины — я поняла это, оставшись в одиночестве, разделив тревогу судьбы с царицей Нефр-эт.

ЦАРИЦА НЕФР-ЭТ

Тихо шепчутся деревья в саду перед широким балконом дворца, тихо роняют умирающие цветы ветви сикоморы. И лунный диск на небе такой ясный, будто выточен из серебра самым искусным мастером и окаймлен для пущей красоты темной резьбой облаков. Тихо звенит музыка, сладкая и бездумная, как недорогая любовь. Это Анхесенпаатон приказала развлекать себя, дожидаясь прихода своего красавца фараона. Как могла эта музыка донестись до моих покоев, как преодолела плотную скорбную тишину, окутывающую их? Как могла она отвлечь меня от тяжелых дум, обратить в улыбку застывшую гримасу скорби? Маленькая царица Анхесенпаатон ждет своего мужа, а он сидит здесь, в покоях царицы Нефр-эт, расположившись совсем не по-царски на полу, на вышитой золотом подушке, и его глаза влажно блестят в сумраке наплывающей ночи.

— Твое величество, завтра я не буду присутствовать на жертвоприношении в Доме Солнца, поднеси от моего имени великому богу роскошные дары, возьми их у главного домоправителя. Показываться Солнцу, показываться людям — больше нет сил...

— Мать, прошу тебя, не говори мне «твое величество». Зови по имени...

— Хорошо, мой дорогой Тутанхатон.

Мать... Никогда я не была его матерью, хотя и любила порой нежнее, пронзительнее, чем своих дочерей. Столько лет ждать сына, бесплодно ждать сына — и обрести его теперь,

когда мир лишился красок и звуков, когда самые нежные слова доходят до сердца глухо, как сквозь смутный гул надвигающейся бури. Всегда мне не доставало времени, чтобы ответить на робкую, тихую ласку этого мальчика с добрыми и удивленными глазами, и вот теперь сердце сжимается легкой горечью, когда он произносит это «мать»... Скоро ему исполнится четырнадцать, давно ли миновало то время, когда я приняла его из рук жреца Мернепта и положила на колени своего царственного супруга, веря, что не будет у этого мальчика защитницы более верной, чем царица Нефр-эт? Давно... Тогда я не знала, что держу на руках будущего владыку великой Кемет. А сейчас с трудом исполняю его просьбу, с трудом могу назвать его по имени, потому что мне некуда деваться от стыда. Не думал ли он в сердце своем: «Где же твои обещания, царица Нефр-эт?»; когда я проходила быстрым шагом по коридорам дворца, стремясь уединиться и в одиночестве выплакать свое горе, свою ревность к презренной женщине, возвысившейся надо мной, свою боль от разлуки с тем, чей образ начертан на сердце с давних пор, таких давних, что теперь уже и не припомнить? Моя старшая дочь тоже вдова. Пятая, Нефрнефрура, стала женой иноземного царя и покинула Кемет. А третья оставшаяся в живых, Анхесенпаатон, ждет своего мужа в беседке, убранной лотосами и маргаритками, ждет, приказав развлекать себя музыкой. И над всем этим — лунный диск, от которого веет мертвенностью великих пирамид.

Тутанхатон сидит на подушке, обхватив руками колени, в лунном свете призрачно поблескивает золотой царский урей. Тень от длинных, необыкновенно длинных ресниц падает на его нежные, как у девушки, щеки. Он — единственный, кто не нарушает тишины моего покоя, даже когда слышу его тихий мелодичный голос. И желание ласково коснуться его головы становится непреодолимым, вынуждает царицу Нефр-эт еще раз обжечься жгучим стыдом при воспоминании о своем невыполненном обещании. Сколько раз взопла звезда Сопдет с тех пор, как я рассказывала ему сказку об обреченном царевиче? На помощь царевичу всегда приходил великий Атон и по-

могал ему избежать предначертанной участи. Я делала это нарочно, зная, что Тутанхатон не любит печальных концов.

— Учитель говорил мне, мать, что вчера ты целый день провела на ложе, не вставала и не принимала пищи. Это правда?

— Правда, Тутанхатон.

— Мне это прискорбно...

Голос его полон участия и искренней грусти. Приятно смотреть на него, такого красивого, таинственно-красивого в лунном свете. Когда-то, при свете такой же луны, я склонялась над его колыбелью, чтобы уловить его тихое дыхание. Он был совсем слаб, когда появился на свет, и многим тогда казалось, что он последует в Аменти за своей матерью, красавицей Нефернаи. Отчего-то эта смерть представлялась мне еще более ужасной, чем смерть сестры моего мужа, хотя я едва ли могла ощутить материнскую любовь к беспомощному существу, явившемуся на свет таким одиноким. Тот мед, которым я кормила его во время его болезни, то молоко, которое подносила к его пересохшим губам — не их ли вкус я ощущала теперь на своих губах и в своем сердце?

— Ты слишком беспокоишься обо мне, мой дорогой Тутанхатон. А ведь я не стою такой заботы, я — всего лишь сухая ветвь, на которой никогда больше не будет цветов. Не думай обо мне, не тревожь свое сердце...

— Как я могу не думать о тебе? Вот я — владыка страны Кемет, повелитель Обеих Земель, вскормленный твоими руками. Неужели у меня нет власти, чтобы сделать твою жизнь более счастливой, утешить твою боль?

— Ушедшим в Страну Запада многое уже не нужно, мой мальчик. Разве им нужны лотосы земного Хапи? Подземные цветы утешают их, и этого довольно. Ушедшему не нужна музыка, он слышит бряцание таинственных систров там, в Аменти...

— Но ты еще не в Аменти, ты здесь, со мною. Зачем ты хочешь покинуть меня, своих дочерей, которые тебя любят? Мне не обойтись без тебя сейчас, когда так трудно и так много предстоит решить. Ты всегда была рядом с его величеством

Эхнатоном, ты многое видела, знала... Помоги мне сейчас, выслушай, тебе одной я могу открыть свое сердце до конца...

— Мернепта мудрее меня. Эйе мудрее...

— Они мужчины. Женщины многое чувствуют иначе.

— Это так.

— Я должен сказать тебе, одной тебе. Послушай, если я ошибаюсь, прерви меня. Только смотри мне в глаза, не отводи своего взгляда. Вот так... Я чувствую, что в Кемет неспокойно, как неспокоен Хапи в ожидании великого разлива. Слишком много осталось обиженных после царствования великого Эхнатона, прости меня, мать... Эйе говорит, что его величество укрепил священную власть фараонов, но мне кажется справедливым, когда говорят: фараон — благой бог страны Кемет, фараон — божественная мудрость, жизнь, здоровье, сила. Нет ничего опасного для власти фараона, если его именем в дальнем степате правит человек, который поистине заслуживает названия ока и уха повелителя. Хорошо, когда у фараона испрашивают разрешения выкопать канал в пустыне, ибо все, что касается великого Хапи — его дело. Хорошо, когда фараон должен решить, достаточно ли драгоценного кедра добывают в Ливанских горах. Хорошо, когда испрашивают его воли для того, чтобы назначить правителя судебного чертога в городе Ипу. Но каждый степат издавна живет своей жизнью, и весь он — словно живой человек, тело которого подвержено удовольствиям, слабостям и болезням. Сейчас в земле Буто двадцать степатов, в земле Нехебт — двадцать два. Каждый степат — как живой человек. Ты согласна со мной? Мне нужно знать...

— Согласна, Тутанхатон.

— Люди, издавна населяющие этот степат, стали уже его плотью и кровью. Те, кто с рождения дышат воздухом своего степата, знают, что ему вредно, а что полезно. Я много читал о временах, когда соединились цветы лотоса и папируса¹¹⁸ В каждом степате издавна почитали своих богов...

— То, что ты говоришь, опасно, Тутанхатон.

— Опасно? Для кого?

— Великий Эхнатон дал жителям Кемет истинного бога — своего великого отца Атона.

— Кто же оспаривает могущество Атона? Бог Ра издавна почитался первым среди богов.

— Царственное Солнце — великий фараон, единое божество. Ра же породил Шу и Тефнут, Нут и Геба...

— Спорить о богах — дело жрецов, дорогая мать. Я говорю о другом... В каждом боге люди видели воплощение фараона, и в каждом фараоне — воплощение всех богов, не только Хора. Фараон был дома в каждом степате, как и каждый бог...

— Эти люди, которых ты называешь плотью от плоти степата, расшатывали трон фараонов.

— А если бы это были верные люди, облеченные доверием? Доверие — основа власти. Разве я не старался как можно лучше выполнить задание Мернепта именно тогда, когда он на меня не смотрел? Но он знал, что я его не обману. Так и с правителями областей! Если они облечены необходимой властью и при том преданы фараону — чего же лучше? Пытаться править одному всеми степатами сразу — значит обманывать себя, поддаваться опасному ослеплению.

— Но тогда, Тутанхатон, в каждом степате опять появится свой бог. Люди созданы так, что они должны завидовать и хвататься друг перед другом тем, чем владеют сами и чего нет у соседа. Богатство и величие храмов каждого степата — достойный предмет для соперничества. Сила и могущество богов каждого степата — тоже.

— Но разве степаты Кемет когда-нибудь враждовали между собой после того, как объединились земля Буто и земля Не-хебт? Только однажды, перед нашествием царей-чужеземцев...

— А разве этого мало?

— Если существует вражда между степатами, никто не удержит власть над ними, даже божественный фараон. Если же люди в каждом степате будут довольны и лишены страха, им незачем будет враждовать друг с другом.

— Ты рассуждаешь мудро, твое величество.

— Ты хочешь меня обидеть?

Лунный диск становится нестерпимо ярким, глядит на меня, как разгневанное око великого бога¹⁹, превратившегося в змею-урея. Хочется закрыть лицо руками, закрыть слух, чтобы не слышать речей мальчика-фараона, взрослых речей, опасных речей... Страшнее всего ощущать что-то истинное в его словах. Но признать их справедливость — значит предать память великого Эхнатона. Это были мои мысли, которых я никогда не осмеливалась высказать, мысли, отравившие меня сомнениями на долгие годы, пришедшие ко мне незадолго до переезда в Ахетатон, страшные мысли. Они и позже приходили ко мне, особенно в те часы, когда Эхнатон делился со мной своими сомнениями, своим смертельным ужасом. Он знал все это, знал, но не мог остановиться. Не мог! Его влекла за собой безудержная, страшная сила.

— Тебе не понравились мои слова?

— Они не понравились бы великому Эхнатону.

— Мне горько от этого, мать. Очень горько! Но есть и еще нечто, страшнее этого. Мне хочется, чтобы народ Кемет благословил мое царствование. Мне хочется вернуть мужей их женам, отцов — их сыновьям. Те, кто были изгнаны, кто лишился своего имущества, за что они были наказаны? За верность старым богам?

— За верность опасным богам, которые грозили власти фараона.

— Боги?

Солгать я не сумела, и он понял это. В его словах была правда, горячая, обжигающая правда. Кто лучше царицы Нефр-эт мог оценить ее? Он говорил мне то, что думал, то, что шло вразрез с мыслями Эйе об управлении страной. И уж тем более не Хоремхеб, свирепый и не слишком умный Хоремхеб, мог внушить ему подобные мысли, слишком смелые для преемника великого Эхнатона, слишком смелые для тринадцатилетнего царя, слишком смелые для царевича, рожденного под изображением зримого Солнца. Мысли его не всегда были ясны, быть может, многое он и сам сознавал очень смутно. Фараон походил на слепого, ощупью пытающегося отыскать до-

рогу. Слепого — но уверенного в своей силе, слепого, чья мышца была крепка, а шаг тверд. Ум и справедливость — вот что Эхнатон называл моей карой, вот за что любил меня, а в последние годы страшился. И теперь я была подобна путнику, стоящему на перекрестке двух одинаково опасных дорог. Тутанхатон искал совета, искал поддержки. Сила рвалась из его груди, сила его Ба, стремящегося к справедливости, и она была одинока, она замыкалась в самой себе, подобно венку, она искала воплощения, как ищет его в камне резец скульптора, ясно увидевшего в сердце своем образ будущей вещи. Потому сегодня он и сидел здесь, у моих ног, не слыша призывной музыки из сада, не думая о любви Анхесенпаатон, пытаясь убедить меня сделаться его союзницей. И мне было горько, воистину горько, что я должна была покинуть его.

— Я много думал, мать, много беседовал с учителем, с другими жрецами, со многими людьми. Помнишь, как сказано у Птахотепа: «Как изумруд, скрыто под спудом разумное слово, находишь его между тем у рабыни, что мелет зерно»? Нельзя спрашивать совета слишком у многих, это я чувствую, это я знаю сам... Порой кажется, что лишь тогда и можно услышать разумный совет, когда твои собственные мысли ясны тебе все до единой. Мудрецы говорят, что мысль тянется к мысли, молитва — к молитве. Не все мне еще ясно, не всему я могу найти имя... Но ты молчишь, а я жду твоего слова. Если я ошибаюсь — скажи. Если бы мы не делали ошибок, как могли бы мы научиться мудрости?

— Я скажу тебе одно, Тутанхатон: то, что ты говоришь, прискорбно слышать супруге великого Эхнатона. Если дорога твоя кажется тебе истинной, иди по ней и не страшись тьмы, таящейся у обочин. Но я с тобой не пойду...

Лунный диск качнулся и замер, расплываясь в смутном мерцании, и сердце сжало невыносимой болью. Тутанхатон выпрямился, в свете луны опять блеснуло золото урея, и огромное небо перед моими глазами вдруг закачалось, стало призрачным и туманным, как запотевшая гладь серебряного зеркала. Только тогда я поняла, что мои глаза затуманили сле-

зы, когда Тутанхатон поднялся и, ласково коснувшись моей руки, вышел из покоев. Музыка в саду звучала еще долго, потом замолкла. Сегодня Анхесенпаатон не пришлось дожидаться мужа, и в этом была виновата ее мать, царица Нефр-эт. Лунный диск все качался, завораживая своим мертвенным блеском, охлаждая сердце образом своего покоя. Но плакала я так горько, словно только что похоронила последнюю еще живую частицу моего угасающего сердца.

***

Тэйе, кормилица, стала служанкой у моего ложа, и вернулась детство, беззаботное и разноцветное, каким бывает оно и у детей рыбаков и пекарей, и у царственных отпрысков Великого Дома. Подниматься и принимать пищу уже не было сил, но Тэйе заставляла есть и заставляла сидеть на ложе, и нельзя было ей не подчиниться, как нельзя было сделать этого в детстве. Она не была красива, жена Эйе, она и в молодости не привлекала взоры мужчин, но было в ней что-то, что притягивало сердца. Крупная, широколицая, она казалась властной и суровой, но я знала, сколько в ее сердце истинной нежности. Она хлопотала надо мной, словно я была ребенком, словно не была матерью шести дочерей, великой царицей Нефр-эт. Девочка Нефр-эт, птичка Нефр-эт — такой я была для нее, для моей верной кормилицы Тэйе, жены высшего сановника государства, знатной и гордившейся древностью своего рода, порой спесивой, порой совсем простой, искренней женщины. И мне становилось смешно, когда она заставляла меня проглотить хотя бы кусочек орехового печенья в меду, уверяя, что один этот кусочек сразу исцелит меня от всех немощей.

— Девочка моя, — щебетала она своим звонким, слишком высоким голосом, — моя девочка, моя царица, клянусь именем всемогущего Атона, я прочитала по сто молитв над каждым кушаньем, и оно для тебя будет полезнее любого лекарства! Пчелы, которые собрали для тебя этот мед, поднимались высоко-высоко, к самому солнцу, и принесли на своих

радужных крылышках его благословение, а уж потом это благословение перешло на мед, который будет гореть в твоей груди, как солнце!

— Пощади меня, Тэе! — говорила я, укрываясь с головой покрывалом. — Не хочется есть, не могу...

— А что скажет его величество?

Тутанхатон приходил ко мне каждый день, жертвовал охотой и развлечениями, чтобы побыть у моего ложа. С лица его не сходило озабоченное выражение, и он приказывал доставлять во дворец все новые и новые лекарства, которые могли бы вернуть меня к жизни. С ласковой настойчивостью он заставлял меня пить горький настой из трав, глотать пахнущий пряностями порошок, прикладывать к груди и ко лбу драгоценные камни с начертанными на них магическими знаками. И всегда, когда я пыталась отказаться, говорил с ласковым упреком: «Мать...» И заклинания шептал он — вероятно, те самые, которым научил его жрец Мернепта, древние заклинания, отгоняющие духов болезни. Мне и приятно, и горька была его забота, служившая постоянным упреком, напоминавшая о том, как мало сделала я для этого мальчика, которому обещала быть матерью. И оттого ли, что не пришел еще мой час, оттого ли, что впрямь целительны оказались снадобья, приносимые Тутанхатоном, я начала поправляться. Тэе не находила себе места от радости, летала по покоям, как птица, оглашая их радостными возгласами.

— Моя девочка, моя Нефр-эт, разве легче тебе было, когда ты произвела на свет ее величество Меритатон? Лицо у тебя было белое, как ливийская соль, а руки так прозрачны, словно сделаны из виссона! И все же ты поправилась, а после родила еще пятерых красавиц. Женское тело сильное, оно может вынести любую боль! Придется это объяснять его величеству, когда ее величество Анхесенпаатон соберется производить на свет наследника...

«Когда ты произвела на свет Меритатон...» Когда я произвела на свет Меритатон, мы жили еще в роскошном дворце в Опете, и рождение девочки еще не страшило, не тревожило

фараона. Когда я произвела на свет Меритатон, Эхнатон вошел в мои покои сияющий, с руками, полными цветов, с сердцем, полным счастья. Когда я произвела на свет Меритатон, над моим ложем простирала руки богиня Исида. Мы с Эхнатон... нет, тогда еще Аменхотепом! — были молоды, мы любили друг друга, мы приносили жертвы старым богам. Потом... Если бы я продолжала молиться Исиде, быть может, богиня сжалилась бы надо мной и послала мне сына? Великий Атон был безбрачен, как единое божество, он не имел ни родителей, ни жены, ни потомства, кроме одного-единственного сына, фараона Эхнатона. Мог ли он услышать страстные мольбы женщины, чья плоть изнемогала под бременем ниспосланного ей проклятия? Тэйе втайне молилась Исиде, просила ее простить царицу Нефр-эт, послать ей сына. Страшно было думать о том, что и мои дочери несут на себе проклятье, обрекающее их на бесплодность или появление на свет только женского потомства. Правда, Анхесенпаатон и Нефнефура еще слишком молоды, но у Меритатон детей не было, а ведь они могли появиться за несколько лет брака с Хефер-нефруатонем. Некуда было деваться от этих горьких мыслей, и порой они овладевали мною сильнее, чем тяжкие и безысходные думы о вечной разлуке с Эхнатонем. Присутствие Тэйе их обостряло, вызывало воспоминания о дочерях, так рано покинувших меня, о дочерях, которые выросли и могли разделить мою горькую участь, от которой ничто не оберегало, даже царский венец. Тем более — царский венец. В Ахетатоне снова появилась Кийа. Как посмела она явиться сюда? Неужели надеялась вымолить себе прощение у Тутанхатона и вновь обосноваться в своем маленьком дворце на юге столицы? Джхутимес, безумец, влюбленный в нее, мог лелеять мечты на этот счет. Но я была уверена в Тутанхатоне, он бы не простил. Даже из любви к своему наставнику, даже из дружбы к нему, даже если бы эта презренная женщина пала к его ногам и обливала их слезами. Он был молод, но он был фараоном, и в его жилах текла кровь Аменхотепа III и царицы Тэйе. И все же присутствие этой женщины волновало, тревожило меня. Не ее

ли тайное колдовство было причиной моей немощи? Нет, не она была виновата в этом, и я знала, что не она. Кийа была всего лишь женщина, не богиня, не жрица, не хранительница сокровенных обрядов. В противном случае разве можно было бы преградить ей дорогу к трону? А она была близка к нему, опасно близка, и любая ее прихоть могла заставить Эхнатона пойти на безумство, неслыханное и все же возможное. Этого не случилось, но черным злым оводом продолжало звенеть имя соперницы — Кийа, Кийа, Кийа... Как смела она явиться сюда? Что замышляет против Великого Дома?

Тэ́е всегда занимала высокое положение, но сейчас возвысилась необычайно, ведь она была женой чати, высшего сановника в государстве. И ни для кого не было секретом, что Э́е нередко советовался с ней, излагал ей свои мысли. Поэтому меня всегда настораживало, когда Тэ́е в моем присутствии и особенно в присутствии Тутанхатона упоминала как бы вскользь о важных государственных делах. Вот и сегодня она сказала, подавая мне питье, сказала беспечным тоном, вовсе и не глядя ни на меня, ни на фараона, который сидел в кресле возле моего ложа:

— Каковы эти военачальники Мехи и Нахт-Атон, да еще и его высочество Джжутимес! Когда это было под солнцем Кемет, чтобы военачальники не слушались слова высшего начальника? Остались в Ахетатоне, хотя он давно повелел им отправиться в путь, ползают в пыли у порогов дворца... Поистине, такого еще не бывало! Господин Хоремхеб ведь знает, что делает...

Тутанхатон взглянул на старую кормилицу, нахмурил брови. Он выглядел утомленным после целого дня приемов и разбора судебных дел, требовавших голоса фараона. Не оставляя своих военных упражнений и ученых занятий, он едва находил время не только для дневного, но и для ночного отдыха и потому выглядел старше своих лет с этой взрослой усталостью на юном лице. Я была бесконечно ему благодарна за эти краткие часы, которые он мог проводить у моего ложа, чтобы царица Нефр-эт не чувствовала себя такой одинокой. Присут-

ствие дочерей не могло утешить меня так, как утешал его взгляд, его голос, хотя я и чувствовала, что после того, теперь уже давнего, нелегкого разговора он не все говорил мне и не до конца открывал свои мысли. Но так было легче мне, вдове великого Эхнатона, и мы оба знали это... Слова Тэие неприятно поразили Тутанхатона, он не смог скрыть этого.

— О чем ты говоришь, Тэие? Что еще повелел Хоремхеб? Я ничего об этом не слышал...

— Неужели, твое величество?! Твои слуги скрыли от тебя это?

Тутанхатон нетерпеливо встал со своего кресла:

— Приказываю тебе говорить яснее.

— Твое величество, я всего лишь женщина и мало понимаю в делах государства, но я хорошо знаю жену Мехи, госпожу Ити...

— Ты напоминаешь мне вавилонского посла! Говори яснее, что там произошло с Мехи и Нахт-Атоном?

— Хоремхеб велел наказать их плетьюми и погнать в пустыню, как простых воинов, за то, что они будто бы не почитают великого Атона.

— Быть не может, Тэие! Они стояли рядом с колесницей великого Эхнатона, принимали пищу из рук его... И потом, разве Хоремхеб верховный жрец, призванный решать такие дела?

— Говорят, твое величество, что Хоремхеб потому и обрушился на этих военачальников, что они были из тех, кого называют сиротами его величества Эхнатона, вечноживущего...

— Так не поступают с лучшими военачальниками, сколь велика не была бы их вина! Хоремхеб обязан был доложить мне об этом, выполняя свою прямую обязанность правителя Дома Войны! — Тутанхатон горячился, его пальцы нервно теребили висящий на поясе кинжал. — Почему Эйе не доложил мне об этом?

— Твое величество, Эйе хотел разобраться в этом деле сам и не желал беспокоить твое величество по такому пустячному поводу...

— Пустячному? Когда лучшие военачальники подвергаются гонениям?!

Он был огорчен и рассержен, и я могла бы напомнить ему его же собственные слова о верных советниках, но отчего-то мне не хотелось делать этого. Наконец Тутанхатон опомнился и сказал с виноватой улыбкой:

— Прости меня, мать, я не должен был тревожить тебя. Сегодня краски твоего лица нравятся мне гораздо больше, в глазах твоих появился живой блеск, и я надеюсь скоро увидеть тебя во время праздника моего восхождения на престол. Не нуждаешься ли ты в чем-либо? Если так, я готов исполнить любое твое желание...

— Прими мою благодарность, твое величество, мне ничего не нужно.

Он покинул моя покои, и я осталась наедине с Тэе, которая принялась вновь хлопотать надо мной, умащая мои виски ароматным маслом. Что побудило ее начать разговор о военачальниках в присутствии юного фараона? Желание Эйе? Но Эйе мог сам начать его, не возбуждая подозрений, даже был обязан сделать это как чати, как первый из друзей царя. Что-то руководило им, если он решил действовать через свою жену. Дела новой и старой знати были самыми серьезными и запутанными из всех государственных дел. Но оба они, и Эйе и Хоремхеб, принадлежат к знатым родам Кемет, хотя местная знать всегда почиталась ниже столичной. Если Хоремхеб решил действовать в одиночку, рьяно утверждая культ Атона... Но он, человек, даже не изменивший свое имя, никогда не был в рядах новой знати Эхнатона, да и не мог быть в силу своей принадлежности к древней знати Хутнисут. Никто не замечал за ним и особенного усердия в поклонении царственному Солнцу, Эхнатон нередко бывал недоволен им. Или эти два первых советника Тутанхатона готовят что-то, объединившись, или каждый из них обманывает другого, стремясь приобрести влияние на юного царя. Чего они хотят? Свергнуть тех, кого возвысил Эхнатон? Но каким странным способом — используя имя Атона!

— Тэйе, позови ко мне Джхутимеса, — сказала я, когда кормилица закончила свои хлопоты. — Он во дворце?

— Во дворце, царица. Примешь его в кресле? Какой головной убор прикажешь подать тебе?

Голова кружилась, и все тело было слабым, точно сотканным из воздуха, но я сидела прямо в своем кресле с высокой спинкой, похожая на саму себя в дни своей славы и молодости. Царевич Джхутимес по моему знаку опустился в кресло напротив и с волнением, которое не мог скрыть, ожидал начала разговора. Я не торопилась, молча наблюдала за ним. Джхутимес не был красив, черты его лица были, пожалуй, слишком мягки и невыразительны, но глаза были хороши, и я знала, от кого он унаследовал их — от своего отца, Аменхотепа III. Странная судьба была у этого царевича, сына великого фараона и митаннийской царевны, странная и грустная судьба человека, которого никто никогда не принимал всерьез. Только Тутанхатон, привязавшийся к нему еще в детстве, дарил его своей дружбой, Эхнатон же и Хефер-нефру-атон порой его просто не замечали. Что он мог знать о хитростях чати и правителя Дома Войны кроме того, что было известно всем? И все же мы сидели друг напротив друга, разделенные не только по-разному прожитыми годами, но и отношением окружающих людей. Царица Нефр-эт все еще была царицей, а Джхутимес был не больше, чем обыкновенным военачальником.

— Джхутимес, я хотела поговорить с тобой о Мехи и Нахт-Атоне. Ты слышал что-нибудь об этом?

— Слышал, твое величество. Знаю, что Хоремхеб обрушил на них свой гнев. И еще знаю то, что, возможно, тебе еще неизвестно: Хоремхеб отослал к границам Куша военачальника Небутенефа, прославившего себя в сражениях с хабиру, отослал без всяких почестей и наград туда, где скоро, если исполнится желание его величества Тутанхатона, наместником станет Кенна.

— Если?

— Прости, твое величество. Правитель Дома Войны многое может сказать фараону. Если вспыхнет вражда между Небутенефом и Кенна, это будет только на руку Хоремхебу...

— Почему, Джхутимес?

— Небутенеф возвеличен вечноживущим Эхнатоном. Кенна родом из старой знати Она.

Опять! Понять бы, только понять, чего добивается Хоремхем и какую роль играет в этом Эйе. Поссорить новую знать со старой? Вызвать недовольство в народе, но кем — выскочками или теми, кто силен одним только именем своего рода?

— Ты говорил об этом фараону, Джхутимес?

— Нет.

— Почему же?

— Я не советник фараона и не друг Мехи, Нахт-Атона и Небутенефа. У меня достаточно своих забот, — сказал он, нахмурившись. — Прости мою дерзость, твое величество...

— Разве тебя не волнуют дела Кемет?

— Если бы от воли царевича Джхутимеса что-либо зависело, царица! — Горечь, искренняя горечь прозвучала в голосе Джхутимеса, и мне стало жаль его. — Я бессилён помочь тем, кто нуждается в моей помощи, бессилён изменить то, что кажется мне несправедливым, почему же я должен заботиться о тех, кого не знаю и кого не могу назвать своими друзьями? Разве они замолвили бы за меня слово, если бы я подвергся гневу его величества и был бы изгнан?

В его тоне звучала еще и вековая неприязнь человека древнего знатного рода к тем, чьи отцы с трудом находили средства на постройку гробницы, на дорогие смолы для бальзамирования и погребальные дары своим богам-покровителям. Он и не мог думать по-иному, он, всегда остававшийся в тени и принужденный видеть, как не имевшие циновки становились обладателями ложа. Они не всегда были приятны и мне, эти новые люди, которыми окружал себя Эхнатон. Они нередко вели себя чересчур нагло, без удержу хвастались своим низким происхождением, выставляя напоказ свои собственные достоинства. Они окружали себя умеренной роскошью, без разбора становились людьми наградного золота. Но военачальники, хотя бы и происходившие из низов, все же были людьми иного рода. Они зараба-

тывали свое золото в сражениях, и каждое украшение на их панцире могло быть оплачено кровью.

— Меня огорчают твои слова, Джхутимес. Ты должен, как и все мы, думать прежде всего о благе Кемет и о благе Великого Дома. Если за спиной фараона творятся такие дела, можно ли быть спокойным за царствование Небхепрура Тутанхатона? Когда-то Хоремхем был дорог тебе, и ты перевозносил его перед всеми, не боясь, что на тебя косо посмотрят новые люди. Эта презренная женщина, имя которой я не хочу называть...

— Прошу тебя, не говори так, царица!

Это был крик, вырвавшийся из самой глубины сердца, отчаянный и безнадежный крик. Джхутимес овладел собой почти сразу же, отнял руки от лица. Лицо его было серым и походило на лик древнего сфинкса, лишенное собственных черт, застывшее среди разрушительного бега веков.

— Прости... — Он сказал тихо, очень тихо. — Я любил ее всегда, царица. И хотя она принесла много горя тебе и всей Кемет, я готов был лишиться загробного блаженства за один ее взгляд.

— Так писали в древних папирусах, Джхутимес.

Неуловимое отчуждение, дыхание обжигающего ветра разделило нас, и оба мы беспомощно искали дороги, которая привела бы нас друг к другу. Только одно было, что теперь соединило бы нас — фараон...

— Ты разуверился в Хоремхеме, ты понял, что никакая доблесть не стоит верности. Это хорошо... Теперь думай о его величестве Тутанхатоне. Если советники втянут его в войну с новой знатью, не устоит не только он, не устоит Кемет. Именно этого, по-моему, добиваются Эйе и Хоремхем, священное имя Атона служит им только щитом, до поры до времени они будут укрываться в лучах царственного Солнца. Но если поднимется старая знать, поднимутся старые боги! Примирить старое и новое — для этого воистину нужно быть богом! А Тутанхатон так молод...

— Он молод, но обладает умом опытного мужа. Порой мне кажется, царица, что с ним говорит Тот и поверяет ему тайны своей мудрости...

Он спокойно произнес имя Тота, словно это не могло уже меня оскорбить. Дожить до того дня, когда и Тутанхатон открыто произнесет его? Пусть! Только бы не слышать имени проклятого Амона!

— Ты думаешь, что он способен на это?

Джхутимес не торопился с ответом. Молча ждала я, напряженно всматриваясь в его лицо, пытаясь прочесть в нем тайные знаки, благоприятные для меня или для фараона. В быстро наплывающем сумраке ночи благодатного времени перет расплывались очертания предметов, гасли краски. И лицо Джхутимеса уплывало от меня, становясь совсем неопределенным, лицом, не обладающим Ка.

— Многие уже боятся того, что Тутанхатон будет на это способен... — Медленно заговорил Джхутимес, медленно, четко выговаривая слова. — И больше всех боятся Эйе и Хоремхеб. Если бы они видели возможность управлять волей фараона, они не действовали бы так хитро, они сразу принялись бы убеждать Тутанхатона возвратиться к старым богам. Но он сделает это, если сочтет нужным, и ему будет под силу то, что не удалось даже вечноживущему Эхнатону...

— Что же, Джхутимес?

— Примирение, царица.

Слышать это было больно, и странно слышать от Джхутимеса, казавшегося неспособным рассуждать так серьезно и глубоко о делах Кемет. Но в нем текла кровь фараонов, и сейчас говорила она, выстоявшаяся, как густое вино, в жилах благородного военачальника, сердце которого было чистым и преданным. Даже Кийа, эта презренная Кийа, не могла бы заставить его изменить фараону, своему кровному родственнику, взошедшему на престол Кемет благодаря хитрой и умной поспешности Эйе. А ведь Кийа могла сделать его опасным, очень опасным... Мне не могло быть покоя, пока была жива она. Она, чье имя в царском картуше¹²⁰ было проставлено на каменных плитах поверх моего собственного! Она, носившая корону царей, она, приносившая вместе с Эхнатоном жертвы его великому отцу, она, обладавшая

сенью Ра в самом центре Ахетатона, обжигавшая плоть фараона своей красотой, вершившая свои тайные дела на ложе любви. Мог ли быть моим искренним другом царевич Джхутимес, любивший ее? И как могла бы она вернуться в Ахетатон, если бы не пользовалась чьим-то могущественным покровительством и поддержкой? Но Джхутимес не был таким влиятельным лицом, а Хоремхеб ее ненавидел. Кто же тогда?

— Скажи мне, Джхутимес, — я заговорила ровно, очень спокойно, как бы не придавая особенного значения своим словам, — ты не женишься именно потому, что любишь эту женщину?

Он вздрогнул и посмотрел на меня в упор, так, что мне стоило больших усилий не опустить глаза под его взглядом. Он мог бы не отвечать и хорошо знал, что имеет на это право, но гордость побудила его быть откровенным.

— Это так, царица.

— Так отчего же ты не введешь ее госпожой в свой дом? Уезжайте в дальние степаты, никому уже не нужно искать гибели этой женщины...

— Никому?

Я ответила твердо:

— Никому.

— И я могу верить твоему слову?

— Ты оскорбляешь меня, Джхутимес.

— Даже великая Нефр-эт — всего лишь женщина, твое величество.

Много сил потребовалось мне, чтобы вынести этот удар, но я сжала рукой свое сердце и запретила ему говорить. Кому-то в столице понадобилась Кийа, и Джхутимес мог быть игрушкой в чьих-то опытных и искусных руках.

— Я могла бы оставаться ею, Джхутимес, если бы рука вечноживущего Эхнатона еще лежала на моем плече. Но может ли существовать любовь, если сердце умерло? Скорбь моя непреходяща, Хапи не поворачивает свои воды вспять. Я сказала тебе: женись на ней, увези ее далеко из Ахетатона, по-

дальше от царского дома, где она была всем ненавистна. Если даже великий Эхнатон поддастся любви, кто обвинит в неверности царскому дому царевича Джхутимеса?

Он вздрогнул, как от удара плетью.

— Откуда тебе известно, что она в Ахетатоне?

— Оставлю это своей тайной, Джхутимес.

— Значит... — Он в волнении прошелся по покою, еще раз, и еще, потом остановился передо мной. — Ты обещаешь мне свое покровительство, царица?

— Назовем это так.

— Ты великая, благородная женщина! — Голос Джхутимеса звучал растроганно, и мне почудилось, будто на его глазах блеснули слезы. — Никто, даже сам Эйе, не мог бы оказать нам большей поддержки...

— Эйе? Почему ты говоришь — Эйе? Разве он причастен к тому, что Кийа вернулась в Ахетатон?

Молчание повисло в тревожном пространстве сумрачного покоя, молчание, разившее подобно острому мечу. Вот и Джхутимес, влюбленный безумец Джхутимес, невольно выдал свою тайну. Он был слишком умен и благороден, чтобы продолжать темную и запутанную игру с царицей Нефр-эт, и он наконец заговорил откровенно.

— Царица, Кийа была в Опете, когда скончался его величество Хефер-нефру-атон. Эйе знал, что она там, он приказал ей явиться к нему. Потом он повелел ей тайно вернуться в Ахетатон и обещал испросить для нее прощения у фараона. Она обещала мне, что выйдет за меня замуж, когда его величество простит ее и разрешит жить, не скрываясь, в одном из дальних степатов. Она предана памяти вечноживущего Эхнатона, она оплакивает свою вину и беды, которые невольно причинила Кемет, она полна раскаяния, полна чувства благородной вины. Будь же милостива к ней, царица, прости невольно причинившую тебе зло, одари и меня счастьем, которое столько лет было моим самым сладостным мечтанием!

— Ты требуешь от меня слишком многого, Джхутимес. А я всего лишь женщина...

— Великая женщина! — Он приник к моим ногам, целовал пол у ног моих, словно был рабом, облагодетельствованным мною. — Ты, ты одна — в вечности супруга вечноживущего Эхнатона, божественная, сияющая Нефр-эт! Если бы только знал Эйе, он не мог бы кичиться своим благородством. Столько времени прошло, а он не сказал ни единого слова фараону, хотя много раз мог бы сделать это. Он хотел заслужить благодарность, тем большую, чем больше пройдет времени, но даже он не предвидел благородства царицы Нефр-эт. Мне всегда казалось, что Эйе...

ОТЕЦ БОГА ЭЙЕ

При утреннем одевании фараона не было заметно жреца Мернепта, его величество был обеспокоен отсутствием учителя. Ему почтительно доложили, что старый жрец нездоров и просит простить его, и Тутанхатон подробно расспрашивал о болезни учителя и о способах ее лечения. Фараон уже просмотрел донесения гонцов, особенно внимательно те, что прибыли из Ханаана, от Хоремхеба. Обещанная Великим Домом щедрая награда раззадорила воинов, заставила их плотнее сомкнуть щиты и решительнее натягивать тетивы луков; Хоремхеб вовремя покинул столицу, ибо навлек на себя недовольство фараона и, что было для него еще хуже, — мое. Развязанная им история с военачальниками была опрометчивым и глупым шагом, открытая война с новой знатью, да еще именем Атона — что могло быть глупее? Хоремхеб был плотью от плоти мелкой местной знати, нос которой всегда глядел в небеса. От истинных носителей золотой крови Кемет эти люди отличались неумеренным тщеславием и нетерпимостью. Хоремхеб сделал первый ход, но через Тэйе мне удалось предупредить фараона, и неумеренный пыл ретивого полководца был остановлен осязательным щелчком по носу. Новая знать, конечно, должна была исчезнуть, но время еще не пришло, и глупые выходки мнимого союзника могли погубить все дело. До поры до времени, решил я, пусть Хоремхеб существует и

мнит себя парящим столь высоко, что стрела охотника ему не опасна. Но огненные лучи солнца могут опалить перья слишком высоко взлетевшей птицы, и ожоги эти часто бывают смертельны. Он действовал неумело и грубо, этот Хоремхеб, который давно, с нашей первой встречи в его доме, был в моих руках. Была в моих руках и Кийа, которая могла понадобиться и в борьбе против новой знати, и в борьбе против самого Хоремхеба. Мои расчеты не могли быть ошибочными, ибо прожитые при царском дворе годы одарили меня опытом, которого Хоремхеб не мог приобрести у себя в пустыне. Стать защитником сирот Эхнатона до поры до времени было выгоднее, чем открыто восставать против них. Я говорил себе одно: мое время еще не пришло...

Тутанхатон слушал донесения правителей областей, пока придворные мастера полировали его ногти и подводили глаза. Донесения были пустые и повторяли друг друга: состояние дамб и каналов, урожай пшеницы и ячменя, поголовье скота, состояние садов и виноградников, строительство зданий, рабы... Фараон слушал внимательно. Услышав о том, как правитель восьмой области земли Нехебт жалуется на нерадивость рабов-огородников, по вине которых погиб урожай бобов, он обратился ко мне с неожиданным вопросом:

— Правда ли, что рабы в царстве Митанни могут жениться на свободных и даже усыновлять свободных, чтобы передать им свое имущество?

— Это так, твое величество.

— В книгах Дома Жизни есть сведения об этом?

— В книгах Дома Жизни есть все, твое величество. Прикажешь доставить тебе необходимые сведения?

— Приказываю.

— Будет исполнено, твое величество.

Хранитель царских украшений осторожно застегнул на шее фараона ожерелье из золотых и лазуритовых бус с застежкой в виде крыльев сокола, очень красивое и искусной работы. Потом поднес другое, тоже золотое, с подвесками из яшмы и карнеола. Сегодня наряду фараона надлежало быть особенно

роскошным — ожидался прием митаннийских послов. Хорем-хемб едва не испортил отношений с митаннийцами, столкнувшись с ними на границах Ханаана. Тутанхатон тщательно изучал договоры с Митанни и письма митаннийских царей. По его желанию я подробно изложил ему все, что знал об отношениях с Митанни, начиная со времен Джхутимеса¹²¹, установившего памятную плиту на митаннийской границе. Способность этого мальчика-фараона слушать с небывалым вниманием и извлекать из услышанного то, что соответствовало его мыслям и подтверждало их, нередко удивляла даже меня, многоопытного Эйе. Он и сейчас обратился ко мне с вопросом, желая получить подтверждение какой-то собственной мысли или догадки. Третий год своего царствования Тутанхатон желал отметить не только победой над кочевниками-хананеями, но и выгодным союзным договором с державами, во время правления Эхнатона разуверившимися в могуществе Кемет.

Хранитель царских сандалий надел на ноги фараона легкие сандалии из позолоченной кожи, и фараон встал. Распростершись ниц, придворные приветствовали его, и вместе со всеми приветствовал его и я, первый из друзей царя, носитель опахала по его правую руку, распорядитель всех коней владыки, отец бога Эйе. На моем веку он был уже четвертым фараоном, и спина моя гнулась легко, привычным движением. Хранитель царского пояса с испуганным и подобострастным видом протянул руки к золотой пряжке с царским картушем, пряжка чуть сбилась набок. При Эхнатоне и даже Аменхотепе III за такие мелочи можно было лишиться должности...

Моление фараона в дворцовом храме Атона длилось долго и закончилось принесением ежеутренней жертвы, потом фараон проследовал в зал для трапез. Здесь его уже ждала маленькая, изящная царица Анхесенпаатон, у которой глаза вспыхнули радостью при виде фараона. Меня она одарила иным взглядом — ревнивым, настороженным. Как еще могла смотреть на меня юная жена, уверенная, что именно я отнимаю у нее мужа, что только ради меня он жертвует часами отдыха и свиданий с нею? Здесь была и царица Меритатон, не

было только Нефр-эт. Гордая вдова Эхнатона тихо угасала в своих покоях, еще сумеречно мерцая, как подводная звезда, но уже далекая, уже уходящая в пучину вод...

Фараон и царица сидели на возвышении за своим маленьким столиком, чем-то неуловимо отличные от всех. Тем, что были так юны? Царица-вдова Меритатон тоже была молода. Было что-то особенное в том, как эти юные супруги смотрели друг на друга, как искали случая, чтобы руке сойтись с рукой на столе или под столом. Были времена, когда в этом же зале Эхнатон и Нефр-эт так же искали руки друг друга. Потом — Сменхкара и Меритатон. Когда-то в своем роскошном дворце в Опете Аменхотеп III так же искал руки жаркой красавицы Тэйе. И вот одни из них — только бледные тени, другие немногим отличаются от теней. И я смотрю на это невозмутимым, спокойным взглядом опытного человека — человека, который ждет своего часа...

— Кто прибыл сегодня, господин? — спросила маленькая царица.

— Послы Митанни, моя госпожа.

— Это их колесницы я видела у дворца? Они большие и роскошные. И еще я видела, как рабы вели под уздцы прекрасных коней, ослепительных, как самая лучшая слоновая кость...

— Этих коней Душратта прислал нам в подарок, моя дорогая госпожа. В Митанни прекрасные кони, еще лучше, чем у хатти. В силе они не уступают коням ретенну¹²², а красотой превосходят их. Два самых лучших будут впряжены в твою колесницу.

Разговор фараона и его жены был хорошо слышен мне, сидящему за соседним столиком. В последнее время одна мысль занимала меня — всегда ли так безмятежны и незначительны разговоры юных супругов? Кому-то Тутанхатон поверял свои мысли, кому-то раскрывал тайны своего сердца. Раньше я думал, что поверенной его тайн была царица Нефр-эт. Но Нефр-эт никогда не одобрила бы той мысли, о которой только вчера Тутанхатон упомянул вскользь: даровать прощение всем

осужденным во время владычества Эхнатона, всем, кто не поднимал меча против Великого Дома. Эта мысль и мне показалась опасной и уж, во всяком случае, несвоевременной. Как этот мальчик представляет себе дарование свободы сосланным в каменоломни Хенну и на Синайские рудники, как представляет себе возвращение их имуществ? Немало среди них тех, кто не желает признавать власти фараона, любого, не только Эхнатона, тех, кто полагает себя слишком хорошо разбирающимся в делах своего степата. Эти люди опасны, будь они всецело преданы Амону, Хатхор или Пта или со спокойным сердцем приносят жертвы Атону. Нужно удерживать фараона от этого губительного шага... Нужно, ибо преданность Эйе царскому дому безгранична. Нужно, ибо еще не пришло его время...

Царица пожелала присутствовать на церемонии приема митаннийских послов, фараон был доволен. Он сидел на золотом троне великих фараонов Кемет очень прямо, спокойно и уверенно. Тутанхатон походил на статую, нарядную и привлекательную. Только глаза у этой статуи были живые, умные, способные многое охватить своим взором. Фараону полагалось быть неподвижным, производить впечатление на иноземцев своей царственной неподвижностью и невозмутимостью. Тутанхатон быстро выучился этой неподвижности, она как будто не стоила ему никакого труда. Царственная кровь!

Послов было пятеро, они распростерлись перед троном владыки Кемет все разом, словно сметенные порывом могучего ветра. Пестрые одежды, серьги в ушах и курчавые бороды выглядели странно в строгом Зале Приемов, и маленькая царица смотрела на жителей Сати с удивлением, хотя она уже видела их во времена своего отца — его величество Эхнатон, как известно, даже в Зале Приемов позволял дочерям стоять у его трона — они всякий раз удивляли ее своим видом и поведением, столь отличными от тех, к каким привыкли жители Кемет.

Митаннийские послы явно были удивлены юностью фараона, но, конечно, и мысли не допускали о том, что можно го-

ворить с ним менее почтительно из-за отсутствия глубоких следов прожитых лет на его красивом лице.

Я видел их насквозь, этих истинных сынов Сати... Они справились о здоровье митаннийской царевны Тадухепы, бывшей одной из жен великого Эхнатона, и получили ответ, что царевна здорова, получает пищу из рук фараона и желает своему отцу Душратте многих лет царствования и процветания. Послы представили дары — превосходные изделия из серебра и бронзы, прекрасный кинжал из редкого металла, называемого железом, упомянули о колесницах и упряжках коней, также посланных в дар владыке Кемет. В качестве ответных даров были представлены великолепная мебель, сделанная искусными мастерами из ценного дерева аш¹²³ и украшенная золотом и слоновой костью, и драгоценные ларцы с тончайшей золотой инкрустацией, которые вызвали изумленные возгласы послов. Но это было лишь преддверием настоящего разговора, и нельзя сказать, чтобы сердца бились спокойно в ожидании его. Царство Митанни вело хитрую, а порой и жестокую игру, пытаясь вернуть себе утраченные во время владычества Джхутимеса III земли, захватить Гебал¹²⁴, продвинуться глубже в ханаанские земли. Кемет ответила союзом с царством Ретенну. Это-то и возмутило митаннийского царя Душратту, считавшего жителей Ретенну своими подданными. Эхнатон поступил опрометчиво, едва не разорвав связь с Митанни, которую спас только его поспешный брак с царевной Тадухепой, но теперь митаннийцы, видимо, не хотели довольствоваться полумиром и стремились добиться ясности. А предлог у них был — наглые выходки хатти, стремившихся отыграться за прежние поражения в борьбе с Митанни. Хатти угрожали и Кемет, и этого было вполне достаточно для союза двух мощных держав. В долгой беседе я стремился доказать фараону, что союз с Ретенну в борьбе против хатти был бы более выгоден. Но Тутанхатон решил иначе, проявив необычайную твердость. Тронули ли его слезы царевны Тадухепы, бросившейся ему в ноги при известии о прибытии митаннийских послов? Или так сильно было его предубеждение против хатти, что он

не желал отказывать в помощи тем, кто был их врагом? Мальчик-фараон внушал мне опасения своей решительностью. Он был молод, и этим было сказано все, но моей мудрости не хотелось вступать в борьбу с молодой силой, ибо преданность Эйе царскому дому была безгранична, ибо он любил фараона и желал ему добра...

Наконец послы в цветистых и запутанных выражениях изложили цель своего приезда. Его величество Душратта желает узнать намерения своего брата Небхепрура Тутанхатона по поводу союза с Ретенну, которую никак нельзя считать государством, ибо она находится под скипетром митаннийского владыки. Его величество Душратту интересовало также и то, чем он заслужил такое недоверие со стороны Великого Дома. И наконец, он предлагал в жены его величеству Тутанхатону свою внучку, славившуюся не только красотой, но и изумительным искусством танца. Все достоинства юной митаннийской царевны были расписаны послами со свойственной жителям Сати пышностью и бесстыдством, словно речь шла о породистой лошади, которую ее хозяин стремится продать подороже. Я бросил взгляд на маленькую царицу — она сидела, потупив взор.

— Отвечаю моему брату Душратте, — отчетливо сказал Тутанхатон, — что царство Митанни внушило недоверие к себе союзом с правителями в Ханаане, которые искали ослабления Кемет. Отвечаю моему брату Душратте, что в намерения Великого Дома не входит война ни с Митанни, ни с Ретенну. Отвечаю моему брату Душратте, что в знак дружеского расположения принимаю его предложение и открываю двери моего женского дома для митаннийской царевны.

Ответ был таким отчетливым и недвусмысленным, что послы, привыкшие к уверткам и длинным ничего не значащим фразам, растерялись. Тутанхатон действовал смело, слишком смело... Он явно стремился показать царю Митанни свою силу и твердость Великого Дома Кемет в отношении сопредельных государств. Это было опасно, хотя и верно...

— Его величество Душратта, — начал один из митаннийских послов, когда немного оправился от изумления, — не мо-

жет довольствоваться обещаниями Великого Дома государства Кемет, не скрепленными договором. Его величество Душратта огорчен тем, что его брат Небхепрура Тутанхатон дарит своим милостивым взором окраины великого царства Митанни.

— Под окраинами великого царства Митанни мой брат Душратта подразумевает Ретенну? Отвечаю моему брату Душратте: когда дворец владыки Митанни оцетинился копьями, хижины встали между ним и Великим Домом.

— Его величество Душратта огорчен опрометчивыми действиями его предшественников и военачальников, неверно истолковавших его повеления.

— Отвечаю моему брату Душратте: пусть прикажет своим военачальникам уйти из ханаанских земель и не приближаться к границам Ретенну в знак доказательства своих добрых намерений. Пусть предоставит Ретенну самой решать свои дела с царским домом Вавилона. Пусть будет уверен мой брат Душратта, что Великий Дом не откажет ему в помощи, если стрелы хатти перелетят через границы великого царства Митанни.

Этот подарок был разумно преподнесен под конец, и он стоил сделанных Митанни уступок, даже Ретенну. Что ж, подумал я, пусть Митанни увидит силу молодого фараона. Молодость рвется в сражение впереди своих войск, опыт приходит после многих сражений. Нельзя не признать, что ответ фараона был разумным. Разумным в том смысле, что твердость фараона произведет благоприятное впечатление на царя Ашшурубалита, и на высших военачальников Кемет.

— Доволен ли мой брат Душратта? — спросил фараон.

Послы совещались недолго. В изысканных выражениях их устами царь Душратта поблагодарил своего брата Небхепрура Тутанхатона и выразил желание немедленно скрепить достигнутое соглашение договором, высеченным на каменных плитах на языке Кемет и на языке Митанни. Кроме того, царь Душратта спрашивал, когда его внука может отправиться в путь.

— Отвечаю моему брату Душратте, что через месяц тысяча колесниц прибудет в Вашшуканни¹²⁵, чтобы сопровождать царевну во время ее пути в Кемет.

Такая поспешность очень понравилась послам и вызвала мою улыбку. Тысяча колесниц — это не слишком много, но и не мало. Пять колесниц, посланных Эхнатоном сопровождать вавилонскую царевну, возмутили Кемет едва ли не больше, чем мелкие стычки и поражения воинских отрядов Кемет на границах. Достоинство Великого Дома требовало изысканного внимания к прибывающим женам...

Мне было поручено составить текст договора, который фараон должен был скрепить своей царской печатью, послам было предложено отправиться в Северный дворец для свидания с митаннийской царевной Тадухепой, в главном дворце начались приготовления к пиршеству в честь послов царя Душраты. Фараон пожелал взглянуть на митаннийские колесницы и на упряжки коней и остался очень доволен. Направляясь в свои покои, чтобы освободиться от тяжелого церемониального наряда и переодеться для пиршества, Тутанхатон сделал мне знак следовать за ним. Я ожидал длительной беседы по поводу приема послов, но он только сказал:

— Поторопись с составлением договора, Эйе. Я хочу, чтобы он был готов в три дня.

— Излишняя поспешность, твое величество, может показать царю Митанни, как нам важен этот договор, — возразил я.

— Излишняя медлительность в делах — обычай царьков Сати, — ответил фараон. — Сильному нет нужды затягивать дело, он изрекает свою волю и исполняет сказанное им. Многое еще нужно успеть, Эйе...

На лице его отчего-то было выражение страха.

***

Царская охота на страусов также была милостивым даром владыки Кемет митаннийским послам. Фараон был поистине прекрасен в легком позолоченном панцире, золотой урей радужно и победно сверкал в лучах солнца. Маленькая царица смотрела на него с восторгом, глаза ее светились счастьем. Кем была для Тутанхатона она, третья дочь царя-еретика? По-

нять это было трудно. Тринадцатилетняя девочка, красивая и хрупкая, она слишком любила своего юного супруга, этого нельзя было не заметить. Но открывал ли он ей свои тайны, тайные дела государства Кемет? Этому трудно было поверить. И все же...

Тутанхатон милостиво говорил со старшим митаннийским послом на его языке, выговаривая трудные слова довольно правильно и четко. Хвала жрецу Мернепта — фараон мог поразить иноземных послов знанием их языка. Он не избавился еще от привычки учиться, учиться всему, что еще можно постичь в перерывах между государственными делами. Это привело бы в восторг жрецов Опета, если бы они по-прежнему имели доступ ко двору. Пора, пора заговорить с фараоном о том, что давно тревожит мои мысли. Сменхкара не случайно умер в Опете. Первый шаг уже был сделан им, слабым, болезненным юношей. Тутанхатон уже достаточно силен, чтобы сделать следующий...

— После вечерней трапезы я буду ждать тебя, Эйе, в своих покоях, — бросил мне Тутанхатон, легко сходя на землю со своей колесницы и отдавая слуге рукавицы для стрельбы. — Узнай у царевны Тадухепы, довольна ли она приемом своих соотечественников? Мне понравился этот Хатуммеш. И мне кажется, что Душратта не зря доверяет ему дела первостепенной важности. Вечером будет катание на барках? Скажи главному распорядителю церемоний, что огней должно быть много...

Вечерняя трапеза во дворце фараона всегда проходила весело. В теплом розово-оранжевом свете многочисленных светильников мелькали проворные тени слуг, разносящих кушанья, музыканты и певцы услаждали слух царской семьи непритязательной и приятной музыкой, все весело переговаривались за своими столиками. Пришел к трапезе и жрец Мернепта, похудевший, осунувшийся, но избавленный от своего недуга, и был радостно встречен фараоном и обеими царицами, Анхесенпаатон и Меритатон. Митаннийские послы выглядели вполне довольными, лица их были веселы. Гонец, отправленный с добрыми вестями к царю Душратте, уже был в

пути, был составлен и текст договора, на котором так настаивал властитель Митанни, митаннийская царица могла начинать приготовления к путешествию в Кемет. Все были довольны, свет факелов был праздничным и ярким. И все же по лицу Тутанхатона пробегала иногда легкая тень озабоченности, которую я мог приписать только его тайным мыслям.

В покоях фараона, изысканно и роскошно обставленных, чувствовалась прохлада, веющая с реки. Чудесный вид открывался с широкого балкона, взору представала величественная водная гладь, пышность цветущих царских садов... Тутанхатон велел уйти всем, даже слугам с веерами, и сам взял веер из слоновой кости и бело-коричневых перьев страуса. Сидя в своем золотом кресле, с веером в руке, которым он задумчиво обмахивался, фараон выглядел сейчас старше своих лет.

Сидя напротив него, я вглядывался в его лицо, знакомое, изученное до мельчайших черт и в последнее время неуловимо меняющееся, перестающее быть постигнутой и изученной тайной. Он, не готовившийся к тому, чтобы занять престол фараонов, был создан для него. Такие случаи знала Кемет, рассказ о них хранили стены древних храмов и пирамид. И, глядя на него, я не переставал убеждаться в том, что не ошибся, сделав его дорогу к престолу более легкой. Будучи более придворным, чем жрецом, я многое читал на лицах, многое и в сердцах. Преданность Эйе царскому дому сделала его плотью от плоти этого дома, сделала Эйе частицей его. Разве странно было то, что он умел читать мысли членов этого дома? Но сейчас — не мог. Тутанхатон начинал ощущать себя властителем, молодость делала непредсказуемым этот порыв.

— Сегодня меня огорчили донесения правителей южных степатов, — сказал Тутанхатон. — Они жалуются на то, что народ стал непокорен, что народ недоволен отсутствием празднеств. Жертвоприношения великому Атону уже никого не удовлетворяют...

Осторожность побуждала меня к молчанию, молодость побуждала его к прямоте. Мы сидели друг напротив друга, разделенные легким колыханием веера.

— Народ не может жить без своих богов. Я давно думал об этом, теперь я это вижу ясно. Народу нужны боги, похожие на него, боги с глазами, в которые можно заглянуть, боги с руками, которые могут держать сistr или жезл. Зримое солнце слишком ослепительно, на него нельзя смотреть слишком долго. Матери не могут молиться солнцу, они должны видеть сосцы богини, питавшие детей молоком. Я это понял, Эйе, понял, увидев, как один ребенок пытался изобразить солнце в виде человека, только в шлеме из золотых лучей. Разве мудрость не была дана Хору-младенцу? Воин должен видеть в руке богини меч, писец — палочку для письма. Богиня Хатхор — прекрасная женщина, ее тело зовет к наслаждению...

У меня вырвался изумленный возглас, мне трудно было поверить, что слова эти исходят из уст фараона-мальчика. И какого — рожденного во дворце Эхнатона, под благословляющими лучами царственного Солнца! Кто мог внушить ему эти мысли? Кто, кроме великого Амона-Ра, царя богов?

— Я думал, много думал, Эйе. Недавно я увидел у моего учителя Мернепта статуэтку бога Тотá, такую красивую, что я долго не мог отвести от нее глаз. Тот — мудрый бог, все писцы Кемет молятся Тоту, даже если они не произносят его имени вслух. Мне было больно, что мой учитель прячет от меня своего бога. Но в то же время я понял, как должен был страдать Мернепта, вынужденный таиться даже от меня. И разве так только в царском дворце? Я подумал, Эйе: нужно вернуть народу его богов. Мне приснился сон...

Он закусил губу и промолчал. Осторожно, стараясь не вызвать недоверия, я спросил:

— Кто был тот бог, что явился тебе во сне, твое величество?

— Я не знаю. Но это был бог, воистину бог, а не великий фараон Солнце. Он ничего не сказал мне, но я понял его волю. И на другой день во время утренних молений я почувствовал то же самое.

— Сонные видения порой бывают обманчивы, твое величество.

— Но разве может Сетх явиться в обличье Осириса?

— Могла ведь прекрасная Хатхор принять облик львицы Сохмет, твое величество.

Веер с легким стуком коснулся подлокотника кресла, пальцы фараона дрожали — волнение, буря таились в его груди.

— Но ведь и Сетху воздвигают храмы и приносят жертвы, Эйе! Мернепта говорил мне: не будь в мире зла, добро перестало бы существовать. Если существуют день и ночь, свет и тьма, должно существовать и зло. Если бы Осирис не умирал каждый год, его воскресение не было бы такой радостью... Но дело даже не в этом, Эйе. Я чувствую... я чувствую сам, что мне нужен какой-то иной бог. Я не видел другого бога, кроме великого Атона, и я опасаюсь его гнева, но мне казалось всегда, что даже здесь, в Ахетатоне, повсюду витают тени других богов. Кто они, как их имена? Я не знаю... Бог Ра принял обличье царственного Солнца, но он был и Хором-ребенком, и старцем Атумом¹²⁶. У великого бога должно быть много лиц, ибо в разных степенях Кемет люди верят по-разному. И они хотят возвращения старых богов... Эйе, я думал: жалость и сострадание вызывают больше любви, чем преклонение перед славой и могуществом. Те, кто жалеет поверженных богов, проникаются к ним состраданием, а значит, и любовью. А великая любовь рождает великую веру...

С удивлением смотрел я на юного фараона, сидевшего передо мной, смотрел на его тонкие мальчишеские руки, держащие веер, смотрел в его глубокие, сейчас задумчивые и грустные глаза. Нет, он не мог говорить так! Нет, он не мог думать так! И все же его голос раздавался в тишине благоуханных царских покоев, его руки сопровождали его речь легким постукиванием веера по подлокотнику золотого кресла. Он превосходил Эхнатона смелостью, он превосходил его мудростью, которая могла быть дарована только свыше, только божественной рукой вложена в его уста. Да и был ли это он, мальчик, при рождении которого я сам читал молитвы? Поистине, мир перевернулся. Поистине, теперь я не удивился бы, увидев Хапи текущим в небесах.

— Ты родился, когда еще были живы старые боги, Эйе. Ты знаешь их, ты можешь рассказать мне о них?

— Это лучше сделает твой воспитатель Мернепта, твое величество. Я же могу рассказать тебе о служителях богов...

— О жрецах?

— Да, о них, твое величество. Тебе угодно будет меня выслушать?

— Говори!

Теперь я прямо смотрел в лицо Тутанхатона, напряженное и взволнованное, полное ожидания. Был ли это час, которого ждал я столько лет? Мое Ба возвестило мне приближение великого. Уста мои разомкнулись...

— Твое величество, вечноживущего Эхнатона страшили не боги. Именем богов во все времена свершались великие дела и великие преступления. Вечноживущий Эхнатон страшился могущества богов, в противном случае ему не нужно было бы бороться с ними, но еще больше страшился он жрецов, которые издавна обладали мудростью и... богатством. Жрецы всегда умели держать в узде неджесов, они руководили жизнью людей, указывая им счастливые и несчастные дни, изрекая пророчества и толкуя сновидения. На этом со времен владычества богов на земле зиждилось могущество Кемет. Ты сам мог видеть, что произошло, когда древние устои были подорваны...

— Я видел! Потеря большей части ханаанских владений, наглость хатти, хабиру, шасу...

— Это так, твое величество. Жрецы владели тайнами многих наук, они были самыми искусными врачевателями, они передавали из уст в уста таинственные древние заклинания, способные сдвинуть с места великие пирамиды и превратить в жидкое золото воды великого Хапи. Многие фараоны становились верховными жрецами и сами постигали великую мудрость. Дочери верховных жрецов выходили замуж за царских сыновей, сыновья жрецов женились на царских дочерях и нередко сами становились фараонами. В каждом стенате был свой бог, но, помимо него, еще множество других богов...

— Это я знаю, Эйе.

— Богов было много, и много было служителей храмов, оберегавших Кемет от несчастий, от засухи и болезней, от разорительных войн и возмущений рабов. Ты сам мог видеть, что случилось, когда... Народ верил в жрецов, как в носителей божественной мудрости и воли. Были люди, которые прикрывались именами богов и храмов, чтобы творить свои дела, не всегда угодные Великому Дому. Вот против них и восстал вечноживущий Эхнатон, но он ошибочно принял следствие за причину и обрушил свой гнев на богов и храмы. Вот почему, твое величество, Кемет впала в пучину великих бедствий. Боги оскорблены зрелищем разрушенных святилищ, народ оплакивает их, а те, кто раньше не имел куска полотна, чтобы прикрыть свою наготу, наслаждаются сокровищами, по праву принадлежащими богам и их служителям. Все они, возвеличенные вечноживущим Эхнатомом, никогда не почитали богов, никогда не знали божественной мудрости. Кто был Туту? Рядовой жрец, не слишком влиятельный, не слишком мудрый, к тому же не сын Кемет. Вознесенный на сияющие высоты, он именем всемогущего Эхнатона и царственного Солнца творил многие злые дела во всех степатах Кемет.

— Но, Эйе, не все такие, как Туту? Есть среди них и достойные, верные люди, преданные слуги Великого Дома...

— Ты говоришь истину, твое величество. Например, военачальники Мехи, Нахт-Атон, Небутенеф, которых ты спас своей царской милостью от несправедливого гнева полководца Хоремхеба, вполне достойные люди и не запятнали своих рук никаким бесчестием. Но, чтобы восстановить справедливость в стране Кемет, ими придется пожертвовать, твое величество.

— Я не вижу в этом необходимости.

— Восстанавливая в правах тех, кто подвергся сокрушительному гневу вечноживущего Эхнатона, ты неизбежно покажешь, что те, кто заступил на их место, возвысились несправедливо.

Тутанхатон сидел, опустив голову, глубоко задумавшись, и веер, как крыло мертвой птицы, неподвижно лежал у него

на коленях. Мне пришлось действовать решительно и слишком поспешно, но прямота и горячность молодого фараона вынудили меня к этому. Новая знать? Эйе не допустит, чтобы каменоломни Хенну пустовали, когда будут возвращены к своим семьям и имуществам знатные люди Кемет. Нам никогда не ужиться рядом с немху, мы не станем делить с ними хлеб и золото Великого Дома! Нужно простить Тутанхатону эти необдуманные слова, он уже и так сказал достаточно. Нужно не торопиться, выждать... Эйе всегда умел молчать. Эйе всегда был терпелив. Неужели теперь сердце его забьется быстрее из-за того только, что так горячо бьется оно у молодого фараона?

— Твое величество, разреши мне думать, что настал радостный день Кемет, день возвращения ее древних богов. Твоя мудрость велика, твое сердце благословенно. Вот я склоняюсь перед тобой, вот целую прах у ног твоих. Я думал, что глаза мои уже не увидят этого дня...

Он растроганно поблагодарил меня, его глаза влажно блестели в наплывающем сумраке ночи. У берега Хапи давно уже ждали фараона ярко освещенные нарядные барки, но фараон, который отныне должен был принять утраченное имя живого бога Кемет, забыл о них. Если мне удастся убедить его вернуться в Опет, сам Осирис воздаст мне почести в загробном царстве. Это будет нелегко, но когда легко было Эйе, привыкшему не только к противодействию, но и гневу владык?

— Твое величество, решения твои мудры, исполнение их, согласно твоей воле, должно следовать немедленно. И все же не торопись, будь осторожен. Поступи так, как поступил твой предшественник, вечноживущий фараон Хефер-нефру-атон. Возвратись в Опет, верни дворцу великих фараонов былую роскошь, прикажи отворить двери храмов великого Амона-Ра. Не завтра, не через три дня. Будь тверд на твоем пути, не допускай к себе лживых советчиков. Пусть царицы Нефр-эт и Меритатон остаются, если захотят, в городе царственного Солнца. Прикажи богу Ра вновь взирать на страну Кемет во всех обличьях, угодных ему. Прикажи готовить переезд цар-

ского двора в старую столицу, прикажи сердцам, верным тебе, биться радостно. Твое величество Небхепрура Тутанхатон, да будешь ты жив, цел и здоров, прикажи действовать от твоего имени медленно и осторожно, но решительно. В Опете сама близость великого Амона-Ра внушит тебе мысли, которые направят тебя по верному пути...

— Я перееду в Мен-Нофер, — сказал Тутанхатон. И, предупредая мои возражения, остановил меня жестом руки, в которой вновь царственно блеснул веер. — Так я повелеваю, Эйе. Прими это так, как если бы в моих руках был священный скипетр джед¹²⁷, запечатывающий молчанием даже уста вышших сановников.

От изумления я утратил дар речи, и даже если бы воображаемый скипетр джед в руке фараона не запретил мне говорить, я и то не мог бы произнести ни слова. Переехать в Мен-Нофер, город бога Пта, хотя и величественного, хотя и могущественного, но все же не Амона-Ра? При дворе было много людей родом из Мен-Нофера. Когда-то этот город, соперничая с Опетом, поддержал безумные начинания молодого Эхнатона. Хотя в нем оставалось еще немало людей золотой крови, много было в нем и немху, проклятых, казавшихся неистребимыми немху, которые были хуже нечестивых жителей Саги. Тутанхатон шутит или просто испытывает своего чати, он не может думать об этом серьезно! Я не мог разомкнуть уста без разрешения фараона и только улыбался, убеждая самого себя в том, что это всего лишь шутка.

— А теперь оставь меня, Эйе, — сказал Тутанхатон, легко поднимаясь с кресла и беспечным, мальчишеским жестом отбрасывая в сторону веер. — Ты, должно быть, устал за сегодняшний день? А я отправлюсь туда, где давно должен быть, митаннийские послы и моя Анхесенпаатон заждались меня на берегу Хапи. Прикажи явиться хранителям моих одежд и еще скажи, чтобы принесли фруктов в меду, я опять голоден. Ты не собираешься принимать участие в празднестве? Жаль! Но ты нуждаешься в отдыхе, и я не задерживаю тебя.

— Твое величество, позволь мне сказать еще одно слово...

— О переезде в Мен-Нофер? Ни одного слова! Я так решил, и так будет. Опет для меня слишком стар, покрыт песками и пылью... Неужели непонятно? Ты меня удивляешь! Я дождусь хранителей моих одежд? — Он заметил мое огорчение и, положив мне руку на плечо, сказал: — Мне жаль, Эйе, что ты расстроен. Но поверь, я решил это давно, и менять свое решение было бы недостойно фараона. Разве не так? Больше мы не будем говорить об этом. Где сейчас Мернепта, должно быть, в своих покоях?

— Да, твое величество. Ты хочешь, чтобы и он принял участие в празднестве на реке?

Тутанхатон весело рассмеялся.

— А почему бы и нет! Но он был нездоров и нуждается в покое, и потому Хатуммешу и другим митаннийцам придется обойтись без мудрых слов и разумных советов. А завтра я сделаю подарок моему учителю Мернепта...

ЖРЕЦ МЕРНЕПТА

...И его величество, божественный Небхепура Тутанхатон, возлюбленный сын моего Ба и сладостное дыхание северного ветра для уст моих, сделал мне подарок, которого не могли превзойти ни щедрость всей царской сокровищницы, ни мудрость всех любящих сердец. После того, как отбыли ко двору своего царя послы Митанни и его величество снова приступил к ученым занятиям, он пожелал, чтобы я проверил правильность написания им сложных знаков митаннийской письменности, ибо хотел порадовать этим приветствием свою будущую жену, внучку царя Душратты, послав ей это приветствие на ее родном языке. Вспомнив вдруг, что в Зале Приемов его дожидается хранитель сокровищницы Май, он попросил меня заняться его текстом и вышел, оставив меня наедине с куском папируса. Взяв его в руки, я случайно обратил внимание на письменный прибор фараона, оставленный им как будто нарочно так, чтобы броситься мне в глаза. На золотой палетке¹²⁸ четко виднелась надпись: «Тутанхатон, возлюбленный сын бога Тота».

ЦАРЕВИЧ ДЖХУТИМЕС

Она сидела передо мной, вся струящаяся, благоухающая в своих легких одеждах, не скрывающих красоты ее смугло-розового тела. Сидела печальная и манящая, томительная и жаркая, близкая и далекая бесконечно, бездонно, бесстрастно... Кийа, моя Кийа, вошедшая в мое сердце, как золотая барка бога Ра в прозрачное царство Шу, пришедшая издалека, спустившаяся ко мне со своей сияющей высоты — она сидела передо мной и слушала меня, и печаль ее глаз не принадлежала мне. Царский двор готовился покинуть Ахетатон, Эйе велел собираться и ей, не прощенной царским двором, безвестной и позабытой друзьями, но не врагами... Пребывание в Ахетатоне было печальным, она лишь издали смотрела на свой чудесный маленький дворец, разукрашенную игрушку среди зелени и воды, принадлежащую теперь царице Анхесенпаатон. Она горько улыбалась: «Мой дворец, моя сень Ра — великой царской жене?» Она ждала прощения, лелеяла мечту вернуться к подобающей ей жизни, вернуть себе имя, не запятнанное преступлениями перед Кемет. Оба мы ожидали помощи от царицы Нефр-эт, помощи не было. Напротив — сегодня человек, посланный Эйе, передал, что Кийа должна опасаться более, чем когда-либо, что его величество повелел изгонять ее отовсюду, где бы она ни была. И странно было, что Эйе приказал ей тайно перебираться в Мен-Нофер, быть так близко к царскому двору, откуда исходила опасность. Но она была спокойна, она как будто ожидала этого. И это удивляло меня, любящего ее, верившего, что знает ее...

Я подал ей чашу с вином, и она выпила до дна, одним глотком, как пьют мужчины, стремящиеся получить наслаждение не от вкуса вина, а от быстро наступающего хмеля. Удивленный, смотрел я на нее, а она протянула мне пустую чашу — «еще!» Я покорился, она снова выпила вино. Желала ли она сначала насладиться вином, чтобы потом получить еще большее наслаждение от страсти? Я коснулся ее колен, она оттолкнула мою руку. Воин, царевич, в чьих жилах текла божествен-

ная кровь, я робел перед этой женщиной, страстной и жаркой, как пустыня.

— Что с тобой, моя Кийа?

— Оставь, Джхутимес. Не время!

Никогда бы у нее не было времени для любви, если бы я не был слишком покорным ее желаниям, чтобы время от времени она ощущала свою вину передо мною. Порой она бывала тиха, ласкова, упоительно нежна. Такой, вероятно, она всегда была с Эхнатоном. Но я был всего лишь военачальником Джхутимесом, хотя и приходился сводным братом умершему владыке. Кем был он, какую власть имел над покинутым им миром, если всегда между собой и Кийей я видел его тень? Он не любил меня, а под конец царствования не любил и ее. Кийа, моя Кийа, почему она не могла принадлежать мне? Неужели только прощение, которого она не могла дожидаться от царского дома, могло побудить ее стать моей женой?

— Ты говорил кому-нибудь обо мне, Джхутимес?

— Зачем ты спрашиваешь? Разве я хочу потерять тебя?

— Ты лжешь мне. Ложь тебя не спасет! Зачем ты рассказал обо мне царице Нефр-эт? Разве не знаешь, что она мой злейший враг?

— Нет, Кийа! Поверь, что это не так! Разве царица Нефр-эт причиняла тебе зло, когда могла причинить? Я рассказал ей, потому что она захотела помочь нам...

— Помочь? Глупец! А хочешь узнать, откуда мне это известно? От Тэйе, кормилицы царицы, которая все рассказала своему мужу, а уж он — мне. Ты или безумец, Джхутимес, или враг мне! Неужели ты не понял, что царица Нефр-эт никогда не допустит, чтобы царевич Джхутимес, сын Аменхотепа III, женился на Кийе и тем самым ввел ее в царскую семью? Неужели ты не понял, что она настроила против меня фараона, который и раньше-то меня не слишком любил? Если бы ты хотел погубить меня, ты не мог бы придумать более верного способа!

— Ты во всех видишь врагов, Кийа! Царица Нефр-эт не такая. Она благородна и умна, нравится это тебе или нет, и она

не захотела бы причинить мне зла. Нет, ты ошибаешься в ней! Быть может, ее волнует то, что Эйе оказывает тебе покровительство...

— А откуда она узнала это? Неужели от самого Эйе? Ты проговорился, Джхутимес, Тэйе слышала весь ваш разговор. Зачем ты назвал имя Эйе?

— А зачем ты понадобилась Эйе?

Крик вырвался у меня из груди, горестный крик. А она смотрела прямо на меня своими огромными холодными глазами, смотрела, и на губах ее играла легкая усмешка.

— Ты слишком глуп. Неужели я скажу тебе это? Я не царевич Джхутимес, божественный сын фараона, мои уста сомкнуты, когда знают тайну. А ты — жалкий раб, всего только жалкий раб, случайно родившийся под царской кровлей! Вот ты смотришь на меня и слушаешь меня, и глаза твои загораются гневом, но ты не ударишь меня, как бы тебе этого ни хотелось. И ты захотел сравниться с великим Эхнатоном? О богиня Хатхор! Знаешь ли ты, что Кийа все еще сильна, что она, если захочет, может пошатнуть царский трон, и мальчишка Тутанхатон потеряет свой царский венец?

Она зашла слишком далеко! Кровь закипела во мне и сжала мое горло, и бешеный стук сердца обратился в сокрушительный грохот бури. Я бросился к ней и рывком поднял ее с ложа, заставил встать.

— Я убью тебя, Кийа! Ты осмелилась произнести слова, которых сын фараона не может простить никому, даже богине! Ты что-то задумала? Ты участвуешь в заговоре, составленном Эйе? Я заставлю тебя говорить!

Страх промелькнул в ее глазах, безумный, животный страх, и она попыталась вырваться, но я крепко сжал ее плечи, причинив ей боль.

— Кийа, я прощал тебе многое, но этого простить не могу! Скажешь ты мне, что вы задумали против фараона? Скажешь?!

Она закричала, она попыталась вырваться из моих рук, ее легкая одежда рвалась под моими пальцами. Ярость, какой я

еще не испытывал, ярость великих фараонов, привыкших повелевать миром, бушевала во мне и делала беспощадными мои руки, которые так нежно ласкали ее тело... Она кричала от ужаса, глядя в мои глаза, должно быть, они действительно были страшны. Я призывал на помощь Сетха, я призывал на помощь Сохмет. Я не мог допустить, чтобы женщина, ставшая моей наложницей, замыслила злое против моего кровного родственника, против моего воспитанника, против того, кого боги возвели на престол Кемет в эти смутные и страшные дни. И во мне уже не было ничего, кроме ярости, я сам был этой яростью.

— Говори, Кийа! Говори, если хочешь жить! Я терпел довольно, я все сносил от тебя, но твои стрелы залетели слишком далеко! Будешь ты говорить или нет?

Полунагая, прекрасная, она все еще упорствовала, она только кричала диким, отчаянным голосом раненой птицы, но слова не слетали с ее уст. В бешенстве я ударил ее, она упала у моих ног, я снова поднял ее и сжал ее плечи, на которых были уже красные следы от моих пальцев. Кийа, моя жестокая, страшная и прекрасная Кийа! Любил ли я ее в тот миг или ненавидел, но я знал, что ни одна женщина не может, подобно ей, превратить меня в чудовище или в бога.

— Эйе оказал тебе покровительство, Эйе держал тебя при дворе Хефер-нефру-атона, Эйе теперь приказывает тебе быть поближе к царскому двору? Кто ты, Кийа? Как твое имя? Как могла ты родиться у земной женщины, ты, созданная на погибель Кемет? Говори все, говори, или я убью тебя!

Клянусь Осирисом, в тот миг я мог исполнить свою угрозу, я ударил бы ее кинжалом, если бы кинжал оказался под рукой. Почувствовав это, она бессильно поникла в моих руках, колени ее подгибались, и если бы я отпустил ее, она свалилась бы на пол. Но я крепко держал ее, и ее лицо было совсем близко от моего лица. Могла ли она ожидать, что тот, кто снес от нее множество оскорблений и должен был и дальше покорно сносить все, осмелится поднять на нее руку? Но ведь Эхнатон поднял руку на богов Кемет, отчего же и мне не поднять руку на богиню Эхнатона?

— Говори, Кийа! Я не пощажу ни тебя, ни себя, я убью тебя и после свершу казнь над собой, но ты не подойдешь к трону и не замахнешься на Тутанхатона, пока тело мое не превратилось в сах, пока нож парасхита¹²⁹ не извлек сердце из моей груди! Говори, Кийа, что вы задумали, чем вы грозите мальчику-фараону? Клянусь священным именем Ра, я докажу тебе, что не зря зовусь сыном Аменхотепа III! Говори, или...

— Я скажу тебе все, Джхутимес, — сказала она слабым голосом, прерываемым слезами, — скажу все, только не бей меня? Эйе приказал...

ОТЕЦ БОГА ЭЙЕ

Сбылось предсказанное великим Амоном-Ра, сбылось предсказанное мудростью и житейским опытом отца бога Эйе — проклятый Ахетатон был покинут, двери его домов были заперты.

Юный фараон проявил неожиданную твердость, пожелав обосноваться в Мен-Нюфере. Вместе с ним перебрались в новую столицу придворные и жрецы, слуги и ремесленники. И гробница еретика осталась покинутой, одинокой среди печальных скал...

Мне не удавалось ощутить в своей руке крепость плети, которой я мог бы погнать мальчика-фараона в том направлении, в каком видел я это в своих бесконечных ночных думах. Обителью старой могущественной знати издавна был Опет. Тутанхатон посетил старую столицу, но не остался в ней — что это значило?

Я понял это скоро.

Фараон не последовал моим советам и советам Хоремхеба, он не пожелал отдалить от себя новую знать. И это разрушало все наши расчеты, мои и правителя Дома Войны. Оставалось одно средство в борьбе с нею, и я должен был использовать его. Сиротам Эхнатона не было места в царском дворце! Сироты Эхнатона должны были исчезнуть с лица земли вместе с тем, кто поднял их из праха!

Ее доставили в закрытых носилках в святилище Пта на окраине Мен-Нофера. Ее провели ко мне. Она склонилась до земли, лицо ее было закрыто покрывалом. В тайном покое, где я принял ее, горел только один светильник, золотые львы на спинке моего кресла отбрасывали жутковатые тени. Я всегда умел обставить беседу, будь то беседа с послами Сати или провинившимся придворным, и сейчас знал, что обстановка мрачного покоя произведет именно то впечатление, какое нужно для полной победы над и без того уже запуганной женщиной. На мне была темная одежда, никаких украшений, только на пальце перстень с кроваво-красным камнем. Пусть видит угрозу, пусть чудится ей кровь на моей руке, пусть кровь эта легким отсветом касается ее лица...

Она и без того трепетала от страха, лицо ее было таким бледным, что сливалось с ее белоснежным покрывалом. Кто бы мог узнать в ней бывшую вершительницу судеб, грозную соправительницу, счастливую соперницу Нефр-эт? Я видел ее на троне, со знаками царской власти в руках, в мужском синем венце соправителя, наглую и самоуверенную. Видел ее снисходительно-мягкой, лживо простодушной в беседе с важнейшими сановниками Кемет — Туту и Маху. Видел ее и нагой, в объятиях Эхнатона, когда однажды ночью он приказал мне явиться в его покои и немедленно — немедленно, сейчас же! — отдать приказ о жестоком наказании придворного Ипи, осмелившегося не пасть ниц перед ее величеством — Кийей. И вот она стояла передо мной и была стеблем тростника в моих руках, меньше, чем стеблем тростника. Я мог бы приказать ей броситься в Хапи или сделаться наложницей самого презренного раба, и она не посмела бы перечить мне.

— Сядь, — приказал я ей, — сядь и слушай меня, Кийа. Ты верно хранила тайну?

Она ответила тихо, одними губами:

— Да.

— За предательство ты заплатишь страшной ценой — не мне напоминать тебе об этом.

— Я знаю...

Страх звучал в ее голосе, такой она еще не была. Бывший фараон, соправитель Кийа не была умна, иначе она продержалась бы рядом с Эхнатоном до конца его царствования. Она не была умна, иначе ей не пришлось бы скрываться и влечить жалкое существование безвестной наложницы царевича Джхутимеса. Она не была умна и теперь, когда ввязалась в мою игру ради каких-то неизвестных благ и сомнительных наград. Таковую женщину не жаль было принести в жертву, ибо она не стоила пальца царицы Нефр-эт.

— Кийа, ты умрешь, если с твоих уст сорвется мое имя, и твое тело будет брошено на съедение гиенам и птицам. Хорошо ли ты помнишь об этом?

Она задрожала и поднесла руки к лицу.

— Зачем ты повторяешь все это, господин? Я знаю, что мне от тебя не уйти...

— Ты приказала собраться в своем доме Сеннеджем, Ини, Джхутинеферу, Камесу и другим?

— Да, господин, они придут.

— Что ты должна сказать им?

— Что им грозит опасность...

— В чем ты должна убедить их?

— В том, что они спасутся, только подняв оружие против...

Она замолчала, не в силах произнести страшные слова, но я сурово спросил ее:

— Против кого, Кийа?

— Разреши мне не произносить этого, господин!

— Ты должна, Кийа. Против кого?

Она заломила руки в немом отчаянии, поднесла их к лицу, взгляд ее огромных черных глаз был устремлен ввысь, к потолку храма. Или выше — к небесам, где среди бессмертных звезд сиял ее возлюбленный?

— Против Великого Дома.

— Почему они поверят тебе?

— Потому что я была вознесена из праха вечноживущим Эхнатоном, потому что я одна из тех, кого называют сирота-

ми, потому что теперь я изгнанница, обреченная влачить жалкое существование...

— Что ты обещаешь им?

— Обещаю им поддержку многих немху во всех южных и северных степатах.

— Что ты заставишь их сделать?

— Скрепить своими печатями начертанную на папирусе клятву.

— Что ты сделаешь с этим папирусом?

— Принесу его тебе, господин.

— Все так, Кийа. И если они заподозрят что-либо, помни — ты не должна останавливаться ни перед чем, чтобы они тебе поверили. Если кого-то придется долго уговаривать, вспомни, что ты женщина, которой дана красота богини Хатхор и что твое ложе благоухает миррой...

Она не опустила глаз — к этому она привыкла.

— Помни, что только так я смогу вымолить для тебя прощение у Великого Дома. Царица Нефр-эт очень настроена против тебя, но она не ищет твоей гибели. Опасайся Джхутимеса, который может узнать твою тайну и, не поняв, в чем дело, выдать тебя или меня. Ласкай его, спи с ним, пусть твои уста всегда будут открыты для него. Выйдя за него замуж, ты войдешь в царскую семью. А если родишь ему сына...

Тяжелым вздох вырвался из ее груди, такой тяжелый, что он едва не погасил пламени светильника. Впервые за все это время я увидел на ее глазах слезы — живые, крупные слезы.

— Детей у меня больше не будет, господин. Так сказали жрецы в Оне, и жрец храма Исиды в Ибе подтвердил это. Джхутимес не знает этого...

— Ты думаешь, если узнает, он откажется от тебя? Ему нужна ты, нужно твое тело, он всегда будет любить тебя больше всех действительных или ожидаемых детей. Лучше не думай об этом, смирись с тем, что послали тебе боги.

— Жрец Певоро сказал мне, что вечноживущий Эхнатон слишком ждал моего сына, что я сама слишком ждала его, что это ожидание сожгло мою утробу и сделало ее сухой и бес-

плодной. У меня нет и дочери, я не слишком ее любила, и боги отняли ее у меня...

— Уж не хочешь ли ты разжалобить меня, Кийа? У меня боги отняли двоих сыновей, они не щадят и тех, кого я люблю как своих детей — отпрысков царского дома... Сделай так, чтобы я не потерял Тутанхатона, Кийа. Знай, у него доброе сердце, он может простить тебя. Но для этого нужно, чтобы вокруг не было чужих людей. Ты поняла меня, Кийа?

— Твои слова запечатлеваются в моем сердце, господин.

— Смотри же, чтобы их образ не выжгло ни время, ни страсть! Если ты окажешь большую услугу царскому дому, возможно, тебя простят, тебе вернут богатство и почести. Именно теперь, когда ты изгнана и я по воле царицы Нефр-эт должен был испросить соответствующего повеления у фараона, твоя услуга будет выглядеть особенно ценной. Помни об этом, если ты хочешь жизни и здесь, и в Аменти...

Она потупилась, лицо ее выражало страдание.

— Мне не вернут мою сень Ра, мне не вернут мой дворец, мне не вернут любовь моего господина, вечноживущего Эхнатона. Я принуждена смотреть на счастье царицы Нефр-эт, на счастье его дочерей... Его любимая дочь Анхесенпаатон — царица! Он был бы счастлив, увидев ее. Говорят, что она очень счастливо живет со своим мужем. И все-таки я бы хотела заглянуть в ее глаза...

— Зачем? Тебе никогда не понять ее, Кийа. Ты никогда не была такой чистой, как она, и никогда никого не любила.

— Я любила, господин! — Голос ее звучал неуверенно, а подняв глаза и увидев усмешку на моих губах, она замолчала и потупилась, сжалась, словно хотела стать совсем крошечной и исчезнуть.

— Ты и Эхнатона не любила, Кийа. Никого! Не лги мне, я знаю. Ты ничем не заслужила любви царевича Джхутимеса, а ты унижаешь и мучаешь его. Кстати, — я небрежно и как бы лениво придвинул светильник, чтобы мне было лучше видно ее лицо, — за что тебя так ненавидит Хоремхеп? Ты и его унизила когда-то?

Она задрожала, ноздри ее затрепетали, и я впервые увидел в ее глазах нечто похожее на гнев.

— Это он оскорбил меня, господин! Он хотел моей любви за плату, как будто я была продажной женщиной...

— А разве нет?

— Я никому не продавала своей любви, господин...

— Ты продала ее Эхнатону и заключила выгодную сделку, тебе достался царский венец. И что же, только за это ты мстила ему, мешала в его делах, нашептывала фараону плохое про него?

— Он думал, что я не имею власти над ним, но я хотела показать ему обратное. И показала...

— Когда-то ты была смела, Кийа. Теперь у тебя в руках случай отомстить ему, хорошо и навсегда. Если хочешь... — Я тянул время, наслаждаясь игрой беспокойства, страха и в то же время почти радостного ожидания на ее лице. — Если хочешь и не боишься мести Хоремхеба, Кийа, можешь сказать немху, что правитель Дома Войны при случае готов поддержать их... за хорошую награду. Ты поняла меня? Но будь очень осторожна, ничего не говори прямо, упомяни имя Хоремхеба только раз и больше не произноси его, хотя бы раскаленными щипцами тянули тебя за язык. Или ты слишком боишься его? Когда-то ты была смела, Кийа... Но я запрещаю тебе думать о царице Анхесенпаатон и питать свое сердце ненавистью к ней. Держись в стороне, чтобы черная тень твоих несчастий не коснулась юной четы. Запомни это! Я запрещаю тебе произносить имя Анхесенпаатон...

ЦАРИЦА АНХЕСЕНПААТОН

Тростниковая лодка легко скользит по зеленоватой глади реки, так легко, словно ее несут сильные руки самого Хапи и не требуется никаких усилий, чтобы управлять ею. Вот она остановилась неподалеку от зарослей тростника, в которых полным-полно уток. Меткая стрела моего возлюбленного поразила в самую грудку красавца селезня, блестящего на солн-

це, как будто его оперение покрыто золотой пылью. Хлопанье встревоженных крыльев, шелест тростника, жалобные птичьи голоса — и опять все смолкает. И лодка снова скользит по воде, несомая сильными руками Хапи, чуть подгоняемая легким веслом.

— Смотри, господин, вот еще один селезень! Смотри, какой он красивый, гордый. Это, должно быть, царь окрестных уток!

— Царю не годится стрелять в царя, своего брата, — смеется Тутанхатон.

— Цари тоже воюют друг с другом, мой любимый...

— Ты права, Анхесенпаатон. Но я подниму на него руку, если только он нападет на нас.

— А вот эту утку, такую крупную, блестящую, ты тоже пощадишь?

— Царицу? Пусть отправляется в мой женский дом! Пусть служит усладой для моих жен!

Только одна жена, внучка митаннийского царя, отведает этой утки. Два ханаанских царька уже отправили в путь своих дочерей, но они пока что не прибыли в Кемет. Митаннийка очень веселая девушка, она развлекает его величество смешными танцами, в которых предстает то обезьяной, то уткой, то гиппопотамом. Но Тутанхатон редко бывает с нею. Дела государства отнимают у него слишком много времени, а то, что остается свободным, он предпочитает проводить со мной. Так было и в детстве, когда только взгляды наши ласкали друг друга.

Золотые царские уреи на наших головах соперничают блеском, ожерелья из рядов разноцветных бус играют радужными искрами. Как радостно, как приятно, когда царствует любовь! Яркие искры вспыхивают в воде, кружатся в танце у борта нашей лодки. И в руках у меня — целый букет белых и голубых лотосов, таких душистых, что от их аромата кружится голова.

— Хочешь, попаду в самую сердцевину вон того лотоса?

Стрела летит, разрезая со свистом свежий благоухающий воздух, и вонзается в самую середину чудесного бело-розово-

го цветка. Джхутимес был хорошим наставником его величества, выучил его стрелять метко, лучше любого лучника в царских войсках. Если он захочет — он пронзит стрелой подброшенную в воздух золотую бусину.

— Ты не слишком устала, моя госпожа? Мы можем еще поохотиться?

— Я хотела бы этого...

Здесь, на глади великой реки, мы вдвоем, только вдвоем. Здесь никто не услышит наших речей, никто не отнимет у меня внимание моего возлюбленного, не отвлечет его донесением или вопросом. Телохранители, те, что остались на берегу, не слышат нас, да, пожалуй, и плохо видят. Над нами сияет царственное Солнце, только оно видит нас, и кажется, что наблюдает за нами внимательным и ласковым взором. Если долго смотреть на солнце, под ресницами начинают расплываться реки переливающегося золота. Как благостно и приятно, когда царствует любовь!

— Пусть лодка плывет по течению, я отдохну у тебя на коленях. Тебе удобно так, моя любимая?

Он ложится головой на мои колени, блаженно растягивается в лодке. Она маленькая, в ней едва можно вытянуться во весь рост. Но лодка эта — маленькое царство, в котором нет подданных, только царь и царица. Только царь и царица... Мои руки нежно касаются лица Тутанхатона, его опущенных век. И я целую его.

— Как приятна мне твоя ласка, Анхесенпаатон! Твой голос — как сладкое вино, слаще меда... Я всегда тебя вижу, даже когда тебя нет рядом. А когда ты со мной, нет меня. Я хотел бы обратиться в воздух, чтобы обнимать тебя сразу всю...

— Ты можешь это сделать, господин...

— Если бы опять стало так, как в детстве, когда не было никаких забот, когда можно было всегда, всегда находиться рядом! Ты бы хотела этого?

— Ты и тогда не принадлежал мне, любимый. Ты всегда учился, был занят...

— Ты тоже училась, Анхесенпаатон.

— Но мои учителя не были так строги, как Мернепта и Джхутимес. Когда же будет время постоянно быть вместе?

— В старости. И в Аменти.

— Разве в старости ты будешь менее обременен государственными делами? Аменхотеп III прожил долгий век на земле, и до последнего вздоха он принимал послов, читал донесения правителей степатов... Нет, нет! Я верю, что нам сужден долгий век, сто десять лет. Мы будем окружены детьми, внуками, а разве все они не требуют забот?

— Значит, мы будем отдыхать в Аменти, дорогая Анхесенпаатон. На полях Иалу, среди цветов...

— Кто знает, как все будет там, в загробном царстве? Страшно... И еще — как тяжело жить без солнца! Представь, любимый, только один час солнце по ночам светит спящим в гробницах, потом уходит надолго, освещать землю...

— Двенадцать ночных часов мы тоже не видим солнца, Анхесенпаатон.

Вот оно горит над нами — ослепительное, яркое, разбрызгивающее радужные искры по поверхности воды. Как страшно отказаться от него, как страшно вызвать его гнев! «Перед лицом твоим рыба играет в реке, пронизал ты лучами пучину морскую...»¹³⁰ Но ведь царственное Солнце — только воплощение вечноживущего Ра! Добрый бог благословит царствование своего возлюбленного сына Тутанхатона...

— Анхесенпаатон, завтра я думаю отправиться в Опет, чтобы открыть двери храмов Амона. Ты желаешь сопровождать меня?

— Я хочу быть с тобою повсюду, любимый.

— Мне радостнее будет совершить это вместе с тобой. И еще... Я много думал обо всем этом, много беседовал с Эйе и Мернепта. То, что они говорят, согласно с моими мыслями, с желаниями моего сердца, но в одном я не согласен и не уступлю: жить в Опете я не буду, я останусь в Мен-Нофере. Здесь очень хорошо и спокойно, здесь повсюду чувствуется дыхание северного ветра, здесь и люди становятся спокойнее, проще.

Что такое города? Оболочка людской жизни. Города бывают злые и добрые, суровые и приветливые. И дело даже не в том, какой бог покровительствует им, дело в людях, которые его населяют... Какие приветливые люди живут в священном Городе Крокодилов! А ведь крокодила никак не назовешь приветливым животным. Мы поедем туда, поклонимся священным животным Себека¹³¹. Говорят, жрецы-служители кормят их не только мясом, но и пирогами с медом.

— Оттого, должно быть, они такие ленивые и медлительные!

— Да, совсем не так проворны, как обитатели Хапи! Помнишь того крокодила, которого мне пришлось крепко ударить веслом?

— Ты был похож на Хора-воителя, сражающегося со злыми духами.

— А вдруг это и был злой дух? Кто еще, кроме злого духа, мог покуситься на жизнь моей царицы Анхесенпаатон?

— Это могла быть ревность злого бога к доброму.

— Ты меня слишком любишь, Анхесенпаатон... А я ведь не всегда такой храбрый, каким кажусь. Иногда мне очень трудно возражать Эйе, настаивать на своем... Вот сейчас он восстает против новой знати, хотя недавно сам защищал военачальников, обиженных Хоремхебом. Это мне трудно понять. Везде есть хорошие и плохие люди, везде, кроме храмов, ибо в их священных стенах не может существовать никакое зло, но отвергать людей, возвышенных вечноживущим Эхнатоном, я не буду. Нужно почитать богов Опета и Она щедрыми жертвами, но нельзя забывать и Атона. Боги не враждуют друг с другом так, как люди, тем более боги-покровители городов. А великий Атон теперь покровитель Ахетатона. Тебе жаль было покидать его?

— Жаль, господин. Там все было красиво... Мен-Нофер величествен, но не так красив.

— А наш дворец? Я приказал перевезти сюда все самые красивые и изысканные вещи... Понравился ли тебе золотой трон с нашими изображениями на спинке?

— Я восхищена им. Мы на нем изображены как живые... Улыбка моего возлюбленного светит ярче солнца, она одна в хмурый день могла бы освещать Кемет. Но так он улыбается одной мне, этой улыбкой владеет только царица Анхесенпаатон... Как благостно и приятно, когда эта улыбка играет на его лице, когда царствует любовь!

— Святилищам Амона я велел пожертвовать щедрые дары, плодородные земли, пастбища. И еще приказал передать им много слуг, певцов, танцовщиц и музыкантов из моих дворцов. Великий Амон-Ра будет доволен... Мне бы хотелось видеть восстановленными все храмы Кемет. Но сколько времени и средств понадобится на это? Много... И все же я не отступлю. Эйе когда-то говорил, что примирить Атона и Амона невозможно, но разве я этого не сделал? Вопреки ему — сделал! Никто в стране Кемет не будет подвергаться гонениям из-за любви к Атону или какому-нибудь иному богу. Пусть рождаются и Амени, и Нефр-нефру-атоны, и даже Сетхем и Сети, пусть много будет людей, много богов. Но Эйе прав, другое гораздо труднее — примирить старую знать с новой. И все же я думаю, что мне удастся сделать и это. Смотри, Анхесенпаатон, ведь я царствую всего четыре года, а сколько уже успел сделать! Эйе не верил в меня, а ведь многие до сих пор думают, что дела Кемет вершит чати. Если бы они знали, сколько раз я вступал в борьбу с этим чати! Ты слушаешь меня, Анхесенпаатон?

Я прикрыла глаза, но вовсе не от того, что мне наскучили речи моего господина. Лодка мерно покачивалась на водной глади, движение ее навевало сон. И солнце так высоко стояло в небе, что лучи его томили. Мне было известно, как часто мой муж вступал в борьбу с Эйе, верным и преданным, но своевольным чати. Они спорили подолгу, Эйе по целым дням бывал рассержен и молчалив, хотя и делал вид, что все в государстве вершится его волей. И мне приятно было, что мой возлюбленный говорит мне все как есть, говорит правдиво и легко. Меритатон учила меня вникать в дела моего мужа, жить его жизнью, его заботами, радостями

и печальями. Не знаю, получалось ли у меня это. Я больше думала о самом Тутанхатоне, чем о его делах. И, признаться, не могла понять, почему так важен был переезд именно в Мен-Нофер. Была покинута столица царственного Солнца, город, воздвигнутый моим отцом посреди пустыни — вот и все, остальное для меня не имело значения. И все же я спросила:

— А почему Эйе недоволен нашим переездом в Мен-Нофер? Только потому, что сам он родом из Опета?

— Не только поэтому. Он сердит на Мен-Нофер из-за того, что в нем слишком много немху. Хотя много и людей золотой крови Кемет, но первое пересиливает второе. В Опете меня бы плотным кольцом окружили люди старой знати, и волей-неволей пришлось бы стать их пленником. Они настаивали бы на старых церемониях, на соблюдении всех древних обычаев, отгоняли бы все новое, даже прекрасное искусство. И я был бы вынужден соглашаться с ними, ибо жители Опета издавна привыкли почитать себя достойными давать советы владыкам. В Мен-Нофере все по-иному, проще, легче. И иноземцев здесь намного больше, и относятся к ним гораздо терпимее, чем в Опете. Это мне очень нравится! Такой великой стране, как Кемет, нужно много товаров, а значит, иноземные купцы должны чувствовать себя в ней хорошо и не наталкиваться постоянно на осуждающие взгляды. Торговлю тоже нужно восстанавливать, многое потеряно, Анхесенпаатон. Мен-Нофер и расположен куда удобнее...

— А что говорит твой учитель Мернепта, мой возлюбленный господин?

— Учитель родом из Хемену. Он счастлив тем, что может открыто приносить жертвы мудрому Тоту. Он одобряет все, что я делаю.

— Он очень тебя любит.

— Очень. И я люблю его как отца.

Хорошо было, что мы прекратили разговор о городах, хорошо было, что, заговорив о Мернепта, мой господин оживился, с лица его постепенно уходило озабоченное выражение. Я

и не думала о том, что для него переезд в Мен-Нофер имеет такое значение.

Лодка мерно скользила по течению, над нами так же медленно плыло яркое голубое небо, все в брызгах солнечного света и белых узорах редких облаков. Тутанхатон закрыл глаза, на кончиках его ресниц заиграли радужные лучики. И я вновь коснулась его лица кончиками пальцев, провела ими по щекам, векам, губам. Словно была я слепым скульптором Хесира, собирающимся высекать из камня изображение владыки.

— Твоя красота так отрадна, господин!

— И твоя тоже, Анхесенпаатон. Я всегда вижу тебя, даже когда глаза мои закрыты.

— И сейчас?

— Смотрю на тебя сквозь солнце, любимая моя. Вот сияет солнце на небосклоне, вот согревает своими живительными лучами все, что цветет и радуется, вот ласкает тела наши, сердца, в которых — любовь, любовь, любовь...

— Что на свете превыше любви? Тело мое становится солнечной плотью, когда ощущает прикосновения рук моего возлюбленного господина, когда он ласкает его.

— Там, в Опете, со многими придется встретиться и поговорить, многих успокоить и ободрить, а иных повергнуть в печаль, ибо фараон Тутанхатон все-таки будет жить в Мен-Нофере. Кто захочет видеть его, преодолеет путь по реке, а кто не способен на такое, пусть дожидается, пока его величество не навестит свою Южную столицу. Построю в Мен-Нофере новые храмы, Анхесенпаатон, украшу их статуями богов из чистого золота, пусть новое золото сверкает в лучах нового солнца. Много золота доставят на днях из Куша, я получил уже хорошие донесения. Когда-то Мен-Нофер стал городом, объединившим земли Нехебт и Буто, теперь пришла пора сделать то же самое. Ты думаешь, наверно, что я даже с тобой не могу забыть о государственных делах? Неправда, могу... Послушай еще чуть-чуть: когда приедем в Опет, я скажу тебе нечто... Это очень важно, Анхесенпаатон, важней нашего переезда в Мен-

Нофер, это укрепит славу нашего царствования. А теперь поплывем к берегу, к нашей беседке в цветах, я больше не могу только смотреть на тебя. Поцелуй меня, любимая... вот так. Я хочу быть с тобой, грудь с грудью, ты нужна мне...

***

Опет был украшен подобно царской барке в день великого плавания Амона, сверкал на солнце всеми красками флагов и цветочных гирлянд, благоухал живыми цветами и драгоценными бальзамами, и волны толпы переливались и шумели, как Хапи в день великого разлива, и доплескивали до ступеней дворца, где уже ожидали царедворцы в пышных одеждах. С балкона, украшенного цветами, хорошо видно было и эту толпу, и высших сановников государства, и поистине казалось, что вся Кемет вышла на улицы, чтобы приветствовать фараона, возлюбленного сына богов... Сердце билось тревожно и радостно, и ликование длилось, и мнилось бесконечным, не было ничего, что могло бы бросить на него тень, как нет ничего, способного омрачить радость солнца... Но прекраснее солнца был мой возлюбленный господин, ликом напоминавший молодого Хора, и улыбка на его лице, когда он смотрел с балкона дворца на разливающуюся перед ним нарядную толпу, была улыбкой доброго бога, радостно вззирающего на свой народ. И когда он появился в окружении блестящей свиты на ступенях дворца, народ простерся ниц перед своим повелителем, радостно благословляя появление фараона. Что могло сравниться с любовью Кемет, этой великой страны, населенной истинными детьми Ра? Мой господин делал все, что могло внушить народу любовь к нему. Только вчера он повелел высечь на камне торжественную посвятельную надпись, в которой повелел изготовить прекрасные золотые статуи Амона и Пта, и толпы людей разного звания со слезами склонились перед плитой, покрытой священными письменами, восхваляя имя фараона, начавшего восстановление святилищ. Как могли не любить его? Сотни людей возвращались из руд-

ников и каменоломен, фараон приказывал возвращать им их имущество, если это было возможно, и наделял их золотом из царской сокровищницы, не скупясь на щедрые пожертвования восстанавливающимся храмам, на подарки тем, кто чувствовал себя несправедливо обиженным. Но ему удавалось и то, что казалось невероятным: он не отвергал услуг немху, предоставляя им право верной службой доказывать свою преданность царскому дому. И никто в стране Кемет больше не подвергался гонениям за любовь к своим богам. Это было удивительно, и все же это было так. Однажды я присутствовала при разговоре моего господина с человеком по имени Яхмес, одним из тех, кто первым подставил свое плечо под бремя ниспровержения старых богов и возведения Атона во славу его. Этот человек был низкорощенным, отец его держал небольшую пекарню на окраине Опета. Черты его лица еще красноречивее, чем язык, могли рассказать о его происхождении, и руки у него были грубые, хотя и носил он золотые кольца и перстни с драгоценными камнями. Большой, грубый, с короткой шеей, с широким лицом, стоял он перед тронном моего господина, казавшегося еще более красивым и хрупким рядом с этим гиппопотамом. Не по себе было Яхмесу, совсем не по себе, ибо было это тотчас же по приезде царского двора в Мен-Нофер, когда никто не знал еще, какой дорогой пойдет дальше юный владыка Кемет. Потому и не было в позе немху благородного почтения, с каким стояли перед царским тронном люди золотой крови Кемет, и потому мне было немного жаль его.

— Яхмес, — сказал фараон, — я буду спрашивать тебя о вещах, касающихся не только тебя, и ты должен помнить, что фараону не говорят неправды. Скажи мне, много в Кемет людей, подобных тебе, возвеличенных из праха вечноживущим Эхнатонном?

— Много... очень много, твое величество.

— Помыслы и желания сердца сходны у них?

— Все мы хотим служить твоему величеству, — осмелев, сказал Яхмес.

— Разве ты можешь поручиться за всех?

— Поручусь!

Его величество улыбнулся, и Яхмес в смущении опустил голову.

— Поручусь, — повторил он.

— Я не намерен обижать немху. Оставайтесь и служите мне так же верно, как служили вы вечноживущему Эхнатону. Ваши дома и ваши имущества будут принадлежать вам, и если вы заслужите это, вы станете людьми наградного золота, как это было при вечноживущем Эхнатоне. Но запомни, Яхмес: не стоит кичиться своим низким происхождением..:

Яхмес все стоял, опустив голову, опустив руки вдоль туловища, и казалось, что ему очень трудно понимать смысл речей его величества. Я подумала, что только такими руками, крепкими и не слишком умными, мог быть построен город среди пустыни.

— Еще скажи мне, Яхмес: чего вы боитесь?

Яхмес почти в испуге взглянул на фараона, рука его нервно поползла по широкой груди, начала судорожно тереть подвески очень дорогого и не слишком красивого ожерелья.

— Как понимать тебя, твое величество?

— А разве я сказал недостаточно ясно? Я спросил тебя: чего боитесь вы, немху?

— Как все люди, твое величество — смерти...

Даже я не могла скрыть улыбки.

— А еще?

— Болезней, тяжких болезней, твое величество...

— Можешь не говорить об ядовитых змеях, скорпионах и животных пустыни! Говори, что есть на свете такое, чего боятся немху и не боятся остальные?

Лицо Яхмеса выразило мучительное напряжение, оно даже побагровело, но ничего вразумительного не сорвалось с его уст.

— Яхмес, я спрашиваю: чего боятся немху?

Яхмес наконец понял, чего от него требуют, и выдохнул с облегчением и почти радостно:

— Разорения, твое величество.

— Это главное?

— Я скажу за себя: да, твое величество. Многие друзья мои думают так же... Они боятся, что у них отберут золото.

— А если я обещаю, что не отберут, я могу рассчитывать на их верность?

— Да, твое величество! Многим хочется продолжать службу у фараона, очень многим...

— Отрадно слышать.

Его величество отпустил Яхмеса, и тот, пятась и вздыхая с явным облегчением, покинул Зал Приемов. У нас хватило сил только на то, чтобы сохранить величественность и неподвижность позы до тех пор, пока не затворились высокие резные двери. Потом мы взглянули друг на друга и рассмеялись, и слуги смотрели на нас изумленно, не понимая причины нашего веселья. Мне казалось, что муж не принял всерьез слова недалекого и испуганного немху, но он вдруг сказал, обрывая смех:

— По одному человеку нельзя судить обо всех, но кое в чем этот Яхмес похож на всех немху. Попробую поговорить еще с другими, может быть, мне удастся добраться до истины. Эти люди уже слишком сильны, слишком... Неужели этого не понимает Эйе?

Я вспомнила обо всем этом, когда увидела в праздничной толпе лицо Яхмеса, довольное и ничуть не казавшееся испуганным или встревоженным. Вот он стоит — немху во всем цвету, немху из немху. И золотые украшения на нем блестят, как огонь, зажженный лучами царственного Солнца.

Процессия двинулась к храму Амона на севере столицы. И я была рядом с моим повелителем, моя рука лежала в его руке. Цветы устилали нам дорогу, окутывали нас благоухающим облаком. Вот мы прибыли к воротам храма, у которых служители бога встретили золотую колесницу фараона. Его величество ударил в ворота святилища своим жезлом двенадцать раз подряд и рассыпал вокруг себя крупинки бесен¹³². Ворота растворились, и фараон в сопровождении жрецов направился к жертвеннику, где освятил огнем священную чашу. К повелите-

лю подступили два жреца, которые освободили его от тяжелого церемониального наряда и оставили только в набедренной повязке, перехваченной золотым поясом, с тремя священными амулетами на груди и знаком царского достоинства на лбу. Потом два других жреца дали ему по алебастровому сосуду в каждую руку, и его величество совершил ритуальный бег вокруг храма, исполняя древний обычай, который завещали владыкам Кемет некогда правившие страной боги. После этого был совершен обряд очищения солью и благовониями, и Эйе, только что возведенный в сан верховного жреца Амона-Ра, прочел очистительные молитвы и повел фараона в глубь храма, в тайное святилище бога. Долгое время его величество оставался там один, и когда он вновь появился во дворе храма, лицо его было бледно и выражало изумление и благоговейный ужас. На него снова надели церемониальный наряд, и жрецы пали ниц перед владыкой Кемет и пожелали ему долгой жизни и процветания. То же самое повторилось на юге столицы, и когда процессия вернулась во дворец, было уже далеко за полдень и фараон выглядел утомленным. Мы направились каждый в свой покой, чтобы переодеться и немного отдохнуть, и через некоторое время его величество прислал за мною. Я вошла к нему, когда он лежал на своем роскошном ложе, украшенном головами священных коров. Он сделал мне знак опуститься на вышитую золотом подушку, лежащую на полу, и я исполнила его желание. Мы остались в покоях одни. Мой муж спросил:

— Как тебе понравилась церемония, моя маленькая царица?

— Она была прекрасна и торжественна, мой великий господин. Все смотрели на тебя и все восхищались тобой. Но были и такие, кто не верил...

Тутанхатон удивленно поднял брови.

— Не верил? Почему?

— Не верил, что настал радостный день, долгожданный день. Я видела, многие закрывали руками глаза, как будто боялись ослепнуть, и лица их выражали благоговейный страх. А

та женщина, которая со слезами подняла своего ребенка и возгласила, что отныне имя его будет Амени, как имя его отца! Я и сама с трудом могла поверить...

Тутанхатон улыбнулся, ему, как и мне, было очень приятно это воспоминание.

— Мы очень виноваты перед великим Амоном-Ра, которого так любила Кемет. Мы будем теперь находиться под его особым покровительством, моя госпожа. И я хочу носить его имя, посвятить себя ему. Великий бог потребует еще много искупительных жертв, и фараону надлежит первому воздавать почести могущественному царю богов. Хотела бы ты последовать моему примеру?

— Я сделаю все, как ты скажешь, господин.

— Это будет желанием твоего сердца?

— Да. Куда пойдешь ты, возлюбленный, туда пойду и я...

Он ласково коснулся рукой моего подбородка, и я приникла к его руке, которую так любила, которую хотела бы ласкать вековечно, вечно... Глаза его излучали нежность, но была в них и твердость его решения, неотвратимость его.

— Пусть я стану воплощением живого образа Амона, пусть ты станешь живущей для Амона, первого нашего сына мы назовем Аменхотепом. Желание твоего сердца согласно с моим, моя царица?

— Да будет так, господин.

Сладко волновала меня мысль о сыне, о божественном чуде, зарождающемся в глубинах женского чрева, освященного благодатным семенем Осириса. Когда господин мой проводил со мной ночи, блаженство переполняло меня, плоть моя цвела, как долина Хапи в месяцы перет, и непревзойденным чудом казалось время, когда чрево мое начнет тяжелеть цветами... Теперь я могла молиться матери Исиде, глаза которой были похожи на глаза моей матери. Когда я почувствую появление плода, я прикажу всем жрецам во всех храмах Кемет молиться о благополучном разрешении от бремени царицы Анхесенпаамон и о благополучном появлении на свет наследника, сына, которому херхебы дадут имя Аменхотеп — угод-

ный Амону. Когда же это будет? Мать говорила мне, грустно качая головой: «Ты еще очень молода...» Меритатон, сестра, была бесплодна.

— Помни, возлюбленная, что отныне твое имя Анхесен-паамон. Запомни и мое новое имя, запечатай его в своем сердце.

— Оно всегда там будет: Тутанхамон...

Рука его нежно коснулась моего плеча, погладила и сжала его, и мой возлюбленный прошептал совсем тихо, так что я больше догадалась по движению его губ: «Сбрось одежду, возлюбленная... иди ко мне...» Он принял меня в свои объятия, осыпал ласками, и сердце и плоть мои преисполнились ликования. Как благостно и приятно, когда царствует любовь! Есть ли на свете что-либо превыше любви? Во дворце все дышало ею, все было ею. Радостно отдавалась я ласкам моего возлюбленного, радостно приносила вековечную жертву Исиды, и Золотая сопровождала таинство нашей любви бряцанием своего таинственного систра. О, как я чувствовала ее присутствие! Все женщины Кемет с удовольствием приносили жертвы Хатхор, и я, первая из женщин Кемет, обещала принести ей богатые и щедрые дары. Как случилось, что сердце мое исчезло из моей груди, чтобы забиться в груди Тутанхамона? Ни на кого не смотрел он так, как на меня, и я не смотрела ни на кого. И в первую ночь любви ощущала я лишь то, что предчувствовала давно, что уже жило во мне с тех пор, как рука его впервые коснулась моей руки. Так было, так было записано в божественных свитках Вечности, и было это непреложно, как смерть и воскресение Осириса, как восход и закат солнца. Могла ли я существовать вдали от Тутанхамона, отдельно от него? Мог ли венчик лотоса существовать отдельно от своего стебля?

В блаженном изнеможении лежали мы рядом, и моя голова покоилась на груди возлюбленного. Как стучало его сердце, как близко было оно и как распахнуто для меня, для любви моей! Вот он, фараон, владыка страны Кемет, благой бог, повелитель Обеих Земель, мой муж, мой возлюбленный, отрада

моего сердца и ликование моего Ба. Вот он, юный красавец с глазами, в которых живет вся звездная глубина Хапи, с устами, подобными сладостным плодам граната, с ресницами такими длинными и густыми, что им позавидует не только любая женщина — богиня! И кожа у него светлая, как алебастр, покрытая легким загаром, цвет ее благороден, цвет ее говорит о высоком происхождении. Золотая кровь течет в его жилах, золотая кровь великих фараонов и богов, владык страны Кемет. Вот он, в любви неистовый и нежный, светлый Хор, божественный юноша, награжденный всеми дарами семи Хатхор. Вот он, поднявший богов из праха, свершивший то, что было невероятно, добрый властитель и благословение страны Кемет, источник прохлады в месяцы шему, теплый солнечный луч в месяцы перет. И любовь его была дарована мне, и я принадлежала ему. Он тихо ласкал мое тело, будто успокаивая набежавшую волну, и я испытывала что-то незнакомое, до сих пор неведомое мне, томительное и тревожное. Приподнявшись на локте, я заглянула в глаза моего мужа, и он ответил мне взглядом, влюбленным и тоже немного незнакомым, что чувствует то же, что и я, что сердца и плоть наши едины и будет так вековечно, вечно. И я прошептала: «Навсегда? До самой смерти?», и он ответил: «Навсегда...»

На другой день всей Кемет было объявлено, что божественный фараон Небхепсура в знак своего поклонения богу Амону принял имя Тутанхамон — живой образ Амона. И вместе с ним изменила свое имя и царица, став царицей Анхесенпаамон. Горько стало только один раз, когда я увидела глаза матери, великой царицы Нефр-эт. Она все еще оставалась в Ахетатоне, и мы навестили ее вскоре после великого праздника Амона в Опете. Она была так бледна и худа, что уже казалась собственным Ка, руки ее бессильно лежали на коленях, как умирающие цветы, благоуханные и печальные в своем увядании. Медленно и скорбно угасала она в своих покоях, где стояло ложе с золотыми головами сфинксов, на котором умер великий Эхнатон, где в нишах стояли его статуи из эбенового дерева и черного камня, где стены украшали изображения сча-

стливой семейной жизни царской четы, где над дверями царственного Солнце протягивало к входящим свои руки-лучи. Окруженная немногими преданными слугами, она проводила свои дни, погрузившись в воспоминания, и взор ее больших печальных глаз, казалось, достигал уже глубины подземного Хапи. Мы приветствовали ее, и она ответила нам ласковым приветствием, задержав свой взгляд на Тутанхамоне. На вопросы о здоровье она лишь покачала головой и устало прикрыла глаза, и мы увидели, как отяжелели ее веки.

Она спросила, как протекает наша жизнь в Мен-Нофере, какие церемонии проходят в царском дворце, кто из придворных теперь занимает важные государственные должности. И удивилась, узнав, что верховным жрецом Амона-Ра стал Эйе.

— Отчего ты не захотел принять сан верховного жреца? — спросила она моего мужа. — Ты молод, но тем больше было бы у тебя времени для постижения божественной мудрости.

— Церемонии и исполнение обрядов отнимали бы слишком много времени, мать. А оно нужно мне для восстановления храмов, для примирения жителей Кемет, для исправления того, что... — Он запнулся, видимо, не желая упоминать имени моего отца. — Дела Кемет требуют постоянного внимания, я всегда прочитываю сам донесения военачальников.

— И каковы дела Кемет на границах?

— Поход в Ханаан был удачен, но Хоремхеб думает, что этим дело не кончится. Наместником областей за третьим порогом Хапи я хочу сделать Кенна. Из-за этого, правда, придется ему ненадолго отложить свою свадьбу, но кто лучше него послужит мне там, на юге? Куш — благодатная страна, довольно спокойная, но и там нужно зоркое око и крепкая рука. Время от времени и там вспыхивают волнения, но мне кажется, что в этом виноваты больше хатти, чем сами жители Куша. Присутствие хатти ощущается везде, и в Ретенну и в Митанни...

— И что ты думаешь делать?

— Пока я ничего не могу сделать. Они не бросили мне прямого вызова, а первым я не начну войны.

— Но этого хочет Хоремхеб?

— Да. Но я не хочу! И этого не будет. Хатти могущественны и сильны, а у Кемет нет сил и средств, чтобы вести с ними победоносную войну. Хатти сильны не только оружием, они сильны золотом и разумом своего царя Супиллулиумы, они умело действуют и в Вавилоне, и в Джахи, и в Митанни. Если бы у Супиллулиумы были дочери, я скрепил бы союз с ним женитьбой на его дочери. Но у него только сыновья, все отважные воины. Может быть, дождемся тех времен, когда у меня будет дочь и я смогу выдать ее замуж за царского сына хатти? — Он лукаво улыбнулся. — С сильным противником лучше заключить союз, если ты не имеешь сил с ним бороться. Хоремхебу еще нужно это понять... Он отважный полководец, но в делах договоров не смыслит ничего. Своему сыну я завещаю поддерживать мир с хатти, пока это будет возможно, ибо они могут погубить Кемет. Только тогда, когда наше войско будет превосходить войско хатти в пять, в десять, в двадцать раз, я позволю стреле войны перелететь через границы их царства.

— Неужели ты думаешь, что воины Кемет уступят хатти?

— Это огорчает многих, Эйе прежде всего, но я предпочитаю смотреть в глаза богине Маат. Только глупец бросится на человека с мечом, имея в руках палку. Знаю, многим это не понравится, особенно военачальникам. Но я вижу яснее их...

Мать опустила глаза, лицо ее было мертвенно. Она все понимала, понимала и то, что Тутанхамон уже не может отступить, что изменить своему решению значит показать слабость и тем самым поколебать свою власть. И я понимала это, ибо рядом с моим мужем становилась мудрой. Он не раз говорил со мной о хатти. И я была согласна с ним, ибо видела истину его слов.

— Военачальники всегда рвутся в бой, ведь война приносит богатую добычу. Что ж, скоро объявлю второй поход в Ханаан. И сам буду в нем участвовать, пора показать, что Джхутимес был хорошим учителем. Этих царьков нужно наказать, они еще не почувствовали крепость моей руки. Нужно при-

смастриваться к ретенну, союз с ними хотя и кажется прочным, доверия они мне не внушают. Эйе спокоен на их счет, а я нет. Но главное — хатти! Небутенеф однажды столкнулся с ними...

— Небутенеф — тот самый, кого ты спас от гнева Хоремхеба?

— Тот самый. Он верно служит мне, и даже Эйе не заставит меня поверить, что военачальники замышляют что-то против меня. Эйе стал слишком подозрителен... Он пыгается убедить меня, что новой знати нельзя доверять, что она слишком предана Атону и мечтает о свержении меня с престола. Не поверю! Они уже доказали мне свою преданность, отказавшись от бесплодной борьбы со знатью степатов, они остались на моей службе, они воистину стали царскими слугами. Ты говорила, что это невозможно? Если я сумею противостоять Эйе, ты сама увидишь, что слова мои не бесплодны.

— Пусть поможет тебе всемогущий Атон, — тихо сказала мать. — Я хочу попросить тебя еще об одной вещи. Обещай, что ты исполнишь мою просьбу...

— Твое слово — закон для меня, мать.

— Когда я умру... — Она заговорила быстро, слишком быстро, как будто боялась, что у нее не хватит сил или выдержки высказать все до конца, — когда я умру, прикажи написать на моем гробе имя Атона, прикажи снабдить меня всеми священными знаками Атона, не проси за меня старых богов. Я хочу остаться верной великому Эхнатону и в смерти...

Мне стало больно от ее слов, хотя я давно готовила себя к мысли о близкой разлуке с матерью, хотя давно видела, что смерть стала бы для нее желанным избавлением от тоскливого одиночества, которого мы не могли утешить. Но сказанное слово резануло, как кинжал, как свет факела по глазам, привыкшим к темноте, и горькая печаль стала заливать сердце. Мой муж не стал разуверять царицу, он знал, что она иного ждет от него. Он только почтительно склонил голову перед ней, сложив руки на груди, и его голос был ровен и тверд.

— Обещаю тебе, мать, что сделаю все, как ты хочешь. Ты можешь верить мне.

Слабая улыбка скользнула по ее губам, и она ласково коснулась своей исхудавшей рукой браслета на руке Тутанхамона, того самого браслета из слоновой кости, который когда-то сама ему подарила и который он носил почти постоянно.

— Я знаю, Тутанхамон.

Она произнесла его новое имя, сделав над собой усилие, произнесла, чтобы доставить ему радость, чтобы сказать, что простила его... Не в силах сдержать слез, я бросилась к матери и разрыдалась, уткнувшись лицом в ее плечо, так разрыдалась, как бывало со мной только в детстве, когда обида или страх заставляли меня искать прибежища у материнской груди. Она погладила меня по голове точно так же, как когда-то гладила маленькую девочку. И сказала своим мягким, негромким голосом, от которого всегда отрадно и спокойно становилось на сердце:

— Не тревожь свое сердце, не плачь, моя маленькая царица, помни, что твои слезы могут повредить тому, кто уже живет в тебе... — И, увидев мое изумленное лицо, улыбнулась: — Не забывай, что я стала матерью шестерых детей и мои глаза зорче, чем глаза твоего мужа и даже глаза твоего собственного Ба. Ты и сама еще не догадалась о том, что с тобой происходит, а я уже увидела в тебе свет, мерцающий, как огонь тростникового факела в сумраке храма... Должно быть, ребенок появится на свет в первом месяце времени шему?

***

Она угасла, царица Нефр-эт, угасла так же, как жила, спокойно и величаво. Все еще прекрасная, поражающая своей красотой, она удалилась в страну Заката, где ожидал ее супруг, божественный Эхнатон. Она ушла к нему с радостью, легко отрешившись от того, что окружало ее на земле, от того, что было ее жизнью в последнее время... Тутанхамон исполнил свое обещание, и моя мать была погребена согласно ритуалу, установленному великим Эхнатоном, ее мумию украсили знаки царственного Солнца, на гробе начертали молитву, обра-

ценную не к владыке мертвых Осирису, а к владыке ее сердца Эхнатону. Во дворце был объявлен траур, многие искренне оплакивали царицу, и мой муж был погружен в печаль, но прошли дни великой скорби, и случилось то, что должно было случиться — Ахетатон был покинут. Он умирал, царственный город, воздвигнутый любовью и великой верой божественного Эхнатона, умирал величественно и гордо, как и подобает творению могучего Ба. Пустели улицы, угасали, опадая, цветущие сады, пересыхали колодцы, и только стаи сов слетались по ночам в Ахетатон, чтобы скорбными голосами оплакивать его гибель. Прекрасные дома, храмы и дворцы пустели, дворы их зарастали травой, разрушение подтачивало камень стен, подножия статуй, корни пальм и сикомор. Кое-где виднелись еще жители, бесцельно и бесполезно, как тени, бродившие по пустым улицам, но и они выходили из своих домов лишь затем, чтобы проводить в дорогу уезжающих соседей и, вернувшись в свои жилища, самым начать собираться в путь. Город, выросший среди пустыни всего за три года, умирал быстро, словно время смывало его имя с листа папируса, и пока краска стекала, еще позволительно было говорить о жизни, но уже не существовало ничего, что было бы способно продлить ее, и царственное Солнце вскоре озаряло уже заброшенные дома, пустые дворы. Многие царедворцы, покидая год назад Ахетатон, еще надеялись вернуться туда, запечатывали двери своих домов, оставляли в них мебель и многие прекрасные вещи. Но теперь никто уже не допускал мысли о возвращении в мертвый город, и Ахетатон потерял все, что еще можно было потерять. Зато расцветал и укреплялся Мен-Нофер, помолодевший и радостный, освященный присутствием земного бога, владыки страны Кемет. Мой муж не желал возвращаться в Опет, и теперь я понимала, почему он не хочет этого делать. Опет был городом старой знати, надменным и кичливым, где было бы нелегко прожить немху, возвеличенным великим Эхнатонем и милостиво оставленным на службе его величеством Тутанхамоном. В Мен-Нофере и дышалось легче, все чувствовали себя свободнее, хотя он и был очень старым городом и носил

множество имен. Больше всех был недоволен Эйе, он протестовал то сдержанно, то бурно, порой заставляя моего господина призывать его к молчанию и повиновению. Много было непонятно мне в действиях Эйе, но я знала его преданность царскому дому, знала, что он не мыслит себе жизни вне его, и хотя старая Тэйе, проводившая со мной теперь почти все время, нередко пыталась внушить мне мысли о необходимости переезда в старую столицу фараонов, я не слушала ее, ибо слух мой был склонен только к речам моего мужа. Он выглядел таким утомленным в последнее время, что мне совестно было заговаривать с ним о своих заботах и тревогах. А заботы и тревоги были, ибо жрецы находили меня слишком слабой и хрупкой, чтобы произвести на свет здорового ребенка. Они не разрешали мне много ходить и поили настоями из трав, которые должны были укрепить плод, но в их глазах я постоянно видела беспокойство и, видя, начинала беспокоиться сама. Порой на меня нападала тяжкая, подобная болезненной слабости, грусть, и тогда я предавалась воспоминаниям о счастливом детстве, о сестрах, о матери и отце. Мне вспоминались печальные дни, когда я замечала следы слез на красивом и как будто бы всегда спокойном лице матери, вспоминались гнев отца и случавшиеся с ним приступы его страшной болезни, после которых он бывал особенно мягок и ласков с нами, вспоминались долгие томительные часы, когда я ожидала конца занятий Тутанхамона, а конца все не было, и я изнывала от желания увидеть его и старалась украдкой понаблюдать за тем, как он учится натягивать тетиву лука или четко выписывать на папирусе священные знаки. Перед глазами проплывали лица сестер, давно уже покинувших землю, грустные, бледные лица, уста, таившие немой зов и горькую жалобу, тихие голоса, полные скорби и невыразимой муки. Я видела и лицо отца, божественного Эхнатона, когда он лежал мертвым в просторном зале дворца под неподвижными золотыми взглядами украшавших ложе сфинксов, видела печать грусти и сожаления на его лице и не могла насмотреться, силилась и не могла понять, чего он хочет от меня, являясь в моих воспоминаниях

наниях, и сердце исходило грустью. Я приказывала звездочетам разьяснять мне расположение звезд и предрекать судьбу царственного младенца, который жил во мне, и они подробно и бесстыдно расспрашивали меня о времени и месте зачатия, о событиях, случившихся в тот день, о знаках, сопровождавших это волнующее таинство, как будто я могла помнить и спокойно рассказывать об этом. Я знала, что случилось это в день освящения храмов Амона в Опете, в тот день, когда мой господин объявил мне о перемене наших имен, помнила ликующее блаженство мига, когда мы двое стали единой плотью и влились друг в друга так, как вливаются воды Хапи в воды Зеленого моря¹³³, и воспоминание это было приятно, хотя и оно отчего-то навевало грусть. Меня беспокоили боли, головокружения, изнуряющая слабость, и мне редко удавалось выглядеть веселой, когда мой господин приходил ко мне. Но в тот страшный день, когда все это произошло, я чувствовала себя намного лучше и даже могла подняться и выйти в сад, где в тени развесистых деревьев могла жадно вдыхать аромат цветов и благоухающих трав. Со мной была кормилица Тэйе, в последнее время она не покидала меня. Ее заботы иногда бывали утомительны, но я знала, что она искренне привязана к нам и желает мне добра, и это помогало мне закрывать глаза на кое-какие мелочи. Она рассказывала мне сказку о волшебном тростнике, который зацветает раз в сто лет и все ждет флейтиста, который срезал бы его и сделал бы из него флейту, и я слушала, борясь со сладкой дремотой, окутывающей глаза.

— Ты меня совсем не слушаешь, великая госпожа, — с обидой сказала Тэйе, прерывая свой рассказ. — А ведь ты сама просила рассказать тебе красивую сказку... Прикажешь позвать музыкантов?

— Нет, не нужно, Тэйе. Скажи, больно это, когда ребенок сосет молоко из твоей груди?

— Даже если больно, эта боль сладка, моя лучезарная госпожа. Эта боль освежает и молодит тело женщины, питает его животворными соками. Молоко все прибывает и прибывает к груди, и ты вся наполняешься молодой животворной силой.

— Как отрадно слушать тебя! Скажи, как ты думаешь, у меня родится мальчик?

— Только мальчик, моя божественная госпожа. Есть такие признаки, которые помогают определить пол ребенка. Ты подаришь его величеству сына, хорошего, здорового сына, а потом будешь приносить ему и сыновей и дочерей, потому что мужчины часто очень любят девочек, и божественный господин будет радоваться щедрости твоего чрева.

— Он говорил о том, что свою дочь выдал бы замуж за царского сына хатти, чтобы укрепить союз с этим государством. Не страшно ли отдавать дочь Кемет на чужбину? Мне кажется, я бы не смогла жить вдали от Хапи, вдали от великих пирамид.

— Все тоскуют по родине, божественная госпожа. Разве не снится Евфрат митаннийской царевне? Или цветущие оазисы кочевнице-арамейке? Но так заведено, что женщина должна исполнять волю мужчины. Могла ли Исида послушаться повелений Осириса или Мут — приказаний великого Амона¹³⁴?

— Мне самой кажется невероятным, что можно послушаться мужа. Скажи, ты всегда была послушна Эйе, всегда исполняла его желания?

Она посмотрела на меня со странной твердостью, показавшейся мне холодной, как блеск обнаженного меча.

— Всегда, моя госпожа.

— Даже когда желания его сердца не совпадали с твоими?

— Даже тогда, великая госпожа. Только в этом залог любви....

— Так говорила когда-то и Меритатон. Значит, это правда. Но я боюсь, Тэе, что мало могу помочь моему господину.

— Главное — не препятствовать ему, моя лучезарная госпожа. Женщина должна много выслушивать и мало говорить. Говорить только тогда, когда муж тебе прикажет.

— Вот ты со мной говоришь о переезде в Опет только потому, что Эйе приказал тебе?

Кормилица отвела глаза, и я ничего не могла прочесть на ее некрасивом сморщенном лице. Я почти пожалела, что задала

ей этот вопрос, и хотела перевести разговор на другое, но меня испугало ощущение тяжести и легкой боли, которое было новым, незнакомым мне. Тэйе с тревогой взглянула на меня, заметив, должно быть, что я поморщилась от боли.

— Что с тобой, великая госпожа? Не прикажешь ли позвать врачей?

— Нет-нет, Тэйе, это сейчас пройдет... Скажи, что мне еще нужно делать, чтобы ребенок родился здоровым?

— Не предаваться напрасным беспокойствам, моя госпожа, не утомляться, молиться великим богам. Все, что ранит тебя, может ранить и твое дитя.

— И грусть?

— И грустить не надо, моя божественная госпожа. Думай о хорошем, только о хорошем. Родится мальчик, похожий на своего отца, и глаза его будут излучать свет солнца, и сердца ваши будут радостны и спокойны, ибо в рождении наследника заключен могучий залог власти царского дома. Но ты не будешь думать об этом, ты будешь только радоваться, прижимая его к своему сердцу и лаская его. Божественный фараон склонится над колыбелью и, улыбаясь, скажет: «Вот госпожа моя подарила мне сына, отраду сердца моего, ликование моего Ба». И ты будешь подобием Золотой, когда услышишь эти слова.

Я многое еще хотела спросить у нее, но вдруг увидела моего господина, который шел ко мне так быстро, словно за ним гналось злобное воинство Сетха. Он был бледен, глаза его странно сверкали. Тэйе вскочила и распростерлась перед фараоном, но он как будто не заметил ее. Нетерпеливым движением руки он велел удалиться носителям опахала, прислужницам и телохранителям, особенно нетерпеливо отослал старую кормилицу. Я хотела подняться навстречу ему, но он остановил меня и сам опустился на колени рядом со мной. И вдруг прижался к моему животу, обхватил меня руками, и я с ужасом почувствовала, что плечи его сотрясаются от безмолвных рыданий. Потрясенная, я прижала его голову к своей груди, склонилась над ним, еще не зная, что произошло, но уже чувствуя страх и смутный трепет от того, что столь явным было

его горе. Я ждала, пока он заговорит, ждала, пока тайна его горя станет моей, и он постепенно успокоился. Когда он поднял голову, глаза его были тверды и сухи.

— Анхесенпаамон, — сказал он глуховатым голосом, не похожим на обычный, — в Мен-Нофере происходит что-то страшное, мир рушится, мне кажется, что я погибну под его обломками, если только никто мне не объяснит, что происходит... Смотри, внимательно смотри, не думай, что это сон! — Он развернул передо мной свиток папируса, который до сих пор был у него за поясом, и я увидела нечто страшное, то, чему нельзя было поверить. То были слова клятвы людей, вступивших в заговор ради свержения с престола его величества Небхепрура Тутанхамона, и под ней стояли печати многих людей, которые были мне знакомы. Среди них были придворные и военачальники, люди разного возраста и занимавшие разные должности, но их объединяло одно: все они были из тех, кого называли сиротами Эхнатона, все они принадлежали к новой знати. Кровь бросилась мне в лицо, я не верила своим глазам, но это не было сном, хотя знаки и расплывались перед моим взором, все это происходило наяву, и я подняла изумленный взгляд на моего господина.

— Видишь? Те люди, которых я не преследовал, которым позволил остаться при своих должностях, которых приблизил к себе... О боги! — Он закрыл рукою глаза, губы его дрожали. — Значит, Эйе был прав, значит, немху нельзя доверять! Этих людей немного, но кто поручится, что за их спинами не стоят сотни других? Кого они хотели возвести на трон, уж не Джхутимеса ли? Я был глупцом, когда не слушал советов Эйе и Хоремхеба, и вот приходит расплата, но какая страшная, о боги, какая страшная! Значит, нельзя доверять людям, значит, они могут отплатить тебе черной неблагодарностью за все твои благодеяния, которыми ты осыпал их, быть может, в ущерб другим, более достойным!

Дрожь била его тело, губы его побелели, я впервые видела его таким. Папирус все еще был в моих руках, и он жег мои руки, как раскаленный меч.

— Кто мог подумать, что враг окажется другом, что женщина, которую ты презирал, станет спасительницей твоего трона? Ты знаешь, госпожа, кто принес мне этот свиток? Кийа! Да, Кийа, которую я изгнал из Ахетатона, которую проклял, как ядовитую змею...

— Кийа?! — Не в силах поверить своему слуху, потрясенная, я выронила свиток, он упал с легким шелестом на мои колени. Я смотрела на моего господина, все еще не понимая. — Кийа? Та самая Кийа? И ты можешь доверять ей, господин?

— Могу не доверять ей, но не доверять этим печатям... — Он указал на печати, хорошо знакомые нам обоим. — В награду она просит только прощение, только разрешение жить без страха, не опасаясь за свою судьбу. Я сделаю больше, награжу ее щедро, пусть выходит замуж за Джхутимеса, ведь он давно любит ее, пусть остается в Мен-Нофере, и я...

— Господин, откуда у нее этот свиток?

— Она сказала, что заговорщики решили прикрыться ее именем и для этого даже перевезли ее из отдаленного степата в Мен-Нофер. Ведь она обижена больше всех, она вправе таить зло...

— Она?! Она, повинная в страданиях моей матери, повинная в бедах Кемет! — Слезы горячим потоком хлынули из моих глаз, потекли по щекам, обжигая их. Горе разрывало мое сердце, мне казалось, что тьма покрыла землю, и я плакала все сильнее и сильнее. — Кийа, принесшая столько несчастий нашей семье, не может быть спасительницей, скорее она сама главная заговорщица, злодейка, изменница, прикрывшаяся личиной доброго друга! Как можно ей верить, как можно верить тому, кто предал доверявших ему?!

— Моя госпожа, успокойся, это может повредить тебе...

— Не верь, господин, не верь ни ей, ни этому свитку! — Слова, горькие и злые, вырывались из моей груди вместе с хриплыми стонами, они должны были вырваться, иначе они задушили бы меня. — Прикажи позвать всех, кто поименован в этом свитке, допроси их, добейся от них правды, но не делай того, чего хочет Кийа, враг нашей семьи, несущий только зло!

Разве эти люди чем-нибудь вызвали твои подозрения, разве они вызвали твое недовольство? Если Кийа решила оклеветать их, то только для того, чтобы спастись самой, потому что никто не может любить ее, потому что все знают, сколько горя она принесла Кемет! Позови Эйе, позови Хоремхеба, пусть они разберутся в этом деле, пусть...

— Эйе и Хоремхеб? Они не станут защищать людей новой знати, даже невинных, даже если ты права и все это подстроено. Меня предупреждали об опасности, мне говорили, что не удастся примирить немху с людьми золотой крови, говорили все, даже вечноживущая Нефр-эт. Что сделал бы на моем месте твой отец, что? Казнил бы их, лишил их тела погребения, сослал в рудники, согласно древнему закону, не только их самих, но и членов их семей? Анхесенпаамон, моя госпожа, как горько, какая тяжесть на сердце, как... Что с тобой? Что с тобой, любимая моя?

Его голос начал уплывать от меня, боль разрасталась в моем теле, невыносимая, незнакомая боль. И я закричала, закричала так, как будто меня могла услышать моя мать, великая царица Нефр-эт, как будто она могла наклониться надо мной и защитить, спасти меня от этой боли. Я видела склонившееся надо мной лицо Тутанхамона, чувствовала, что он что-то говорит, потом поняла, что он зовет на помощь, почувствовала, что он подхватил меня на руки, и погрузилась в крошечную темноту.

...Очнулась я спустя несколько часов уже в своих покоях, бессильная, изнеможенная, с ощущением смертельной пустоты и слабости во всем теле, совсем недавно — я помнила это — жестоко надломленном болью. Господин мой был рядом, он взял меня за руку, когда я открыла глаза, но на меня не смотрел, взгляд его был обращен в землю. Жрец монотонно читал молитвы, в покоях стоял пряный запах душистых смол, над бронзовыми курильницами вился легкий дымок. Тэие стояла в изножье моего ложа, лицо ее было бледно и заплаканно. Она сказала мне, что боги пожелали извергнуть из моей утробы семимесячного младенца мужского пола и взяли его на по-

ля Иалу, не дав насладиться блеском солнца и теплом его лучей. Вошел жрец Мернепта, он положил руку на плечо моего господина и стал что-то тихо говорить ему, и я увидела, что по лицу Тутанхамона текут слезы. Должно быть, если бы он оставался царевичем, старый жрец просто прижал бы его голову к своей груди и пытался бы утешить, как утешает отец юного сына, но мой господин был фараоном, повелителем Обеих Земель, и я была царицей, которой нельзя было отдаться своему горю так, как могла это сделать любая женщина в стране Кемет. Окаменевшая, опустошенная, я вновь закрыла глаза. И вдруг услышала доносившуюся откуда-то песню, монотонную и жалобную, печальную и очень красивую, прерываемую изредка возгласом: «Ай-я, ай-я!», похожим на крик птицы мент. То оплакивал моего нерожденного сына карлик Раннабу, странный уродец, незаметно пробравшийся в дальний угол слабо освещенного покоя...

КАРЛИК РАНАБУ

Ай-я, говорю я себе, ай-я! Так кричат кочевники шасу, выражая жалобу и безграничную скорбь, гнев и проклятие судьбе. Этот крик летит к небу, сопровождая жест в гневе или отчаянии вздетых рук, этот крик несет в себе вызов небесам и отчаянную, бесплодную мольбу. Я услышал его впервые, когда появился на свет, мать моя закричала так, увидев, что родила жалкого уродца. И потом этот крик сопровождал меня всю жизнь...

Кто я, карлик Раннабу? Обделенный судьбой, проклятый богами, презираемый людьми, попал я ко двору ханаанского царя, никчемного и глупого человека. Вдоволь насмеявшись надо мной, он отослал меня ко двору владыки Кемет, фараона Анх-хепура Хефер-нефру-атона. Этот молодой фараон с болезненным и добрым лицом не забавлялся мною, как ханаанский правитель, он любил слушать мои песни, дикие и печальные песни кочевников шасу. И незадолго до смерти он подарил меня царевичу Тутанхатону, который вскоре стал фараоном, который...

Этот юноша, почти мальчик, с красивыми глазами и ресницами длинными, как у женщины, этот хрупкий юноша, тонкий в талии, изящный, как танцовщица, этот юноша совершил небывалое. Приняв под свой скипетр огромную страну, раздираемую междоусобицами, потрясенную ниспровержением старых богов, со всех сторон окруженную врагами, он за четыре года своего царствования сумел усмирить ее, сумел успокоить. Невозможно? Он совершил то, что казалось невозможным.

В груди этого юноши жил дух истины, могучий, миролюбивый дух справедливости. Судьба была милостива ко мне, она приоткрыла мне глубины ученого разума, столкнув меня еще в Угарите со старым звездочетом, полубившим меня, маленького, забитого уродца. Что побудило его положить руку на мою огромную косматую голову, что побудило его заглянуть в мои глаза — не знаю! Как звезда тянется к звезде в бездонной ночи, так потянулись мы друг к другу и обрели друзей. Звездочет открыл мне многие тайны неба, он выучил меня читать и писать, он говорил со мной на языке Кемет, Митанни, Вавилон и Аккада, он распахнул передо мной врата святилища разума, и я отверг злых и добрых духов своего племени, слишком похожих на людей, и поклонился существу, вечно меняющемуся и неизмеримому. И когда смерть учителя разлучила нас, я уже не чувствовал себя только обделенным судьбой уродцем. Я был богат, я владел звездным небом, я мог читать письма, начертанные на глиняных табличках и на листах папируса. Оказавшись в стране Кемет, я мечтал о той ночи, когда смогу наконец подняться на плоскую крышу храма, чтобы увидеть царящие над страной великих пирамид звезды. Долго ждал я этой ночи, долго глядел с тоской на небо, манящее меня своими тайнами. В городе царя-еретика Эхнатона никто не позволил бы мне этого, там никто просто не замечал меня. В новой столице молодого фараона, который стал называть себя Тутанхамоном, я обрел счастье — я обрел мое небо и доверие моего повелителя.

Дух справедливости, живший в груди Тутанхамона, заставил его взглянуть в мои глаза и признать их человеческими.

В день, когда великое несчастье посетило дворец фараона, когда нерожденный младенец мужского пола был извергнут чревом юной царицы, безмерная жалость к ней заставила меня воскликнуть: «Ай-я! Ай-я!» Тогда молодой фараон, повергнутый в отчаяние смертью младенца и болезнью своей жены, посмотрел в мои глаза. Я помнил еще его ласку там, в Ахетатоне, когда он был совсем еще мальчиком, помнил, как он коснулся своей тонкой рукой моей косматой головы. И я понял, что теперь скоро сбудется моя мечта, скоро я увижу свои звезды...

Он остался один в Зале Приемов после того, как отпустил хранителя сокровищницы Майи, остался сидеть в глубокой задумчивости, опустив голову и прикрыв глаза рукой. Притаившись за колонной, я наблюдал за ним, стараясь не выдать своего присутствия, наблюдал, стараясь понять, что происходит в душе этого человека, казавшегося сейчас таким беспомощным в огромном зале, где расписные колонны уходили вверх, предоставляя всякому человеку, даже фараону, ощущать себя маленьким рядом с ними. Я был старше его на двадцать лет, он мог бы быть моим сыном, если бы судьба не отказала мне в естественных человеческих радостях. Как могла эта тонкая мальчишеская рука, сжатая золотыми браслетами, управлять такой огромной страной, как Кемет? Как мог он противостоять силе и опытности высшего сановника государства Эйе, напору недалекого, но могучего полководца Хоремхеба? Слишком много сил уходило на эту борьбу, слишком тяжело было полагаться только на самого себя в этой борьбе... И неудивительно, что в свои шестнадцать лет он выглядел уже взрослым, опытным правителем, хотя лицо его было совсем юным и милостивым, как у девушки. Я неосторожно высунулся из-за колонны, слишком громко при этом переступив с ноги на ногу, и фараон, вздрогнув, поднял голову.

— Кто здесь? Это ты, Раннабу?

— Это я, твое величество, прости меня...

Он улыбнулся, грустно улыбнулся, в последнее время я не видел другой улыбки на его лице. Если бы мог он читать в моем сердце, владыка страны Кемет! Он увидел бы в нем со-

страдание, быть может, оскорбительное для повелителя Обеих Земель.

— Подойди ближе, Раннабу.

Я приблизился и распростерся у ног фараона, юноши в золотом венце. Он знаком разрешил мне подняться и посмотрел на меня очень внимательно, пронизывая взглядом насквозь. Этот взгляд мог добраться и до изнанки сердца, ибо повелитель хотел этого...

— Ты не похож на других карликов, Раннабу. Прав был вечноживущий Хефер-нефру-атон, когда предупреждал об этом... У тебя умные глаза, глаза человека, который говорит меньше, чем знает. Говорят, что среди карликов были и великие слагатели песен, и пророки. Может быть, и ты таков? Может быть, подобен Хору, воплотившемуся в Са-Осирисе¹³⁵?

— Нет, твое величество, нет. Хотя некоторые тайны звезд мне открыты...

Я сказал и прикусил язык, ибо то, что я произнес, прозвучало слишком гордо. Я сказал и ждал, что он ответит. Втайне мое сердце уже наполнилось надеждой на то, что вот сейчас, в этот самый миг, сбудется мое тайное желание. Фараон посмотрел на меня внимательно, еще внимательнее, чем прежде, и на губах его была легкая, почти застенчивая улыбка, как будто он просил меня не лгать, не обманывать его тайной веры в меня. И я повторил:

— Твое величество, божественный Небхепрура, в Угарите я был учеником звездочета при царском дворе. Это был мудрый человек, он многому научил меня.

— И языку Кемет?

— Да, и языку Кемет, твое величество.

— Тогда, — фараон поднялся с кресла, его лицо заметно оживилось, — пойдешь со мной, карлик Раннабу. Я как раз сегодня ночью вместе с моим учителем Мернепта собирался наблюдать звезды, ты отправишься с нами.

Бурная радость забила во мне, захлестнула грудь горячей волной и повергла наземь, к ногам доброго повелителя. Он с улыбкой, спокойно, устало смотрел на меня. Я сказал:

— Твое величество, я не могу найти слов, чтобы выразить тебе свою благодарность, чтобы восславить твою доброту и твою щедрость. Я мечтал об этом несколько лет...

— И ни к кому не обращался со своей просьбой?

— К кому, твоё величество, может обратиться такой уродец, как я?

— Воистину убеждаешься в том, что калеки порой бывают мудрее тех, у кого мускулы крепче камня. Мой любимый скульптор Хесира слеп. Но видит он лучше многих...

Около полуночи золотые носилки его величества Тутанхамона остановились у ворот храма Пта, и жрецы поспешили навстречу фараону, стараясь обогнать друг друга и первыми приветствовать владыку Кемет. Вслед за жрецом, который нес факел, мы поднялись на плоскую крышу храма, над которой во всей своей первозданной красоте раскинулось звездное небо. Жрец Мернепта, очень старый, но все еще красивый человек с добрыми и умными, много пережившими глазами, достал карту и развернул ее, и я подошел поближе, чтобы увидеть изображенные на ней созвездия. Названия были знакомые — Змея, Нога Быка, Бегемотиха... Фараон не проявлял интереса ни к карте, ни к отвесу, который уже приготовил Мернепта, он стоял у низкой ограды, задумчиво глядя куда-то вдаль, на посеребренные лунным светом верхушки пирамид. Стройный, хрупкий, в длинном прозрачном одеянии, брошенным поверх обычного царского наряда, он сам казался призрачным существом, сотканным из лунных лучей, отрешенным от мира и от всей его суеты, и я залюбовался им почти против своей воли, оторвавшись от созерцания любимых своих звезд. Мернепта окликнул фараона, призывая его к вниманию, но Тутанхамон сделал отрицательный жест рукой и сказал:

— Сегодня, учитель, оба мы станем учениками Раннабу, который откроет нам тайны ханаанских мудрецов. Скажи нам, маленький звездочет, что сулят нам звезды?

— Тот, кто без запинки ответит на такой вопрос, недостойн называться мудрецом, божественный фараон. Нужно много

ночей наблюдать за звездами, присматриваться к ним и задавать свои вопросы. Если ты разрешишь мне приходить сюда...

— Разрешаю!

— Тогда, твое величество, через девять дней ты получишь свой гороскоп.

Тутанхамон улыбнулся, улыбка еще больше подчеркнула усталость его глаз. Он отошел к Мернепта, и оба они занялись изучением расположения звезд на небе, а я стал жадно вбирать в себя мерцание небесных светил, и мне казалось, что они легко проникают в мою кровь и мозг и превращают меня в сильного, воистину могущественного кудесника, который способен не только задавать звездам вопросы и получать ответы на них, но и повелевать ими. Радость переполняла мое сердце, рвалась наружу, но я молчал, прижав руки к груди, где в пляске счастья металось самое совершенное создание богов, вместилище самых великих и самых низменных мыслей, воистину чудо человеческого естества... Я не заметил, как подошел ко мне фараон, оглянулся лишь тогда, когда он опустил свою руку на мою голову. Давно ли он стоял за моей спиной, давно ли наблюдал за моей безмолвной радостью? Рука его была легкая, узкая, прохладная.

— Раннабу, — сказал он, — ты будешь приходить сюда и наблюдать за звездами, и никто не помешает тебе, а если я увижу доказательства твоей мудрости в составлении гороскопа, я сделаю тебя придворным звездочетом. И ты больше не будешь забавой моих придворных. А сейчас, — он остановил меня жестом, предупредив мое желание вновь броситься к его ногам, — постарайся ответить на мой вопрос, постарайся ответить так, как велит тебе твое сердце. Долгое время я верил некоторым людям, потом ко мне в руки попали доказательства их вины, доставленные тем, кого я раньше считал своим злейшим врагом. Я призвал обвиненных им к ответу, они подтвердили, что скрепили клятвой заговор против меня, но что их вынудил к этому тот, кто впоследствии оказался предателем. Я сказал им, что никто не может вынудить человека пойти на злодейство, если в его груди нет тьмы, и отправил их в

темницу, но не стал награждать и того, кто их предал. Правильно ли я поступил, Раннабу?

— Ты поступил правильно, твое величество, — сказал я. — Предательство не заслуживает награды, никто не в силах заставить человека пойти против велений своего сердца. И все-таки ты их не казнил...

— Они показались мне уже достаточно наказанными, Раннабу.

Я знал, о чем идет речь — о споре между новой и старой знатью, все они ненавидели друг друга и чинили друг другу козни. Но во всей истории с предателем и заговорщиками было что-то странное, что смущало меня. И я осмелился высказать свои мысли.

— Твое величество, эти люди, конечно, виноваты, но и они могли стать жертвой чьей-то хитрости, костью в чьей-то игре. Кому выгодно, чтобы люди новой знати запятнали себя преступлением? Старой знати, той, что считает себя оскорбленной присутствием низкорожденных. Многие на твоём месте, твое величество, обрушили бы свой гнев на всех без разбора, приняв единицу за множество. На это и рассчитывал тот, кто все это подстроил. И он добился своего, ибо твое доверие к людям новой знати подорвано...

Фараон слушал внимательно, нахмурив брови, легонько постукивая по низкой каменной оgrade позолоченной тростью. Подошел жрец Мернепта и начал тоже прислушиваться к моим словам, глядя на меня с некоторым удивлением, но без недоверия. Когда я кончил, фараон сказал:

— Ты многие мои мысли прочитал, Раннабу. И теперь я скажу, что... — Он взглянул на старого жреца, потом снова на меня. — Я скажу, что тот, кто подстроил это, ошибся. Именно то, что меня кто-то хотел сделать игровой костью, заставляет меня быть твердым, и я не сделаю того, чего он ждет. Пусть кое-кто из новой знати пошел против меня, но по первому быку нельзя судить о целом стаде. Каждый заслужит то, что заслужит, каждый будет в ответе только за себя, а не за того, кто в один день с ним стал человеком наградного золота. Я гово-

рю так! — Он сопроводил свои слова ударом трости по камню, сильным ударом, выражающим всю его решимость. — Правильно ли я поступаю, учитель?

— Воистину, твое величество, ты поступаешь по велению Птахотепа!

— Потому что прислушался к словам Раннабу? Я до сих пор не перестал быть учеником, божественный отец. Есть еще много вещей, которым предстоит научиться... А теперь вернемся во дворец, меня одолевает сон, сил уже не хватает на то, чтобы проводить на крыше храма целые ночи. Если хочешь, ты можешь остаться здесь, Раннабу.

Жрец, все время державший в руках факел, склонился в низком поклоне перед фараоном и стал медленно спускаться по лестнице, освещая дорогу. Я не в силах был противиться охватившему меня желанию, я остался на крыше храма, дыша полной грудью — впервые за столько лет! Звезды играли в небе, перебрасывались разноцветными искрами, кружились и обгоняли одна другую в плавном скользящем беге, взлетали и гасли, и небо казалось огромной рекой, вздымающей свои волны, полные отраженных огней. В один день я был возвеличен милостью фараона, был поднят из праха и одарен всеми дарами, о которых не мог и мечтать не только в последние годы жизни в стране Кемет, но и у себя на родине. Я смутно сознавал, что, появившись на крыше храма, кому-то могу показаться карликом Бэсом, а кого-то просто напугать до полусмерти, и все же я был не в силах отказаться от искушения счастьем, выпавшим на мою долю. Подняв глаза к небесам, я позволял звездам отражаться в них, и они улучшали мое зрение, делали его воистину способным проникать в глубины их тайн. Гороскоп фараона! Многие ли достаивались подобной чести? Я готов был плясать от радости, и радовала меня не только царская милость, но и возможность чем-то отблагодарить фараона за его поистине необыкновенную доброту. Он говорил со мной, он прислушался к моим словам, но я знал, что дело не столько во мне, сколько в магии того мига, когда он решил обратиться ко мне за подтверждением своих же соб-

ственных мыслей, и я лишь оправдал его ожидания. Он парил слишком высоко, этот золотой сокол, он поднимался на головокругооборотную высоту, не думая о том, что может сгореть в огне солнца или задохнуться от ветра, он противостоял сильным и хитрым, почти не сознавая, как велика сила этого сопротивления и как божественна она... Мне хотелось, чтобы гороскоп выразил все мои пожелания этому благородному юноше, ибо я знал твердо, что не буду лгать и, даже если захочу, не сумею сделать этого, но что-то подсказывало мне, что так не будет... Я, карлик Раннабу, держал в своих уродливых руках нити судьбы владыки Кемет, я мог предупредить его об опасности, мог научить его, как избегать ее, но я был не в силах противостоять воле богов, которые когда-то сократили жизненный срок благочестивого фараона Менкауры¹³⁶. Я знал, что гороскоп, составленный мною, будет печален, и все же взялся за дело в ту же ночь, записав на оставленном старым жрецом листе папируса дату рождения фараона, его теперешний возраст и дату той ночи, которая должна была стать первой в чередке ночей, раскрывающих тайну судьбы юного властителя страны Кемет.

***

Жизнь моя изменилась неуловимо, как порой меняет направление своего бега быстрый горный поток. Не дожидаясь того дня, когда я представлю фараону его гороскоп, владыка сделал меня придворным звездочетом, избавив от многих унижений, сопровождавших мою жизнь с того дня, как я появился на свет. Нередко Тутанхамон призывал меня к себе и подолгу беседовал со мною, и даже чати, могущественный чати, теперь имел причины смотреть на меня косо. Жрец Мернепта стал моим другом и охотно, следуя учению великого мудреца Кемет Птахотепа, внимал моим речам и прислушивался к моим советам, хотя — я это видел — нелегко было ему победить брезгливость по отношению к карлику, уродцу, калеке с непомерно большой головой, хотя он и признавал, что, несмотря

на уродливость моего Ка, Ба карлика Раннабу таит в себе могучую силу. От него я узнал многие подробности жизни дворца, узнал о том, как решительно и смело повел себя фараон с теми, кто советовал ему немедленно прогнать от себя всех немху. В те дни еще одна новость потрясла Мен-Нофер, новость, заставившая некоторых содрогнуться, а других вздохнуть с облегчением: Кийа, та самая Кийа, что принесла так много несчастий царскому дому, была найдена неподалеку от святилища бога Пта с кинжалом в груди. Возможно, что это совершил кто-то из тех, кого она предала, с помощью своих верных друзей или слуг, во всяком случае, все понимали, что удар этот был нанесен рукой мстителя, имевшего право на такую жестокую месть, и все-таки фараон был огорчен, когда узнал это. Он повелел похоронить Кийю хотя и без роскоши, но с соблюдением всех полагающихся ритуалов на самом дальнем краю Города Мертвых и несколько дней был погружен в мрачную задумчивость. Единственный, кто искренне оплакивал Кийю, был царевич Джхутимес, лицо которого почернело от горя. Он отдал огромную часть своих богатств на сооружение маленького заупокойного храма и принесение поминальных жертв и вплоть до своего отъезда из Мен-Нофера большую часть времени проводил на западном берегу Хапи, безутешно оплакивая женщину, некогда вершившую судьбы Кемет. Почти в то же время состоялись похороны царственного младенца, чья жизнь окончилась, не успев воплотиться в земном существовании, и событие это было трогательным и печальным, наполнившим самый воздух дворца горечью цветов блаженных полей. Юная царица Анхесенпаамон, одна из всех, часто призывала меня к себе и просила петь, и слушала, закрыв лицо руками, и между ее пальцами струились слезы. Кто мог осушить их, кто мог осушить слезы девушки, оплакивающей в себе материнство? И еще одно событие свершилось в то время, событие, явившееся грозным испытанием силы молодого фараона, решимости его и твердости в государственных делах, способности противостоять даже таким могущественным людям, как чати... В ту пору, в конце третьего месяца ше-

му, темнело рано, и вечерняя трапеза проходила обычно уже при свете алебастровых светильников, заливавших зал трапез ровным розовато-оранжевым сиянием. Тутанхамон не любил неяркого, рассеянного света, который нагонял на него тоску, но в тот вечер, когда он беседовал с чати в Зале Совета, там горел только один светильник. Случилось так, что я стал невольным свидетелем разговора владыки с верховным сановником государства, ибо именно в одном из дальних углов Зала Совета, теряющихся во мраке, нашел я в тот вечер прибежище для своих ученых занятий и заснул за своими папирусами, свернувшись на полу, как домашняя кошка. Меня разбудили голоса людей, ведущих негромкую беседу, и я сразу понял, что беседуют Тутанхамон и Эйе. Что побудило меня затаить дыхание и слиться с темнотой — не знаю, но только долго после этого не мог я избавиться от чувства, что боги послали на меня и этот сон, и эту решимость не выдавать своего присутствия, чтобы душа божественного Небхепрура наконец явилась передо мной до конца, являясь и помогла завершить работу над гороскопом, которой я так боялся и которую так любил. Фараон сидел в своем золотом кресле на небольшом возвышении, Эйе — напротив, в богато изукрашенном кресле из черного дерева, и две черные тени на стене, так же как они, великую таинственную беседу. Лицо Эйе было серьезно, даже сурово. Скрестив на груди руки, еще крепкий, могучий, как величественные колонны храма Амона, он говорил спокойным, ровным тоном, в котором звучала непоколебимая уверенность в себе и непоколебимая решимость.

— Твое величество, вот уже два года, как мы покинули Ахетатон, вот уже пять лет, как его величество Эхнатон взошел в свой горизонт и соединился с породившим его. Тебе ведомо, сколько сил и средств понадобилось, чтобы возродить из праха священное жречество Амона, сколь опасно было медлить, сколь трудно было восстанавливать заброшенные святилища богов. Ты совершил все это, божественный Небхепрура! Но имя твоего родственника по матери и твоего тестя было предано забвению в его столице, сама его столица погибла,

понесла неизбежную кару за гибель многих храмов Кемет. И вот теперь в сердца верных, окружающих тебя, закралась мысль, которая и мне не дает покоя и вынуждает меня разомкнуть уста. Ты, божественный фараон, принес щедрые умиловительные жертвы Амону-Ра и другим богам, ты изменил свое имя, но ты оставил в неприкосновенности имя Эхнатона на всех вещах и плитах твоего дворца, и многим прискорбно, что великий Амон-Ра еще не воссиял в своей полной славе. Стоит ли сохранять имя того, кто, воссоединившись с неведомым, уже не может никого принудить приносить жертвы царственному Солнцу?

— Ты хочешь, чтобы я причинил вред великому Эхнатону? Ведь каждое уничтожение имени...

— Мне это известно, твое величество! Но разве Эхнатон щадил имена богов? Разве теперь они могут спокойно стоять рядом с его именем?

— Но почему именно теперь, Эйе, спустя два года? Почему теперь, когда Кемет успокоилась и вошла в свое русло, как великая река после разлива?

— Твое величество, и Хапи иногда задерживает свой разлив на долгие недели. Недоумение твоих верных слуг молчаливо, но сердца их полны горечью. Поступи справедливо, божественный Небхепрура. Поступи справедливо с теми, кто претерпел несправедливость. Спроси свое сердце, и его мудрость подскажет тебе справедливое решение...

— Уничтожить имя великого Эхнатона?

Эйе снова молчал, могучий, непроницаемый. Тень его застыла на стене подобно изваянию грозного божества, и пламя светильника отчего-то неудержимо клонилось в его сторону. Уничтожить имя Эхнатона! Даже у меня, не знавшего этого великого властителя, не жившего при нем, начало стучать сердце. Не ослышался ли я? Чати предлагает фараону пожертвовать родственными чувствами ради того, чтобы удовлетворить желания старой знати, вновь ощутившей вкус могущества и власти? И именно теперь, когда он выдержал битву за сохранение прав немху, ничем себя не запятнавших?

— Эти слова ранят мой слух, Эйе. Ты, бывший первым советником великого Эхнатона, отцом бога, советуешь мне истребить его имя? Воистину великий Хапи повернул свои воды вспять, и время ахет стало временем шему!

— Божественный фараон, опасно оставлять в неприкосновенности имя Эхнатона...

— Опасно?

— Только это, твое величество, заставило меня ранить твой слух горькими словами, только это...

— Неужели опасность так велика?

— Да, твое величество.

— Знатные люди Кемет ведут недозволенные разговоры, позволяя себе осуждать решения Великого Дома?

Эйе пристально посмотрел на молодого фараона, и губы его тронула едва заметная усмешка, будто змея скользнула в пыли, оставив почти невидимый волнистый след.

— Божественный фараон, служители поверженного и воскрешенного тобою Амона-Ра желают видеть твердость пути, по которому следует твое величество. Эхнатона никто не помнит, все взоры обращены на тебя, солнце страны Кемет. Атон еще повелевает помыслами неразумных, так укажи им прямой путь, последуй величию Амона, уничтожь сомнения в своем сердце и в сердцах тех, кто готов следовать за тобой по прямому пути!

— Это необходимо для блага Кемет?

— Это так, божественный Небхепура.

Эйе ответил твердо, сурово, ответил мгновенно, без размышлений, без колебаний. Тишина стала наплывать и разрастаться, подобно страшной тишине вечности, и круг, очерченный пламенем светильника, сузился до грозно сверкающей точки, в которой сошлись и соединились царское и человеческое, мнимое и необходимое, божественное и земное. Тутанхамон словно стоял на краю пропасти, на дне которой клубок грозно шипящих змей сплетался в таинственные знаки, обозначающие страшное имя фараона-еретика, подлежащее уничтожению во имя блага Кемет. Никогда еще я не ви-

дел на лице фараона выражения такой горечи, такой безысходности, такого одиночества, никогда еще он не смотрел в лицо такой страшной, наполненной грозными призраками прошлого тишины. И было достаточно бросить короткое слово, чтобы разбить ее, поступить так, как поступает человек, испуганный внезапной тишиной и желающий во что бы то ни стало разрушить ее, но Тутанхамон хранил безмолвие, иссушающее, томительное безмолвие, от которого у меня, тайного свидетеля его жестокой внутренней борьбы, сжималось сердце. Тишину нарушил голос Эйе, медленный, тягучий голос, отмерявший слова самой твердой мерой, оценивающий их самой высокой ценой:

— Твое величество, что сделал бы Эхнатон, будь он на твоём месте?

Тутанхамон сидел неподвижно, положив руки на подлокотники кресла, выполненные искусными мастерами в виде крылатых змей. Юношеская худоба, почти прозрачность его красивых рук никак не вязались с угрозой, исходившей от упруго выгнутых чешуйчатых спин, раздувшихся капюшонов, острых, будто трепещущих, жал. Но он не выглядел растерянным или подавленным сложностью той задачи, которую ему предстояло решить, клянусь Баалом¹³⁷, этого не было в его лице! И молчание его было сосредоточенным молчанием человека, мысленно облекающего словами то, что уже было обдумано им и решено в глубинах своего сердца. Эйе ждал тоже спокойно, ни одним движением, ни даже дыханием не выказывая нетерпения, не подобающего его сану, возрасту и нраву. Это тоже было мудрое молчание опытного царедворца, за годы служения нескольким фараонам приобретшего привычку, которой он следовал неустанно: именно молчанием, и только им, вкладывать в сердца владык свои собственные мысли. Может быть, именно поэтому его осторожные и умные советы считали плодами своих собственных измышлений суровый Аменхотеп III, нетерпеливый Эхнатон, не говоря уже о слабом Хефер-нефру-атоне? А ведь два первых были сильнее, опытнее, в конце концов, властолюбивее Тутан-

хамона, к тому же его величество Небхепрура был так молод, что Эйе снисходительно подсказал ему ответ в своем вопросе. Я понял: ему хотелось только, чтобы его мысль была изречена фараоном как можно более определенно... Тутанхамон сказал тихо, но очень отчетливо, так что каждое его слово отдалось эхом в Зале Совета:

— Будь на моем месте великий Эхнатон, он уничтожил бы самый след Эхнатона. Но я ношу другое имя...

Я едва не вскрикнул от радости, от гордости за него, но вовремя опомнился и постарался еще плотнее сжать губы и даже дышать потише. Эйе не мог не знать, что не ослышался, его ухо было чутким, как ухо сторожевой собаки, а слух верховного жреца Амона и чати тем более не позволял не уловить или не разобрать слов фараона. Переспрашивать владыку не дозволялось, это было неслыханной неучтивостью, но Эйе вопросительно и слегка насмешливо взглянул на Тутанхамона, как будто исполненный мягкости, снисходительности, сострадания к нему.

— Твое величество, старость подбирается неслышно, как кошка на мягких лапах, она ослабляет зрение, затмевает слух... Снизойди к слабости старого, немощного Эйе, повтори изреченное тобой...

— Я сказал, Эйе: имя великого фараона, заменившего мне отца, будет сохранено в неприкосновенности. Рука моего благочестивого предшественника, вечноживущего Хефер-нефрутона не уподобилась руке нечестивого кочевника, и моя рука не осквернит памяти великого Эхнатона. Тот, кто вступит на трон Кемет после меня, пусть сам избирает себе в советники милостивого Осириса или мстительного Сетха. Но да будет реченное фараоном Небхепрура в точности исполнено его покорными слугами: ни молоток, ни резец, ни иной инструмент камнесечца не должен коснуться священного имени царственного Солнца. Имена высекаются в вечности, а не только в камне, но лишь вечности дозволено изглаживать имена, высеченные на каменных плитах. В моей руке скипетр джед, верховный жрец Амона-Ра!

Эйе встал и стоял перед фараоном неподвижно, опустив руки, безмолвный, подобный статуе — стражу великих гробниц. Его величество Небхепрура, этот юноша с кротким, милостивым лицом героя любовных песен, этот фараон милостивой волей какого-то благорасположенного к нему божества произнес свою краткую речь так, словно за его плечами было почти сто лет правления Пиопи II¹³⁸ или великая воинская слава Снофру, Джхутимеса! Я понимал, что творится в душе чати и верховного жреца, знал, что даже будь перед ним Снофру или Пиопи II, он и то не покорился бы без борьбы, и не удивился, когда Эйе вновь возвысил голос:

— Твое величество, да пребудешь ты жив, цел и здоров, ничто иное, кроме одной только мудрости, не изрекают твои уста, но да позволено будет смиренному слуге заметить нечто, ускользнувшее от твоего божественного взора...

Это была неслыханная дерзость, но Эйе не поколебался, прежде чем изречь ее, лицо его было спокойно. Затаив дыхание, я следил за тем, что будет. Это была борьба, напряженнее и опаснее которой я еще не видел.

— Твое величество, город Эхнатона лежит в руинах и предан забвению, песчаные бури постепенно скрывают его от милостивого взора Ра, враги Эхнатона слетелись на его обитель подобно хищным коршунам, их когти терзали даже мумию фараона. Время ли тебе, божественный Небхепрура, останавливаться на твоём сияющем пути, время ли дразнить голодных львов, много лет томившихся в клетках? Камень, выпущенный из пращи, не должен возвращаться обратно, за ногой, занесенной для шага, неизбежно должна последовать и другая. Я буду воистину недостоин твоей милости, если сомкну мои уста и не выскажу тебе опасения моего сердца. Умилостиви оскорбленного бога и его слуг, оставь руины попечению знойных ветров, дующих из пустыни, опасайся раненых львов, способных в судорогах приближения смерти дотянуться до охотника своими когтями...

Внимательно, очень внимательно слушал молодой фараон своего чати, мудрого и многоопытного Эйе. Казалось, он вни-

мал ему не дыша, казалось, он готов был прервать речь его покорным: «Довольно! Ты прав, Эйе!». И фараон сказал: «Довольно!» Глаза его потемнели, и в них проглянула вдруг вся глубина Хапи, вся мудрость предшествующих поколений, вся твердость базальтовых скал. И мне стало страшно в моем темном углу, страшно от этой силы, готовой излиться сокрушительной бурей...

— Довольно, Эйе! Благодарю тебя, мудрый отец бога, благодарю тебя и устами, и сердцем, но фараон Небхепрура сказал: да сбудется реченное им! Великий Амон милостив, и сыну его не пристало уступать ему в милосердии. Слух мой ранила весть об осквернении мумии великого Эхнатона, и пусть свершится справедливое, то, в чем не отказывают последнему неджесу. Повелеваю перенести мумию великого Эхнатона в мою столицу, где будет бессильна ненависть его врагов, и совершить все обряды, достойные бога. В моих руках священный скипетр джед, верховный жрец Амона-Ра, великий чати фараона Небхепрура.

Эйе схватился за голову, лицо его выразило такое отчаяние, что жест мог показаться вполне искренним. Я видел, он был потрясен.

— Твое величество, это невозможно!

— Эйе, разве в присутствии фараона говорят «невозможно»?

Тутанхамон смотрел прямо на царедворца, и взгляд его незнакомых, потемневших до беззвездной черноты ночного Хапи глаз наплывал на Эйе, поглощал в себе его фигуру, его четко очерченную тень на стене зала. Я никогда еще не видел у фараона такого взгляда, и было заметно, что и Эйе нелегко противостоять его силе. Никогда еще лик мужественного, решительного и уверенного в себе владыки не проглядывал сквозь эти мягкие, полные очарования красоты и цветущей молодости черты. И я мысленно пал ниц перед этим юношей, чьи тонкие руки так крепко сжимали священный скипетр джед.

— Твое величество, если немедленно начать работы, слух о них разнесется далеко за пределы Мен-Нофера. Враги Эхнатона не замедлят нанести удар, и он будет более сокрушитель-

ным, чем натиск самой страшной бури. Второй раз не удастся спасти его, ибо твои слуги не смогут сберечь в тайне все, что будет твориться в тишине, ибо и стены имеют уши, и камни отверзают уста. Но есть одно средство сохранить тайну в неприкосновенности...

— Какое, Эйе?

— Твое величество, в одной из границ Места Правды есть нечто, что поможет сберечь тайну в неприкосновенности и наведет врагов на ложный след. Мысль об этом гнетет мое сердце, но иного пути я не вижу...

— Укажи мне этот путь.

— Нечестивая и преступная Кийа при жизни владела многим, что не подобало ей. Она владела и роскошными гробницами, и погребальной утварью, достойными самого фараона. Первая ее гробница была построена в Городе Мертвых на западном берегу, вторая — в скалах близ Ахетатона.

— Все это было изготовлено, когда она сама была младшим фараоном?

— Да, твое величество. Тебе ведомо, что она погребена в другом месте, более скромном, но и то слишком роскошном для нее. Старая же гробница стоит пустой...

— Я понял тебя, Эйе! Эта мысль тяжела и мне, мне трудно поверить, что вся моя власть не в силах защитить мумию великого Эхнатона от осквернения...

— Многие подверглись такой участи, божественный Небхепура.

— Я это знаю... Хорошо, пусть все будет сделано тайно, пусть работы ведутся только надежными людьми, немymi, как великие пирамиды, и да сохранят они тайну в сердце своем. Распорядись моим именем, мой верный Эйе...

— Есть еще нечто, твое величество. Ты сказал: «тайно»... Ты сказал: «да сохранят они тайну в сердце своем». Должны ли они сохранить ее навеки?

— Что?

Молодой фараон вдруг откинулся на спинку трона, как будто его отбросил назад сильный удар в грудь, в самое серд-

це. Его взгляд остановился поверх головы Эйе, словно он увидел над ней что-то страшное, таинственное, выросшее из мрака. И я съежился в своем углу, как от резкого порыва холодного ветра.

— Что ты сказал, Эйе?

Эйе вдруг опустил глаза, легкая судорога исказила его черты, и я понял, что это — судорога страха... Эйе был испуган? Оттого ли, что фараон как будто не сразу понял его, оттого ли, что, поняв, ощутил ужас, оттого ли, что Тутанхамон смотрел так странно? Может быть! Незнакомым не только мне, но, невидимому, и ему было само лицо Тутанхамона, его выражение, тот свет, который вдруг начали излучать потемневшие глубокие глаза. И я почувствовал трепет, священный трепет — что, если сам бог говорит его устами? Но какой бог — Атон, поверженный и забытый? Если это был Атон, значит, он явился, чтобы отомстить бывшему другу Эхнатона, низвергнуть его во прах, растоптать, уничтожить. Клянусь Баалом, что Эйе в этот миг ощутил страх, тот страх, который до сих пор был жалкой участью подчиненных ему, его слуг и рабов. И еще — теперь я понял это ясно — поплатившейся за свою наивность Кийи.

— Твое величество, — сказал он наконец, и голос его звучал нерешительно и глухо, — твоё величество, даже изреченные тобой слова не наложат печати молчания на уста нечестивых. Есть только одно средство заставить болтливого хранить тайну, и оно ведомо тебе, божественный Небхепура. Если ты повелишь мастерам вновь вкусить хлеба в их жилищах, великий Эхнатон может пострадать вторично, и на этот раз враги его скроют следы преступления так, что ни один из твоих искуснейших звездочетов, даже Раннабу, не отыщет следа ее в глубинах царства Нут. Прикажи, и Эхнатон мирно упокоится в своем Доме Вечности.

Тутанхамон закрыл глаза, и я увидел, как судорожно бьется голубая жилка на его шее над многоцветным царским ожерельем. Это был уже не грозный бог возмездия, это был бог, страдающий от того, что был только человеком, оттого, что он

был слишком молод, слишком неопытен, слишком сострадательен. Даже глаза крылатых змей, выглядывающих из-под рук фараона, казалось, погасли и вобрали в себя всю муку его страдающих глаз. Эйе не торопил, он наслаждался видом столь явной нерешительности фараона, это было ему особенно приятно после понесенного им тяжкого поражения. Наконец Тутанхамон заговорил... Голос его звучал тихо и совсем одиноко в этом громадном зале с обилием колонн, с яркой, назойливо многоцветной росписью на стенах, в этом полумраке, раздвигающем стены жилищ и делающем их еще более громадными, чем они были на самом деле. Фараон говорил так, будто обращался не к своему чати и даже не к самому себе, а к кому-то, кто еще, кроме меня, незримо присутствовал при этом разговоре.

— Желание моего сердца — увидеть достойное погребение великого фараона. Но со времен владычества Сетха ни один владыка страны Кемет не требовал человеческих жертв. Это стало уделом нечестивых фенеху, кочевых народов, вкушающих человеческое мясо, далеких народов, живущих там, где небесный Хапи постоянно низвергается с небес. Нет, Эйе! Мастера, которые будут уничтожать имя Кийи и писать поверх него имя Эхнатона, получают от фараона награду, такую награду, что им не захочется менять ее на пустую болтовню, которая разнесется, как пыль, по ветру. Теперь довольно, Эйе. Довольно, и оставь меня!

Лицо Тутанхамона было бледным, утомленным, и глаза его теперь были такими же, как всегда — добрыми и печальными глазами юноши, которому неожиданно пришлось встать у руля великой и беспощадной к своим правителям Кемет. Лик божества исчез, спрятался за печальным взглядом, виноватой улыбкой, бледностью осунувшегося лица. Руки фараона, будто выточенные из слоновой кости самым искусным мастером Обеих Земель, прекрасные руки юного флейтиста, художника, любовника, лежащие поверх голов крылатых змей, казались теперь измученными птицами, сложившими крылья и бессильно упавшими на землю. Эйе по-

клонился, черная тень на стене повторила его движение, но мне показалось, что она чуть-чуть запоздала. Полумрак зала, в который Эйе вступил, выйдя из круга света, сначала лишил четкости очертания его фигуры, потом поглотил ее совсем, и я услышал тихие удаляющиеся шаги. А Тутанхамон по-прежнему сидел неподвижно, глядя на колеблющееся от легкого ветерка пламя светильника, похожее на огненную извивающуюся змею. Он победил на этот раз, но это была победа, заражающая победителя черной лихорадкой, нелегкая победа, отнявшая у победителя половину его крови. Так он сидел на своем золотом троне в огромном зале Совета, одинокий и печальный, обессиленный битвой и своей победой, и взор его от пламени светильника постепенно обратился к стене, на которой как будто все еще виднелась зловещая тень удалившегося царедворца. И я понял, что останусь с ним до конца...

***

Фараон повелел, и мумия Эхнатона была извлечена из своей гробницы в скалах близ Ахетатона и перевезена тайно в новую столицу. Тотчас же начались работы в гробнице Кийи, они и впрямь велись в глубокой тайне, самые верные и надежные люди из тех, кого называли хенти-уши¹³⁹, были привлечены к тайным трудам в Месте Правды, и каждому из них за молчание была обещана щедрая, поистине царская награда. Царица Анхесенпаамон, которой, разумеется, тайна была открыта, радовалась такому решению своего супруга и даже повеселела, постепенно обретая вновь живость и грацию юной газели. Она и помыслить не могла о том, какую тяжкую борьбу постоянно ведет Тутанхамон, и ей казалось обидным, что он уделяет ей мало времени. Ее старшая сестра Меритатон, царица-вдова, часто говорила ей, видимо, напоминая о каком-то давнем разговоре: «Ты должна была тогда внимательно слушать меня, маленькая моя царица!» Анхесенпаамон обижалась, губы ее складывались в очаровательную капризную

гримаску, но стоило только Тутанхамону войти к ней или просто прошептать ей что-либо на ухо, она забывала все свои горести и лучилась счастьем. У этой совсем юной девушки была счастливая способность в один миг отдаваться нахлынувшему на нее счастью, и я искренне желал ей добра, глядя на то, как она оживает и своей улыбкой, своим нежным голосом, теплым взглядом своих лучистых глаз оживляет все вокруг. Она по-прежнему любила слушать мои песни, шутила со мной и часто беспечно болтала, вызывая мою улыбку своей наивностью и очарованием. Однажды она позвала меня в нарядную беседку, увитую цветами и виноградными лозами, где обычно фараон проводил с нею недолгие часы. Все дышало любовью в этом очаровательном покое, и я невольно почувствовал неловкость за свое уродство, никак не соответствующее убранству и воздуху этого чертога любви. Царица в легком, полупрозрачном одеянии лежала на ложе, поигрывая веером, на ее губах порхала задумчивая, мечтательная улыбка, и от этого лицо в полутени казалось еще более очаровательным. Она заговорила со мной, милостиво разрешив мне опуститься на подушку возле ее ложа.

— Раннабу, скажи, тебе знакомы тайны колдовства?

Я не слишком удивился ее вопросу, многие женщины прибегали к услугам чародеев, истинных или поддельных, а царица тоже была всего лишь женщиной. Я склонил голову и почтительно ответил:

— Известны, твое величество, божественная госпожа.

— Знаешь ли ты способ, чтобы заставить мужчину полюбить женщину?

— Знаю.

— А если он уже любит ее, то укрепить его чувство?

— Могу и это, божественная госпожа.

— А заставить его... — Она запнулась и скрыла свое лицо веером, — заставить его почаще бывать с ней?

— Могу, божественная госпожа.

— Тогда... — Она задумалась, чуть прикусив нижнюю губку, вновь поигрывая роскошным веером из белых перь-

ев. — Тогда окажи мне эту услугу, Раннабу. Но об этом никто не должен знать, ты понял? — никто! Я дам тебе много серебра. Если колдовство окажется удачным и мой муж... — Она вдруг засмеялась, поняв, что выдала свою тайну. — Да, я хочу околдовать моего собственного мужа, его величество Тутанхамона! Твое колдовство, Раннабу, конечно, не причиняет вреда?

— Колдовство есть колдовство, божественная госпожа. Последствия могут быть разными.

Она вздрогнула и пристально посмотрела на меня, брови ее грозно сдвинулись.

— Другие чародеи говорили мне, что их колдовство не причиняет вреда, Раннабу.

— Они обманывали тебя, великая госпожа. Всякое колдовство, даже доброе и с самыми лучшими намерениями, может причинить человеку вред. Это происходит потому, что духи, которых принуждают делать что-либо помимо их воли, могут вырваться из-под власти чародея и отомстить ему за насилие над собой.

— Чародею?

— Ему прежде всего, но это почувствует и тот, на кого направлено колдовство.

Анхесенпаамон вздрогнула, и я подумал, что она, должно быть, уже обращалась к услугам каких-то чародеев. Я подумал: «О великий Баал, сделай так, чтобы эти чародеи были лишь искусными обманщиками!» Поняв, что встревожил царицу, я сказал:

— Но это, твое величество, бывает лишь в том случае, когда чародей действительно силен и может повелевать духами тьмы, которые всегда сильнее добрых.

— Почему же сильнее, Раннабу?

— Потому что великий владыка создал мир таким, каков он есть, божественная госпожа, и тот, кто пытается изменить мировой порядок хотя бы в малой его части, соприкасается с гордыми духами тьмы, внушающими человеку, что он может быть сильнее богов. Злые духи всегда охотнее слетают-

ся на зов, чем добрые, которые неохотно нарушают веления божества.

— Так учат ханаанские мудрецы?

— Да, великая госпожа.

Веер в ее опущенной руке слегка затрепетал, выдавая невидимую, тщательно сдерживаемую дрожь. Она думала о чем-то своем, и мысли ее были невеселыми. Я видел это по ее прелестному лицу, на которое внезапно легла тень грусти.

— В таком случае, Раннабу, я никогда не буду прибегать к колдовству и приказываю тебе никогда не употреблять его против фараона, кто бы ни просил тебя об этом. Я заметила, ты любишь его?

— Это так, божественная госпожа. Его величество одарил меня своей милостью, возвысил меня из праха, вернул мне мое звездное небо. Я поклоняюсь ему, как великому властителю, я причисляю его к богам, я люблю его, ибо рабу позволено любить его господина. Но всей любви всех жителей Кемет не достанет, чтобы отблагодарить его за то, что сделал он для своей страны...

Она удивленно посмотрела на меня.

— Ты так хорошо разбираешься в государственных делах, Раннабу?

— Я читаю тайны неба, моя божественная госпожа. Звезда его величества горит ярко, так ярко, что глаза не в силах вынести блеска ее лучей. Восстанавливать то, что было разрушено, возводить из руин поверженные города всегда труднее, чем разрушать. Но те, кто восстанавливает, всегда меньше запечатлеваются в памяти народа, чем разрушители. Так, увы, случится и с его величеством, божественным Тутанхамоном. Береги его, госпожа! Звезда, горящая слишком ярко, подвержена большей опасности сгореть, чем та, что тлеет ровно и тихо. Так заведено со времени сотворения мира, и так будет, ибо маленькая звезда дарит свой свет только самой себе и двум-трем ближним звездам, большая же и яркая светит так, что лучи ее достигают самых дальних уголков неба и даже лежащей далеко внизу земли. Она сгорает, не

вынеся собственного блеска, сторает в себе самой, как пламя в пламени. Только сила этих лучей воздвигла из праха поверженных богов Кемет, ибо страх, вселившийся в души людей, и неверие, которым людские сердца отравляются очень быстро, успели уже пустить свои корни и не могли быть вырваны обыкновенной человеческой рукой. Твой возлюбленный господин свершил небывалое, божественная госпожа, и если лучи его звезды не будут надломлены, он восстановит все, что было разрушено, восстановит в новой силе и славе. Идущие вслед за ним воспользуются плодами его трудов, и кто знает, не присвоят ли они себе его деяния? Его судьба — судьба бога Телепина¹⁴⁰ и вашего Осириса, судьба умирающего бога, которому суждено воскреснуть после, в иных мирах...

Я не в силах был остановиться, не в силах изменить хотя бы одно слово из того божественного свитка, что был сейчас развернут перед моими глазами. Голос мой мне самому казался незнакомым, отрешенным от меня самого, существующим отдельно от меня, и я не мог остановиться, даже если царица приказала бы мне замолчать. Но она слушала со страхом, широко раскрыв глаза, прижав к груди тонкие нежные руки, уронив веер, похожий на крыло распластанной мертвой птицы. И когда замер звук моего голоса, она долго еще молчала, глядя на меня и беззвучно шевеля губами, словно шепча охранительное заклинание, оберегающее человека от врагов видимых и невидимых, явных и тайных. Потом сказала:

— Поистине, бог говорил твоими устами, звездочет Раннабу! Ты заставил меня увидеть то, что было скрыто от меня, и то, на что я смотрела, закутав лицо. Раннабу, ты великий мудрец, ты могущественный чародей, ты лучше меня сможешь защитить моего господина, так не оставляй его! Мне страшно, я боюсь за него, Раннабу. Ты слышал, что он собирается участвовать в битве с хананеями? Скоро он покинет меня. Хорошо, что с ним отправится Мернепта. Он любит его величество, как отец, он тоже защищает его своими молитва-

ми, но Мернепта стар, очень стар, я боюсь, что его молитвы уже не имеют той силы, как в былые годы, многое он повторяет по привычке, многого уже не замечает вокруг. Ты ведь знаешь, что Мернепта....

ЖРЕЦ МЕРНЕПТА

Желание его было непреклонно, ничто не могло поколебать его, оставалось лишь склонить голову перед решением фараона, и в конце третьего месяца времени ахет царское судно отбыло на северо-восток, в страну Ханаан, где Хоремхеб уже много лет сдерживал яростный напор отрядов кочевых племен. Теперь же настало время решительных действий, и его величество пожелал лично участвовать в войне с хананеями, надев боевой шлем и взяв в руку оружие. Сердце мое радовалось тому, что мой мальчик, мой возлюбленный сын Небхепрура Тутанхамон согласился на мою просьбу отправиться с ним, хотя и посетовал на трудности долгого пути для человека моих лет. И вот я в качестве царского писца оказался в стране хананеев, с которыми предстояло сразиться Великому Дому Кемет.

ИСЕРИ, КОЛЕСНИЧИЙ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

Великая честь выпала мне, Исери, сыну Абутенефа, в пятый год царствования фараона Небхепрура Тутанхамона, когда его величество пожелал самолично участвовать в битве с хананеями близ Шарухена. Благосклонные ко мне боги сделали так, что я стал колесничим его величества и впоследствии получил достойную награду. Его величество сам избрал меня, выделив из толпы опытных колесничих, представленных ему в день его прибытия в лагерь полководца Хоремхеба. Тогда я впервые увидел живого бога и был поражен молодостью его лет и красотой, подобной божественной красоте Хора. В день сражения с самого раннего утра я был уже у царского шатра, с трепетом ожидая появления владыки Кемет. Я участвовал во

многих битвах, тело мое было покрыто шрамами, я хорошо знал повадки хананеев, но никогда мне еще не доводилось быть колесничим фараона, который предпочел меня его высокочеству Джхутимесу и военачальнику Кенна, покрывшим себя славой во многих сражениях. Неудивительно, что сердце бешено колотилось у меня в груди, хотя я и старался успокоиться и уверял себя, что именно мое спокойствие нужно его величеству, моя твердая рука и зоркий глаз. И вот он появился в окружении свиты военачальников и некоторых придворных, а за ним следовал учитель его и наставник жрец Мернепта, почтенный и представительный человек. Его величество показался мне совсем юным, и неудивительно — ведь в ту пору ему едва минуло семнадцать лет, и он был прекрасен, как Хор, поражающий копьем врагов великого Ра. Вот появился полководец Хоремхеб, спокойный и уверенный, как всегда, и почтительно поцеловал землю у ног его величества. Фараон принял из рук полководца синий шлем с золотыми лентами и золотым царским уреем, блеснувшим в лучах восходящего солнца отраженным светом блистающих розовых лучей. Боевой шлем придал спокойную мужественность красивому лицу, а золотой панцирь подчеркнул прямой разворот плеч и гордую стройность шеи юного владыки. Видно было, что даже суровый полководец невольно залюбовался видом молодого фараона, но лицо его выразило сомнение, когда он взял в руки боевой меч, готовясь поднести его властителю Кемет. Я понял, о чем он думает — способна ли эта точеная, изящная рука нанести удар, даже просто ранить врага? Стоящий за спиной фараона жрец Мернепта улыбнулся и знаком велел Хоремхебу поднести меч. Рукоять меча уверенно легла в узкую ладонь, и рука сжала ее спокойно и твердо. Его величество победно оглянулся кругом, поймал одобрителный взгляд Хоремхеба и улыбнулся. Он стоял спокойно, и рука его крепко сжимала меч. Слуга пристегнул к золотому поясу фараона богато украшенные ножны, и меч легко скользнул в них. Потом его величеству подали лук и стрелы. Он попробовал крепость и упругость тетивы, остроту наконечников стрел и тоже одобритель-

но улыбнулся. «Вот он, солнце страны Кемет! — думал я, глядя на него. — Вот он, спаситель древних богов, вот он, милостивый владыка, награждающий достойных и карающий справедливо. Вот он, благодный бог Кемет, прохладный северный ветер и теплый солнечный луч, вот он, молодой лев, идущий, чтобы сокрушить своих врагов. Неужели в этом бою мне дарована честь прикрывать его щитом?» И сердце мое ликовало, как в радостный праздник техи¹⁴¹.

— Когда взойдет солнце, хананеи хлынут с гор, — негромко сказал Мернепта.

— Да, — подтвердил Хоремхеб.

Божественное светило взошло наконец, расплескало на голубой ткани небес брызги яркого золотого света. И тотчас же, как и сказал жрец, на вершинах гор появились отряды хананеев. Медленно сползала темная масса с гор, стекала, подобно расплавленному металлу, вскипала в лощине остриями копий, острыми углами громадных щитов. Казалось, все видимое глазом пространство заполнила темная текучая масса, казалось, будто громада черных туч, скопившаяся на земле, расползается по ней и вот-вот начнет медленно и грозно подыматься в небеса, казалось, что воздух стал тяжелым от острого блеска копий и глухого рокота шагов сотен ног, и броситься вперед, в эту черную гущу, было так же страшно, как кинуться без дороги в жерло песчаной бури. Хоремхеб не спеша надел шлем, взялся за рукоять меча с видом человека, берущегося за привычный труд. Фараон взошел на свою боевую колесницу, и я занял свое место позади него. Взор фараона был прикован к вражескому войску, летел вперед, подобно стреле, проникал всюду, подобно солнечному лучу, но каждый из видящих фараона мог бы поклясться — он был спокоен. Было ли то привычное спокойствие человека, двенадцатилетним мальчиком вставшего у руля великого государства, или это спокойствие внушали ему боги, оберегающие его? Любой полководец признал бы причиной первое, любой жрец — второе, но мне казалось, что в молодом фараоне чудесно соединилось божественное и человеческое, так что нельзя было провести

границу между ними. Хоремхеб, а вслед за ним Джхутимес и Кенна взошли на свои колесницы. Все войско разразилось неистовыми приветственными криками, когда увидало своего владыку, повелителя Обеих Земель, возлюбленного сына Амона-Ра, любимца войска и народа, любимца всей страны Кемет. На губах его величества появилась легкая радостная улыбка, но лицо его осталось серьезным. Хоремхеб принимал восторженные крики в свою честь снисходительно, он стоял, могучий, красивый, легко поигрывая мускулами, на лице его была добродушная улыбка. Вот и настал великий день, когда его величество в полном боевом вооружении встал во главе своих войск, и это сражение, конечно, будет последним и решающим, ибо никто уже не мог представить, что можно проиграть битву на глазах у фараона. Разве его величество не был потомком воинственного Джхутимеса III? Разве не текла в его жилах кровь великих фараонов-завоевателей?

Опытному воину нетрудно было понять, что сражение предстоит нелегкое. Хананеи были великолепно обученными воинами, они умирали, зажав в зубах древко копья, и на их стороне было слишком мало богов, которые могли бы поспорить между собой за победу в этой битве и, перессорившись, способствовать успеху воинов Кемет. К тому же во главе их стоял опытный военачальник Тенепи, силу которого мы уже успели оценить в некоторых незначительных стычках. Что может поделать с ним молодой фараон, вышедший на свою первую битву? «О боги, — подумал я, — пошлите нам победу, сохраните невредимым его величество!» Хоремхеб спокойно обратился к фараону, сохраняя достоинство опытного воина:

— Твое величество, разреши мне командовать войсками, повинующимися одному твоему взгляду, ибо луч солнца не замечает мелких песчинок, а мои глаза привыкли замечать их прежде, чем они начнут хрустеть на зубах. Прикажи, и я велю разрубить на куски ряды вышедших вперед лучников. Жду твоего слова, твое величество, возлюбленный сын Амона-Ра.

Только человек, чье сердце подобно камню, чей разум подобен безжизненному песку Ливийской пустыни, мог не по-

нять, что творилось в этот миг в сердце его величества Тутанхамона. Он закусил губу, и руки его нервно сжались у груди. Ему было ведомо, что медлить нельзя, но что делать, как и куда вести войска, какие отдавать приказания, он не знал. А рядом стоял опытный полководец, закаленный в боях Хоремхеб, могучий лев страны Кемет. Но ведь Джхутимес III, его великий предок, сам вел в бой войска, сам отдавал приказания, сам рубил врага своим мечом, и сколько лет ему было, когда он впервые встал во главе своего войска? Конечно же, не семнадцать, но он тоже был молод. И буря, бушевавшая в груди фараона, казалось, достигла моего сердца. Одно его присутствие могло решить исход боя, и он мог бы не покидать своего шатра и только наблюдать за битвой, но он пожелал участвовать в ней, и достойно ли было, чтобы командовал кто-то другой, хотя бы это был Хоремхеб? Гордыня издавна была причиной многих людских бедствий, и с тревогой смотрел я на его величество, которому предстояло решить столь трудную задачу. И его величество сказал:

— Повелеваю тебе, Хоремхеб, вести войско и побеждать.

Хоремхеб не скрыл своего удовольствия, оно так ясно выразилось на его лице, что фараон улыбнулся, хотя я понимал, как нелегко было ему это сделать. Полководец наклонил голову в знак повиновения и, выпрямившись, крикнул:

— Его величество приказывает колесницам идти вперед, а лучникам следовать за ними с правой и левой стороны!

Фараон взглянул с благодарностью на своего полководца, от волнения на его щеках выступил легкий румянец, но лицо оставалось лицом воина, мужественным и спокойным. Колесница фараона помчалась почти вровень с колесницами Хоремхеба и других военачальников, и вот они уже были окружены толпой хананейских воинов. Вот его величество натянул тетиву лука, и первая же стрела, зазвенев, пронзила горло врага. За ней полетела другая, третья... Я не отводил щита от фараона, но одна хананейская стрела все-таки оцарапала его руку чуть пониже локтя. Как и подобало мужчине и воину, его величество не обратил внимания на то, что по руке заструилась кровь,

и я знал, что его уже охватило бессознательное упоение схватки, которое чувствовалось во всем — в легком нетерпении, с которым он натягивал тетиву, в радостных восклицаниях, иногда срывающихся с его уст, и легкая рана еще более усилила это чувство, а восторженные крики воинов, видевших фараона так близко, заставляли его величество стрелять все быстрее и увереннее, стрелять без промаха. Все звуки битвы сливались в единый непрерывный гул, который для победителей становится торжественным гимном ликования, а для побежденных — воплями погребальной процессии, и я с трепетом сердца ждал, когда опыт бывалого воина подскажет мне, что чаша весов постепенно склоняется в нашу сторону. Вот уже бока царской колесницы забрызганы кровью, вот пошел в дело второй колчан стрел, вот мы увидели первые спины бегущих врагов, вот Хоремхеб оказался почти вплотную с нами и прокричал что-то, из-за шума битвы мы ничего не расслышали, но по лицу полководца было понятно, что вести хорошие. Вскоре и мы увидели, что ряды хананеев дрогнули и побежали, скоро увидели царевича Джхутимеса, который был легко ранен в плечо, скоро услышали страшные вопли смятых в панике врагов, тела которых безжалостно раздавливали наши тяжелые колесницы. В это время стрела вонзилась в мою левую руку, которой я держал щит, и я выронил его... Следующая стрела отскочила от панциря фараона, третья ударилась о шлем, и я, не обращая уже внимания на льющуюся из раны кровь, правой рукой кое-как подхватил щит и, уперев его в борт колесницы, удержал его в этом положении, вцепившись зубами в кожаный ремень. Но исход битвы был уже решен, и даже фараон, при всей своей неопытности, понял это.

— Победа? — спросил он, обернувшись ко мне, и я увидел, что его лицо покрыто пылью и что до него долетели даже брызги вражеской крови, а может быть, и моей. И я глазами, одними глазами мог утвердительно ответить ему, ибо правая моя рука правила конями, левая повисла, как плеть, а зубы держали щит. Это была первая победа его величества, и она значила для него больше, чем все победы его великих предков.

Дорога перед нами была уже свободна, пешие лучники опускали свои луки, ибо большая часть хананеев уже погибла, а другая, зажата в тиски колесницами, сдавалась на милость победителя. Хоремхеб подъехал к царской колеснице и, увидев, в каком состоянии я нахожусь, велел своему колесничему занять мое место, а меня доставить в лагерь, где опытные врачи легко справятся с моей раной. Меня беспокоила моя раненая рука, ибо, останься она плетью, я больше не мог бы оставаться колесничим, но я надеялся, что боги будут милостивы ко мне и позволят мне быть воином и дальше и окончить свои дни в бою, таком же блестящем, как нынешний. Победа была окончательной и полной, ибо даже Тенепи был взят в плен, и наши потери были незначительны, если не считать того, что по прибытии в лагерь его величество был огорчен известием о смертельной ране военачальника Кенна. Кенна, в горле которого застряла хананейская стрела, положили рядом со мной на циновку перед царским шатром, и жрец Мернепта, который только что уверил меня, что моя рука еще послужит мне, наклонился над молодым военачальником. Его величество стоял рядом, еще не сняв боевого шлема и панциря, и он с тревогой заглянул в глаза жреца. Но Мернепта ничего не ответил на немой вопрос фараона и только развел руками, показывая, что положение раненого безнадежно. Тогда его величество опустил на колени рядом с Кенна, близко наклонился к его лицу, и я услышал, как из губ умирающего вместе с кровью и хриплым стоном вырвались тихие слова:

— Твое величество, да будет прославлено в веках твое царствование... прикажи отдать Бенамут мой перстень в память обо мне... Бенамут, которую я любил, как солнце...: которая любит тебя, твое величество, божественный Небх...

БЕНАМУТ

Царское судно прибыло в гавань Опета, и народ встретил его восторженными криками, обилием цветов, слезами радости. То же самое повторилось спустя несколько дней в Мен-

Нофере, новой столице фараона, где народу вновь был показан пленный предводитель хананеев Тенепи, содержащийся в клетке, и устроена раздача наград по поводу победы над хананеями. Но на ладье радости прибыло в Мен-Нофер мое горе, известие о смерти моего жениха. Не кто иной, как сам Хоремхеб, почтил мастерскую моего отца своим присутствием и объявил об этом, стараясь всем своим видом выказать мне сочувствие. Он смотрел на меня в упор, пытаясь изобразить сострадание, но в его взгляде читалась лишь похоть, лишь жадность обладания, которой теперь, после смерти Кенна, ничто не могло помешать. С недавних пор между ними существовала вражда, причиной которой была я, из послания Кенна я узнала о том, как Хоремхеб едва не столкнул его с Небутенефом, знала и о том, что Хоремхебу очень не по сердцу было возвышение молодого военачальника, но какое значение все это имело теперь, когда на руке моей было два перстня и два сокола смотрели друг на друга? Я овдовела, не успев стать женой, и мой свадебный венок стал погребальным венком. Кенна был погребен с почестями в Городе Мертвых, сам фараон посетил его гробницу, и для меня настали горькие дни печали и тревог. Сердце мое жгла невольная вина перед Кенна, и глядя на его изображение, такое живое в особые часы дня, когда восходящее или заходящее солнце касалось его своими лучами, я мысленно просила его простить меня и не держать на меня зла там, в Аменти, где честному и благородному человеку уготована блаженная жизнь. Мне казалось, что скоро я приду к нему, но заботы об отце, который именно в эти дни скорби казался мне особенно беспомощным, отвлекали меня и поглощали мои дни, а иногда и ночи, когда отцу вдруг приходила мысль сделать при свете звезд то, чего он не успевал закончить днем. В одну такую ночь он внезапно положил руку на мое плечо и заставил опуститься рядом с ним на циновку, где лепил из глины простые игрушки для соседских детей. Неподвижным, но теплым и нежным был его взор, обращенный на меня, и рука его была рукой друга, которой было под

силу излечить любую боль. И я заплакала, уткнувшись в его плечо, и плакала долго, пока сердце не ощутило внезапного облегчения, пока не истощило все запасы долго сдерживаемых слез. Отец долго молчал, он дал мне выплакаться, и когда я успокоилась, тихо сказал:

— Бенамут, боги поровну отмеряют нам и счастье, и горе, они никогда не оставят человека без утешения, и если он не замечает этого, то в этом лишь его вина. Послушай, вчера ко мне приходил царский посланец, он предупредил меня, что его величество намерен через три дня посетить мою мастерскую. Ты снова увидишь его, и твое сердце возрадуется. Ведь ты любишь его, Бенамут?

Давно я знала, что незрячие глаза моего отца видят зорче, чем глаза многих, обладающих соколиным зрением. Давно я догадывалась о том, что отец знает о моей тайной любви, но никогда еще он не говорил так прямо и спокойно, словно и не удивлялся вовсе, а лишь подтверждал то, что казалось ему естественным. Я кивнула головой несколько раз подряд, ибо не могла говорить, и готова была вновь залиться слезами, но слез уже не было. Отец ласково прижал мою голову к своей груди и тихо укачивал меня, как маленького ребенка, и вновь я почувствовала себя ребенком — в колыбели отцовских рук. Потом он сказал:

— Сердце его величества расположено к тебе. Еще там, в Ахетатоне, он обратил на тебя свой милостивый взор, а тогда ведь он был только царевичем Тутанхатонем, совсем юным, который не имел женского дома. Теперь же, когда он стал фараоном, когда ему минуло семнадцать лет...

— Отец, молчи, молчи! Прошу, больше ни слова!

Я закрыла лицо руками, словно он мог видеть вспыхнувший на моих щеках жаркий румянец. И подумала: «Горе, горе мне...»

Тишина стояла во всем доме, слышно было только, как потрескивает в светильнике масло, да еще какая-то птица тихонько щелкала в саду, словно вела счет своим, неведомым птичьим печалям. Темно-фиолетовое небо раскинулось

над садом, оно укутало собой сад, дом, весь город, оно вело счет редким ночным бдениям, заглядывало в дома, где одиночество делили с огоньком светильника или с другим, таким же одиноким человеком. Лицо отца в слабом мерцающем свете казалось выточенным не из камня, а из теплого дерева, такая нежность была во всех его чертах, знакомых, любимых до боли... И все же он ничем не мог помочь мне, не мог даже разделить мое одиночество, ибо мое грешное сердце летело на другой конец города, к роскошному царскому дворцу, где, должно быть, спал мирным сном мой ничего не ведающий возлюбленный. Оно должно было умирать от тоски в гробнице Кенна, но оно оставляло там только тень своей вины и покидало печальный Город Мертвых для того, чтобы невидимой птицей кружить над царским дворцом, над царской опочивальней... И снова я подумала: «Горе, горе мне!»

— Скоро ты увидишь его, Бенамут. Пусть сердце подскажет тебе, как встретить его величество. Пусть оно скажет тебе, быть ли вдовой Кенна или дочерью Хесира.

— Как я могу, отец? Кенна был добр ко мне, Кенна любил меня и хотел сделать равной себе...

— Но ни разу ты не произнесла, что любила его, Бенамут.

Истина, горькая истина была в словах моего отца, и я промолчала, ибо не умела лгать Кенна, ибо не хотела лгать его тени. «Горе, горе мне, — думала я, — ибо я принесла Кенна только одно горе...»

— Бенамут, — тихо сказал мой отец, — ты давно любишь его величество, сердце твое принадлежит ему одному, и жизнью своей заплатила бы ты только за его жизнь. Любовь твоя должна быть вознаграждена, молись богине Хатхор, чтобы его величество взглянул в твои глаза. В них он сразу прочтет все, не склоняя даже слуха к твоим речам.

— Кто я? Ничтожество, прах у ног его.

— Ты очень красива. Ты умна и благородна, и ты любишь его. Разве этого мало?

— Красивых женщин у него много.

— Красивая не всегда привлекательна и тем более не всегда верна.

Как могло случиться, что незрячие глаза моего отца, две погасшие луны, вдруг показались мне излучающими необыкновенный свет? Я обняла отца, — крепко прижалась к нему. Как в детстве, когда не было у меня иной защиты. И теперь не было никого вернее отца, и в горе, и в радости.

— Я простая девушка, отец. Я дочь искуснейшего скульптора, и я горжусь этим, но этого слишком мало для того, чтобы его величество обратил на меня свое благосклонное внимание...

— Разве ты не знаешь, что богиня Хатхор одинаково поведает сердцами и фараонов, и простых смертных?

— Так бывает только в сказках.

— И в твоей сказке так будет, Бенамут.

Молча взяла я светильник и удалилась к себе, сопровождаемая все тем же жалобным криком одинокой птицы. И мне казалось, что она зовет меня голосом Кенна.

Надеждой, ожиданием встречи и страхом жила я эти дни, и мысль о том, что я вновь увижу его так близко, была гибельна, была прекрасна. Но боги распорядились так, что первым увидела я не его величество Тутанхамона, а Хоремхеба. Он появился в мастерской накануне того дня, когда обещано было прибытие фараона, появился один, без слуг и сопровождающих, словно был простым воином, а не правителем Дома Войны, не главным управителем царского хозяйства, не одним из ближайших советников Великого Дома. Он застал меня в саду, где я собирала цветы мехмех, чтобы украсить ими свою комнату и весь дом. И когда он подошел ко мне и заговорил, я вздрогнула и рассыпала цветы, ибо не было на свете человека, которого я боялась бы больше, чем Хоремхеба. А он стоял передо мной и улыбался, но что-то хищное, жестокое было в этой улыбке.

— Привет тебе, Бенамут! Должно быть, уже знаешь о великой чести, которую его величество оказывает твоему отцу и тебе самой? Жаль, что боги призвали Кенна в царство Осириса.

са, он тоже был бы горд этой честью. Его величество хотел оказать тебе великую милость, назначив ежемесячную выплату серебра из царской казны. И я был не последним из тех, кто одобрил это и еще прибавил награду от себя...

— Благодарю тебя, господин, — сказала я тихо.

— Вот как распорядились боги! Ты могла бы стать знатной госпожой и женой наместника, а ты принуждена владеть свои дни в безвестности и печали... Но я хочу предложить тебе нечто другое, тоже хорошее. Помнишь, о чем мы говорили на празднике, устроенном Кенна в мою честь?

Страх горячей волной охватил меня, сжал свои мерзкие пальцы на моем горле. Никого не было в саду, да и кто мог помочь мне, если со мной говорил сам Хоремхем, если он протягивал ко мне руки, чтобы заключить меня в объятия? Я отшатнулась и ударились спиной о ствол дерева, который стал невольной преградой моему бегству. Хоремхем засмеялся, я ощутила его жаркое дыхание на своей шее, и оно показалось мне дыханием Сетха. Страх и стыд мешали мне закричать, и я только молча боролась, пытаюсь отдалить от себя его грубые ласки, но он был силен, как лев, и что стоило ему справиться с хрупкой девушкой? Бессильные слезы уже катились по моему лицу, и я почувствовала, что слабею, голова моя кружилась, и он уже подхватил меня на руки, чтобы унести туда, где никто не мог помешать ему свершить свое злое дело, как вдруг кто-то набросился на него и заставил выпустить меня из рук. Это мой отец, мой бедный незрячий отец, неведомым образом понял, что происходит, и пытался защитить меня. Он был силен, руки его были крепки, но он не мог противостоять могучему воину и оказался на земле, отброшенный сильным ударом. Вскрикнув, я бросилась к нему, дрожа от страха, ибо при падении отец сильно ударился головой о базальтовую глыбу, стоявшую в саду и еще не перенесенную в мастерскую. Хоремхем даже не глянул в нашу сторону, он молча вышел из сада, а я осталась с моим отцом, который несомненно пришел в себя. Рабы перенесли его в дом, голова у него сильно болела, его бил жестокий озноб, и страх за

него пересилил все другие чувства, даже томительное и радостное ожидание встречи с его величеством. Пришел жрец Ментухотеп, хорошо знавшим все, что касалось ранения головы, осмотрел отца, изготовил мазь, которая должна была исцелить его. Он не скрывал от меня, что удар был слишком силен и мог иметь плохие последствия, и остаток дня я провела в слезах, горько проклиная свою несчастную судьбу, которая заставила меня послужить причиной страданий горячо любимого отца. И наутро следующего дня все мои мысли были заняты только болезнью отца, которому становилось все хуже, так что, когда вскоре после ухода озабоченного и встревоженного Ментухотепа у ворот раздался стук, возвещающий о прибытии его величества, я едва сумела понять, что происходит. Одетая в простое платье, с лицом, еще хранившим следы горьких слез, вышла я встречать его величество. Стараясь не смотреть на него, не ранить своего взора его блистающей красотой и его величием, я пала ниц и поцеловала землю у ног фараона. Его сопровождали немногие царедворцы, среди них жрец Мернепта и еще карлик, при виде которого я вздрогнула, так странен и уродлив он был. Мне шепнули, что это Раннабу, новый придворный звездочет, и я почтительно поклонилась ему, хотя ростом он был едва ли выше пятилетнего ребенка. Я осмелилась взглянуть на его величество только тогда, когда он ласково спросил меня:

— Бенамут, что случилось? Уж не страшась ли какая-нибудь беда с Хесира?

Он был ослепительно красив, он был уже молодым мужчиной, черты его лица определились и стали чуть резче, но держался он со мной так же, как всегда — просто и приветливо. Я взглянула на него и почувствовала, что слезы вновь подступают к моим глазам. Несколько раз я пыталась заговорить, но каждый раз судорога сжимала мое горло, и я лишь покачивала головой в безысходном отчаянии. В это время один из придворных, уже побывавших в доме, шепнул что-то фараону, и лицо его величества выразило крайнюю тревогу и озабоченность

— Бенамут, как это случилось? Твой отец — любимый царский скульптор, его здоровье и сила угодны царскому дому, он находится под его особым покровительством, и горе тому, кто осмелится поднять на него руку! Рабы говорят, что кто-то ударил Хесира и что ты была при этом, говори — кто?

Как могла я разомкнуть уста, как могла назвать имя Хоремхеба, главного управителя царским хозяйством, правителя Дома войны, начальника над всеми военачальниками Кемет? В отчаянии я опустила глаза и сжала руки у груди, зная, что не в силах сказать правду. Придворные смотрели на меня, и особенно внимательно — придворный звездочет, в глазах которого я вдруг увидела не только сострадание и жалость, но и решимость помочь. Склонившись перед фараоном в почтительном поклоне, он сказал:

— Твое величество, если прикажешь, мы с божественным отцом Мернепта осмотрим твоего скульптора и постараемся помочь ему, если наши познания во врачебном искусстве позволят нам сделать это. Прикажи нам войти в дом и осмотреть больного, и я надеюсь, что мы сможем принести тебе радостную весть.

— Идите в дом немедленно! Я и сам хочу навестить Хесира, если только это не причинит вреда его здоровью. Оставайтесь здесь! — приказал он придворным и направился к нашему дому, где в своей комнате лежал мой бедный отец. Он лежал с закрытыми глазами, но, услышав шум шагов, открыл их и с изумлением услышал, что навестить его пришел сам фараон, владыка страны Кемет, божественный Небхепрура Тутанхамон. Его величество приказал ему спокойно лежать и милостиво разрешил больному поцеловать край своего золотого пояса, потом обратился к Раннабу и Мернепта:

— Осмотрите больного в моем присутствии, я хочу знать, насколько тяжел его недуг и что я могу сделать для него. Я уверен, что ты поправишься, Хесира, — ласково обратился он к моему отцу.

Пока Раннабу и Мернепта осматривали отца и о чем-то тихо переговаривались между собой, я смотрела на фараона, на

моего возлюбленного светлого Хора, так внезапно и милостиво снизошедшего ко мне со своих лучезарных высот, снизошедшего, чтобы спасти меня и моего отца. Лицо его казалось немного утомленным, глаза были печальны, и я смотрела и не могла насмотреться на это лицо, подобным которому мог быть только лик бога. Его величество больше не задавал мне вопросов, он внимательно наблюдал за действиями жреца и звездочета и, когда они кончили, спросил:

— Какова будет ваша весть?

— Добрая, божественный господин. Несколько недель Хесира принужден будет провести на своем ложе, на голову ему будут накладывать повязки, смоченные приготовленным нами снадобьем, а виски протирать особым целебным бальзамом, но жизни его ничто не угрожает, и вскоре он опять сможет взяться за работу. Так что не тревожься, твое величество, изгони печаль из своего божественного сердца, — добавил с улыбкой Раннабу, — прикажи только мне и божественному отцу Мернепта стать врачевателями Хесира, и ты узришь многие превосходные изображения, сделанные его руками.

Слезы радости хлынули из моих глаз, и я бросилась к ногам фараона, благодаря его за оказанную им милость, но он с улыбкой сказал мне, чтобы я поблагодарила Раннабу и Мернепта, искуснейших и мудрейших людей во всей стране Кемет. И когда я поблагодарила их, фараон сказал:

— Проведи меня в мастерскую, Бенамут, мне угодно взглянуть на изображения, выполненные твоим отцом в последнее время, ибо, когда он поправится, я поручу ему изготовление золотых статуй великого Амона для храма на севере Опета.

Мы спустились в мастерскую в сопровождении только одного телохранителя, могучего чернокожего кушита. Тихо и прохладно было в мастерской, где благодатное присутствие каменных изображений создавало особую, почти торжественную тишину. Его величество пожелал осмотреть работы отца, и я снимала ткань то с одного, то с другого бюста, закрывая их вновь, когда его величество отходил от них. Следуя за фарао-

ном, окрыленная радостной вестью врачей и взволнованная присутствием моего доброго бога, с трудом сдерживала я биение моего сердца, стук которого, как мне казалось, гулко раздавался в тишине огромной мастерской. Вдруг его величество сказал:

— Бенамут, ты не ответила мне, кто виновен в болезни твоего отца, но я это знаю и без твоих слов. Это Хоремхем вчера приходил сюда, чтобы известить тебя о моем решении, и это Хоремхем давно бросает на тебя нескромные взоры. Когда был жив Кенна, он держал свою похоть в узде, теперь же... Но ты не останешься без моей защиты, а Хоремхем понесет наказание за то, что он сделал. Как это было? Он ударил твоего отца?

— Да, твое величество. Мой отец хотел защитить меня... — Не в силах больше сдерживаться, я заплакала, не стесняясь присутствия фараона. И тогда он привлек меня к своей груди и поцеловал, но не так, как целуют, когда просто хотят утешить. Я очутилась в его объятиях, пылких и нежных, я услышала стук его сердца, я заглянула в его прекрасные глаза, полные нежности. И, охваченная огнем солнца, я наконец разомкнула уста и поведала ему о своей любви. Не обращая внимания на молчаливое присутствие кушита, не утирая своих горьких и одновременно счастливых слез, я рассказала о том, как впервые увидела изображение мальчика с добрыми и удивленными глазами, о том, как любовь к нему заставила меня заплакать за своей занавеской, как ловила каждый его взгляд, как ночами мечтала о нем, как согласилась стать женой благородного Кенна, который знал о моей любви и считал ее естественной, как, потеряв его, мучилась чувством вины и все же в мечтах совершала грех, вновь и вновь возлагая свое сердце на жертвенник любви к Солнцу, к тому, кто был неизмеримо выше меня. Он слушал, не размыкая объятий, глядя прямо в мои глаза, и мои слова лились потоком, бурным и благодатным, как воды Хапи, лились, освобождая меня от моей собственной тайны, сжигающей мое сердце и плоть. И когда слова кончились, я

прижалась к его груди и закрыла глаза, отдавшись блаженному счастью принадлежать ему, быть его верной рабыней, следующей только за велениями его сердца и уст. И еще я подумала: «Здесь, здесь, в этой мастерской, должно было это случиться...» Моя мать, которую я никогда не знала живой, смотрела на меня добрыми счастливыми глазами, глазами женщины, ведавшей, что такое любовь. Смотрел на меня и Кенна, на лицо которого я не успела набросить темную ткань, но во взгляде его не было осуждения, одна лишь бесконечная печаль. И когда мой прекрасный возлюбленный выпустил меня из своих объятий, я услышала то, что мечтала услышать и чему боялась поверить:

— Ты войдешь в мой женский дом, Бенамут, как только окончатся дни великой скорби и поправится твой отец, и я сделаю так, что ты забудешь все тревоги и печали в моих объятиях. Обещаешь забыть? — И он ласково погладил меня по щеке, задержав кончики пальцев возле моих губ. — Ты приятна мне, ты желанна моему сердцу, и то, что сказал мне Кенна перед смертью... Я догадывался об этом, но власть фараона не должна мешать счастливой любви его подданных. — И, увидев мое вспыхнувшее лицо, наклонился и прошептал тихо, одними губами: — Ты помнишь льва хатти? Ты хранишь его? Когда я приду к тебе в первую ночь, сделай так, чтобы он смотрел на нас, ибо в нем уже была моя к тебе любовь. А Хоремхем понесет наказание за то, что он сделал...

ПОЛКОВОДЕЦ ХОРЕМХЕМ

Эйе прекрасно знал, что немилость фараона, обрушившаяся на меня после случая с царским скульптором, не могла быть долгой и суровой, и потому без опасений явился в мой дом, уже с порога начав рассыпаться в любезностях. Не могу сказать, чтобы в тот день я был любезным хозяином, ибо даже не предложил чати пальмового или виноградного вина и принял его в своем покое, который был скромным жилищем воина, привыкшего к трудам и битвам. Покой этот был совсем не по-

хож на все остальные помещения моего дома, где все было роскошно и драгоценно, но в нем глаза мои отдыхали от блеска золота и лазурита и в нем легче было вести деловые разговоры. Это должно было поразить всякого, кто видел обстановку моего дома и кому было неизвестно это тайное убежище сокровенных мыслей Хоремхеба, но ничто не могло смутить Эйе, старого хитрого Эйе, который так ловко умел устраивать свои дела, несмотря на то, что ему никак не удавалось взять верх над молодым фараоном. Он начал обычным деловым тоном, который мы выдерживали уже на протяжении нескольких лет, и по его лицу я, как всегда, не мог догадаться ни о его мыслях, ни о его настроении.

— Мне все известно, Хоремхеб, и мне было бы трудно удержаться от того, чтобы не выразить тебе свое удивление. Неужели тебе так приглянулась дочь скульптора, что из-за нее ты готов был пожертвовать своим положением? Поистине, этот шаг был безумен, дорогой Хоремхеб, и благодари богов, что все это кончилось хорошо...

— Для меня еще не кончилось.

— Хорошо для Хесира, хорошо для Бенамут, хорошо для фараона, на ложе которого оказалась красивая, любящая его девушка. Он провел у нее четыре ночи подряд, такого давно не бывало! И для тебя все окончится хорошо, если только ты будешь благоразумен.

— Благоразумие принадлежит тебе, Эйе.

— Оно может стать и твоим достоянием, если ты будешь внимательно слушать меня и еще понимать, что я скажу. Кстати, из-за этой девушки Бенамут ты невзлюбил Кенна и попытался поссорить его с Небутенефом? А ведь Кенна когда-то очень любил тебя. Жаль, что он погиб, он был благородный человек, хорошей крови. Как это случилось, ты видел?

— Я был рядом с ним, когда хананейская стрела вонзилась в его горло. И я ей не помогал, Эйе, если ты это хочешь узнать.

— Зачем же так грубо? Ссора из-за женщины... Никакая женщина не стоит того, чтобы из-за нее предавать смерти одного из лучших военачальников. Ты же не так глуп, Хоремхеб.

Когда-то у тебя не вышло с Кийей, теперь... Женщины могут тебя погубить, Хоремхеб. Особенно царские наложницы...

— Ты пришел говорить со мной о царских наложницах?

Эйе деланно рассмеялся.

— Конечно, нет! Да и не хочу говорить о том, что доставило тебе много неприятностей и навлекло на тебя гнев фараона. Он просто опьянен дочерью скульптора, он пылает. В его возрасте это так понятно...

— Что же, это не разговор о царских наложницах, достойный чати?

— Нет, нет! — Эйе, все еще посмеиваясь, сделал отрицательный жест рукой и вдруг умолк, резко оборвал смех, как будто стер его со своих уст. — Оставим царское ложе, поговорим о царском троне. Чего мы с тобой добились? Ничего. Немху остались на своих местах, многие из них, например Май и Миннехт, занимают высокое положение, еще более почетное, чем при Эхнатоне.

— И твоя выдумка — с Кийей — не удалась.

Мне было приятно иногда говорить ему вещи, которые вряд ли были услодой для его слуха. Но, как всегда, лицо его осталось невозмутимым.

— Никто не мог ожидать, что мальчик останется таким твердым в своих решениях, Хоремхеб. Вспомни, ты сам когда-то считал его неспособным не только принимать решения, но даже сохранять необходимый владыке вид.

Я молча проглотил колкий ответ чати.

— Кийа должна была уйти, Кийа плохо исполнила то, что должна была исполнить. Она вызвала подозрения фараона, может быть, открыла тайну кому-то, кто донес ее до слуха Тутанхамона. Но он слишком умен, чтобы произносить мое имя, даже если оно сорвалось с уст Кийи. И все равно это неприятно. Но дело не в этом, достойный Хоремхеб, совсем не в этом. Пусть нам не удалось уничтожить немху, все права старой знати восстановлены, храмы открыты, богам приносят богатые жертвы...

— Богам, да, в том числе и Атону.

Глаза Эйе злобно сверкнули — на этот раз мне удалось вывести его из равновесия.

— Это так, Хоремхеб, но ни ты, ни я ничего не смогли сделать, вина лежит равно на нас обоих, и нам нет смысла задирать нос друг перед другом.

— Воистину, Эйе.

— Оставим пустые препирательства. Не все вышло так, как мы хотели...

— Вернее: ничего не вышло, досточтимый Эйе.

— Сдержи свое сердце, мы были и останемся союзниками, верными друзьями молодого фараона. Так ведь?

— Чего ты хочешь?

— Хочу, чтобы ты помог мне.

— В чем же?

— Нельзя допустить, чтобы в каждом степате правители вели счет времени по годам своего правления, как было в давние времена. Нужно, чтобы все чувствовали крепость мышцы фараона...

— Если можешь, выразишься яснее — я воин, я не привык к обходным тропам.

— Скажу прямо: Хоремхеб, мы должны усмирить местную знать, должны показать, что она ничто перед людьми золотой крови Опета. Я сказал достаточно ясно?

Он смотрел прямо мне в лицо, насмешливо, вызывающе. Клянусь всеми богами Кемет, если бы у меня висели на бедре ножны, моя рука схватилась бы за меч.

— Ты мне говоришь это? Мне, Эйе? Зная, что сам я прихожу из местной знати города Хутнисут, что мой отец был начальником слугителей бога в этом городе? Ты или безумец, или смеешься надо мной!

— Не смеюсь, Хоремхеб. Ты построил себе гробницу здесь, в Мен-Нофере, а не в своем родном городе Хутнисут. И ты принадлежишь теперь к знати Мен-Нофера больше, чем к той, откуда ты родом.

Кровь вскипела в моих жилах, и я вынужден был встать и пройтись по комнате, чтобы немного успокоиться. Хорошо

было бы выпить немного вина, но я не захотел угощать им Эйе и теперь страдал от этого сам. Эйе спокойно сидел в своем кресле, он даже не стал следить за мной взглядом.

— Значит, так, досточтимый Эйе? Сначала ты хотел взять власть над фараоном, держать его в узде, заставлять его делать то, что ты хочешь. Что угодно тебе. Ты и со мной хотел сделать то же самое, но тебе не удалось покорить ни меня, ни фараона. Потом ты захотел расправиться с немху, тебе и это не удалось. Теперь хочешь отвоевать то, что еще осталось, подчинить себе знать степатов? Остановись, великий чати! Иначе легко будет подумать, что ты сам помышляешь о власти!

— Молчи, Хоремхеб!

Вот теперь я увидел истинного Эйе — рассвирепевшего, с горящими глазами, в которых читалась одна только беспредельная злоба. Он встал и, резко отодвинув кресло, сказал очень раздельно и четко:

— Никто еще не осмеливался упрекнуть Эйе в том, что он замышляет недоброе против Великого Дома. Ты это сказал, и слова твои не унесены ветром в Ливийскую пустыню. Берегись, Хоремхеб, ты ошибся, ты сделал то, чего не нужно было делать. Оставайся же в благоденствии и процветании, пока... Прощай, я ухожу.

Он медлил, словно ожидая, что я брошусь за ним и повергну к его стопам свое раскаяние. Но он плохо знал Хоремхеба, хотя и думал, что знает его слишком хорошо. Это и заставило его сделать ложный шаг, слишком неосторожный и поспешный. Что могло его так встревожить? Что еще задумал сделать молодой Тутанхамон?

***

Царевич Джхутимес пришел ко мне, лицо его было затемнено тревогой. Я всегда знал, как вести себя с ним, но сегодня увидел его незнакомым, непривычным. С тех пор как он лишился своей возлюбленной Кийи, он редко показывался на людях и, как мне показалось, в сражении при Шарухене искал

смерти. Глупец, он не знал того, что смерть никогда не приходит к тому, кто зовет ее, что в этом она подобна женщине, чья любовь слишком дорого стоит, и потому я привык смотреть на него снисходительно, хотя он и был царского рода. Его я встретил иначе, чем Эйе, он не мог причинить мне особых неприятностей, хотя и пришел с явным намерением начать со мной какой-то разговор. Но начать он долго не мог, и мне приходилось только догадываться, что привело его ко мне в дни моей немилости, да еще с каким-то разговором. Наконец я спросил его прямо:

— Мы давно стали друзьями, Джхутимес, и слишком многое пережили вместе, чтобы вести друг с другом тайные игры, подобно нечестивым жителям Сати. Что тебе нужно? Что тебя привело ко мне? Ты же знаешь, его величество мною недоволен...

Джхутимес вздрогнул, как будто мои слова вывели его из глубокой задумчивости или содержали в себе страшный для него смысл. Он опустил недопитую чашу с вином, и к своему удивлению я увидел в его глазах слезы, которые воину нечасто приходится видеть на глазах воина. В его слезах отражались огоньки светильников, и от этого глаза казались излучающими свет.

— Хоремхеб, ты всегда был мне другом, мое сердце открыто для тебя, и хотя ты не любил мою Кийю, я прощал тебе то, что в любом другом счел бы непростительным преступлением. Хоремхеб, она удалилась от меня на поля Иалу, я знаю это, хотя многие считают, что ее сердце стало добычей чудовища Амт¹⁴². Но нет, я этому не верю! Кто осмелился поднять на нее руку? Какой человек, какой бог?

— Не кощунствуй, Джхутимес.

— Я почитаю богов! Когда почитать их считалось преступлением, я молился и Исиде, и Маат, и Тоту, я носил на груди древние амулеты, я всегда приносил им жертвы — если не вино и сосуды с благовониями, то хотя бы украдкой сорванные цветы. И только раз, Хоремхеб, только один раз я почувствовал, что земля пошатнулась и что на нее может обрушиться

небо. Это была Кийа, моя Кийа, и теперь, когда она наслаждается блаженством в Аменти...

Я усмехнулся, но промолчал.

— Кто был я для нее? Я, Джхутимес, недостойн был стать тенью от тени ее! Она знала любовь Эхнатона, она знала, что такое власть над всеми сердцами, и она снизошла ко мне, она поделила со мной ложе, она позволяла мне склоняться перед ней и служить ей, как богине. Она обещала, что выйдет за меня замуж, и если бы это случилось, уже не осталось бы на свете ничего, чего мог бы я желать. Она, жена Эхнатона, великого Эхнатона, согласилась стать моей женой...

— Джхутимес, Эхнатон был хилым и некрасивым, женоподобным. Эхнатон не был воином. Зачем же ты так низко ставишь себя?

— Он был великим фараоном, и он любил ее великой любовью...

— Великой? Вряд ли, если изгнал ее.

— Это враги!

— Какие? Ты знаешь сам, если человек любит, никакие враги не помешают его любви.

Джхутимес вздохнул и отпил большой глоток вина.

— Да, Хоремхеб, это так! Никто не заставил бы меня отказаться от Кийи, никто, даже родной отец! Я предпочел бы смерть разлуке с нею...

— Ты опять говоришь, как писали в старых папирусах. Эхнатон не похвалил бы тебя за это.

— Эхнатон... Мой брат Эхнатон, который всегда, во всем был выше меня, и не только потому, что владел двойной короной. Он владел Кийей, любовь Кийи принадлежала ему...

— Успокойся. Кийа мало кого любила!

Он резко поднял голову, и я мгновенно превратил свою усмешку в печальную, как будто полную сострадания улыбку.

— Хоремхеб, бывали дни и ночи, когда я верил, что она любит меня. Когда она лежала в моих объятиях, когда шептала слова любви, я помнил всегда о том, что слова эти, быть может, обращены не к живому царевичу, а к мертвому фараону.

Но когда она смотрела, улыбаясь, в мои глаза и говорила: «Джхутимес, не торопись, еще не пришло время, но ведь я обещала тебе, что запечатлею твои речи в своем сердце!», я знал, что говорит она это мне, только мне... Ты понимаешь это, Хоремхеб?

«Безумец, — подумал я, — безумец... Она издевалась над тобой, она и не думала любить тебя, и ты был для нее тем же, что сотый по счету мужчина для продажной женщины. Эхнатон платил ей щедро, ты же не мог дать ей ничего, ибо обыкновенное золото ее уже не удовлетворяло. Безумец! Безумец! Но неужели ты пришел ко мне только за тем, чтобы поговорить о своей Кийе, зная, что я не разделяю твоих чувств? Не за тем же! Но нужно дать ему выговориться, иначе я все равно не узнаю истины...»

— Тебе не в чем винить себя, Джхутимес. Ты любил ее, спас ее, сделал для нее все.

— Спас... — Он горько рассмеялся. — Спас! Я не смог защитить ее, не смог даже узнать имя убийцы, а ведь я не пощадил бы первого друга, если бы он был причастен к ее гибели, я мог бы...

— А если бы к ее гибели был причастен первый человек в государстве? — тихо спросил я.

Он отшатнулся, и лицо его помертвело. Никогда в жизни не видел я выражения такого ужаса и одновременно ярости на человеческом лице, живом и как будто сразу похищенным у земных радостей, на лице знакомом и неизвестном. Рука его, вновь взявшая чашу, вздрогнула так сильно, что добрая четверть вина выплеснулась на стол.

— Фараон? Ты говоришь — фараон?!

Какая возможность отомстить за свои обиды была бы у меня, если бы я был врагом фараона! Направить ненавидящий взгляд и руку этого безумца, имеющего доступ даже в царскую опочивальню, на незащитного человека, может быть, даже спящего, — и он сделал бы это, он поднял бы руку на своего кровного родственника и воспитанника. Но я не был врагом Тутанхамона, хотя и стал жертвой его гнева. Я смотрел

на Джхутимеса, наблюдал за ним, не торопясь исправить его ошибку. Он выпрямился, словно плетью ударили его по спине между лопаток, он был страшен, он был потрясен. Мы сидели друг напротив друга, между нами было колеблющееся пламя светильника и пролитое вино, как кровь.

— Тутанхамон? Тутанхамон повелел отомстить Кийе? Когда мои глаза застлало безумием, когда мне показалось, что она вместе с Эйе замышляет недоброе против фараона, я ударил ее, я чуть не убил ее, я... О боги? Это невозможно, Хоремхеб!

Мне доставляло странное удовольствие смотреть на его страдания, и я не торопился, я продолжал пить вино, спокойный, невозмутимый. Я ждал, до чего еще дойдет этот безумец, сын митаннийской царевны.

— Он сказал, что прощает ее, что разрешает ей уехать, и хотя он не дал согласия на мой брак с нею, он казался искренним, он... Лгал? Уже замышлял недоброе против Кийи? Мой мозг пылает, Хоремхеб! Лучше, в тысячу раз лучше носить песок в царстве Осириса, чем...

Он остановился, задыхаясь, и рука его потянулась к кинжалу, который он, садясь за стол, отстегнул от пояса и положил в стороне. Хотел ли он направить его в собственную грудь или в грудь юноши-фараона, который сейчас, быть может, предавался утехам любви? Но тут моя рука легла на его руку. Спокойно и холодно смотрел я на безумца, которого свела с ума любовь, и дивился про себя, что он мог так долго жить мечтами об одной женщине.

— Джхутимес, тебе не кажется, что ты ведешь слишком опасные речи? Ты угрожаешь фараону в присутствии правителя Дома Войны, безумствуешь, кипишь злобой, как ядовитая змея, а разве я сказал тебе, что это фараон отдал приказ убить Кийю?

— Ты сказал, Хоремхеб — первый человек в государстве!

— Кто же называет фараона человеком? Он бог, живой бог страны Кемет. Он сделал то, что сделал, простив и разрешив Кийе удалиться в дальние степаты. Я другого имел в виду, Джхутимес...

— Эйе?

Я не стал подтверждать высказанную им догадку словами, произнесенное принадлежало ему, только ему. Я даже головой не кивнул. Боги предоставили мне неожиданный случай отомстить Эйе, и я не собирался упускать его. И я поспешил добавить с лицемерным беспокойством:

— Но ты должен обещать мне, Джхутимес, что никому не скажешь о том, кто открыл тебе глаза. Кийа и сама рассказала тебе о том, что некие тайные дела связывали ее с Эйе, правильно я тебя понял? Я лишь подтвердил это и сказал тебе, что в ее гибели виновен не фараон. Помни, Джхутимес, что речь идет о первом лице государства, о великом чати, о верховном жреце Амона-Ра. И если ты мог бы мстить человеку, то ты не вправе мстить отцу бога и советнику фараона. Да и кто говорит об ударе кинжалом? Посвяти в свою тайну его величество, ведь вы до сих пор остались друзьями...

Джхутимес тяжело дышал, опустив голову на грудь, дышал, как загнанный зверь. Да это так и было — любовь, страстная любовь к женщине, которая когда-то взлетела так высоко и потом поплатилась за свою дерзость, загнала его в ловушку, из которой он уже не мог выбраться, отдавая последние силы на эту бесплодную, безысходную борьбу. И хотя сам я в какой-то мере сделался жертвой своей страсти, мне было далеко до безумия Джхутимеса, и мысль о нагой Бенамут, лежащей в объятиях молодого фараона, не вызывала у меня безысходных вожелений. Разве мало было женщин в Мен-Нофере? Разве мало было их во всей Кемет, да и за ее пределами тоже? С моей силой, моей внешностью и моим золотом я мог рассчитывать на большее, чем любовь царской наложницы, хотя бы она и принадлежала в настоящем Тутанхамону или в прошлом — великому Эхнатону.

— Говорю тебе еще раз: ты возненавидел Эйе, и мне не за что любить его, но действовать в открытую ни тебе, ни мне нельзя. Попробуй действовать через фараона, расскажи ему о том, что тебе поведала Кийа, ибо теперь, когда ее нет в живых, ничто не накладывает печати молчания на твои уста. Так ты сумеешь лучше отомстить ему...

Я не стал упоминать о немху, ибо Джхутимес был царской крови, и его не могли привлекать или огорчать заботы низко-рожденных. Мне было достаточно того, что стрела направлена, что ее наконечник смотрит в грудь Эйе, и еще большую радость доставляло то, что я ощущал свою власть над этой стрелой. Захочу и ослаблю тетиву, захочу — сломаю стрелу и отброшу прочь, а если Эйе будет всерьез угрожать мне, натяну тетиву до предела. И я похлопал по плечу царевича, который отныне стал игровой костью в моих руках.

— Успокойся, смири свое сердце, Джхутимес. Время мести еще не настало, Кийа не вынуждает тебя действовать сплеча. И хотя мы оба воины, осторожность никому не мешает. Даже на войне иногда приходится выбирать тайные тропы...

Джхутимес выпил еще чашу вина, вздохнул полегче, но глаза его все еще оставались напряженными. Я спросил его:

— А ты ведь шел ко мне с чем-то, царевич? Неужели ты так удивился, что уже обо всем забыл?

Джхутимес снова вздрогнул, мне показалось, что на его лице отразилось смущение.

— Об этом нельзя было забывать, Хоремхеб... Ты знаешь, что я дружен с царевной Ташшур, женой фараона, соотечественницей моей матери? Она поведала мне странные вещи, о которых еще не знает фараон. Она и рассказала их мне, чтобы спросить совета, как ей следует поступать и должна ли она предупредить обо всем Тутанхамона. Хатти собираются напасть на владения Митанни в землях Ханаана, и кое-кто из местных царьков перешел на их сторону, чтобы избежать разорения и гибели своей области. Душратта обеспокоен, что принадлежащие Митанни ханаанские земли без боя достанутся хатти, и он размышляет над тем, стоит ли попросить помощи у Кемет. Хотя наши отношения скреплены договором, царь Митанни опасается, что Великий Дом воспользуется слабостью его царства и посягнет на владения, принадлежащие ему. И все же Душратта склоняется к тому, чтобы попросить помощи у Кемет, потому что хатти больше всего боятся именно этого. В разговоре с Супиллулиумой Душратта пригрозил ему

войсками Кемет, и царь хатти испугался. Если его величество примет решение помочь Митанни и бросит в Ханаан большие силы, если к тому же сам фараон встанет во главе войска, хатти погибнут. У них достаточно сил, чтобы бороться с митаннийцами, но против объединенных сил Митанни, Кемет и Ретенну, которая непременно присоединится к Кемет в случае войны, им не устоять. Все это пока держится в тайне, Ташшур получила послание от своего деда, который просит ее разузнать, возможно ли обратиться с этим делом к фараону, и она боится, что может причинить вред или своему мужу, которого страстно полюбила, или своему деду. Я пришел посоветоваться с тобой, Хоремхеб.

— Ты знаешь, Джхутимес, что фараон считает силы Кемет недостаточными для борьбы с хатти.

— Знаю! Но если силы союзников объединятся, опасаться нечего. Мы возьмем хатти в тиски, мы можем стереть с лица земли это царство. Нужно уговорить фараона согласиться на военные действия, убедить его, что этот поход может быть таким же победоносным, как войны великого Джхутимеса III. И тогда во всем мире уже не будет государства сильнее Кемет! Только...

— Что только, Джхутимес?

— Есть еще нечто, чего опасается Душратта: кое-кто из хатти пытается завязать тайные связи с влиятельными лицами при дворе, и они будут удерживать фараона от войны. Но меня беспокоит даже не это, а нечто другое: если хатти отыщут путь к сердцу какого-нибудь придворного, они могут...

— Что могут?

— Страшно произнести, Хоремхеб. Могут пойти на все, чтобы остановить фараона...

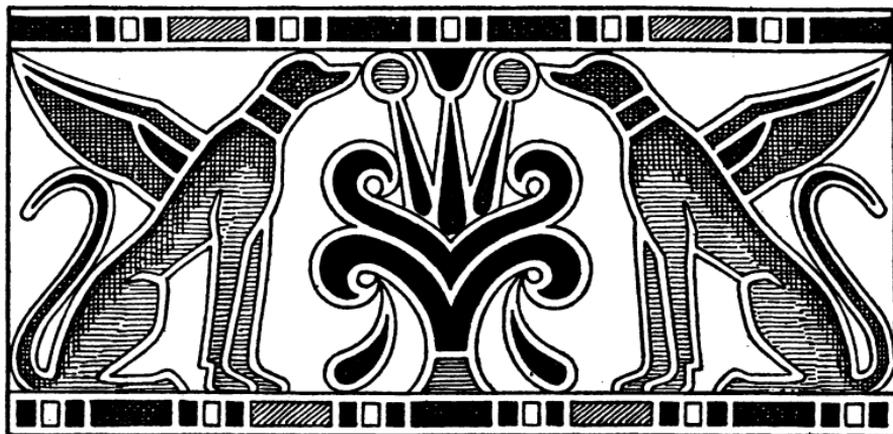
Я внимательно взглянул на него, он казался очень взволнованным этой мыслью, словно сам некоторое время тому назад не был готов вонзить кинжал в сердце мнимого виновника гибели Кийи. Джхутимес был слабым человеком, его сердцем могла играть женщина, мог играть коварный враг или умный и хитрый друг. Но то, что он сказал, меня встревожило. Хатти

были опасными врагами как на войне, так и за пределами ее, и неосторожность митаннийского царя могла привести к неожиданным последствиям. И я сказал Джхутимесу напрямик:

— Устрой мне встречу с его величеством, Джхутимес, умоли его, чтобы он сменил гнев на милость. И смотри, чтобы об этом не узнал Эйе...

ОТЕЦ БОГА ЭЙЕ

...Но я узнал об этом, ибо для меня не было тайн под солнцем страны Кемет, ибо верный раб доложил мне о том, что по просьбе Джхутимеса его величество сменил гнев на милость и принял правителя Дома Войны в своих покоях, где никто не был свидетелем их беседы. Одно только мне удалось узнать — что речь идет о войне с хатти. И я понял, что должен удержать его величество от неосторожного шага, ибо моя преданность царскому дому была безгранична, ибо мое время еще не настало...

Книга третья. Закат

Оба наших города разрушены, перепутались дороги.
Я ищу тебя, потому что жажду видеть тебя.
Я в городе, в котором нету защитной стены.
Я тоскую по твоей любви ко мне.
Приходи, не оставайся там один! Не будь так далек
от меня!

«Плач Исиды по Осирису»

Пристало смерти имя «Приходи».
Кого ни призовет к себе — приходит.
И смертный страх объемлет их сердца.
Лица ее увидеть не дано
Ни людям, ни богам. Ее рука
Равняет знатного с простолудином.
Ни от себя, ни от кого на свете
Ее перста вовек не отвести...

«Плач по усопшим»

ЖРЕЦ МЕРНЕПТА

Кто знал тогда, кто мог предвидеть, что это блестящее царствование уже клонится к закату? Слишком быстро, слишком успешно свершилось то, что казалось небывалым, что не было бы под силу и самому Эхнатону, если бы вдруг решил он

повернуть свою дорогу вспять и восстанавливать то, что разрушил. Но прав был мудрый Раннабу, изрекший однажды под звездным небом горькую истину: память о разрушителях живет дольше, имена же тех, кто воздвигает поверженное в прах, стираются в памяти поколений. Оба мы знали, что прогремит в веках грозное имя Эхнатона, что скроется под песками короткой памяти и людской неблагодарности имя Тутанхамона, юного царя, принявшего на свои плечи непосильную тяжесть, которая придавила его к земле и остановила в самом начале блестящего пути. С тревогой смотрел я на него, с тревогой видел, как окрепшие крылья молодого сокола увлекают его все выше и выше, к самому солнцу. Мой мальчик, сын моего Ба, заменивший в моем сердце всех, кого любил я когда-то и утратил безвозвратно, уже не мог остановиться в своем полете, не мог сложить крыльев, не мог разжать пальцы и выпустить из них священный скипетр джед, и он так крепко сжимал его, что скипетр переломился...

В тот год много ночей подряд вместе с Раннабу мы наблюдали за звездами и научились понимать друг друга без слов. Этот карлик поистине обладал божественной мудростью, но, кроме того, и бесценным даром молчания, который свойствен лишь немногим избранным богами. Он открыл мне некоторые тайны ханаанских мудрецов, и я был благодарен ему, ибо мой бог-покровитель учил меня не гнушаться знаниями, сообщаемыми любимым человеком, хотя бы и был он низкорожденным и не приобщенным к таинствам храмов. Иногда, хотя и очень редко, присоединялся к нам и фараон и молча слушал наши ученые беседы, изредка задавая вопросы. Но чаще всего он стоял в отдалении от нас и просто смотрел на звезды, думая о чем-то своем, и я мог догадаться по его лицу, что мысли были невеселые. В одну из таких ночей мы с Раннабу заметили странную звезду, за которой тянулось по черной глади неба красноватое облако. Красный цвет был знаком присутствия Сетха и предвещал недоброе, и я с тревогой взглянул на Раннабу, который напряженно всматривался в звезду своими большими зоркими глазами, а потом перевел взгляд на фарао-

на, который стоял на этот раз рядом с нами. Неожиданно Тутанхамон спросил:

— Учитель, что ты считаешь самым страшным на свете?

Я обрадовался, что он не спросил про звезду, и, немного подумав, ответил:

— Твое величество, самым страшным я почитаю глупость, которая порой бывает страшнее и разрушительнее самого изобретательного разума. Еще я почитаю страшной зависть, ибо она рождает многие пороки и превращает человека в алчущее животное.

— Так и должен был ответить верный служитель бога мудрости, — улыбнулся Тутанхамон. — А я скажу тебе, учитель, что самым страшным почитаю предательство. Любой враг, если лицо его открыто, может быть побежден. Но если рука, которую ты считаешь рукой друга, сжимает в складках одежды кинжал...

Я с беспокойством взглянул на него, ибо почувствовал, что слова его таят в себе скрытый смысл. Но кого из тех, кто мог называться другом фараона, мог он заподозрить в предательстве? Я увидел, что и Раннабу встревожился.

— Что тебя заставляет говорить так, твое величество? Разве кто-то из твоих приближенных заслужил твое недоверие? Открой мне свое сердце, облегчи его тяжесть, быть может, я сумею помочь тебе, смогу развеять твои подозрения...

— Положи руку мне на плечо, Мернепта, — неожиданно сказал он, — я хочу ощущать твою руку, ибо знаю, что она никогда не нанесет удара из-за угла. Сделай это, учитель, я хочу этого...

Я исполнил его просьбу и почувствовал, что по телу его пробегает легкая дрожь. Не говоря ни слова, я накинул на его плечи свой плащ, хотя и понимал, что он дрожит не от холода. Раннабу хотел было отойти, чтобы не мешать нам, но Тутанхамон остановил его:

— Останься, Раннабу, твои глаза могут увидеть то, что ускользнуло от моего взора и от взора моего учителя.

Раннабу почтительно поклонился и замер, глядя снизу вверх на нас, которым приходился чуть выше пояса. Странное

это было зрелище — фараон, жрец и ученый карлик на плоской крыше храма бога Пта, под тревожным звездным небом.

— Вот что тревожит меня — заговорил Тутанхамон медленно и очень тихо, — что не дает покоя моему сердцу, что мешает сну и отдыху и уводит меня в край мрачных мыслей, горьких, как перезревшие плоды. Было время, когда люди Кемет разделились на приверженцев Атона и старых богов, на немху и людей золотой крови. Тогда Кемет была со всех сторон окружена врагами и речь шла уже не о расширении и даже не об удержании границ, но о спасении остатков ханаанских владений. Если посылали войска в Ханаан, у них не было никакого успеха, ибо брат смотрел на брата как на врага и поклоняющийся Атону был готов вонзить зубы в горло тому, кто хранил амулет с изображением Амона-Ра. Настало время, когда все поняли, что, если так и будет продолжаться, Кемет погибнет под натиском хананеев или хатти. Восстановленные храмы побудили людей к примирению, боги просветили их разум, и рука сошлась с рукой, и брат наконец взглянул в глаза брата. Но вот прошло время, и все забыли о том, что враги Кемет живы и благоденствуют. Мои войска ведут успешные бои в стране Куш, храмы получают богатую военную добычу, добились мы успехов и в Ханаане, но все это время хатти собирали силы. И вот теперь предстоит решить, что делать: допустить, чтобы стрела войны перелетела через границы царства Хатти, или ждать, пока оно само двинется на нас? Недавно у меня были Джхутимес и Хоремхеб, оба они обеспокоены тем, что наш союзник и дед моей жены Ташшур Душратта может не выдержать натиска хатти и погибнуть, увлекая за собой многие мелкие царства. Эйе же противостоит этому, Эйе не хочет войны. Я и сам не стал бы развязывать ее, пока мы были слабы, ты помнишь, учитель, как в свое время я удерживал от этого Хоремхеба...

— Помню, твое величество.

— Но теперь я вижу, что Кемет достаточно сильна, чтобы противостоять хатти, а главное — я не могу допустить, чтобы погиб тот, кому я обещал твердый союз и покровительство.

Быть трусом, когда речь идет о спасении друга — худшее из предательств! И я решил, что повелю Хоремхебу собирать войска на северо-востоке. С Эйе я справлюсь, я давно уже не соглашаюсь с ним во многих вещах. Но вот что страшно: моя жена, царица Ташшур, по просьбе Джхутимеса сама все рассказала мне, поведала, что Супиллулиума намеревается действовать и силой, и хитростью против Великого Дома, чтобы не допустить прибытия войск Хоремхеба на границу Ханаана. Против силы есть оружие, есть мечи и луки. Но против хитрости...

— Ты подозреваешь кого-нибудь, твое величество? — спросил я.

— Хуже всего обидеть человека несправедливым подозрением, и я стараюсь не думать плохо о людях, которые не причинили мне никакого зла. Да и кто может действовать заодно с хатти? В моем женском доме нет женщин их племени, среди сыновей Кемет вряд ли найдется кто-то, кто может желать победы хатти. Это невозможно! — Он содрогнулся от самой этой мысли, она привела его в ужас, как внезапное появление ядовитой змеи. — И кто может действовать против меня? Немху благодарны мне, благодарны и те, кому я вернул свою милость — бывший верховный жрец Дома Солнца Туту, царедворец Маху, не говоря уже о служителях богов, чьи храмы несказанно обогатились. Неджесы и воины тоже не поднимут меча против меня, ибо я уменьшил налоги, ибо поддержал войска в трудное время богатствами царской казны. Кто же тогда, кто?

— А откуда получила эти сведения твоя жена, божественный господин? — спросил Раннабу. — От своего деда?

— Да, от своего деда, царя Душратты. И она не стала бы обманывать меня, она любит меня...

— Прежде всего потому, что обман не в интересах ее деда, царя Митанни, — рассудительно заметил Раннабу.

Тутанхамон улыбнулся и протянул руку, чтобы коснуться косматой головы карлика.

— Ты не веришь в бескорыстную любовь женщины к мужчине, Раннабу?

— Мне самому не дано испытать любви женщины, твое величество, но я не могу не верить, когда вижу ее величество царицу Анхесенпаамон, когда вижу Бенамут, чьи сердца горят любовью к тебе. И все же женщины бывают коварны, а бывают просто глупы, и тогда невольно могут причинить зло...

Тутанхамон задумался, глядя на звезды. Своей тонкой, узкой рукой он удерживал мою руку на своем плече, и сердце мое радовалось от того, что он еще нуждается в моей поддержке, хотя сам давно вершит судьбы Кемет. Раннабу что-то пробормотал себе под нос, должно быть, опять по поводу женской глупости или хитрости, и это рассмешило нас. Становилось прохладно, как всегда бывает ночами перет, и я сказал:

— Твое величество, не пора ли вернуться во дворец?

— Нет-нет, побудем здесь еще, учитель. Я хочу услышать твой совет, твой и Раннабу. Эйе уже не может помочь мне. С недавних пор я чувствую, что мы отдаляемся друг от друга...

— Твое величество, ты должен поступать так, как велит тебе твое сердце, — сказал я, — молись богу мудрости, прикажи служителям богов во всех святилищах Кемет читать молитвы о спасении фараона от врагов его. И присматривайся к тем, кто особенно угождает тебе, кто пытается проникнуть в твои тайные мысли...

— И никому не говори о том, что собираешься послать Хоремхеба с войском в Ханаан, — добавил Раннабу. — Сотвори все тайно, твое величество, а если удастся, направь врага по ложному следу...

— Как, Раннабу?

— Отправь двух гонцов к царю Митанни — одного явно и на виду у всех придворных, дай ему послание, в котором будет заключаться твердый отказ отправить войска ему на помощь. Второго же пошли тайно, и в послании, которое ты дашь ему, будет заключаться истина — твое согласие. Не забудь предупредить свою жену, митаннийскую царевну. Тогда твой тайный враг, если он существует, выдаст себя тем, что либо попытается перехватить первого гонца, либо постарается подкупить его. И в том, и в другом случае ты ничего не потеряешь, а к тому же

можешь еще напасть на след врага. Если только твой враг очень умен и хитер, он может не попасться в эту ловушку...

— Благодарю тебя за совет, Раннабу, такого поистине не могли бы придумать мои мудрые советники! — сказал фараон, и в его голосе прозвучало восхищение пополам с искренним изумлением. — Я не думал, что ты так хитер, мой придворный звездочет.

— Твое величество, я родом из племени кочевников шасу, а их в Ханаане называют хитрейшими людьми на свете, превосходящими даже фенеху, — не без гордости заметил карлик. — И если мне удастся оказать тебе услугу, я буду чувствовать себя счастливым, твое величество.

По двору храма изредка проходили жрецы со светильниками в руках, и, замолчав, мы стали смотреть на эти плывущие огоньки, которые на время отвлекли нас от звезд и от нашего невеселого разговора. Откуда-то доносились скорбные и торжественные звуки гимна, слова разобрать было трудно, но и без этого гимн производил величественное и грозное впечатление, и я вспомнил свою молодость и свое служение в храме бога Тота, и тот день, когда впервые увидел Тэйе, мою божественную, мою невероятную Тэйе... Задумался о чем-то и Раннабу, тихонько покачиваясь из стороны в сторону, одними губами повторяя напев. Над нами в небе все еще светила грозная красноватая звезда, но когда я наконец снова обратил к ней взор, мне показалось, что блеск ее постепенно угасает и что она уплывает от нас, унося в себе недоброе предзнаменование.

Мысленно я призвал своего бога-покровителя, и мне показалось, что он отвечает мне. Кто лучше бога Тота мог оценить мудрость молодого правителя, внимающего разумным советам своих слуг, миролюбивого и доброго, не желающего оскорблять неповинных своим недоверием? Я вспомнил его детскую игру с пальниками — «господин, сын, второй сын...», — и грустно и вместе с тем приятно стало моему сердцу, сознающему, как быстро и неумолимо летит время, не желающее ни ускорить, ни замедлить свой бег. И Тутанхамон, словно подслушав мои мысли, сказал:

— Помнишь, учитель, как ты открывал мне первые тайны звезд, а мне все казалось, что если есть на небе нога быка, то должен быть и хвост, и голова, и даже гирлянда цветов, как на шее Аписа¹⁴³? А ты был добр и терпелив и объяснял мне расположение звезд, не прибегая к помощи палки, которая всегда была у тебя в руке, но никогда не опускалась на мою спину. Может быть, именно тогда я понял, что терпеливое и разумное слово может сделать больше, чем палка. И когда в левой моей руке оказался жезл, а в правой — плеть, я предпочел действовать с помощью жезла. Вот Эйе советовал мне прогнать прочь немху, расправиться с ними. Я не стал его слушать и получил множество преданных слуг, и все они — от Туту до самого последнего в ряду военачальников — служат мне. А ведь совсем недавно я узнал от Джхутимеса, что Эйе пустился на хитрости и тайные дела, чтобы добиться своей цели. Мне было неприятно услышать это, но я ничего не сказал Эйе, ибо он предан мне и оказал множество услуг. Он имел право таить обиду на немху, ибо он человек наградного золота по праву крови и превыше всего ценит права этой крови. Как мог я его обидеть? Мне жаль только, что погибла Кийа, хотя я не любил ее и не мог любить. Но мстить женщине — недостойное дело. Джхутимес винит в этом Эйе, но я не верю ему, хотя могу понять, что с ним происходит. Он очень любил эту женщину, которая была недостойна его любви...

— Поистине ты мудр и благороден, божественный господин, — искренне сказал Раннабу.

Тутанхамон улыбнулся, взор его вновь обратился к Раннабу. Он смотрел сверху вниз на маленького человечка с большой головой, но во взгляде его не было снисходительности, только уважение. Я тоже выразил свое одобрение Раннабу кивком головы и улыбкой.

— Признаюсь, труднее всего было мне простить Хоремхеба, — сказал Тутанхамон, — меня очень огорчила болезнь Хесира. Хорошо, что он теперь поправляется... Скажите мне прямо, не скрывайте правды: его болезнь пройдет бесследно, он сможет работать так, как раньше?

— Сможет, божественный господин, — сказал Раннабу, — когда пройдет слабость, вызванная долгим лежанием, он снова возьмется за резец. Он и сейчас мечтает о том, как будет изготавливать формы для отливки статуй из золота, как потом украсит статуи смарагдами и лазуритом. Руки этого мастера воистину зорче глаз, они замечают в людях то, чего не видят ни они сами, ни окружающие их зрячие. Хесира счастлив твоей милостью, счастлив судьбой своей дочери, и все, что случилось, считает благоволением богов, которые всегда берут с осыпаемых их милостями высокую плату.

— Высокую плату, — задумчиво повторил Тутанхамон, — ты заметил верно, Раннабу: высокую плату.

По лестнице поднялся старший жрец с тростниковым факелом в руке, почтительно поклонился фараону, сказал, что прибыл гонец от царя Ашшуруббалита с чрезвычайно важным посланием для его величества. Мы спустились во двор храма и вышли за его ворота, сопровождаемые особенно уважаемыми служителями бога. У царской колесницы ждал уже гонец, измученный человек с бледным лицом, конь которого лежал тут же, весь покрытый пеной, он был загнан и издыхал, но все еще изо всех сил старался подняться, оглашая воздух слабым жалобным ржанием. Гонец пал ниц перед его величеством и протянул мне табличку, покрытую письменами ретенну, которую я почтительно передал фараону. Тутанхамон быстро пробежал глазами написанное на знакомом ему языке и сказал, обращаясь ко мне и Раннабу:

— Мой брат Ашшуруббалит предупреждает меня о том, что хатти вторглись в область Ханаана и сомкнули кольцо вокруг Угарита. Если мы не поможем Душратте, он погиб...

Мы с Раннабу переглянулись, без слов понимая друг друга. Кольцо опасности сжималось вокруг его величества по мере того, как смыкалось вокруг Угарита кольцо воинов хатти. И он тоже понял это, потому что губы его сжались, а глаза стали печальными, но, клянусь таинствами храмов, в них не погасла твердость. В полном молчании мы прибыли во дворец и проводили фараона в его покои. Тайна принадлежала только нам,

ибо никто, кроме жрецов храма Пта, не был свидетелем прибытия гонца из Ретенну, но тревога вновь охватила нас, когда мы покинули опочивальню его величества. И Раннабу сказал:

— Теперь глаза наши должны стать зорче рук Хесира, досточтимый Мернепта. Кстати, завтра хорошо бы посетить его, посмотреть, как жрец Ментухотеп соблюдает наши указания. В мастерской Хесира бывают разные люди, и он предан фараону, поэтому надлежит и его посвятить в наши дела. Он очень умен, этот скульптор Хесира....

СКУЛЬПТОР ХЕСИРА

Недуг долго томил меня, страшные головные боли, от которых, казалось, пылал чудовищным огнем мозг, долго не давали мне сомкнуть глаз ни днем, ни ночью, долго водили меня страшными лабиринтами темноты и ужаса, рождая в сердце образы чудовищ Аменти. Порой казалось, что головокружение вот-вот швырнет меня на острые вершины скал, порой я летел в глубокую пропасть, встречавшую меня резким свистом ветра и тяжелым хлопаньем крыльев страшных летучих мышей. И когда неведомая волна вновь выбрасывала меня на поверхность земли и услаждала истомившееся тело слабым дуновением прохладного северного ветра, я опять мог вздохнуть полной грудью и набраться сил для того, чтобы противостоять новым мучениям. Так продолжалось несколько недель, показавшихся мне бесконечными, потом потянулись дни мучительной слабости, не позволявшей поднять рук, которые рвались уже к привычным инструментам, тосковали по гладкой поверхности черного камня, по шероховатой поверхности розового песчаника, по холодной влажности послушной глины. Пальцы еще плохо слушались меня, и я едва мог донести до рта кусок лепешки, а чаша дрожала так, что молоко и вино выплескивалось из нее, и кто-нибудь из тех, кто был у моего ложа, сам подносил чашу к моим губам, поддерживал мою голову. Чаще всего это были нежные и верные руки моей Бенамут, которая ухаживала за мной с самоотверженностью и тер-

пением, унаследованными ею от ее матери, моей любимой жены Мерит. Но когда, по словам ученого жреца Мернепта и придворного звездочета Раннабу, опасность уже миновала и я мог подниматься со своего ложа, я настоял на том, чтобы исполнилось то, чего она так страстно желала, что было воздухом ее и солнцем в течение долгих десяти лет. В те дни настал конец и дням скорби по Кенна, и Бенамут могла уже не носить одежд, приспущенных с левого плеча. С робостью и смущением поведала она мне о том, что произошло в мастерской в день посещения ее фараоном и потом со слезами упала на мою грудь, прося у меня прощения за свое счастье. И я погладил ее по голове и сказал ей ласковые слова, уверяя ее, что счастье ее стало наградой за долгую верную любовь к повелителю ее помыслов и сердца, к владыке страны Кемет... И я готов был едва ли не благодарить Хоремхеба за причиненные мне страдания, которые так неожиданно одарили мою Бенамут заслуженным ею, но невероятным счастьем.

И вот настал день, когда я вернулся в мою мастерскую, где изготовленные мною изображения встретили меня безмолвным, но радостным приветствием, которое я ощутил всем телом, а не только дрожащими от волнения кончиками пальцев... Вот снова взялся я за комок влажной глины, вот снова мои пальцы ощутили твердость резца, вот снова вспомнились уроки великого мастера Джхутимеса, с которым свела меня в Ахетатоне счастливая и поистине благосклонная ко мне судьба. Воссоздав в памяти лицо моей Бенамут, взялся я за работу, подобной которой не было еще в моей жизни. Лицо счастливой Бенамут, влюбленной Бенамут, Бенамут любящей и любимой — не ради ли этого жил Хесира, не ради ли этого оттачивал свое мастерство, изображая десятки людей, жрецов и сановников, военачальников и членов царской семьи? И я торопился, чтобы успеть закончить работу ко дню ее прихода, к тому дню, когда она, сияющая счастьем, посетит свой родной дом...

И вот она пришла, вот появилась в моей мастерской, и едва я услышал ее легкие шаги, я уже не мог спутать их ни с ка-

кими другими. Она обняла меня так крепко, что я удивился, ощутив подобную силу в ее нежных руках, и почувствовал запах дорогих благовоний от ее волос. Она тихо плакала и смеялась, ласкаясь ко мне, и ласка ее рук была для меня дороже ценности золота и смарагда, даже дороже ценности моего камня... Торжествуя, что могу сделать ей подарок, я снял темную ткань, покрывающую ее изображение. Она вскрикнула от радости, но в голосе ее послышалось мне нечто, что меня удивило. И я спросил ее:

— Что скажешь ты, Бенамут?

— Что скажу? Скажу, что никогда не думала, что так красиво мое лицо, что так огромны мои глаза. Но почему, отец, ты сделал меня печальной? Никогда еще я не была так счастлива, никогда еще мое сердце не пело так во славу великой Хатхор, а ты изобразил меня только вдовой Кенна, но не возлюбленной моего дорогого господина... Разве мои губы так горько сжаты? Вот возьми, коснись их! — Она взяла мою руку, провела ею по своим губам. — Ты тосковал по мне, отец, ты был печален, и, должно быть, это и запечатлелось в камне. Но мне хотелось бы видеть себя счастливой!

Никогда еще не был я так поражен, никогда еще не испытывал таких сомнений в своем мастерстве, ибо сердце мое ликовало, когда я брался за работу, и мыслью моей было изобразить счастливую Бенамут, Бенамут, лучившуюся счастьем... Смущенный, я пробормотал:

— Должно быть, ты права, Бенамут. Но я сделаю другой твой портрет, где не буду уже давать воли своим чувствам. Пойдем лучше, я угощу тебя ореховым печеньем на меду, которое ты так любишь, и ты расскажешь мне о том, как тебе живется.

Слуги накрыли низкие столики в саду, под цветущими зарослями гранатника, и Бенамут вновь принялась ухаживать за мной, как в былые дни. Потом мы отправились в беседку, увитую душистыми цветами, и, припав лицом к моим рукам, она сказала:

— Отец, я и подумать не могла, что бывает в жизни счастье, которое должны бы испытывать только боги и богини, но

которое они по своей милости иногда даруют людям. Мой возлюбленный господин часто приходит ко мне, и это дороже всех подарков, которыми он меня осыпал, дороже всех превосходных вещей, которые меня теперь окружают. Когда впервые он был со мной, он сказал, что у меня такие же руки, как у тебя — сильные и чуткие. В ту ночь птицы пели так, что порой заглушали его шепот. Когда меня привели к госпоже Тэе, кормилице вечноживущей Нефр-эт, она ласково сказала мне, что я обязательно рожу сына. То же сказал и Раннабу, и я сердцем знаю, что это так и будет. Теперь я часто вижу моего божественного господина, и мне достаточно даже этого, а порой я замираю от счастья при мысли о том, что дышу одним воздухом с ним, даже когда его не вижу. Все во дворце добры ко мне, даже великая госпожа. Чем же заслужила я такое счастье, отец, чем умилистила богов?

С улыбкой слушал я ее болтовню, такую милую и наивную, делающую ее похожей на ту маленькую Бенамут, которая, уткнувшись лицом в мои ладони, поверяла мне свои детские радости и секреты. Она слишком рано сделалась взрослой, приняв на себя груз забот обо мне, и теперь было отрадно видеть ее совсем юной, беззаботной и безмятежно счастливой. Но я продолжал думать о своей непонятной ошибке, которая привела меня в смущение и заставила опасаться, что болезнь повредила моему мастерству, лишила руки их обычной зрячести.

— Ты чем-то опечален, отец? — спросила Бенамут. — Я болтаю лишь о себе, я совсем забыла расспросить тебя о мелочах твоей жизни, о твоих заботах... Легко ли тебе справляться со всем без меня?

— Не беспокойся обо мне, дорогая Бенамут, наши слуги хорошо ухаживают за мной и уже научились помогать мне. Конечно, никто не заменит тебя, но мне важнее знать, что ты спокойна и счастлива. Если мне что-нибудь понадобится, я сообщу тебе.

— Ты обещаешь?

— Обещаю, Бенамут.

Она снова принялась гладить мои руки, и я радовался, что ласка ее была все такой же, привычной лаской моей любимой Бенамут. Внезапно она спросила:

— Знаешь ли ты бывшего верховного жреца Дома Солнца Туту?

— Он никогда не был в моей мастерской.

— Но ты что-то знаешь о нем?

— Только то, что известно и тебе, Бенамут. Знаю, что был первым помощником вечноживущего Эхнатона, знаю, что после его смерти покинул Ахетатон, знаю, что недавно его величество Тутанхамон вернул его ко двору. Еще слышал о том, что в его жилах течет ливийская и еще какая-то иноземная кровь, что так возмущало в свое время многих при дворе вечноживущего Эхнатона. Больше — ничего, Бенамут. Почему ты спрашиваешь меня об этом?

— Он очень милостиво говорит со мной, подарил мне чудесный ларец из черного дерева. Я была удивлена...

— Чем же? Тебе придется к этому привыкнуть. Все, кто видят милость к тебе его величества, будут оказывать тебе внимание, Бенамут. Скоро удостоишься внимания и самого чати...

— Чати? — Бенамут засмеялась. — Отец бога Эйе? Он сейчас занят другим. Он очень обеспокоен тем, что его величество собирается послать Хоремхеба на границы Ханаана, а его величество склоняется именно к этому. Он должен помочь царю Митанни, своему союзнику. Теперь, когда Кемет так сильна, разве это опасно? Отец бога слишком осторожен. Меня печалит только то, что придется расстаться с моим божественным господином, ведь он хочет лично участвовать в сражениях...

Мне было странно, что об этом говорит Бенамут, счастливая женщина, поглощенная своей любовью. Об этом говорили Раннабу и Мернепта, но слышать из ее уст речи о предполагаемой войне было странно и не слишком приятно. Что-то происходило во дворце, должно быть, что-то серьезное, если в словах близких к фараону людей звучала тревога. Но в словах Бенамут тревоги не было, была лишь печаль от скорой разлуки.

— Фараон сказал тебе о том, что собирается лично участвовать в военных действиях?

— Да. Но это будет нескоро... Многое еще нужно сделать, и Хоремхеб еще не уехал из города.

— Будь осторожна, Бенамут, никому не говори об этом. Слышишь, Бенамут? Никому, даже чати, если он тебя спросит. Ты еще никому не сказала?

— Никому, отец, клянусь именем моего божественного господина! Но почему нельзя говорить? Почему ты встревожен?

— Потому что встревожены люди, близкие к его величеству, его друзья, те, кто ему предан, кто любит его. Не нужно тебе знать всего, но я предупреждаю тебя, будь осторожна. Кое-кто из царедворцев захочет узнать тайные мысли его величества, и тогда он будет пытаться расспрашивать всех, с кем он может быть откровенен. А женщинам в жизни любого мужчины, даже живого бога, принадлежит немалое место...

Я понял, что она испугалась, так крепко сжала она мое запястье.

— Что все это значит?

— Только то, что я тебе сказал, Бенамут. Будь осторожна, не говори ни с кем о том, что узнала от фараона, даже мелочи. Ты понимаешь меня?

— Но ведь с тобой можно?

— Пусть останется так: только со мной.

Она отпустила мою руку, и мы долго сидели молча, погруженные в свои мысли. Потом она тихо спросила:

— Чем это грозит его величеству?

— Тем, что ему могут помешать свершить его великие дела, что может пострадать царь Митанни, тем, что враги вновь могут пошатнуть мощь Кемет. Ты живешь своей любовью, но если ты любишь своего божественного господина, ты должна жить его жизнью и знать, что может принести ему пользу, а что — вред. И еще прошу тебя: если ты услышишь до дворца что-либо о будущей войне с хатти, если кто-то произнесет слова, которые будут тебе непонятны или встревожат тебя,

скажи об этом мне, скажи об этом придворному звездочету Раннабу или божественному отцу Мернепта. Ты обещаешь мне, Бенамут?

— Обещаю ли? Клянусь именем матери Исиды, клянусь всем, что почитаю святым, клянусь жизнью Кемет! Но скажи, должна ли я предупредить его величество о таких опасностях?

— Он знает это от своих друзей, Бенамут. Оставайся только женщиной, дари ему любовь и старайся сделать так, чтобы с тобой он мог забыть о своих заботах и тревогах. Такой была твоя мать, подарившая мне недолгие годы солнечного, золотого счастья, такой должна быть и ты, ибо женщине для того и суждено появиться на свет, чтобы от своих тяжелых забот мужчина отдыхал с ней, чтобы, глядя в ее глаза, мог забыть обо всем. Береги свою любовь, это величайшее счастье...

Она прижалась лицом к моим ладоням, как делала в детстве, и замерла, такая маленькая и незащитная, вдруг понявшая, какой грозный ветер бушует за стенами солнечного дворца ее любви. Если бы я мог увидеть ее глаза, я увидел бы в них тревогу и печаль, я увидел бы в них блестящие переливы слез, и мне было грустно, что я огорчил ее, но уже не было в мире силы, способной надежно оградить ее от бед, ибо любящий раним, ибо любовь хрупка и подвержена страданию, ибо великая любовь таит в себе великую печаль. И, отвечая на ее ласку, я вспомнил слова звездочета Раннабу: «Сейчас каждый друг может обернуться врагом, враг неожиданно превратиться в друга, но опаснее всего любовь, ибо она в священном страхе может нанести смертельную рану». И много было вокруг фараона женщин, способных невольно нанести эту рану — Бенамут, митаннийская царица Ташшур, царица Анхесенпаамон...

ЦАРИЦА АНХЕСЕНПААМОН

Не было в стране Кемет женщины, которая с большим трепетом ожидала бы праздника богини Хатхор, чем царица Анхесенпаамон, уже третий месяц носившая в своем чреве чудо, новую жизнь... Боясь поверить, все еще полная болью, я при-

казала жрецам тайно возносить молитвы обо мне и будущем ребенке, но до поры не решалась сказать об этом моему господину, моему возлюбленному... И я ждала праздника доброй богини, от которой хотела получить доброе предзнаменование, которая должна была исцелить меня от страха и беспокойства, даровать мне покой и тихую радость будущего материнства. Тэие окружила меня заботой, и тайной, как будто веря вместе со мной, что тайна способна охранить меня от несчастья, и на этот раз я более внимательно прислушивалась к ее советам и старалась не делать того, что она мне запрещала, хотя и нелегко было подолгу лежать и отказаться от присутствия на охоте и прогулок на лодке, когда приходилось грести тростниковым веслом. Долго скрывать свою тайну я не смогла, и мой господин однажды сказал мне, когда золотая барка несла нас на юг, к Опету:

— Что ты таишь от меня, моя маленькая царица? Исида возвестила тебе радостное чудо?

Опустив глаза, смущенная, я пролепетала: «Да». Мы были одни, никто нас не видел за плотными занавесями царского шатра, и все-таки я боялась, чтобы даже ветер не донес до свиты или гребцов произнесенные нами слова. Тутанхамон привлек меня к себе, и наши глаза встретились. Я увидела: в его глазах было больше тревоги, чем радости. Нежно-нежно, словно боясь причинить боль, коснулся он моей щеки, моих полуоткрытых губ. И сказал тихо, не отнимая руки от моего лица: «Я люблю тебя». Тихая радость, робкая и нежная, как распускающийся лотос, коснулась моего сердца, коснулась — и исчезла, потонула в темных волнах нахлынувшей тревоги. Что, если боги опять извергнут ребенка из моей утробы, что, если мне так и не дано познать радости материнства? Мы оба были ранены нашей бедой, нашим общим горем. Ребенок, который не имел даже имени, перешел под покровительство владыки Аменти, не успев изведать покровительства Амона. И теперь я хотела поручить судьбу живущего во мне женщине, золотой и радостной богине Хатхор, любимой дочери Ра. Даже Исиде боялась я поверить мою тревогу, ибо, хотя она и ста-

ла матерью Хора, она перенесла перед этим слишком много страданий, и я боялась, как бы меня не коснулась тень ее несчастья. С тех пор как вернулись в свои храмы древние боги Кемет, праздник богини Хатхор стал самым красивым, радостным и веселым из всех, посвященных богам, и мы оба любили его, оба ждали его с радостным и нетерпеливым сердцем. И я сказала:

— Возлюбленный мой господин, я хочу, чтобы до поры до времени тайна наша была бы сохранена, хочу, чтобы злое не могло коснуться меня. Когда скрывать будет уже невозможно, позволь мне уединиться в своих покоях во дворце, чтобы видели меня только верные слуги и жрецы...

— А мне ты разрешишь тебя видеть? — улыбнулся он, но глаза его были печальны. И я поняла, что его гнетет какая-то тайная тоска, не только беспокойство обо мне.

— Я была бы рада видеть тебя повседневно, непрестанно, — тихо сказала я.

Он рассеянно поцеловал меня в щеку, как будто и не слышал моих слов. Барка, тихо покачиваясь, плыла по реке, и мерное ее движение убаюкивало, нагоняло сон. Он лег головой на мои колени, и мне вспомнился тот яркий, лучезарный день на реке, охота на диких уток и увитая цветами беседка, где потом мы предались любви, счастливые и безмятежные. Сколько времени прошло с тех пор? Совсем немного, но как все изменилось! Изменились наши имена, изменилась Кемет, нас успело поразить общее горе, удалились на поля Иалу все мои родные, кроме сестры Меритатон, одиноко жившей в старом дворце фараонов в Опете. Но по-прежнему не было у нас времени, чтобы любить друг друга без помех, чтобы говорить обо всем, что радует и тревожит, чтобы находить покой в объятиях друг друга, и теперь уже было трудно поверить, что можно жить иначе. И хотя господин мой любил меня больше всех жен и наложниц, хотя и приказывал изображать на ларцах и спинках кресел сцены нашей счастливой жизни, сама я дорого дала бы за то, чтобы быть такой счастливой, как изображенная рукой искусного мастера Анхесенпамон. Мое счастье,

как священный скарабей, старательно хранило и оберегало свое солнце, но порой мною овладевала усталость, горькая усталость и печаль. Теперь многое стало понятно мне, теперь мне легко было разгадать тайну тщательно скрываемых матерью слез, ее внезапных бурных ласк, ее порывистых движений, которыми она прижимала к груди то одну, то другую детскую головку, мы же были тогда беззаботны и глупы, мы радовались ласкам отца, радовались праздникам, торжественным церемониям и жертвоприношениям в Доме Солнца. Об этом иногда говорила я с Туту, которого когда-то так боялась, но в котором угадала горькую память прошлого, подобную моей, более легкой, ибо она была памятью детства, в котором виделся мне уклад жизни Ахетатона в годы царствования моего великого отца. Этот человек неожиданно стал ближе мне, чем даже Эйе, и я часто призывала его в свои покои, чтобы вспоминать, прерывая свои воспоминания то слезами, то смехом, и радоваться благословенному царствованию моего возлюбленного супруга, сохранившего имя и изображение моего отца и царственного Солнца. Об этом особенно благодарно говорил Туту, переживший и годы изгнания, и печальную гибель Ахетатона, и мне приятно было слышать эти слова из его уст. В семнадцать лет я уже жила воспоминаниями больше, чем настоящим, которое порой отказывало мне в самом простом и желанном — в присутствии любимого мужа, в возможности ему одному изливать свои печали и радости. И вот теперь, когда мы были вдвоем, я не находила слов, чтобы поведать ему то, чем было переполнено сердце, чем жило оно в разлуке с ним. Он же лежал, закрыв глаза, рассеянно поигрывая веером, и думал о чем-то своем, и был далек от меня. Золотой царский урей, грозно сверкавший на его диадеме, показался мне вдруг горьким символом моего вынужденного одиночества, моих тревог и печалей. Вот что разрушало мое счастье — небывалая, головокружительная власть, вознесшая нас обоих на сверкающие высоты, где от золота шел томительный жар и где не было такого уголка, где мы могли бы спокойно вкушать сладостное дыхание северного ветра...

— Анхесенпаамон, твой отец рассказывал тебе что-нибудь о хатти? — неожиданно спросил Тутанхамон.

— Я была еще слишком маленькой, господин, я ничего не помню, даже если и слышала рассказы о них. Но их хорошо знает Туту.

— Туту? Откуда?

— Говорят, его первая жена, которую он очень любил, была родом из этого племени.

— Разве этого достаточно, чтобы хорошо знать?

— Если муж и жена были единым целым, тогда, наверное, достаточно.

В моих словах прозвучал невольный упрек, и я испугалась, что мой господин заметит его. Но он не заметил или сделал вид, что не заметил.

— Советуешь мне обратиться к нему?

— Да, если только тебя не останавливает то, что он был первым советником моего отца.

— По-твоему, я могу испытывать ревность или рассердиться, если он вдруг даст мне понять, что я хуже управляю страной, чем вечноживущий Эхнатон? Ты прекрасно знаешь, что этого не будет. Когда вернемся из Опета, может быть, я и обращусь к нему.

— Сколько времени ты намерен оставаться в Опете, мой лучезарный господин?

— Придется пробыть до конца времени ахет. Жители Опета обижены тем, что я редко бываю в южной столице. Да и мне хочется отдохнуть, побыть вдали от всех этих дел. Тебя это не огорчает, любимая?

— Я рада, господин. Я так давно не виделась с Меритатон...

— У вас будет достаточно времени для разговоров, — улыбнулся Тутанхамон. — Многое нужно сделать в Опете. Мы возьмем с собой новые прекрасные статуи Амона, отлитые из золота, и много прекрасных даров его храмам. К тому же, надеюсь, военная добыча тоже будет неплохой...

— Разве ты собираешься на войну, мой возлюбленный господин?

— После, — небрежно отмахнулся он, — скажу после, когда мы вернемся в Мен-Нофер. Не тревожься заранее ни о чем, моя маленькая царица, не тревожься, не печалься. Подумай лучше о празднике богини, о том, как будешь смотреть на мой танец перед ее статуей, украшенной цветами... Ты, ты для меня — Хатхор, владычица любви и радости! — И он поцеловал меня с истинной нежностью, и мое сердце возликовало, ибо я уже чувствовала приближение Золотой. Мне казалось теперь, что ничего плохого не может случиться под лучезарным взглядом владычицы радости, под ее благословляющей рукой. Вот придет время, и я услышу голосок сына, увижу, как тянутся ко мне его ручки, вот придет время, и нальется молоком моя грудь, и тело мое ощутит прилив животворной силы, той самой, о которой говорила мне Тэ́йе. Словно в ответ на мои мысли, рука Тутанхамона нежно коснулась моей груди, погладила ее. Как любила я эти руки, ласкающие меня, как тосковала по ним, как редко ласка их безраздельно принадлежала мне! Мы были очень молоды, и впереди было еще много дней и ночей любви, но мне казалось, что я уже живу на свете долго-долго, так велика была порой охватывающая меня печаль.

— Как давно ты почувствовала, Анхесенпаамон?

— Месяц тому назад, мой божественный господин. И мне так тревожно стало и хорошо...

— А теперь хорошо?

— Хорошо, когда ты со мной, любимый.

Он улыбнулся и снова поцеловал меня, и я закрыла глаза, отдаваясь моему блаженному счастью. Что сделал он со мной? Солнце, золотое солнце поселил он в моей груди, похитив мое сердце.

— Что говорят жрецы-врачеватели и Тэ́йе?

— Говорят, что все хорошо, но запрещают утомляться и много двигаться. Жрецы еще дают пить травы, укрепляющие плод.

— Береги себя и его, моя возлюбленная. Береги! — Тутанхамон приподнялся, сел рядом со мной, скрестив ноги. — Буду на руках тебя носить, только на руках! Если уеду, поручу

тебя заботам Раннабу и Мернепта. Кстати, знаешь, что недавно удалось мне получить гороскоп, давно обещанный мудрейшим из звездочетов Раннабу?

— Он так долго его делал?

— Поспешность он считает признаком недостатка величайшего из благ — мудрости. И я с ним согласен, хотя и выговорил ему за то, что, вопреки своему обещанию, он не принес мне гороскопа ни на девятый, ни на девяносто девятый день после того, как обещал. Но теперь все-таки принес...

— И что же в нем, мой божественный господин?

— Многое. Есть обещание великих дел, если спокойно и мирно окончится шестой год моего царствования. Тут слова Раннабу были очень туманны, но одно я понял: если все будет хорошо в этот год, царствовать буду долго и проживу сто десять лет. Самое грозное испытание — это, должно быть, война. Может быть, буду ранен, а выздоровев, стану называться великим воителем? Раны я не боюсь. Жрецы говорят, что здоровье у меня крепкое, хотя по виду и не скажешь. Все есть для того, чтобы прожить сто десять лет! — Он засмеялся и крепко сжал кулак, показывая мне его силу. — Буду участвовать в сражениях, стану силен, как Хоремхеб. И сильнее Хоремхеба!

Я тоже рассмеялась, мне была приятна его веселость.

— И мне предстоит великое в этом году, господин. Пусть я только слабая женщина, маленькая и хрупкая, а ведь именно такие становятся матерями могучих воинов. Вот как мать Хоремхеба или мать Кенна, госпожа Ренпет-нефр-эт. Как жаль Кенна!

— Очень жаль, Анхесенпаамон. В новой войне он бы очень мне пригодился...

Он замолчал, и я подумала, что он вспомнил о смерти Кенна в лагере близ Шарухена или о своей новой наложнице Бенамут, которая так и не стала женой отважного военачальника. Я почти не испытывала ревности, разве что чуть-чуть. Кто же может занять мое место в сердце Тутанхамона? Я была не только великой, но и любимой госпожой.

— Будем помогать звездам, Анхесенпаамон. Мне нужно хорошо все подготовить, а тебе — беречь нашего ребенка. Если

родится в день великой битвы, сам, может быть, станет великим воителем.

— А если родится девочка? — засмеялась я. — Будем растить красавицу в жены царскому сыну хатти?

Тутанхамон вдруг стал серьезен, улыбка и свет радости мгновенно исчезли с его лица.

— Нет, — сказал он, — теперь — нет.

***

Как шумела толпа, как она блистала золотыми украшениями и разноцветными брызгами цветов, как она ликовала при виде фараона, исполняющего ритуальный танец перед золотой статуей Владычицы Радости! И я смотрела с восхищением, не в силах отвести глаз от стройной фигуры моего возлюбленного, от его плавных и гибких движений, от ожерелий из цветов, которые так красиво ниспадали на его обнаженную грудь. Когда фараон окончил свой танец, толпа разразилась неистовыми криками восторга, воздавая хвалу богине и ее верному служителю, почитающему ее, и волны этих криков достигали самых отдаленных помещений храма, где жрецы в праздничных облачениях и красивые жрицы возжигали благовонные курения перед изображениями богини. Кемет любила своего фараона, любила и радовалась ему, и мое сердце ликовало при виде проявлений этой любви, искренней, какой только и может быть любовь народа. Вот фараон совершил жертвоприношение Золотой, вот улыбнулся, возлагая к ногам богини ожерелья из цветов, вот взял в руку серебряный систр и передал его мне, и его рука ласково коснулась моей руки. Жрецы вновь надели на фараона его пышное церемониальное облачение, и он опустил на свой золотой трон на возвышении. Вот начались танцы жриц богини Хатхор, вот весь народ начал подхлопывать танцу, вот весело, звонко запели флейты, зазвенели систры, застучали барабаны. И под ярким голубым небом и благодатным золотым солнцем запела, заиграла и пустилась в пляс вся Кемет, по-

читающая богиню, несущую свет и радость. У наших ног разлились бушующие разноцветные волны, и смотреть на них было весело, и руки сами собой тянулись подхлопывать танцам, и ноги невольно притоptyвали в такт звучащей музыке. Я поймала на себе взгляд мужа, нежный и радостный, и поняла, что он подумал о том же, о чем и я: богиня Хатхор не допустит, чтобы свершилось злое, богиня Хатхор, конечно, благословит рождение ребенка...

После вечерней трапезы мы с Меритатон удалились в сад, в узорчатую беседку, увитую плющом и виноградом, удалились от всех, чтобы насладиться видом друг друга и беседой. Меритатон сильно изменилась в последнее время, глаза ее казались огромными и какими-то потерянными на исхудавшем, бледном лице, а горькая складка у рта обозначилась еще резче. Мне было грустно наблюдать эти перемены, ибо я помнила сестру жизнерадостной и прелестной, расцветающей от каждого взгляда Хефер-нефру-атона. Долгое время мы сидели молча, лишь глядя руки друг друга, потом сестра тихо сказала:

— Я рада видеть тебя счастливой, Анхесенпаатон. Твои глаза сияют, это глаза любящей и любимой. И я от всего сердца желаю тебе счастья, ибо если мне оно не дано, ты должна обнять меня своим. И еще я рада, что ты как будто все поняла и уже не страдаешь от того, что Тутанхамон не может проводить с тобой слишком много времени...

— Нет, сестра, это по-прежнему больно, порой невыносимо. Но я научилась сдерживаться, научилась смирять свое сердце, и от этого становится легче.

— В таком случае ты воистину стала мудра.

— Я бы хотела называться мудрой, Меритатон.

Мы обе помолчали какое-то время. Из города еще доносилась музыка, праздник продолжался на улицах и на реке, и мой муж был со своими ближайшими друзьями на своей золотой барке, которая тихо и величественно бороздила воды огромного прозрачного пруда. Огни, сопровождавшие это плавание, были видны из беседки.

— Как обстоят дела в женском доме Тутанхамона? — спросила Меритатон после долгого молчания и едва уловимого вздоха.

— Он взял в наложницы Бенамут, дочь скульптора Хесира. Из-за нее впал в немилость Хоремхеб, которого спасло только вмешательство Джхутимеса.

Меритатон удивленно взглянула на меня.

— Из-за дочери скульптора? Я помню ее, она очень красива, но Хоремхебу не нужно хлопать в ладоши, чтобы призвать к себе красавиц. Странно, поистине странно! И много ночей он проводит у нее?

— Однажды провел с ней четыре ночи подряд. Может быть, она уже беременна от него...

— Что ж, опасна только та наложница, которая посягает на власть.

— Как Кийа.

— Да, как Кийа. Но, мне кажется, Бенамут не такая. Опасаться начнешь, когда увидишь ее возвышение.

— Думаю, что не увижу его, Меритатон. Она счастлива любовью его величества, живет помыслами о нем. Мне она показалась неглупой и честной. Я держусь приветливо с ней.

— Это верно, Анхесенпаатон. Глупо перечить мужчине в его желаниях, этим ты вызовешь только его раздражение и напрасный гнев. А что другие жены?

— Митаннийка весела, хананеянка мечтательна, и обе не очень-то умны. Митаннийка что-то часто шепчется с Джхутимесом.

— О своих митаннийских делах. Ведь мать Джхутимеса тоже была митаннийкой и приходится Ташшур двоюродной теткой.

— Боюсь, что царь Душратта пытается устраивать свои дела через эту Ташшур.

— Ты же сама сказала, что она неумна. Так стоит ли беспокоиться понапрасну?

— Наверное, ты права, сестра. Только если на ложе любви начнет шептать про дела своего деда...

— Она плохо говорит на языке Кемет.

— Зато Тутанхамон хорошо понимает язык Митанни!

Сестра улыбнулась и погладила меня по руке.

— Ты все еще маленькая девочка, Анхесенпаатон. Думаешь, фараон и на ложе любви остается фараоном?

— Может быть!

— А с тобой он в эти часы говорит о налогах, о договорах, о донесениях правителей областей? Рисует на груди твоей планы будущих построек? Вино тебе передавая из губ в губы, думает о проведении каналов в пустыне Икаита?

Я не могла не рассмеяться, так забавно все это прозвучало.

— Нет! Конечно же, нет!

— Так почему же он будет говорить с Ташшур о митаннийских делах? О них лучше рассуждать с Джхутимесом, с Эйе, даже с Хоремхебом. И уж в любом случае твой муж не таков, чтобы потерять голову от любви.

Я договорила мысленно: «как наш отец».

— Джхутимес очень переменился после гибели Кийи, правда, Анхесенпаатон? Иногда он напоминает мне безумного. И все-таки настоящий друг, настоящий сын царского дома. Хорошо, что он рядом с фараоном.

— Хорошо.

Я невольно засмотрелась на огни царской барки, такие праздничные и яркие. Мне захотелось вдруг быть рядом с мужем, хотя я и знала, что вокруг него собрались мужчины и искусные танцовщицы фенеху, прекрасно умеющие не только танцевать, но и ласкать мужчин. Но ощущение это было мимолетным, и оно скоро прошло.

— Тутанхамон очень любит тебя, — задумчиво сказала Меритатон, — он ласков с тобой, всегда заботлив и нежен... Или не всегда?

— Всегда, Меритатон. Всегда.

— Это поистине благо, сестра.

Она произнесла это очень грустно, и я поняла, что она вспомнила о своем возлюбленном Хефер-нефру-атоне. Теперь никто не называл бы его так, все звали бы его Сменхкара, но вот Ме-

ритатон не захотела менять свое имя, осталась Возлюбленной Атоном. Она и сама осталась в том времени, когда была лишь царевной Меритатон, юной и влюбленной. И будущего у нее не было, как не было его у ее солнцепоклоннического имени.

— Мы много раз видели нашу мать печальной, со слезами на глазах, — сказала Меритатон. — Как она ни пыталась скрывать их от нас, мы все видели. Только порой не понимали, отчего она плачет, и пытались утешить ее поцелуями и подарками. Она очень любила отца, а ведь он не всегда бывал справедлив и добр с нею.

— Как ты можешь так говорить, сестра? Разве мы вправе осуждать нашего отца?

— Ты права, Анхесенпаатон. Не вправе! И все-таки... Теперь я знала бы, что сказать ей, теперь бы, наверное, сумела утешить ее.

— И я тоже сумела бы, Меритатон. Быть женой фараона нелегко... Даже такого фараона, так Тутанхамон.

Меритатон улыбнулась, покачала головой, и глаза ее стали еще нежнее.

— А ведь я говорила тебе об этом, помнишь, Анхесенпаатон? Когда вы оба были еще детьми...

Она несколько раз подряд назвала меня моим старым солнцепоклонническим именем, и я поняла, почему она это сделала. Там, в стране нашего детства, куда Меритатон заглянула и куда пригасила заглянуть и меня, произнести имя Амона было бы невозможно. Атон, царственное Солнце... Он протягивал свои руки-лучи к нашим колыбелям, и мы были обойдены вниманием семи Хатхор.

— А помнишь, как однажды вечером отец всех нас позвал в беседку и одарил чудесными серебряными зверями, присланными царем Митанни? Каждой достался свой, и Сетепенра заплакала, потому что у ее пантеры была свирепая морда и слишком длинные когти, которые ее пугали, а тебе досталась смешная улыбающаяся обезьяна.

— Помню, Меритатон. И другую обезьянку помню — которая умерла на наших руках, моих и Тутанхамона. Она была

очень маленькая и все время дрожала, как будто боялась чего-то. Эйе тогда сказал, что в ней не было духа жизни, что она, едва родившись, уже была обречена на смерть. Кийа тогда увидела нас, когда мы давали воду обезьянке, и, рассмеявшись, сказала, что наша вода ей не поможет, что остается только одно — устроить ей роскошные похороны, достойные обезьянки царских детей. Это было горько и тогда, и теперь грустно вспоминать.

— Вспомни что-нибудь радостное, Анхесенпаатон. Например, как в день празднования своего восхождения на престол отец разрешил нам присутствовать в Зале Приемов, когда прибыли иноземные послы. Среди них были кочевники шасу с длинными волосами, в которые были воткнуты гребни, помнишь?

— И кушиты с кольцами в носу, которых все мы испугались.

— Ну, пожалуй, кроме меня, — засмеялась Меритатон, — я-то была старше всех вас...

Мы долго перебирали в памяти картины нашего детства, казавшиеся в большинстве своем яркими и веселыми. И было грустно от того, что время это безвозвратно прошло и что нет уже среди живых ни отца, ни матери, ни трех сестер. Музыка, звучащая то тише, то громче, казалось, внимала нашей беседе и сопровождала грустными переливами воспоминания о грустном, радостными — безмятежные и полные добра.

— Тебе никогда не бывает страшно за твоего мужа? — спросила вдруг Меритатон, обрывая на полуслове предыдущий разговор.

— Почему должно быть страшно?

— Слишком высоко он взлетел. Слишком многое уже совершил и еще собирается свершить. Никто не верил в него, я не верила тоже. Но он как будто послан на Черную Землю для того, чтобы восстановить образы богов и примирить враждующих, всех до единого. Думаю иногда, что его устами говорит какой-нибудь бог...

— Боги покровительствуют ему, они оберегают его.

— Я слышала, он не запретил даже поклонение Сетху?

— Не запретил.

— И ты не понимаешь, почему должно быть страшно?

Я удивленно посмотрела на нее, ее голос прозвучал странно. Бояться за мужа? Я никогда не думала об этом, покровительство, оказываемое ему богами, казалось столь явным, что страх был в моих глазах ненужным и даже глупым чувством. Вся Кемет, все простые и знатные люди любили его — разве их любовь не была надежным щитом?

— Кого следует бояться, Меритатон — богов или людей? — спросила я.

— И тех и других, — ответила она, — и тех и других. Когда-то мне казалось, что над тронном Хефер-нефру-атона тоже распростерты оберегающие крылья...

Я вздрогнула, ибо воспоминание о ранней смерти Хефер-нефру-атона было мне неприятно. И странным казалось то, что сестра говорит об этом, как будто хочет предостеречь или подготовить к чему-то, кажущемуся ей возможным, а мне — невероятным. Невольным жестом я положила руки на свой живот, как будто оберегая ребенка от внезапно сгустившейся мрачной тени. Меритатон заметила это и поняла, что со мной, но не стала спрашивать, а только погладила меня по животу, как это сделала когда-то мать, угадавшая мою первую беременность. И, уткнувшись головой в ее плечо, я почувствовала, что мрачные тени отлетают от меня. В самом деле, не была ли я счастливее всех женщин своей семьи, счастливее матери и сестер? Мне захотелось говорить о радостном, и я сказала:

— Если у меня родится сын, он будет носить имя Аменхотеп, если же дочь — будет названа Нефр-эт. Муж говорил, что охотно выдал бы свою дочь замуж за одного из царевичей хатти. Но теперь, как мне кажется, он думает иначе. Боюсь, именно с хатти он собирается воевать, хотя и не говорит об этом прямо. Мне грустно будет, если он покинет меня...

Меритатон явно была удивлена, ее тонкие подведенные брови взлетели вверх.

— Воевать? С хатти? Почему?

— Я не знаю... Нужно будет спросить у Туту, он хорошо знает хатти.

— О своем намерении воевать Тутанхамон уже объявил?

— Нет, да и мне не сказал определенно, только намеком.

— Тогда лучше никому не говори об этом. Пусть тайное остается тайным до поры до времени. Ты помнишь, отец всегда все решал сам и не посвящал в свои дела никого, даже мать. Он говорил, что никто не может знать его окончательного намерения, только его великий отец.

— Но мой муж не похож на нашего отца.

— Тем более не нужно никому выдавать его намерений. Люди бывают очень хитры... Ты все-таки еще очень молода, Анхесенпаатон.

— Ты так часто это повторяешь...

— Повторяю, потому что это так и есть. Быть царицей труднее, чем тебе кажется... Не сердись на меня, — сказала сестра, заметив, что мне неприятно слышать ее слова. — Нам нельзя сердиться друг на друга, ибо из всех дочерей великого Эхнатона нас осталось только двое...

Она протянула ко мне свои тонкие ласковые руки, и мы обнялись, как когда-то давным-давно, в Ахетатоне, когда поверяли друг другу свои тревоги и горести. И хотя было печально, печаль эта казалась светлой, ибо вся она была обращена в прошлое, казавшееся чем дальше, тем чудеснее. Мы долго еще сидели обнявшись и слышали музыку, доносившуюся с реки, и огни праздничных факелов танцевали между ночными облаками и гладью темной воды, и на глаза наворачивались слезы, необъяснимые, томительные и прекрасные, как музыка...

***

Иноземцы прибыли в Опет с богатой данью и предстали перед фараоном, владыкой Обеих Земель. В большинстве своем это были светлокожие и голубоглазые ливийцы, высокие и широкоплечие, с густыми бородами, они привезли изделия из бронзы, пестрые ткани и кожи, привели могучих коней. Я ви-

дела по лицу моего мужа, что он остался доволен, и ливийцы покинули Зал Приемов, обрадованные столь явной милостью фараона. Прибыли и черные кушиты, которые привезли золото и слоновую кость, потом арамеи с изделиями из бронзы и серебра и тоже с упряжками коней. Его величество внимательно просмотрел донесение наместника Куша Аменхотепа и остался им очень доволен. Наконец прибыли посланцы хананейских племен, которые привезли серебро и олово. Его величество пожелал спросить, не испытывают ли они каких-либо притеснений со стороны хатти, и хананеи, переглянувшись, ответили, что уже много лет не знают покоя и мирной жизни, ибо их правители, верные Великому Дому Кемет, живут в постоянном страхе перед набегами хатти. Казалось, фараон только и ждал этого ответа, он выразил своё удовлетворение и уже хотел отпустить посланцев, как вдруг Эйе, наклонившись к уху повелителя, тихо зашептал какие-то неведомые слова. По едва заметному движению головы Тутанхамона я поняла, что он дает чати разрешение на что-то. И правда: Эйе пожелал, чтобы посланцы задержались, и спросил их:

— Было ли так, чтобы хатти исполнили свою угрозу и хотя бы раз переступили границы вашей земли?

— Нет, — ответил старший из посланцев, — но вооруженные отряды хатти никогда не удаляются более чем на один день пути от наших границ.

— Чего они требовали от вашего правителя?

— Дани.

— Платили ли вы им эту дань?

— Платили, хоть и не в тех размерах, каких требовали от нас хатти.

— И после этого они напали на вас?

— Они пригрозили, что в следующий раз не пощадят ни нашего правителя, ни наших земель. Но они напали на земли соседнего племени и разорили их дотла...

— Вы видели это своими глазами?

— Нет, но мы знаем об этом.

Эйе удовлетворенно кивнул.

— Твое величество, я узнал все, что мне требовалось. Прикажешь отпустить их?

— Приказываю.

Посланцы Ханаана покинули зал, явно удивленные вопросами чати. И я тоже была удивлена. Разве Эйе не знает лучше, чем кто-либо другой, что хатти чаще действуют угрозами, чем силой? В том, как поступали они с одним из мелких ханаанских правителей, не было ничего необычного. И все-таки мой муж угадал какой-то тайный смысл вопросов Эйе, ибо посмотрел на него сурово и нахмурился. Лицо чати оставалось невозмутимым, он даже и не пытался сделать вид, что собирается объяснять и тем более постараться оправдать свой поступок. Его величество сделал то, чего я и ожидала — приказал Эйе остаться в Зале Приемов и отпустил всех остальных придворных, телохранителей и слуг. Я тоже хотела удалиться вместе со своими прислужницами, но мой муж удержал меня.

— Останься, Анхесенпаамон. Ты, царица, должна знать все, что вершится в государстве.

Эйе стоял перед нами, скрестив руки на груди, и выглядел очень величественно и спокойно. Он мог себе позволить это невозмутимое спокойствие, которое было оправдано долгими годами верной службы царскому дому и бесконечной, известной всем преданностью, и все-таки меня охватывало чувство удивления и даже досады, когда я смотрела на него. Мой муж не стал ждать долго, он спросил прямо:

— Зачем тебе понадобились эти вопросы? Разве ты плохо знаешь через наших лазутчиков, как обстоят дела в Ханаане?

— Твое величество, я лишь хотел воспользоваться случаем и услышать истину из уст тех, кому невыгодно лгать. И я услышал то, что услышал, божественный фараон.

— Что же, по-твоему, мои лазутчики могут лгать?

— Лазутчики хорошо служат Великому Дому, — спокойно сказал Эйе.

Эта фраза прозвучала до того двусмысленно, насмешливо и дерзко, что я почувствовала, как в моей груди закипает гнев. Я взглянула на мужа, его губы сжались и побелели.

— Говори прямо, Эйе. Или хочешь, чтобы я сказал?

— Твое величество, прости меня за дерзость, прости, если тебе показались непочтительными мои слова. Ты готов пойти войной против Супиллулиумы, а ведь хананеям живет не так плохо, как воображают те, кому выгодно втянуть Кемет в войну. Ты слышал сам: их правителю пришлось уплатить дань хатти, разве это не обычная судьба кочевых народов?

— Вся дань должна идти в казну Великого Дома! — твердо сказал Тутанхамон.

— Да, твое величество, но война с хатти окажется разорительной и для хананеев, которые уже не смогут выплачивать даже ту незначительную дань, которой откупаются сейчас.

— Как ты не понимаешь, Эйе, — горячо сказал Тутанхамон, — что дело не столько в дани, сколько в... Ты предлагаешь мне стать трусом?

— Твое величество, война всегда разорительна.

— А разве в казне фараонов мало золота?

— Божественный фараон, восстановленные святилища нуждаются в нем....

— Я обогащу их из своей военной добычи.

— Ты уверен, твое величество, что войско Кемет находится в хорошем состоянии?

— Хоремхеб уверил меня в этом.

— Хоремхеб... — Эйе презрительно махнул рукой. — Разве ты не знаешь, божественный господин, что Хоремхеб прежде всего думает о сооружении своей роскошной гробницы в Мен-Нофере и о красивых наложницах? Он мало разбирается в государственных делах...

— А Джхутимес?

— Царевич Джхутимес? Твое величество, мне трудно сказать...

— Говори как есть.

— В его жилах течет не только кровь великих фараонов, но и...

— Разве кровь божественных владык Кемет не освящает всякую другую, даже будь она варварской? Мне странно слышать такие слова от тебя.

— Твое величество, — резко сказал Эйе, — если твоими советниками стали Джхутимес и Хоремхеб, то как могут их советы ужиться с моими? Я не хотел бы, чтобы решенное ими было скреплено моей печатью...

— Эйе, решаю только я!

— Прости, твоё величество, божественный Небхепрура. Но с недавних пор ты вообще не нуждаешься в моих советах. Зачем же иметь при себе чати?

— Кто-то должен же просматривать многочисленные и глупые донесения правителей областей! — улыбнулся Тутанхамон, но улыбка его вышла грустной. — Ты знаешь, Эйе, как ценю я твою преданность и твоё умение разбираться в делах, но ты не одобряешь войны, а я стою за нее. Ты же прекрасно понимаешь, что второго такого случая может и не представиться. Сейчас в Кемет спокойно, и она сильна, она преисполнена решимости вернуть себе утраченное. Кемет, Митанни, Ретенну, верные союзники из числа ханаанских царьков — разве этого мало? Мы не только вернем себе бывшее могущество, но и сотрем царство Хатти с лица земли, вероломное, злобное царство, от которого любая держава может ожидать только беды. Нельзя упускать такой возможности!

— Твое величество, ты говоришь как полководец...

— И очень доволен этим! Я не хочу, чтобы мой брат Душратта мог обвинить меня в нарушении договора. Я не хочу, чтобы земли верных Кемет правителей Ханаана подвергались разорению. Разве этого недостаточно?

— Твое величество, но война будет стоить очень дорого!

— Все окупится за счет военной добычи, особенно за счет пленников, а к тому же... Разве тебе неизвестно, что именно хатти в союзе с нечестивыми племенами хабиру угрожают торговым путям и ведут себя как разбойники с вавилонскими и митаннийскими караванами? Ты хочешь, чтобы торговля прекратилась? Не для этого я переезжал в Мен-Нофер. Хатти слиш-

ком помешали мне! Больше мне нечего сказать, Эйе. А что думает моя царица?

Я не ожидала, что он обратится ко мне, я даже и не понимала, зачем он приказал мне остаться. Может быть, просто потому, что хотел ощутить поддержку? Ведь я не была подобна моей матери, великой царице Нефр-эт. И я сказала:

— В одиночку справиться с хатти было бы трудно, но, объединившись с Митанни и Ретенну, Кемет победит их. Мирные пути для торговли будут расчищены, и те мелкие царства, что в былые времена отошли от Кемет, снова увидят ее силу и присоединятся к ней.

— Ты хорошо сказала, моя госпожа! Мы вернем доверие Джахи и Аккада — разве этого мало? Это очень важно! Никто еще не был силен в одиночку. Эйе, мы когда-то говорили с тобой о том, сколько власти надлежит дать правителю каждой области. Никто не в силах охватить взором всего, но стать многооким...

Эйе вдруг взглянул на фараона почти насмешливо.

— Твое величество, а как отнесутся к войне немху? Ты уже знаешь их мысли?

Рука Тутанхамона сжала царский жезл так сильно, что я подумала — он сейчас переломит его. Только Эйе мог позволить себе так разговаривать с фараоном, но и для него это было слишком уж большой дерзостью.

— Ты полагаешь, великий чати, что я во всем спрашиваю совета у немху?

— Многие из них — Май, Туту, Миннехт, Яхмес, Небутенеф — стали твоими советниками, твое величество. Отчего бы тебе не посоветоваться с ними?

— Я ни с кем не собираюсь советоваться! Это дело должно остаться тайной до поры до времени, ибо нельзя предоставить хатти возможность подготовиться или убрать свои войска из пределов Ханаана. Никто не должен знать об этом, а то, что ты говоришь о немху, оскорбительно для моего слуха. Немху так же служат мне, как и вы, люди золотой крови Кемет. Если прикажу пойти им на войну — пойдут...

— Пойдут, божественный фараон, если пообещаешь им богатую добычу. Вечноживущий Эхнатон этого, конечно, не понимал...

Мне не понравился тон, которым чати произнес эти слова, в нем почудилась насмешка. Но мой муж ответил серьезно:

— Вечноживущий Эхнатон не хотел войны. Он не во всем был справедлив к немху, он мог бы дать им в руки оружие и направить против врагов Кемет, и тогда сегодня не пришлось бы раздумывать над тем, помогать или не помогать царю Митанни. Но еще не поздно! У всех — у немху и у людей золотой крови — крепкие руки. А теперь довольно! До поры до времени приказываю тебе сохранять тайну и не советую препятствовать мне. В моей руке священный скипетр джед!

Эйе низко склонил свою бритую голову и стоял так долго, как будто ждал иного, более милостивого слова фараона. Я видела, что муж огорчен, но понимала, что ему необходимо было проявить твердость, хотя для этого и понадобилось обидеть вернейшего из его советников. Я не знала всех тонкостей, мне было непонятно, что за помощь понадобилась царю Душратте, но спрашивать не хотелось, особенно при Эйе. Хатти очень сильны, даже такая держава, как Кемет, не могла бы противостоять им в одиночку. Что же говорить об утратившем свое бывшее могущество царстве Митанни, на престоле которого сидел престарелый правитель, не отличающийся ни умом, ни смелостью! Мне вспоминались слова Тутанхамона: «Если у меня будет дочь, выдам ее замуж за царского сына Хатти». Брак — сильнейший и безопаснейший союз. Это надо помнить всегда...

— Позволишь ли ты мне удалиться, божественный Небхепрура? — спросил Эйе после некоторого молчания, и голос его звучал сухо. — Мне больше нечего сказать...

— Ты рассердился, Эйе.

— Верный слуга не сердится на своего господина, — сказал Эйе, — он лишь огорчается за него. И да позволю мне будет сказать, твое величество, сказать в последний раз, что

война невыгодна для Кемет, она выгодна только для хатти. Вспомни, твое величество, ты всегда говорил о мире с ними...

— Говорил, когда Кемет была слишком слаба и когда союзники не находились в смертельной опасности! Я не могу быть предателем, я не могу нарушить условий договора. И достаточно об этом, Эйе. Я хочу остаться один, с моей божественной госпожой...

Эйе удалился.

Мы долго не смотрели друг на друга. В Зале Приемов было душно, у меня начала слегка кружиться голова, внезапная слабость мешала мне заговорить, хотя бы двинуть рукой. Мой муж не смотрел на меня, он только взял веер и поигрывал им, тихонько ударяя о подлокотник трона, и мы оба, должно быть, выглядели странно в своих церемониальных нарядах, властиители в пустом зале, владыки без подданных. Но их было так много за пределами дворца, их было так много за пределами Южной столицы! Очнувшись от задумчивости, мой муж повернулся ко мне, и на его лице я не увидела обычной приветливой улыбки. Он сказал:

— Так я борюсь с чати, так правлю великой страной Кемет. Ты видишь, как бывает тяжело...

— Я это знаю, мой господин.

— Не спрашивай меня ни о чем. Я хотел только, чтобы ты все это увидела своими глазами. После расскажу тебе обо всем, после, когда вернемся в наш добрый Мен-Нофер. Теперь тебе нужно удалиться в твои покои, моя госпожа, у тебя усталый вид. Пусть прислужницы проводят тебя, и пусть побудет с тобой Тэйе, меня беспокоит твоя бледность. Ты не ощущаешь недомогания?

— Только кружится голова.

Тутанхамон хлопком призвал слуг и носителей опахала, меня окружила свита моих прислужниц. С горьким чувством покинула я Зал Приемов, в сердце осталось что-то, похожее на разочарование и немного на обиду, только я не могла понять, на кого. Я с трудом дошла до своих покоев, сразу легла и велела позвать Тэйе, старую кормилицу моей матери, верную советчи-

цу и подругу, всегда умевшую утешить и приласкать. Я думала о том, что меня ожидает судьба моей матери — всегда быть рядом с могущественным властителем и не произносить ни слова, только слушать, слушать и молчать. «Пусть бы так, — думала я, — только бы чувствовать, что сердце его рядом, что любовь его не проходит, что нет для него никого на свете превыше Анхесенпаамон!» И когда пришла Тэйе, я велела ей сесть в кресло возле моего ложа и поговорить со мной о чем-нибудь простом и веселом, таком, чтобы отдохнуло сердце, чтобы отвлеклось от грустных мыслей. Тэйе повела речь о моем раннем детстве, о смешных моих привычках, о сказках, которыми я всегда бывала недовольна и сама придумывала их концы. Тэйе знала, что нужно делать, Тэйе всегда умела утешить меня...

КОРМИЛИЦА ТЭЙЕ

Эйе был мрачен, Эйе ни слова не говорил мне, своей жене, с которой привык делиться своими мыслями в особенно трудные для него дни. О, я его знала! Ничего не скрывая, он не разъяснял ничего, зная, что долгий опыт прожитых лет помогает мне и в недомолвках видеть истину. Оба мы были стары, оба существовали лишь друг для друга, ибо сыновей наших взяли у нас боги. Молоком, предназначенным для моего старшего сына, была вскормлена царица Нефр-эт, тем же, что должно было питать младшего — ее сестра Бенремут. И горечи во мне осталось совсем мало, ибо вся она растворилась в заботах о хрупких и болезненных царевнах, а потом и в заботах о дочерях Нефр-эт. И они тоже выросли, как их мать, но на этом словно остановило цветение древа их рода, ибо три из них умерли, одна была отдана замуж на чужбину, Меритатон была бесплодна, а маленькая царица Анхесенпаамон однажды уже лишилась сына. Дело было не в них, а в их отце, которого боги поистине отказались благословить появлением наследника, и порой я с горечью думала, что проклятие поразило и его дочерей. Поговорить об этом с Эйе все не было времени, да и начать такой разговор нельзя было в то время,

когда юная царица носила второго ребенка. Опытным своим оком я могла уже определить, что младенец будет мужского пола и что роды будут тяжелые, ибо юная царица была очень тоненькой и хрупкой, узкобедрой, похожей на мальчика-подростка. И когда своим нежным щебечущим голоском она принималась расспрашивать меня, как ей нужно будет вести себя во время родов, я со страхом повторяла молитву матери Исиде, просила о защите Хатхор. Бедная девочка, она не заслуживала такого горя...

В Опете жилось привольно, дни были заняты увеселениями, огни на царских барках горели всю ночь. Я знала, что его величество и здесь занят государственными делами, ибо правление такой великой и обширной страной, как Кемет, требовало постоянного внимания и труда. Эйе часто бывал у фараона, вел с ним долгие беседы. И каждый раз после них возвращался мрачным, хмурым. Что так тревожило его? Тэйе не спрашивала. Тэйе была хорошей женой, верной помощницей человека, всегда стоящего у самого трона, всегда дающего советы владыкам. И настал день, когда Эйе сам заговорил обо всем, сам поведал мне свои печали. Мы ведь были стары, мы искали утешения друг в друге...

В обширном прохладном покое, где Эйе обычно отдыхал и читал любимые им древние папирусы, сидели мы друг напротив друга, одинокие, состарившиеся вместе, много печалей разделившие с членами царской семьи. Эйе все еще был красив, все еще мог привлечь к себе женские взоры, моя же кожа потемнела и стала морщинистой, как кора дерева, мои глаза, когда-то живые и блестящие, потускнели, запали глубже. Но он никогда не попрекал меня тем, что в красоте я уступала многим женам сановников и верховных жрецов, ему не нужна была красота. Ему была нужна такая же супруга, как своему Эхнатону — молчаливая и спокойная, терпеливая, умная. И боги одарили меня всеми этими достоинствами, чтобы я могла стать женой Эйе.

Он долго не начинал разговора, долго еще держал в руках старый свиток, долго не поднимал головы и не смотрел на ме-

ня. Был час появления звезды Танау, молодой фараон на своей золотой барке развлекался в обществе Джхутимеса и Хоремхеба, приехавшего в Южную столицу для какого-то тайного дела. Маленькая царица спала в своей опочивальне, по-детски приоткрыв губы и положив руки на свой еще небольшой живот. И мы были отделены от всех невидимой стеной, более прочной, чем стены великих пирамид, ибо за нею был только наш мир, мир людей, состарившихся на глазах друг у друга, помнивших обоюдную крепость рук и нежность объятий. Я помнила, как вошла в его дом, как впервые разделила с ним ложе, как носила его детей и как хоронила их, и еще помнила, как дрожала всякий раз, когда гнев Эхнатона обрушивался на вернейших его советников. Когда умер Эхнатон, тревога моя прошла, ибо и Хефер-нефру-атон и Тутанхамон любили Эйе, считались с ним. Но если первый слушался каждого его слова, то второй слишком часто шел ему наперекор. Слишком часто... Не было ли это причиной мрачности Эйе в последнее время?

— Тэйе, — наконец заговорил мой муж, со вздохом откладывая в сторону папирус, — я должен облегчить свое сердце, иначе оно сгорит раньше, чем попадет в пасть чудовища Амент. Силы мои уходят, их у меня осталось совсем немного...

— Твои, Эйе?

— Да, мои. И больше не горит в моем сердце тот огонь, который помогал моему Ба находить путь в самом темном лабиринте, в самом мрачном подземелье. Мудрые люди говорят, что, когда этот огонь угасает, человек либо отправится в Аменти, либо...

— Либо?

— Его разумом овладеют злые духи.

Так странно прозвучали его слова, что я с удивлением посмотрела на него. Никогда прежде он не упоминал о злых духах, так свято верил в богов, что одно упоминание темных сил казалось невероятным. И вот сейчас прозвучало это слово, и я была испугана им.

— Ты, должно быть, устал от своих забот, Эйе. Так случается порой, когда тело человека слабеет и не может уже выно-

сильные бремена ежедневных забот. Но стоит ему отдохнуть, немного набраться сил — и сердце светлеет, и все мысли, заключенные в нем, окрашиваются радостным светом.

Эйе улыбнулся, услышав мои слова.

— Так оно и было, моя верная Тэйе, так оно и было в былые годы, когда одной ночи крепкого здорового сна хватало, чтобы восстановить силы, чтобы справиться с последствиями неприятного разговора. Но теперь это уже не помогает, теперь все иначе... Скажи: когда-нибудь изменял я себе самому?

— Никогда, Эйе.

— А царскому дому?

— Никогда.

— Так говорят многие, хотя не все верят в то, что можно было честно служить четверым фараонам. Четверым, Тэйе! А теперь — смотри... — И он достал из небольшого ларца глиняную табличку, покрытую клинописными знаками. — Смотри, что думает обо мне царь Хатти Супиллулиума. Ты не знаешь их языка, Тэйе, я переведу тебе. Супиллулиума слышал о моей мудрости и надеется, что моя сила и мое влияние помогут ему проглотить Митанни, как маленький плод, помогут ему поставить надежный заслон ретенну и хананеям, а кроме того, не позволят его величеству фараону Небхепрура Тутанхамону отдать приказ ударить ему в тыл, где он слабо защищен и куда может не успеть стянуть свои силы. Разумеется, последнее сказано намеком, а уж о бедственном положении хатти на юго-западе Ханаана я узнал сам, узнал от военачальника Антефа, одного из тех, кто помогает мне следить за Хоремхебом. Хоремхеб потому и рвется на войну, что не сомневается в победе. И правда, с такими силами, которые есть теперь у Кемет, он победит хатти, можно не сомневаться в этом. Так вот... — Он тяжело вздохнул, так горько, что у меня поистине сжалось сердце. — Супиллулиума предлагает мне золото, много золота, предлагает мне множество рабов и коней. И я...

Сердце так забилося у меня в груди, что казалось, оно прорвет кожу, прорвет легкую ткань платья, истечет горячей кро-

вью на моей ладони, которую я прижала к груди. Неужели... О боги! Мир готов был обрушиться с грохотом, сквозь который нельзя было расслышать слов оправдания. Золото, рабы, кони... Цена предательства? Цена смерти известной всей стране Кемет преданности?

— Ты подумала, Тэйе, что я согласился на предложение царя Хатти? — устало спросил Эйе, он даже не возмутился, не огорчился тому, что ясно видел по выражению моего лица. — Нет... Что может быть нужно мне, чати и первому из друзей фараона? Дело совсем в другом... — Он закашлялся, и я с состраданием взглянула на него — таким беспомощным, таким одиноким вдруг показался он мне, обессиленным, изнеможенным под непосильной тяжестью.

— В чем же дело, Эйе? Тебе грозит опасность, если кто-нибудь узнает о послании хатти, если кто-нибудь донесет Хоремхебу, но ты можешь опередить врагов, явившись к фараону с этой табличкой, и он поверит тебе более, чем кому-либо...

— Теперь может и не поверить, Тэйе.

Онемев от изумления, я смотрела на него — не сон ли это? Не бредит ли он, не обманывает ли меня мой слух?

— Тэйе, это так, теперь это так. Еще до отъезда в Олет я начал отговаривать фараона от войны, ибо сейчас, когда восстанавливаются святилища богов по всей стране, им нужно золото, царское золото. Всех принесенных в последнее время жертв неостанет, чтобы обеспечить храмам достойное их существование, а ведь войско потребует много средств. Разве мог допустить это верховный жрец Амона-Ра?

— Но что же фараон?

— Фараон рвется на войну, фараон хочет быть похожим на своего великого предка Джхутимеса. А все владыки Кемет, которые привыкли носить военный шлем, постепенно отходили от храмов, переставали снабжать их золотом, приносить жертвы... Так повелось издавна, Тэйе, так может случиться и на этот раз. Но это не самое опасное, нет... Тутанхамон восстановил храмы по всей стране, он щедро одарил их, он не обидит их и в том случае, если взойдет на боевую колесницу. К

тому же не очень он похож на воина, слишком изящен и хрупок для этого. Дело в том, что, если Хоремхеб отправится на войну с хатти и победит, уже никто не сможет помешать ему быть единственной рукой фараона. И все мои заслуги, весь мой опыт ничего не будут значить, Тэ́йе, перед словом полководца-победителя.

— Так не допусти этого!

— Как?

— Будь откровенен с фараоном. Все расскажи ему, все поведай о кознях Хоремхеба. Тутанхамон поверит тебе, ведь он любит тебя...

— Кто-то рассказал ему, Тэ́йе, о деле с немху, о гибели Кийи. Не думаю, что Хоремхеб, он и сам не был чист, но кто, догадаться не могу. Если только Кийа рассказала обо всем своему любовнику, царевичу Джхутимесу... Теперь же, если откроются мои дела с царем Хатти, меня ничто не спасет. Конечно, Тутанхамон не прикажет утопить меня в водах Хапи, но удалить от себя, даже отправить в изгнание — кто помешает ему сделать это? Я не хотел бы, чтобы этим увенчалась моя многолетняя служба. Но силки слишком крепкие, Тэ́йе, мне из них не вырваться...

— Даже тебе, Эйе?

— Даже мне. Это послание жжет мне руки, вернее всего было бы его уничтожить, но может случиться так, что мне придется прибегнуть к помощи царя Хатти. Если наступит такое время, когда Хоремхеб будет единственным советником фараона...

— Но фараон никогда не допустит твоей гибели.

— Даже если его уверят в моем предательстве?

Я замолчала, ибо в его словах была горькая истина. Не начинал он так рано разговор о ненужности войны с хатти, не получил он этого послания Супиллулиумы, все было бы иначе. Но кто же теперь докажет фараону, что Эйе беспокоится о храмах, а вовсе не о благополучии царства Хатти? И я почувствовала свое бессилие, ибо будущее представилось мне мрачным лабиринтом, в котором каждый закоулок грозил гибелью. «Не-

ужели мы заслужили это, — подумала я, — о боги, неужели заслужили?»

— Если ты позволишь мне, я попробую действовать через царицу. Она юна и очень наивна, но тем легче будет направить ее мысли в нужное русло.

Эйе невесело усмехнулся.

— Анхесенпаамон? Она не имеет никакого влияния на фараона, она только нежный цветок, обвившийся вокруг его сердца. К тому же она беременна, все ее мысли заключены только в этом. Это не поможет, Тэйе, может только навредить. Ты знаешь ее лучше, чем я, ты должна это понимать.

— Когда человек тонет, Эйе, он хватается за стебель лотоса, веря, что тот удержит его на поверхности. Если я сумею убедить Анхесенпаамон в том, что война грозит жизни прежде всего ее мужа, который собирается лично участвовать в сражениях...

— Испугать ее судьбой Секененра¹⁴⁴? Вряд ли это поможет. Войну она видит такой, как ее изображают на каменных плитах, к тому же твердо верит, что ее муж находится под особым покровительством богов...

— А разве это не так?

— Боги благодарны Тутанхамону, больше того — ему благодарны их служители... — Эйе улыбнулся, впервые за время нашего нелегкого разговора. — Но это наивно — полагаться на юную девочку. Что она знает о хатти? Только то, что, быть может, рассказывал ей Туту, с которым она так сблизилась в последнее время. Кое-что узнала от Раннабу, кое-что от Мернепта... Она не знает, что боевой топор хатти летит на десять локтей и пробивает окованные медью и золотом борта колесниц. Нет, девочка не поможет... И фараон уже не будет слушать ни тебя, ни меня. Он преисполнен решимости выполнить свои обязательства по отношению к царю Митанни, тут, должно быть, не обошлось без царевны-митаннийки и Джхутимеса. Это правда, и его дед, и Джхутимес III поступили бы так же, об Эхнатоне я не говорю — что интересовало его, кроме Атона, если он допускал гибель даже своих соотечественни-

ков? Тутанхамон благороден, и в его благородстве таится моя гибель. Никогда еще я не чувствовал себя так безнадежно запутавшимся, таким беспомощным, и ты не привыкла видеть меня таким, Тэ́йе. И нет никого, кто мог бы спасти меня, теперь это не под силу даже богам. Доверие фараона ко мне подорвано, и я виноват в этом не меньше, чем Хоремхеб, потому что связался с ним, потому что связался с проклятой Кийей. Но знаешь ли, что меня еще тревожит, Тэ́йе? Супиллулиума хитер, он может попытаться найти и других, более сговорчивых. Если это окажется хитрый и умный человек, тогда царь хатти может рассчитывать на победу. Если кто-то уберет с пути Хоремхеба, Супиллулиума может спокойно спать в своей Хаттусе, ибо в Кемет больше нет военачальника, способного победить хатти. И я боюсь, Тэ́йе, что пожелаю ему успеха...

— Но ведь это грозит гибелью Кемет!

Странная улыбка появилась на губах Эйе, такая странная, что она неприятно поразила меня, и я даже опустила глаза, чтобы не видеть его внезапно изменившегося лица.

— А почему бы и нет, Тэ́йе? Если меня хотят утопить, если я могу лишиться сразу всего, почему бы не избавиться от врага? Кто бы это ни был, я буду бороться с рукой, схватившей меня за горло...

— Даже если это будет рука фараона?

Мне стало страшно, когда с губ моих сорвался этот вопрос, прямой и жестокий. Лучше, чем кто-либо, я знала, как Эйе любит фараона, как он привязан к нему, точно к родному сыну. Так давно повелось — оба мы считали царственных детей своими детьми. И я не удивилась, когда Эйе сказал резко:

— На такие вопросы не отвечают, Тэ́йе. Никогда не отвечают! И никто не имеет права задавать их. Никто, слышишь? Тем более мне. Я присутствовал при смерти Аменхотепа III, Эхнатона, Хефер-нефру-атона. Хвала богам, Тутанхамон слишком юн, чтобы я мог пережить его. Но я хочу окончить свои дни как великий чати, имя которого долго будет помнить Кемет...

— Всегда будет помнить, Эйе!

Он улыбнулся моей горячности.

— Знаю, что мне еще придется вступить в борьбу с Хорем-хебом. И, пожалуй, дело все-таки не в нем. Кроме него, есть и другие военачальники, поумнее его и уж во всяком случае не трусливее — тот же царевич Джхутимес! Дело в том, что последнее слово должен произнести фараон, и никто, кроме него. Вот здесь Супиллулиуме будет не легче, чем мне.

— Если ты не смог отговорить фараона от войны, то как сумеет сделать это царь Хатти?

— Хитростью. Коварством. Не силой, конечно, ибо молодой Тутанхамон не терпит, когда пытаются действовать силой против решений Великого Дома. И все-таки тревожно, Тэе.

— Я не отдам тебя! Я все сделаю, что смогу. И погибнем мы вместе, если такова будет воля богов... Неужели великий Амон-Ра допустит гибель своего верховного жреца?

Он улыбнулся и ласково погладил меня по руке, и пальцы его были сухи и горячи, как будто сжигал их внутренний огонь, как бывало в иные дни, самые горькие и опасные. И в который раз я поняла, что разделю с этим человеком всю его судьбу, всю, какова бы она ни была — от небывалого взлета до сокрушительного падения.

— Ты меня любишь, Тэе, слишком любишь. Мы мало бывали друг с другом, много наших дней поглотили тревоги и печали, нередко чужие. Но так уж повелось... Вот даже ты поверила, что я способен предать молодого фараона. Что же говорить о других?

Сжигаемая стыдом, я опустилась на колени, неловко, с трудом — была стара. Эйе поднял меня, усадил обратно в кресло, молча налил в чаши вино — себе и мне. И сказал, ласково погладив меня по плечу:

— Оба мы похожи на путников, заблудившихся в пальмовой роще в схене от большого города, оба не похожи на самих себя. Вот и происходит со мной нечто приятное, я начинаю обретать утраченные силы. Это оттого, что поговорил с тобой. Никто мне не страшен, Тэе, никто. Боюсь только неведомого врага, который подкрадется незаметно и не позволит услы-

шать его дыхания за спиной, и не позволит услышать, как будет занесен топор для удара. Они не слишком умны, Хоремхеб и Джхутимес... Возьми эту табличку, Тэе, спрячь у себя, спрячь так, чтобы даже я не знал о ней. Есть еще одно средство, о котором я не подумал, когда впал в отчаяние. Может быть, оно окажется верным и спасет меня... Я подожду возвращения в Мен-Нофер, там, если ничего не изменится, испробую его. Фараон не отошлет Хоремхеба тайно, я буду знать об этом. У Тутанхамона еще не появилось от меня тайн... Выйдем на балкон, Тэе, здесь слишком жарко. Не смотри на меня с такой печалью, моя дорогая жена. Час мой еще не пробил, все еще впереди...

***

Царский двор вернулся в Мен-Нофер, и лицо Эйе вновь стало напряженным и хмурым, но Хоремхеб не успел отправиться на границы Ханаана, ибо во дворце произошло великое несчастье, которое повергло фараона в глубокую печаль и заставило на время забыть не только о делах с хатти, но и о жертвоприношениях богам. Маленькая царица Анхесенпаамон, гуляя в саду среди любимых ею цветов, вдруг почувствовала сильную боль и головокружение, у нее хлынула кровь и, словно бурная и неумолимая река, исторгла на свет шестимесячного младенца мужского пола, мертвое, ни разу не вздохнувшее вне материнской утробы дитя. Ни врачебное искусство, ни заклинания и молитвы не помогли, несчастье свершилось, и на дворец опустилась черная тьма.

Когда пришли сказать об этом фараону, он только что отпустил начальника приемного чертога и выглядел озабоченным и усталым. Мне, старой кормилице, пришлось принести ему недобрую весть, мне пришлось увидеть, как смертельно побледнело его лицо, как сжалась тонкая рука и переломила позолоченную деревянную трость. Царица лежала без чувств, она ничего не видела и не слышала, не знала еще о свершившейся беде. Фараон опустился на колени возле ее ложа, при-

жал ее бессильную прозрачную руку к своему лицу, потом встал, закрыв рукою глаза, и вышел из покоев своей жены, сопровождаемый только жрецом Мернепта. И все, кто видел его, расступались больше перед его горем, чем перед величием живого бога...

Царица пришла в себя, ее глаза все еще были полны боли, но в них была уже и безнадежность, горькое знание случившегося. Она увидела свой опавший живот, медленно, как будто не веря, провела по нему ладонью, и видно было, что даже это слабое движение дается ей с трудом. Потом закричала, закричала жалобно и страшно, как птица, и вновь лишилась чувств, на этот раз надолго, приведя в ужас всех окруживших ее. Кроме жалости к ней, был во всех сердцах и страх, и тайная мысль о проклятии богов, которые не пощадили даже дочь царя-еретика... Но другая мысль приходила и обгоняла первую, и было от нее еще горше и тяжелее: за что боги наказали молодого фараона, так много сделавшего для них? И на этот вопрос никто не мог ответить...

Фараон больше не приходил в покои царицы, только постоянно присылал справляться о ее здоровье. Он был один в своих покоях, на второй день допустил к себе только карлика Раннабу и жреца Мернепта. Эйе даже не пытался увидеть Тутанхамона, молча проходил мимо царских покоев, за эти дни из человека неразговорчивого он превратился почти в немого. Как верховный жрец храма Амона, он повелел прислать из святилища бога кубки с целебными травами, и мне приходилось заставлять маленькую царицу отпивать по глотку из каждого. Она почти не говорила, только все время плакала. И трудно было сдерживать слезы, глядя на нее, такую юную и уже потерявшую двоих детей, обессиленную своим горем, задыхающуюся под бременем неведомого проклятия. И странно было то, что первым, кого она допустила к себе, был карлик Раннабу, придворный звездочет, безобразный и внушающий скорее страх, чем смех. Этот Раннабу много писал последнее время, писал на разных языках, иногда отправлял куда-то свои послания, и подозрение шевельнулось в моем сердце — не для того ли кар-

лик делал все так открыто, чтобы труднее было заподозрить его в тайных делах? Все уже знали, что он был осыпан милостями фараона, что Тутанхамон безгранично доверял ему. Подозрения мои немного улеглись, когда однажды я случайно увидела, что пишет Раннабу, он был увлечен и не услышал, как я появилась за его спиной. Он писал стихи, странные стихи — мне удалось увидеть лишь строчку, но и она привела меня в недоумение. Вот что было написано на папирусе: «Тебе — твой вечный дом, а ей — лишь пустота безмолвия...» Я содрогнулась, увидев эти слова, и поспешила прочь, пока он не заметил меня. Неужели этот Раннабу был и впрямь великим пророком и мудрецом? Но ужасом смерти веяло от его пророчеств. Эйе сказал, что фараон отправил гонца к царю Митанни, который просил о помощи, в послании был заключен отказ. Эйе был озадачен, почти встревожен. Неужели фараон, который успел уже показать себя решительным и твердым в государственных делах, вдруг из прихоти изменил свое решение? Это было не похоже на него. И еще больше удивило то, что спустя некоторое время Душратта прислал еще одно отчаянное послание, словно и не получал первого. Ни Эйе, ни даже Хоремхеб не получали доступа к фараону, все дела Кемет вершились тайно в его покоях. Все мы казались беспомощными, обессиленными птицами в потоке великой бури, и никто не знал, куда занесет нас беспощадный вихрь, бросит ли грудью об острые пики скал или дозволит умереть, совсем уже измученным, над цветущими садами. Даже мне было теперь ясно, что во дворце есть кто-то, кто следит за каждым шагом фараона, и было страшно за него, такого молодого, такого хрупкого, созданного для радости и любви и уже успевшего познать великий труд и великое горе. Мне было непонятно, почему маленькой царице тяжело его присутствие, сама я после смерти своих сыновей только в Эйе находила силы для продолжения жизни. Мне было жаль Тутанхамона, который не был виновен в беде своей жены, ибо его жена-хананеянка родила недавно здоровую и красивую девочку, а митаннийская царица Ташшур готовилась уже через несколько дней произвести на свет дитя. К то-

му же и Бенамут, любимая наложница фараона, в последнее время ощущала недомогание, очень похожее на признаки беременности, и удивляться этому не приходилось, ибо фараон проводил у нее много ночей. Она, эта девушка Бенамут, была хорошим утешением его величества, была она доброй и скромной. Сердце мое было опечалено холодностью маленькой царицы, и хотя многое можно было ей простить, я хорошо знала, что никто лучше мужа не сможет утешить ее. И однажды я спросила, не выдержав:

— Моя божественная госпожа, что с тобой? Отчего сердишься на его величество? Отчего не желаешь разделить с ним свою печаль?

Она опустила глаза и ничего не ответила, только радужные капельки слез закачались на кончиках ее ресниц. Я обняла ее ласково, и она расплакалась, жалобно и горько, совсем по-детски.

— Тэйе, Тэйе, ведь все это, может быть, случилось с нами из-за того, что мы предали Атона! Великий бог рассердился, и вот за все деяния моего мужа наказана я, и буду нести это бремя всю жизнь, ибо гнев божества не ослабеет! Тэйе, зачем обидели великого бога? Зачем разрушили столицу царственного Солнца?

— Моя дорогая госпожа, никто не разрушал Ахетатона, никто не разрушал храмов царственного Солнца, имя его сохранено повсюду, служители его не обижены! Что за мысль явилась в твоём сердце? Кто нашептал ее тебе? Ты же любишь своего божественного господина, ты знаешь, что страдает он не меньше тебя, зачем же ты так говоришь? Это очень нехорошо!

— Я не могу не верить, ибо сама чувствую, что это правда! Я была рождена под царственным Солнцем, я носила его имя, и вот теперь Атон разгневался, Атон покарал меня...

— Моя царица, не надо говорить так! Тебе больно и горько, но удел женщины — сносить все и служить опорой мужчине в тяжкие дни. Ты же знаешь, как сейчас трудно твоему господину, зачем же ты причиняешь ему боль?

Она все плакала, уткнув нос в ладошку, как девочка, и я гладила ее по голове, как девочку, и говорила ласковые и в то же время укоризненные слова. Постепенно она начала успокаиваться, и тогда я сказала:

— Не слушай ничьих речей, моя лучезарная госпожа, не таи в своем сердце обиды, пожалей своего возлюбленного господина и потерпи, немного потерпи. Нужно будет вам отправиться в храм целителя Имхотепа¹⁴⁵, и добрый бог дарует вам сына. Помни, что ты царица, помни, что разлад в царской семье всегда опасен и может быть выгоден врагам фараона и Кемет...

Она испуганно вздрогнула и отняла ладони от лица.

— Нет-нет, Тэие, это не враги! Просто люди, очень любящие Атона. Но я их больше не буду слушать... Мне горько, что я обидела моего божественного господина. Что мне теперь делать?

— Теперь придется сделать первый шаг.

— Я сделаю...

— И поступишь очень мудро, моя божественная госпожа.

Я рассказала обо всем Эйе, когда вечером мы вышли пройтись немного по дворцовому саду. Он выслушал меня очень внимательно, и на лице его я видела тревогу. Когда я закончила, он спросил:

— Она не назвала имен людей, «очень любящих Атона»?

— Не назвала.

— Кто-то явно хочет поссорить молодых супругов и избрал для этого жестокий, но верный способ. Это кто-то из немху, могущественных немху... А может быть, кто-то позаботился и о том, чтобы молодая царица не произвела на свет наследника?

— Разве это возможно, Эйе?

— Все возможно. Магия и колдовство существуют не только для добрых дел.

Мне стало страшно от его слов, будто крыло омерзительной летучей мыши, стража гробниц, коснулось лица.

— Кто же, Эйе? Во дворце так много людей!

— Кто чаще всех бывает с ней?

— В последнее время — карлик Раннабу. Раньше чаще бывали Туту и Маху, теперь не сказала бы...

— Раннабу? — Эйе остановился и посмотрел на меня, лицо его было отемнено тревогой. — Карлик, звездочет, родом из племени шасу, прибыл из Угарита... Мог иметь дела с хатти еще там, при дворе этого царька Хиттара, теперь облечен доверием фараона... Только вот не похож на солнцепоклонника. Но на что не пойдешь, если хочешь добиться своей цели?

— Тебе нужно поговорить с фараоном, Эйе.

— Ты права. И действовать надо немедленно! Раннабу, Раннабу... Может быть, он поет царице не только песни на языке шасу, но и на языке хатти... Идем! Где сейчас фараон?

— Сегодня тебе не удастся с ним поговорить, Эйе. К нему только что пришел Джхутимес, потом он собирался провести время с Бенамут. Кстати, она беременна от его величества, сегодня я осмотрела ее.

— Это хорошо. Пусть будет у Тутанхамона утешение... Что ж, придется отложить разговор до завтра. Но что же нужно Джхутимесу?

ЦАРЕВИЧ ДЖХУТИМЕС

В покоях фараона горел белоснежный алебастровый светильник, изготовленный искуснейшим мастером так, что, когда его зажигали, на полупрозрачной его стенке появлялось чудесное изображение царя и царицы. Это было так трогательно и прекрасно, что невозможно было отвести глаз, что сердце ликовало при виде подобного чуда искусства, что хотелось, чтобы на земле стояла постоянная тьма и всегда нужно было держать этот светильник зажженным. И я, как заколдованный, смотрел на него, забыв о цели своего прихода. Тутанхамон не мешал мне, он дал мне сполна насладиться чудесным зрелищем. И когда наконец я сумел обратить свой взор на сидящего передо мной фараона, он, улыбаясь, сказал:

— И ты никогда не видел ничего подобного? Это работа мастеров из Джахи, подарок мне ко дню шестого года моего

царствования. Я сам не мог оторваться от него долгое время, а моя дорогая царица увидев его, на миг забыла о своих печалях... Мы провели вместе целый вечер, плечо к плечу, глядя на этот светильник. Что они сделали, эти мастера, с его величеством Небхепрура Тутанхамоном, владыкой Обеих Земель! — Он рассмеялся так радостно и звонко, что я невольно последовал за ним, хотя и был очень огорчен, когда шел сюда. Мне не хотелось причинять боль Тутанхамону которого я любил, не хотелось, чтобы улыбка сошла с его лица, и все же умолчать о странном и страшном деле, которое несколько часов назад произошло во дворце, я не мог. Мне оставалось уповать на то, что фараон сам заметит выражение моего лица, спросит о причине моей озабоченности, и тогда мне легче будет разомкнуть уста и начать говорить. Но он не смотрел на меня, он снова и снова разглядывал светильник.

— Сколько существует уже прекрасных изображений, где мы с моей Анхесенпаамон охотимся, гуляем или отдыхаем в беседке? Везде мастера были искусны и правдивы, согласно моему повелению, не солгали ни единой черточкой наших лиц. Но это... Ты когда-нибудь слышал волшебную сказку о том, как злой чародей обращал людей в крошечные живые фигурки? Когда смотришь на эти изображения, кажется, что вот сейчас они начнут двигаться и говорить. Я когда-то думал о том, Джхутимес, что превышающее пределы прекрасного вызывает ужас и священный трепет. И вот теперь вижу, что не ошибся, это так и есть. Подобное я испытал лишь однажды, когда увидел свое изображение, выполненное рукой Хесира. Тогда тоже трудно было угадать, кто из нас Тутанхамон, а кто его каменный двойник, ибо я стоял как зачарованный, застывший и безмолвный, а он как будто дышал и собирался заговорить. Вот и здесь то же самое! Ты видишь, видна даже вышивка на моем поясе!

Я наконец решил, ибо моя медлительность показалась мне недостойной воина и кровного родственника фараона.

— Твое величество, прости меня, я пришел к тебе с плохой вестью...

Он выпрямился и взглянул на меня, и в его взгляде не было даже досады, что я нарушил упоение его восторга — в них была уже непреклонная твердость владыки, готового к любым известиям.

— Что случилось, Джхутимес?

— Мне трудно говорить, божественный фараон...

— Должно быть, не легче будет мне выслушать эту новость. Я приказываю тебе, говори!

Я еще помедлил, беспомощно взглянул на светильник, в круге которого еще цвел маленький счастливый мир, который я принужден был разрушить.

— Твое величество, несколько часов тому назад один из телохранителей Хоремхеба настиг у самого дворца человека, который сразу показался ему подозрительным, хотя и был одет, как одеваются жители Кемет. Когда его схватили, он не смог сказать прямо, как его имя и куда он шел, и Хоремхеб приказал привести его к нему...

— Почему мне не сразу доложили об этом?

— Хоремхеб хотел сперва разузнать, стоит ли беспокоить твое величество по такому поводу. Ведь этот человек мог оказаться любовником одной из прислужниц, братом какой-нибудь рабыни или танцовщицы...

— Судя по всему, не оказался?

— Нет, твое величество. Когда Хоремхеб начал допрашивать его, он сразу понял, что это хатти. И держался он как хатти — твердо почти до самого конца. Хоремхебу удалось узнать только, что этот человек был послан Супиллулиумой к одному из твоих придворных, важному человеку. Хатти, конечно, знал его имя, но не назвал его. Он явно успел передать этому человеку послание от царя хатти, но кому — теперь неизвестно. Известно только, что в твоём дворце есть предатель, высокопоставленный сановник, который имеет сношения с Супиллулиумой и, должно быть, уже знает о твоём намерении объявить ему войну и послать Хоремхеба к границам Ханаана. Это очень плохо, твое величество...

— Хуже не придумаешь, Джхутимес. Но кого подозревает Хоремхем? Кого подозреваешь ты, ибо ведь ты не мог не думать об этом?

— Ты прав, твое величество, думал. Никого нельзя сбрасывать со счетов, кроме, пожалуй, твоего учителя Мернепта. Вот что мне стало известно от моих слуг, которые с недавних пор стали следить за придворными и замечать то, что раньше показалось бы ничего не значащим пустяком. Карлик Раннабу, твой придворный звездочет, последнее время много писал, в том числе и на других языках, но больше ничего странного не было. Царица часто призывает его к себе, чтобы он пел ей свои песни...

— Раннабу пишет стихи и состоит в переписке со многими учеными людьми Вавилона, Тира и Гебала. Письма этих ученых мы просматриваем вместе, очень часто встречаем там нечто полезное, что может пойти на благо Кемет. И что же подозрительного в том, что он поет свои песни царице? Я сам люблю их слушать. Раннабу верный друг, если он окажется предателем, ты можешь и меня назвать воплощением злобного Сетха. Дальше?

— Яхмес, носитель опахала по левую руку, часто бывает в кварталах чужеземцев, много ночей проводит там, где нагие танцовщицы фенеху услаждают...

— Промолчим. Дальше?

— Май, хранитель сокровищницы, постоянно имеет сношения с иноземцами, прибывающими для уплаты дани, хорошо знает язык хатти...

— Я тоже знаю язык хатти. Дальше?

— Туту, бывший верховный жрец Дома Солнца... За ним ничего не замечено, кроме того, что он часто шепчется с царицей Анхесенпаамон.

— Она полюбила беседовать с ним, ведь он был первым советником ее отца, вечноживущего Эхнатона. Но не будете же вы с Хоремхемом подозревать и царицу?

— Это страшно произнести, твое величество, но известны случаи, когда...

— Не хочу слушать! Дальше?

— Твои жены, митаннийка и хананеянка, конечно, не могут сочувствовать хатти, особенно Ташшур, которая первой раскрыла нам глаза на тайные дела Супиллулиумы. Но вот хананеянка может действовать против своего отца, данника хатти...

— Почему?

— Он плохо обошелся с ней, не оделив ее сокровищами, оставленными ей матерью.

Тутанхамон продолжал медленно ходить по комнате, поигрывая украшенной бирюзой золотой тростью. Казалось, он обдумывал каждое мое слово, обдумывал спокойно и внимательно.

— Хорошо, пусть так. Дальше?

— Твой носитель опала по правую руку, военачальник Миннехт. У него были какие-то дела с хатти в Куше, но он благодетельствован тобой, твое величество, поднят из праха, всем тебе обязан...

— Как знаешь, Джхутимес, это не причина, чтобы не поднять руку на того, кому ты всем обязан. Я уже привык к неблагодарности, поэтому... Дальше?

— Только чати, божественный Тутанхамон.

Тутанхамон остановился, трость замерла в его руке, застыла, как будто прикованная к воздуху или к его неподвижным пальцам, словно фараон стал каменной статуей. Я ожидал этого, поэтому и приберег на самый конец то, что должно было больнее всего ранить Тутанхамона.

— Хоремхеб отдает себе отчет в своих словах? Ведь ты, как я понимаю, говоришь его устами?

— Хоремхебу нельзя было говорить об этом, ибо все знают, что они с Эйе давно уже не питают друг к другу дружеских чувств.

— А ты, Джхутимес?

Я не мог солгать, не мог даже смягчить своих слов. Опустив голову, я тихо сказал:

— Я ненавижу его, твое величество.

— Тогда почему ты имеешь право говорить об этом?

— Потому что право кровного родства и любовь к тебе не позволяют мне лгать.

— Как в хорошем, так и в плохом?

— Да, твое величество. Поэтому я скажу тебе всю правду. Эйе получил послание от царя Хатти...

Взгляд мой был прикован к неподвижно застывшей трости, и мне показалось в какой-то миг, что она будет переломлена или обрушена на мою голову. Я должен был сказать, сказать все до конца, иначе я не имел бы права называться сыном Аменхотепа III.

— Твое величество, не гневайся на меня, это правда. Нам удалось выследить Эйе, послание царя Хатти было в его руках...

— Когда это было?

— В конце прошлого месяца, твое величество.

— Эйе давно отговаривал меня от войны с хатти. Значит, либо он давно имеет сношения с ними, либо...

— Либо, твое величество?

— Либо Супиллулиума просто пытается подкупить его. Но почему в таком случае он не сказал мне об этом?

Его глаза страдали, и мне было больно смотреть в них. Противоречивые чувства бушевали в моей груди, мне было страшно от того, что я ощущал шевеление ядовитых змей, которые шипели мне в самые уши: «Погуби своего врага! Погуби убийцу Кийи!» Мозг мой горел, и я медленно погибал в этом огне, от которого не было избавления, который отныне всегда должен был сопровождать меня, что бы сейчас я ни сделал и ни сказал. Погубить Эйе, как он погубил мою возлюбленную, погубить справедливо, воздав злом за зло, не пощадив его, как он не пощадил обманутой им женщины... И пусть бы потом в Аменти сердце мое полетело в пасть чудовища Амт, я все равно сделал бы это, ибо и сердце Эйе должно было стать добычей страшного палача загробного царства. Я оказался слишком слаб, чтобы защитить Кийю, неужели теперь я окажусь и слишком слабым, чтобы отомстить за нее?

Не в силах больше сдерживаться, я упал на колени, обхватив пылающую голову руками, я приник лицом к полу, я чувствовал, что вот сейчас мое тело сведет страшная судорога, подобная той, что некогда терзала тело моего брата Эхнатона. Задыхаясь, я произнес слова, которые фараон едва мог слышать, рассек свое сердце на две кровоточащие половинки, произнес то, чего нельзя было произносить возлюбленному Кийи, но должен был сказать сын Аменхотепа III:

— Твое величество, хотя Эйе и виновен в том, что не доложил тебе о послании царя Хатти, он не предатель, ибо его жена Тэйе рассказала обо всем царице Анхесенпаамон и просила ее заступиться перед тобой за попавшего в ловушку чати. Она показала царице письмо, она поведала ей обо всех горестях и смятении Эйе, и царица обещала помочь, но отчего-то не сделала этого. Их разговор слышала Патененра, одна из прислужниц царицы, которая недавно стала моей наложницей. Она своими глазами видела это письмо. Я должен был сказать тебе это, божественный Тутанхамон...

Я не поднимал глаз и не мог взглянуть в лицо фараона, я был распростерт на полу, как последний раб, я был придавлен непомерной тяжестью, обрушившейся на меня, и в то же время мое сердце ощущало облегчение, больше не обливалось черной, злой кровью, не било так беспощадно в мою истерзанную грудь. Легкая рука Тутанхамона коснулась моего плеча, он наклонился надо мной и помог мне встать, велел опуститься в кресло и выпить чашу вина, которую сам налил мне. Задыхаясь, захлебываясь, я пил вино, мои руки дрожали, темно-красная жидкость выплескивалась на грудь, на мое золотое ожерелье. А потом хлынули слезы, огненные, беспощадные слезы. Я был мужчиной и воином, я был сыном великого фараона Аменхотепа III, я участвовал во многих сражениях и пережил много потерь, я извещал гибельную, жгучую страсть и ужас сбывающейся опасной мечты, но я плакал, плакал, как ребенок, оплакивая свою любовь, свою вину и свою несостоявшуюся месть. Тутанхамон не смотрел на меня, он был милосерден, он дал мне выплакаться. Сквозь прозрачную пелену слез я видел чу-

десный светильник, горевший прямо передо мной, видел изображение чужой прекрасной любви, и мне хотелось стать вот такой крошечной раскрашенной фигуркой в толще полупрозрачного камня, чтобы оградиться им от бурь, бушующих в этом страшном мире, где всего можно было желать и ничто не сбывалось. От курений анга шел пряный аромат, и от этого ли, от того ли, что вино подействовало на меня слишком сильно, глаза мои начали слипаться и я уронил голову на грудь, тщетно пытаясь победить внезапно налетевший сон. Передо мной являлась Кийа, Кийа прекрасная, Кийа неуловимая, такая, какой была она в ту первую ночь в доме Пареннефера, такая, какой была она на погребальном ложе. И я протягивал к ней руки и звал ее: «Кийа! О, моя Кийа, моя возлюбленная, приди ко мне!» Но она отступала, не давалась в руки, таяла, как облако, уходила безмолвно в страну сновидений, вновь обманывала и презирала меня. Как я мог подумать, что она изменится там, на полях Иалу? Она и там будет жгучей и страстной, коварной и жестокой. И там снова ее будет обнимать Эхнатон, вознесший ее на сверкающие высоты и погубивший ее...

Я очнулся от того, что кто-то настойчиво тряс меня за плечо, и, с трудом разлепив отяжелевшие веки, увидел того, кого и должен был увидеть — фараона, стоявшего прямо передо мной. Мне казалось, что я проспал много часов, но тотчас же понял, что сон мой длился всего лишь несколько мгновений. Тутанхамон спросил меня:

— Ты способен меня выслушать, Джхутимес? Возьми этот сосуд, в нем благовония из страны Офир, натри ими виски, и тебе станет легче. А потом мы поговорим, поговорим о том, что тревожит и тебя, и меня.

— Прости меня, твое величество...

— Прощаю.

Я взял из рук Тутанхамона сосуд и, морщась от боли, натер себе виски благовониями из страны Офир. Они почти мгновенно оказали на меня чудесное действие, подобное мановению волшебного жезла — тяжесть прошла, голова снова была ясной.

— Теперь поговорим, Джхутимес, — сказал Тутанхамон, увидев, что мне действительно стало легче и что я выпрямился в кресле и приготовился слушать. — Завтра же я сам спрошу у царицы, отчего она не рассказала мне о разговоре с Тэе. Неужели у нее завелись от меня тайны? Надеюсь по крайней мере, что она никому не сказала об этом. Эйе, Эйе... Он всегда знал все тайные дела нашего дома, неудивительно, что царь Хатти попытался подкупить его. Мне жаль только, что он стал вершить за моей спиной дела, которые мне не нравятся. Чего только стоит это дело с немху! То, что он отговаривал меня от войны, понятно мне. Он слишком осторожен и мудр, слишком заботится о вверенных его попечению храмах, боится, что первое место в ряду моих советников займет Хоремхеб... Все это я хорошо понимаю, хотя Эйе и не догадывается об этом...

Я изумленно посмотрел на него, изумление мое граничило с восхищением — почти то же самое рассказывала мне Патененра, когда передавала разговор Тэе с царицей.

— Твое величество, боги поистине одарили тебя божественной мудростью...

— Только обыкновенным человеческим умом, Джхутимес. Когда знаешь человека с детства, привыкаешь замечать в нем то, чего не видят другие, угадывать его тайные мысли. Эйе было труднее со мной, чем мне с ним... Меня огорчает его недоверие, это правда... — Он задумчиво коснулся пальцами уголков рта, потом взглянул на меня и улыбнулся. — Пожалуй, я не выполнил ничего из того, чего он хотел от меня; вернее, выполнил не так, как ему бы хотелось. И все же жаль, что между нами растет пропасть. Я прошу тебя, Джхутимес, сохранить наш разговор в тайне. Передай Хоремхебу, чтобы в начале седьмого часа ночи¹⁴⁶ он тайно отправлялся к войску в Чилу и шел с ним к границам Ханаана. Пусть ждет моих распоряжений, пусть ждет часа, когда я объявлю войну царству Хатти и сам прибуду к моему войску. Супиллулиума просчитался, если надеялся, что, действуя через моих придворных, сможет удержать мою руку. Он, должно быть, и впрямь считает меня юнцом, не способным принимать реше-

ния. Что ж, теперь остановить меня могут только боги. Пока война еще не объявлена Великим Домом, царь хатти может спокойно спать на своих щитах, но когда я произнесу это слово, войско двинется вперед и разгромит хатти. Завтра я отправлю донесения правителям Ретенну и Ханаана, отправлю донесение царю Душратте, чтобы их войска выступали в поход против Супиллулиумы. А теперь пойду к Бенамут, мне хочется увидеть ее...

— Твое величество, — сказал я, — все будет исполнено твоими верными слугами. И все же будь осторожен, ибо предатель существует, и даже если ему не удастся помешать гонцам или каким-либо иным образом расстроить твои планы, он может чем-то отвлечь твое внимание, принести тебе ложные сведения. Даже Эйе мог послать свою жену к царице только для отвода глаз, а уж что может вершиться в женском доме, не под силу разгадать даже искуснейшему чародею. Хорошо, что ты отправляешь Хоремхеба, но всякий знает, что без твоего приказа Хоремхеб не поднимет меча. Я опасаюсь за тебя, твое величество, друзья хатти, если их несколько, могут попытаться отвлечь тебя от войны, придумать важнейшие государственные дела, при которых война будет невозможна...

— Этим как раз занимается Эйе, — улыбнулся Тутанхамон, — но ему не удалось и не удастся заставить меня отказаться от своего намерения. Благодарю тебя, Джхутимес, мой учитель! Иди, передай Хоремхебу все, что я сказал. Мне все же грустно, горько, что приходится опасаться своих же собственных придворных. Иди, я доволен тобою! А меня ждет моя Бенамут...

ЦАРСКАЯ НАЛОЖНИЦА БЕНАМУТ

Мне было горько, мне было прискорбно видеть моего господина погруженным в глубокую печаль, и я тихо сидела у его ног на вышитой золотом и бисером подушке, положив руки ему на колени, глядя в его лицо. Сегодня утром госпожа Тэйе сказала, осмотрев меня, что я уже беременна, уже ношу в се-

бе новую жизнь... Но сказать об этом теперь, когда так мало времени прошло со дня великого несчастья, лишившего фараона его второго сына, нельзя было, и я только смотрела в его прекрасные печальные глаза, только смотрела, мечтая о том, чтобы он сам догадался... Странные дела творились в последнее время во дворце, странно было видеть, как царица приблизила к себе Туту, который и мне оказывал слишком явные знаки внимания, как опускала глаза при виде фараона, как слушала подолгу странные песни карлика Раннабу. Она все еще была потрясена своим несчастьем, все еще не замечала никого вокруг, даже на своего мужа смотрела отчужденно, едва ли не враждебно. Я от всего сердца жалела бедную госпожу, и мне было стыдно за мою радость, слишком явно светившуюся в моих глазах. И сегодня, когда господин пришел ко мне, от смущения я не знала, куда девать глаза, как взглянуть на него, чтобы он не понял моей радости, и в то же время сердце мое хотело именно этого. Я подала ему вино, он поблагодарил меня кивком головы и выпил чашу до дна, потом отдал ее мне и, отдавая, взял мою руку, слегка сжал запястье. Огромная нежность билась в моей груди, как волна, и, не в силах сдержать ее, я приникла к его руке, прижалась к ней лицом... И опять оба мы не сказали ни слова, только потянулись друг к другу. Слова отца вспоминались мне — «сделай так, чтобы в твоих объятиях он находил успокоение от всех своих горестей и забот...» И мои руки стали как руки богини-хранительницы, кольцо которых не могла бы разомкнуть даже обрушившаяся на нас волна великой реки.

— Бенамут, — сказал мой возлюбленный господин, — скоро расстанемся, скоро я отправлюсь на войну с хатти. Не грусти, я вернусь скоро. Я рад, что принял решение и что ничто не помешало мне его выполнить. Хоремхеб отправился в путь час назад, тайно. Все думают, что он отправится только через три дня, но Раннабу посоветовал мне поступить так, и я с ним согласился.

— Неужели во дворце есть твои тайные враги, мой божественный господин?

— Боюсь, что так, Бенамут. Но на этот раз провести им меня не удастся. Через пять дней, когда Хоремхеб достигнет границы Ханаана, я объявлю о войне с хатти, и гонцы понесут к Хоремхебу приказ начать военные действия. Я выполню свой долг, Бенамут, выполню! Пусть Душратта будет спокоен хотя бы из-за того, что его брат и союзник Тутанхамон не оставил его в беде. У него самого во дворце беспокойно...

Он говорил со мною о важных делах, и никак не получалось выполнить совет отца, мне приходилось слушать, внимать. Я понимала — он должен был сказать об этом кому-то, кто не разбирался в тонкостях, кто мог оценить его дела одним лишь чувством.

— Я не умею хранить тайны, — сказал фараон, улыбаясь, — видно, совсем не умею, потому что вот говорю с тобой о том, чего никто не знает...

— Разве никто, мой божественный господин?

— Только ее величество — Анхесенпаамон. Она знает, что я отправил Хоремхеба в путь. Она вошла в мои покои в то время, как я отдавал Джхутимесу папирус с начертанным на нем приказом Хоремхебу. Но ей не нужно говорить о соблюдении тайны.

Я улыбнулась, хотя мне было совсем невесело.

— Это хорошо, мой лучезарный господин.

— Что хорошо?

— Хорошо, что никто не знает этого. Тем меньше будет возможностей у предателя, если такой действительно есть во дворце. Хочу тебе признаться, божественный господин...

— В чем, владычица моей радости?

— В том, что не понимала важности тайн до тех пор, пока мой отец Хесира не сказал мне, что любовь иногда может быть более губительной, чем ненависть. Любящая женщина может по неосторожности выдать тайну, встревожившись за любимого, посоветоваться с кем-нибудь, как лучше избежать опасности. И тогда опасность уже нельзя будет предотвратить...

Фараон улыбнулся и погладил меня по руке, потом ласково коснулся моего подбородка.

— Вот мы ведем свои речи о тайном, Бенамут, и не спим во всем дворце только мы, да еще телохранители и стража. Когда я направлялся к тебе, мне встретился Туту, он выходил из покоев царицы, и он сказал мне, что сегодня ночью тоже не собирается спать, попытается помочь мне разобраться с донесениями правителей областей по всяким мелким поводам, потому что днем никогда не хватает времени. Все-таки мне бы хотелось их просмотреть, я сказал, чтобы Туту явился ко мне пораньше, разбудил меня еще перед рассветом, потому что днем и у меня не хватает времени на мелкие дела, а ночью уже нет сил. Зачем я говорю с тобой о делах, Бенамут? Разве ты мой советник? Разве нужно тебе знать о том, что творится в пространстве между жезлом и плетью?

— Это твоё желание, мой божественный, мой возлюбленный господин. Я никогда не решилась бы спрашивать тебя...

От его улыбки все радостнее становилось на сердце, все ярче расцветала в нем чудесная сила Хатхор. Боги, боги, сколько ночей мечтала я об этих глазах? И вот они смотрели на меня, вот они затягивали меня в глубь своих черных сверкающих озер, они лучились нежностью и добротой.

— Ты поистине удивительная женщина, Бенамут. Когда твоя голова лежит на моей груди, я могу забыть обо всем, когда ты вот так смотришь на меня, я рассказываю тебе обо всем, словно ты жрец, требующий поведать ему тайны сердца. И я ничего не могу поделать с собой, открываю тебе свое сердце так, как не могу это сделать ни перед одной женщиной. Ни перед одной! — Он подчеркнул это, мне и стыдно, и радостно было, что он произносит такие слова. — Ты, моя верная Бенамут, ты много знаешь обо мне, ведь ты всматривалась в меня еще там, в мастерской своего отца... Что ты увидела в том мальчике Тутанхатоне?

— Доброту, ум и благородство, мой возлюбленный господин. И еще — удивление...

— Почему — удивление?

— Глаза его высочества Тутанхатона смотрели так, будто удивлялись миру, мой божественный господин, удивлялись

красоте его и грязи, возвышенности его и низости. И до сих пор они смотрят так...

— С тех пор я получил ответы на многие свои вопросы, моя дорогая Бенамут. Но ты права, есть еще много вещей, которых я не понимаю. И, может быть, не пойму никогда! Почему существуют предатели, хотя они и знают, что за это понесут тяжкое наказание в Аменты? Почему существуют люди, которые не могут жить, не враждуя друг с другом, не пытаясь перешагнуть через того, кто идет рядом и вот упал, споткнулся и ждет помощи, чтобы пойти дальше? Почему люди бросаются на упавшего, как гиены на ослабевшего льва?

— Я не могу ответить на эти вопросы, божественный господин, — ответила я тихо, — не могу.

— А ты когда-нибудь думала об этом, Бенамут?

— Много думала, мой божественный господин. Думала, глядя на лица разных людей, изображенных моим отцом с таким искусством, что они кажутся живыми.

— Кстати, на днях мастерскую Хесира обещал посетить Туту. Он не был там ни разу, а его лицо заслуживает изображения в камне.

— Отец будет рад, если придется выполнять работу для важного заказчика.

— Вот вернусь из похода, Бенамут, пусть изготовит мое изображение в военном шлеме.

Я была рада, что мне удалось развеять его печаль, отвлечь от тяжелых мыслей. И снова подала ему чашу пальмового вина, которое было слаще меда. Он сказал:

— Выпей после меня, Бенамут, коснись следа моих губ.

— Разве я смею?

— Я прошу тебя.

Я исполнила его желание, и мой возлюбленный господин улыбнулся. Потом взял меня за руку, привлек к себе, усадил на колени. Я прижалась щекой к его драгоценному небти¹⁴⁷, так что крылья коршуна Нехебт слегка оцарапали мою кожу, и закрыла глаза, предаваясь моему солнечному счастью... Тихими ласками, нежными поцелуями осыпал меня молодой владыка

Кемет, и блаженство земли, насыщаемой благодатными водами Хапи, испытывала любимица богов, недостойная Бенамут, которая страшилась своего неожиданного счастья. Тогда, в ту первую ночь, я боялась ослепнуть от слишком яркого света солнца, разгоняющего ночную тьму. А теперь маленькое солнце билось во мне, и оно должно было порадовать моего возлюбленного господина, хотя бы немного утешить в его заботах и печалях. На его руке был перстень с изображением лунной барки на синем фоне, и другой, такой же, с его именем в царском картуше, носила я по его просьбе рядом с прощальным даром Кенна. Этот перстень с головой сокола, который он перед смертью отдал фараону в лагере близ Шарухена, я хотела сохранить в своем ларце, но его величество велел мне носить его вместе со своим. И я знала, что Кенна был благодарен нам обоим за эту горькую память...

— У тебя утомленный вид, Бенамут, — сказал Тутанхамон, всматриваясь в мое лицо. — Может быть, ты нездорова? Скажи мне...

— Я здорова, мой божественный господин. Просто всю прошлую ночь мы проговорили с царевной Ташшур...

Мой господин улыбнулся, в глазах его блеснул лукавый огонек.

— Это очень хорошо! С тобой она скорее научится говорить на языке Кемет. Надеюсь, она не испытывает недомоганий? Тэйе сказала мне, что она родит ребенка очень скоро, может быть, через три дня.

— Это так, мой божественный господин. Ташшур и сама это чувствует.

— Надеюсь, это случится еще до того, как я отправлюсь к моему войску. Повезу с собой радостную весть Душратте! Хорошо ли живется Ташшур в моем дворце, Бенамут? Не жаловалась ли она тебе на что-либо? Женщины моего дома открытвенны друг с другом...

— Нет, господин, Ташшур всем довольна и счастлива любовью твоего величества. Только одного она боится: как бы посланцы хатти не причинили вреда ее ребенку, боится злых

глаз. Ведь Супиллулиума, говорит она, наверняка проклиняет весь ее род.

— Надо думать, и мой тоже, особенно теперь, когда... Пусть Ташшур не боится. Хатти уже не смогут причинить вреда ни ей, ни мне, ни нашему ребенку. И никому на свете! Пусть мой учитель Мернепта прочтет над ней заклинание, отгоняющее злых духов, чтобы ее успокоить. Я скучаю без ее танцев, они меня очень развлекали. А ты умеешь танцевать, Бенамут?

— Умею, господин мой. Но, конечно, не так искусно, как Ташшур. Я не сумею представить гиппопотама, хотя однажды ты назвал меня так в мастерской моего отца.

Тутанхамон рассмеялся от всего сердца, я была рада, что развеселила его.

— Ты и это помнишь? И до сих пор сердита на меня? Что ж, если не хочешь быть гиппопотамом, стань птицей бенну, искусной в танцах. Завтра у меня трудный день, а пока я желаю наслаждаться, как только возможно. — Он поцеловал меня, и я соскользнула с его колен, ответив на ласку моего возлюбленного господина золотому коршуну Нехебт на его небути. — Бенамут, владычица радости, воистину прекрасная, надеюсь, ты ускользаешь от меня только затем, чтобы вновь вернуться в мои объятия? Позови арфиста, пусть он сопровождает твой танец музыкой, укрась свои волосы вот этими белыми цветами, я буду смотреть на тебя, как на саму Хатхор. Нет, не уходи! Дай еще раз поцеловать тебя...

Явился арфист, старый, сморщенный Меру. Казалось, что он не спал в эту ночь — так быстро пришел он, так блестели его необыкновенно живые черные глаза. Он почтительно приветствовал фараона, который возлег на роскошное ложе, и сел на циновку в углу, скрестив ноги и тихонько перебирая струны. Я любила танцевать, но никогда еще не танцевала для моего божественного господина. И сегодня я хотела в танце поведать ему о своей любви, а может быть, и о своей тайной радости. Вот Меру коснулся струн, вот полились волшебные звуки, нежные, и в то же время печальные. Именно такая му-

зыка годилась для ночи любви, именно такая музыка нужна была мне, чтобы вести рассказ о своей любви. И я заговорила — руками, плечами, талией, взглядом. Недолго длился мой рассказ; но божественный господин понял его, я увидела это, когда заглянула в его глаза. Он протянул ко мне руки, обнял меня, прижал к своей груди. И сказал, обращаясь к Меру:

— Теперь ты спой, Меру, спой то, что подсказывает тебе твое сердце.

Старый арфист почтительно склонил голову, губы его сжались как бы в раздумье, потом он кивнул головой и запел. У него был слишком высокий для мужчины, но приятный голос, который не нарушал, а будто вплывал в благоухающую тишину покоя, где грусть и нежность сплетались, образуя чудесный узор любви. «Процветает он, этот добрый властитель, — пел Меру, — прекрасный конец настиг его. Одни поколения проходят, а другие продолжают существовать со времен предков. Боги, бывшие некогда, покоятся в своих пирамидах, благородные, славные люди тоже погребены в своих пирамидах. Они строили дома — не сохранилось даже места, где они стояли. Смотри, что случилось с ними! Я слышал слова Имхотена и Джедефхора, слова, которые все повторяют, а что с их гробницами? Стены обрушились, не сохранилось даже места, где они стояли, словно никогда их не было. Никто еще не приходил оттуда, чтобы рассказать, что там, чтобы поведать, чего им нужно и наши сердца успокоить, пока мы сами не достигли места, куда они удалились. А потому утешь свое сердце, пусть твое сердце забудет о приготовлениях к твоему просветлению. Следуй желаниям сердца, пока ты существуешь, надуши свою голову миррой, облачись в лучшие ткани, умасти себя чудеснейшими благовониями из жертв богов, умножай свое богатство, не давай обессилеть сердцу, следуй своим желаниям и себе на благо. Совершай свои дела на земле по велению своего сердца, пока к тебе не придет тот день оплакивания.

Утомленное сердце не слышит ни криков, ни воплей, причитания никого не спасают от могилы. А потому празднуй прекрасный день, не изнуряй себя! Видишь, никто не взял с

собой своего достояния, видишь: никто из ушедших не вернулся обратно...»¹⁴⁸

Замерли, растаяли в воздухе покоя последние печальные звуки арфы, и наступила тишина. Боясь вздохнуть, я робко подняла голову и взглянула на моего господина, который, обнимая меня одной рукой, задумчиво смотрел куда-то вдаль печальными, застывшими в неподвижности этой печали глазами. Движением руки он отпустил Меру, арфист удалился, неслышно ступая, не тревожа тишины. Тутанхамон провел рукой по глазам, будто стряхивая усталость или отгоняя навязчивый образ, и повернулся ко мне уже другим — оживленным, повеселевшим.

— Меру сделал свое дело, я поверил его песне и намерен следовать его советам. Так немного времени осталось у нас! В моих покоях, должно быть, уже дожидается Раннабу, которому я поручил испросить у звезд волю богов по поводу войны с хатти. Боюсь, что больше двух часов поспать мне не удастся. Но я успею отдохнуть и выспаться в моих золотых носилках, пока воины будут нести меня к границам Ханаана. В детстве я мог вместе с Мернепта проводить целые ночи на крыше храма, наблюдая за звездами, потом подолгу переписывать длинные скучные тексты и стрелять из лука, а теперь не могу... Почему, Бенамут?

— День фараона слишком тяжел, мой божественный господин.

— Это я понял еще двенадцатилетним мальчиком. Теперь привык, а пройдет еще лет десять — и мне будет казаться, что иначе жить просто невозможно. Когда рано восходишь на престол, к тридцати годам, должно быть, чувствуешь себя усталым.

— Еще целых двенадцать лет ждать этой усталости, божественный господин.

— Верно! Где наш золотой лев хатти? Почему не смотрит на нас? Он до сих пор печален, ничем не удалось его развеселить? Теперь, конечно, ему радоваться нечему. Но он попал в плен еще до войны... — Его величество щелкнул по носу золотого льва, который стоял всегда возле нашего ложа, всегда

смотрел на нас печальными золотыми глазами. — Ты, может быть, хочешь меня укусить? Может быть, хочешь помешать мне пойти на войну? Не бойся, не обижу ни священных львов, ни искусных мастеров. Так будешь ты кусаться или нет? Вот и хорошо, что не будешь. И царь, по приказу которого ты, должно быть, изготовлен, тоже не будет. Уже не успеет! Ты дала ему имя, Бенамут?

— У него три имени: Лев-Мечта, Лев-Печаль, Лев-Любовь. Первое — ибо, глядя на него, я мечтала о том, кто мне подарил его. Второе — ибо гляжу на него и печалюсь в разлуке с моим божественным господином. А третье — ибо с самой первой ночи глядит на нас своими золотыми глазами...

Мой возлюбленный господин рассмеялся и, взяв чашу с вином, отпил половину и отдал мне другую. Потом развязал пояс на моих бедрах, отбросил в сторону мое легкое прозрачное одеяние, увлек меня на ложе... Долго мы предавались любви, опьяняющей и радостной, как буйное цветение времени перет. И когда не было уже сил ласкать друг друга, когда мы опьянели от любви, он прошептал мне, лежащей бессильно и блаженно в его объятиях:

— Бенамут, я вернусь к тебе очень скоро, раньше, чем родится наш ребенок. Ты ведь беременна? Возлюбленная услада моего сердца, я думал об этом, я этого хотел. Только поэтому пощажу тебя, не заласкаю до смерти, хотя нет сил оторваться от тебя! Где ты рождена, возлюбленная? Кем создана? Может быть, искусный скульптор Хесира высек тебя из волшебного камня, принесенного на землю богами, и богиня Хатхор вдохнула в тебя жизнь? Ты родишь сына, похожего на меня, я знаю это, Раннабу давно предсказал по звездам, что...

КАРЛИК РАНАБУ

Фараон вернулся поздно, слишком поздно, я сразу увидел, что он устал и счастлив. Я давно уже поджидал его в его покоях, сидел, разложив на полу свои папирусы, на которых были записаны изречения звезд. Что-то смущало меня, что-то меша-

ло мне назвать войну удачной или неудачной — звезды склонялись к тому, что ее не будет. Но как могло ее не быть, если Тутанхамон принял твердое решение, если все было готово к войне и сам он намеревался принять участие в военных действиях? Я надеялся, что фараон предпочтет отослать меня, но он, совершив очистительные обряды, вознеся моления богам и освободившись с помощью слуг от своего наряда, лег на свое ложе и приказал мне изложить ему все, что касалось расположения звезд. Я начал очень издали, сделав это не без тайного умысла — я надеялся, что благодатный сон сомкнет веки фараона и он просто не дослушает меня до конца. Мой коварный умысел оправдался, хотя и не совсем — фараон слушал меня рассеянно, думая о чем-то своем, и когда я сказал, что звезды сомневаются в том, будет ли война, он не обратил на это внимания. Видя, что он очень устал, я собрал свои папирусы, почтительно поклонился и хотел уже испросить разрешения уйти, как вдруг Тутанхамон сказал мне:

— Раннабу, а что могут рассказать утренние звезды?

— Утренние звезды обычно коварны, твое величество, — сказал я, — они как красавицы, блистающие, но жестокие.

— Но по ним тоже можно читать?

— Можно, твое величество.

— Ты мне никогда не рассказывал об утренних звездах. Расскажи мне сегодня, Раннабу, расскажи о жестоких красавицах. Мы отправимся с тобой на берег Хани смотреть на утренние звезды, там и начну день фараона. А потом... — Он вздохнул устало, но совсем не грустно. — Потом, Раннабу, отправлюсь в храм Пта, принесу жертву великому богу, побеседую с людьми, сведущими во всех делах Кемет, потом отправлю гонцов к Ашшурубалиту, Душратте и ханаанским правителям. Хоремхеб уже покинул Мен-Нофер, я приказал ему отбыть из столицы тайно. Хатти просчитались, как ни были они коварны. Ты доволен моими действиями?

— Твое величество, ты поступаешь мудро.

— Мне не хочется сейчас говорить о делах, откровенно говоря, хочется только спать... Если бы я знал, что так долго

пробуду у Бенамут, ни за что не стал бы назначать Туту эту встречу рано поутру. В самом деле, что мне до того, каков урожай огурцов и чеснока в семнадцатом степате земли Нехебт? Правители областей пишут смешные вещи, должно быть, от усердия. Правитель третьего степата земли Буто прислал длинное донесение касательно того, что рыжая корова верховного жреца храма Тота дает в день столько-то кувшинов превосходного молока, а собственная корова правителя на столько-то меньше, поэтому нельзя ли этому степату выплатить некоторую часть налогов молоком от коровы верховного жреца? Вот что пишут фараону бездельники, боящиеся, как бы их не упрекнули в их главнейшем недостатке, вот до чего доводит служебное рвение! А правитель седьмой области земли Нехебт, который взялся пересчитать всех гусей в своих владениях?

Он засмеялся, и я засмеялся от души.

— Пусть тогда Туту сам и просматривает все эти донесения!

— Среди них может оказаться и что-то важное, Раннабу. Например, осуждение невинного. Или просьба снизить слишком высокий налог с областей, которые пострадали от неурожая.

— Это так, твое величество, — согласился я.

— Так всегда поступал вечноживущий Эхнатон. Так всегда поступал мой дед, великий Аменхотеп III. И я делаю так, хотя это трудно. Зато никто не сможет сказать, что фараон Нехепрура Тутанхамон не вникает в дела своего государства.

— В твоём возрасте, божественный господин, — сказал я, — мало кто был бы способен справляться со своими обязанностями так, как это делаешь ты. У тебя находится время для всего, на все есть твоё око и рука. Ты даже посещаешь мастерские ювелиров и художников, чего не делал до тебя ни один фараон...

Он улыбнулся и блаженно растянулся на своём ложе, украшенном золотыми головами львов.

— Пока ещё хватает сил, Раннабу, пока ещё хватает сил... А скажи, это правда, что Анхесенпаамон просила тебя приготовить для нее любовное зелье?

Я был в нерешительности, но он явно знал, о чем говорит, и я смущенно пробормотал:

— Да, твое величество, но я отговорил ее от этого намерения.

— Неужели сомневается в моей любви? Она сама рассказала мне об этом, обливаясь слезами, когда упрекнула меня в том, что я слишком часто покидаю ее. Какой она мне показалась маленькой девочкой, несмышленной и напуганной! Но, может быть, она все-таки подмешала в мое вино любовное зелье, хотя и не твое, Раннабу? У меня сегодня весь день кружится голова от любви, час назад меня сводила с ума Бенамут... Кстати, Раннабу, я желаю видеть твое изображение, выполненное искусными руками Хесира. Ты понял меня? Завтра же отправишься в его мастерскую, заодно, быть может, возьмешь с собой и Туту, который тоже выразил желание иметь свой портрет. Это царский приказ, Раннабу! — засмеялся он, заметив, что я собираюсь протестовать. — Не буду слушать никаких возражений, пустых слов о том, что боги не одарили тебя красотой и потому тебе не очень-то хочется видеть себя изображенным в камне. Мудрость — большой дар, чем красота...

— Твое величество, — сказал я с деланной обидой, — тебе, одаренному красотой Хора, нетрудно рассуждать об этом. Пройдет еще десять, двадцать лет, и твое лицо останется все таким же прекрасным, только черты его станут резче. А я с детства был редкостно уродлив, и годы не прибавляют мне красоты.

— Зато они прибавляют тебе мудрость, Раннабу.

— Твое величество зрит с лучезарной высоты своего величия и, конечно же, не может не заметить истины...

Мы снова рассмеялись, и я был доволен, что слышу его смех. Он редко был веселым в последнее время, дела с хатти тревожили его, недавняя потеря младенца повергала в печаль.

— Как ты думаешь, Раннабу, кого родит мне Бенамут? — спросил фараон как будто небрежно, беря в руку маленький вѣер с ручкой из слоновой кости и лениво обмахиваясь им. —

Она сказала мне, что беременна, и это радует меня куда больше, чем беременность митаннийской царевны...

— Бенамут должна родить тебе сына, — сказал я, — такие женщины рожают сыновей. Я уже слышал об этом от Тэе, та не хотела говорить тебе...

— Почему же?

— Слишком мало времени прошло со дня смерти царственного младенца, она боялась опечалить тебя и царицу.

— И Бенамут не сказала прямо, я догадался об этом сам. А моя Анхесенпаамон еще принесет мне сына, когда я вернусь после победы над хатти, мы отправимся в святилище Имхотепа и великий целитель пошлет нам долгожданный дар.

— Да будет так, твое величество! — растроганно сказал я. — Мое сердце ликует, когда видит тебя в радости. Светлый Хор, солнце Кемет, все будет по твоему слову. И я буду служить тебе, пока боги не призовут одного из нас...

— Я это знаю, Раннабу, — сказал он серьезно, — я благодарю тебя за преданность, мой верный звездочет. Ты, Мернепта, Эйе, Хоремхеб, Джхутимес — вы мои преданные слуги, вы мои верные друзья. И как мог Эйе подумать, что я не поверю ему, если он принесет ко мне послание царя Хатти и откровенно расскажет о том, что Супиллулиума пытался его подкупить? Я не предаю друзей, Раннабу, не предаю верных слуг. И мне прискорбно, что...

Я насторожился.

— Эйе получил письмо от царя хатти?

— Да, вечером мне рассказал об этом Джхутимес. Это было благородно с его стороны, потому что он, обвинив, сразу оправдал своего врага, и я видел, как тяжело ему это далось. Эйе...

— Именно Эйе? — От волнения я позволил себе неслыханную дерзость — перебил фараона.

— Да, именно Эйе, но Джхутимес опасается, что во дворце есть кто-то еще, кто служит хатти. Я устал от всего этого, Раннабу, мне все равно, ибо даже если бы сам Эйе был подкуплен Супиллулиумой, он все равно не смог бы выполнить

свою задачу и помешать мне начать войну с хатти. Завтра на рассвете будут отправлены гонцы к союзным правителям, Хоремхеб будет ждать только моего приказа начать военные действия. Что еще говорить? Все уже решено. А Эйе... Эйе не стал бы вести такую коварную игру против меня, ведь он считает всех нас своими детьми, ведь он отец бога... Нет, нет, безумие! — Он сердито тряхнул головой. — Не будем больше говорить о каких-то неведомых предателях, Раннабу. Я хочу поспать хотя бы два часа, а когда появятся утренние звезды, ты разбудишь меня... Оставайся здесь, я разрешаю тебе лицезреть священный сон фараона. Видишь, как я доверяю тебе? — рассмеялся Тутанхамон, но смех его звучал уже совсем слабо. Едва его голова коснулась роскошного изголовья, на котором бог Шу разлучал влюбленных Геба и Нут, а лев Вчера и лев Завтра вели мудрую безмолвную беседу с вечно-текущим временем, веки его сомкнулись, и он погрузился в сон. Я смотрел — на его полуоткрытых губах появилась легкая улыбка. Если бы я был толкователем снов, мне не нужно было бы расспрашивать поутру, что ему снилось, я мог видеть это по его лицу. От неожиданной нежности вдруг сжалось мое сердце, такое же, как у всех людей, не отмеченное моим страшным уродством. Сидя у ложа Тутанхамона, я смотрел на молодого властителя, я был подобен карлику Бэсу, охраняющему сон новорожденного младенца, и я улыбался непонятно почему, глядя на его спящее прекрасное лицо. Силы помыслов моих, силы моей души не хватало, чтобы угнаться за полетом этой царственной души, чтобы попытаться хотя бы понять, что дает этому хрупкому красивому юноше силы править Кемет, что дало ему силы заставить бушующую реку вернуться в свои берега. Впервые за много лет я обратился к богу весны Телепину. «О Телепин, — молился я, — снизойди к этому юноше, подобному тебе красотой, укрепи его тело, дай силы его душе, отврати от него врагов, исполни его желания, которые так скромны по сравнению с тем, что он сделал!» Но молитва не успокоила меня, а напротив, вдруг возбудила в моей груди тревожное чувство. Звезды? Не только звезды. Мне по-

казалось странным, что Эйе, который вполне мог рассчитывать на доверие фараона, не явился к нему с посланием царя хатти. Эйе слишком много лет стоял у подножия трона и хорошо знал, что власть любого чати, даже если он воистину око, слух и к тому же рука царя, все же несравнима с властью фараона, одним словом повергающего толпы к своим ногам, повелевающего миром и войной, спокойствием и тревогой в сердцах подданных. Не захотелось ли ему, царедворцу, самому попробовать власти на вкус, а не только обонять сладостный аромат ее фимиама? И то, что в дело вмешалась старая кормилица Тэйе, могло обмануть юного фараона, но не меня. Я хорошо знал, что жена никогда не пойдет против мужа, а если уж любит его, испробует любое средство ради его спасения. Эйе легко, ведь он знал, что, несмотря на некоторое охлаждение, путь от сердца царицы к сердцу Тутанхамона короток. Что-то во всем этом казалось мне странным, и, должно быть, это и тревожило меня. Но даже Эйе не захотел предать фараона и сам попал в хитро расставленную кем-то ловушку, во дворце явно есть кто-то, кто следит за всеми действиями молодого царя, и глаза его — глаза хатти. Тутанхамон должен быть осторожен, очень осторожен. Он опьянен своей победой над царедворцами и над самим чати, почитает эту победу важнейшей из всех, он молод и доверчив и не знает, на что порой бывают способны правители Сати. Алмазная пыль, невидимая глазу, укус маленькой ядовитой змеи, не говоря уже о тайном колдовстве и магии — они все пускают в ход, если ощущают опасность, и если фараон не сознает этого, глаза карлика Раннабу открыты, слух его насторожен, руки его держат наготове узкий и острый кинжал. Нужно, чтобы Тутанхамон взял меня с собой, когда отправится к войску, обязательно нужно! В пути может быть засада, да и любой вред фараону нанести легче, когда вокруг него только воины и телохранители, искусные в своем деле, но не способные предугадать тайной хитрости врага. И я снова обратился к Телепину: «О великий Телепин, снизойди и стань защитой...» Так я сидел, слегка покачиваясь, так молился я до тех пор, пока не увидел на небе бледный при-

зрак утренней звезды. И вспомнив, что обещал разбудить фараона, я осмелился потревожить священный сон живого бога, тихо позвал его: «Твое величество...» Он не проснулся, и тогда я, подойдя совсем близко, позвал громче: «Твое величество!» На меня хлынул блестящий поток света, которым сияли его прекрасные черные глаза, мое сердце теплым солнечным лучом и благодатным ливнем согрела улыбка, вспыхнувшая на его устах. Он приподнялся со своего ложа, на его лице не было и тени сна.

— Твое величество, — сказал я, — на небе уже появились первые утренние звезды. Прикажешь позвать слуг, чтобы облачить тебя в царские одежды?

— Не нужно, Раннабу. Поступимся обычаями, ты поможешь мне одеться, станешь для меня на сегодня и хранителем сандалий, и хранителем ожерелий... Сколько еще времени до восхода солнца?

— Примерно час, твое величество.

— Боги простят меня, если все положенные молитвы я вознесу, когда вернусь во дворец, — сказал Тутанхамон с улыбкой, — это я позволяю себе нечасто.

— Боги это знают, твое величество.

Впервые в жизни исполнял я обязанности царского слуги и вызвал улыбку фараона своей нерасторопностью, застегивая его золотой пояс и надевая сандалии из позолоченной кожи. Тутанхамон пожелал надеть золотую диадему с украшениями из сердолика, с подвесками в виде диска, обрамленного цветами, к каждому из которых был прикреплен золотой урей. Кажется, эту диадему я видел на нем только один раз, в день погребения Хефер-нефру-атона, и это отчего-то было мне неприятно, но противиться желанию фараона я не мог. Вопреки обыкновению, Тутанхамон на этот раз не взял с собой позолоченной трости и повелел мне не пристегивать к его поясу кинжал, а также не захотел тратить время на умощение кожи драгоценными бальзамами и, зачерпнув из сосуда с благовониями, лишь несколько раз провел кончиками пальцев вдоль висков. По его желанию я надел на его предплечья, запястья и щи-

колотки изящные золотые браслеты с инкрустацией из темно-красного камня, и на этом мой труд был закончен. Тяжело вздохнув, я признался фараону, что никогда в жизни не исполнял более трудного поручения и так изнемог, что мои руки стали подобны измочаленным стеблям папируса.

— Теперь я знаю, чего ты боишься, Раннабу, — засмеялся Тутанхамон, — если ты прогневаешь меня, сделаю тебя хранителем моих одежд.

Мы покинули дворец в тихий предрассветный час, когда ничто еще не предвещало восхождения на небосклон золотого светила. Фараон сделал знак телохранителям, двинувшимся следом за ним: «Не нужно!» Мне стало не по себе, но, ощутив лезвие спрятанного за поясом кинжала, я успокоился. Ведь никто во дворце не знает, что фараон покинул свои покои и сошел на берег Хапи, и неведомый предатель спокойно спит, в снах своих предвкушая щедрую награду царя хатти. И все же я не буду спокоен до тех пор, пока фараон не прибудет в лагерь Хоремхеба. Стрелу войны, пущенную царской рукой, уже не остановит никакая сила. Через час отправятся в дорогу гонцы, и тогда... Но никогда еще меня так не тревожили звезды, склоняющиеся над землей.

Каменные ступени лестницы, ведущей к берегу Хапи, казались влажными, они влажно блестели в сером предрассветном сумраке. Берег Хапи, заросший тростником, поманил к себе неожиданно теплым молочно-белым облаком тумана. Туман! Явление его казалось необыкновенным, сродни нисхождению на землю вод небесного Хапи. Фараон удивленно посмотрел на меня.

— Какой туман, Раннабу! Я никогда еще не видел такого чуда... Похоже на облако курений, правда? И страшно коснуться его...

Мы спустились на несколько ступеней вниз. Туман ли приближался к нам, или мы приближались к туману, но он был уже так близко, что в него можно было погрузить руки. Браслеты на запястьях фараона неожиданно блеснули золотом, мы недоуменно обратили взоры к небесам — может быть, уже

взошло солнце? Но на небе были видны только бледные тени умирающих звезд, и я сказал, обращаясь к фараону, сказал совсем тихо, ибо присутствие утренних звезд и тумана не позволяло тревожить их:

— Твое величество, вот они, бледные тени сверкающих ночных светил, жестокие красавицы, которые манят влюбленных и обманывают их. Видишь, как много их на небе, как трудно солнечному лучу пробиться сквозь них? Они расплываются перед глазами, но эта ускользящая красота подобна топи болот, манящей к себе сочной зеленью и чудесными цветами.

— Неужели солнце не может разметать их своими лучами, как когда-то поступил вечноживущий Эхнатон с призраками мешавших ему богов? — задумчиво сказал фараон, и по его тону я понял, что он не ждал ответа. Неожиданный туман и на него нагонял тоску, и оба мы почувствовали вдруг, как серой змеей обвивается она вокруг сердца. — Раннабу, что сулят мне эти звезды? — тихо спросил Тутанхамон, не глядя на меня. Он вдруг закрыл глаза, крепко зажмурил их, потом вновь раскрыл широко, как будто перед ним проплыло какое-то видение. Я с тревогой посмотрел на него — может быть, нездоров?

— Твое величество, может быть, лучше вернемся во дворец? Ты очень бледен...

— Нет-нет, Раннабу, все хорошо. Просто почувствовал слабость, наверное, туман тревожит меня... Но что ты скажешь о звездах?

— Они тревожные, твое величество. Лучше вернемся во дворец! Я прошу тебя, твое величество, очень прошу: будь осторожен! Враги еще не побеждены, тайный предатель не найден. Я буду спокоен только тогда, когда ты окажешься в лагере Хоремхеба.

— Перестань говорить о печальных вещах, Раннабу. Дай мне полюбоваться последними звездами! Что с тобой случилось сегодня? Ты напоминаешь мне старую кормилицу, которая вздрагивает от каждого порыва ветра и шороха тростниковой занавески!

Я принужден был замолчать.

Мы стояли на той невидимой грани, которая отделяла реальный мир от зыбкого, призрачного мира тумана. Оттуда веяло теплом, и солнце было где-то здесь, за волнами тумана. Небо на востоке уже порозовело, но розовая краска вдруг показалась мне зловещей, как кровь, растворенная в воде. Сквозь призраки последних умирающих звезд уже можно было увидеть образ первого солнечного луча, тонкий и острый, как стрела, изготовленная самым искусным мастером. Тутанхамон опустился на ступени лестницы, по его знаку я расположился у его ног, на несколько ступеней ниже. Мы оба смотрели уже не на обманчивые звезды, а на краешек солнечного луча, который искал путь к нам сквозь эти звезды и туман. Я украдкой взглянул на фараона, лицо его было задумчиво и печально. Из-за тумана не было видно другого берега реки, не было видно и дворца, человек мог ощутить себя совсем потерянным в крошечном мире, который кольхался и расплывался, скрадывая очертания вещей, очертания человеческой фигуры в двух шагах. Оба мы знали, что скоро, очень скоро туман рассеется и солнечные лучи зажгут на поверхности воды целые снопы света, блистающего всеми переливами драгоценных камней. Этого оставалось ждать совсем недолго, но сердце мое вдруг забилося так, что я в испуге приложил к нему ладонь. «Какая тоска, о боги, какая тоска!» — подумал я, и эта мысль оозвалась эхом в устах фараона. Его недавнее оживление исчезло без следа, тонкие руки беспомощно лежали на коленях, и я ощутил вдруг все его громадное одиночество, одиночество совсем еще молодого человека в мире грозных сил и грозных богов. Сейчас, перед свершением еще одного решительного шага, который должен был укрепить его славу и раз и навсегда вернуть Кемет могущество единой мощной державы, он всматривался в лицо таинственного тумана, разделяя свое одиночество только с уродцем, обделенным судьбой, единственным, кому позволено было видеть священный сон владыки и его теперешнюю слабость. Впереди был длинный день, полный забот, и начаться он должен был с донесений

глупых правителей областей, считавших фараона заинтересованным в количестве молока у рыжей коровы верховного жреца бога Тота или в урожае огурцов в третьем степате земли Бутто. Ни одна звезда не могла предсказать ему количества великих и никчемных дел, которыми он принужден был заниматься, и ни одна звезда не могла разомкнуть кольца одиночества, которое — это я вдруг ясно понял — все теснее сжималось вокруг него. Он, за шесть лет своего царствования сумевший поднять из праха поруганные святилища древних богов, окруженный любовью народа, жрецов и воинов, любимец женщин и верный друг, не умевший предавать, был вовлечен в гибельный круг великой власти фараонов в тот день, когда свершился его поспешный обряд бракосочетания с третьей дочерью Эхнатона, когда жрец Мернепта впервые приветствовал его как фараона, когда впервые у ног двенадцатилетнего мальчика с добрыми и удивленными глазами распростерлись высшие сановники государства. Он, который едва ли мог мечтать о троне, стал владыкой Кемет, изнывающей в кольце внешних врагов, раздираемой междоусобицами, лишенной своих древних богов. Он взлетел вверх, высоко-высоко, к самому солнцу, на еще не окрепших крыльях, и небесные светила вовлекли его в свой неумолимый круговорот, который мог завершиться только их угасанием или гибелью золотого сокола. Он задыхался от ветра, слишком сильно бьющего в грудь, и был слишком молод, чтобы понять истинное значение того, что он делал. Впервые дозволив себе разомкнуть уста, я тихо сказал:

— Твое величество, божественный Тутанхамон, все, что ты делаешь, уже сияет на небе среди бессмертных звезд, все уже занесено в свитки вечности, и даже если ты ничего больше не совершишь, этого будет достаточно, чтобы стать звездой в кругу бессмертных светил.

Он только улыбнулся мне в ответ, ласково и грустно. Где-то плеснула рыба, должно быть, показалась на поверхности реки и опять ушла в глубину, в свое сумрачное подводное царство. Тутанхамон поднялся, я встал тоже, и он положил руку мне на голову, которая приходилась чуть выше его пояса. Кра-

савец и безобразный калека, мы стояли рядом, и у наших ног пенилось и клубилось колдовство тумана, сквозь который едва-едва просвечивала золотая пыль. Я посмотрел на Тутанхамона, он снова улыбнулся, его тонкие пальцы чуть-чуть взъерошили волосы на моей голове.

— Я спущусь к воде, Раннабу, поброжу немного по берегу Хапи. Иди во дворец, сделай приписку к моему посланию царю Митанни о том, что его внучка, царица Ташшур, скоро порадует нас разрешением от бремени. Напиши еще, что я желаю ему успеха в его борьбе с царедворцами, которую я уже выиграл. Если придет Мернепта будить меня, убеди его в том, что меня не похитили и что я не проспал восхода солнца в объятиях красавицы. Сегодня у меня трудный день...

— Твое величество, пойдем вместе во дворец!

— Что ты сегодня так тревожишься, мой звездочет? Может быть, звезды сказали тебе, что мне грозит опасность со стороны какого-нибудь крокодила, который нарочно для этого восемнадцать лет жил на дне Хапи? Никакие подводные чудовища уже не страшны тому, кто выдержал борьбу с самыми мудрыми, самыми преданными, самыми хитрыми советниками! Обещаю тебе, что не буду сидеть на берегу, задумчиво опустив ноги в воду, и не позволю крокодилу утащить меня на дно. Иди и исполняй приказ, а я скоро вернусь и прикажу гонцам отправиться в путь. Кстати, проверь, хорошо ли они снабжены всем необходимым для дальнего пути.

— Все сделаю, твое величество, только позволь мне позвать сюда телохранителей.

— Да что с тобой такое, Раннабу? Крокодилы, рыбы, змеи — что еще? Птицы в небе? Или ты думаешь, что только твое священное присутствие охраняет меня от любой опасности? Хорошо, позови телохранителей, если это успокоит твое вечно волнующееся за меня сердце. Иди же, Раннабу. Солнце все не может взойти, может быть, ждет, когда фараон сделает к нему первый шаг?

Он тихо рассмеялся и шутливо подтолкнул меня в спину. Я поклонился, и Тутанхамон начал спускаться вниз, а я стал

торопливо подниматься, боясь поскользнуться на влажных ступенях. Поднявшись немного вверх, я обернулся и увидел, что фараон помедлил некоторое время, прежде чем сделать последний шаг и оказаться в белом клубящемся облаке. Краешек солнечной ладьи уже показался на горизонте, и теперь владычество тумана казалось призрачным, обреченным на гибель. Тутанхамон вошел в туман, и белые волны сомкнулись за его спиной.

Со всей быстротой, на какую только были способны мои короткие ноги, бежал я вверх по лестнице, торопясь исполнить не столько приказание фараона, сколько настойчивый приказ собственного сердца — позвать телохранителей, чтобы они следовали за фараоном, хотя бы и на некотором расстоянии. Скорей, скорей! Вот я уже наверху лестницы, и я могу быть спокоен, ибо никто не проходил мимо меня, и могу отдышаться, замедлить шаг, смирить свое слишком сильно бьющееся сердце. Вот подхожу я к высокой резной двери, вот открываю ее с трудом, ибо она слишком тяжела, вот размыкаю уста, чтобы приказать телохранителям идти за фараоном, а самому отправиться выполнять поручение его величества. Гонцы уже ждут, они давно готовы отправиться в путь и ожидают только приказа фараона, и когда стрела будет пущена, никто уже не вернет ее обратно. Я обернулся и увидел, что туман понемногу рассеивается, вот-вот увижу фараона, но никого не увидел, должно быть, у самой воды туман был еще густым и плотным. И вдруг до моего слуха донесся слабый шум и вслед за этим тихий вскрик, от которого холодный ужас пополз по всему моему телу, ослабели колени, закружилась голова... Не помня себя, я бросился вниз, туда, где еще клубились остатки тумана. Я услышал глухой стон, и бешеный стук сердца едва не помешал мне преодолеть несколько оставшихся ступеней. Теперь я уже знал, что увижу...

Тутанхамон лежал на прибрежном песке, странно согнувшись, обхватив голову руками. Он делал слабые попытки опереться на локти и встать, но, чуть оторвав голову от земли, вновь опускал ее с глухим стоном. У меня не было ни време-

ни, ни сил размышлять над тем, что произошло здесь, на берегу, во время моего отсутствия, — я бросился к юноше, перевернул его на спину, на меня глянули измученные, страдающие глаза.

— Помоги мне, Раннабу, — прошептал он, — помоги мне...

Карлики нередко бывают очень сильны, я тоже был силен от природы, к тому же отчаяние еще укрепило мои мускулы, и я сумел поднять фараона и помочь ему встать на ноги. Обхватив его за талию, подставив свои крепкие плечи, я повел, почти потащил его к лестнице. Он дышал тяжело и прерывисто, я понимал, что вот-вот он потеряет сознание, и я, надрываясь, тащил его вверх по каменной лестнице ко дворцу, где первый же стражник, увидев нас, немедленно бросился бы на помощь. Но первым увидел нас не стражник, а старый жрец Мернепта, который появился на вершине лестницы и бросился к нам, издав короткий горестный возглас. Он подоспел как раз вовремя, чтобы подхватить на руки потерявшего сознание юношу и понести его наверх, прижимая к груди, как ребенка. Я слышал, как он шептал: «Мальчик мой... мальчик...», и глаза мои наполнились слезами. В этот миг взошло солнце и загло алым огнем драгоценные камни на браслетах Тутанхамона, и совсем неживой, почти прозрачной показалась бессильно свесившаяся рука, охваченная этим огнем. В ужасе бросились к нам стражники, слуги, раздались испуганные крики, возгласы, поднялся шум, от которого, казалось, должен был рухнуть дворец. Кто-то бросился за придворными врачевателями, кто-то стал зажигать курения перед статуями богов, но большинство людей металось без толку, охваченные паникой и безумным отчаянием. Мернепта внес фараона в его покои и опустил на ложе, и тогда только он обернулся и посмотрел на меня с таким отчаянием, что я не смог выдержать взгляда старого жреца. Тысячу раз я проклял себя за то, что оставил фараона, что позволил ему спуститься одному к берегу Хапи, что не сделал телохранителям тайного знака следовать за нами, когда мы только вышли из дворца. Но теперь все это не значило ровным счетом ничего, всего этого просто не существовало ни

для кого, кроме несчастного карлика Раннабу, принужденного оставаться наедине с его отчаянием. Еще там, на берегу, я увидел окровавленный камень, обыкновенный камень, которым и был нанесен удар по голове, страшный удар, рассекший кожу и причинивший неизвестные тяжкие повреждения, предательский удар, удар со спины... Кто нанес его? Где скрывался человек, улучивший тот миг, когда фараон остался один?

Старый жрец опустил на колени, приложил руку к груди Тутанхамона, потом снял с его шеи многоцветный воротничкожерелье, чтобы облегчить дыхание, велел принести холодной воды, мягкого белого полотна, трав, останавливающих кровотечение. Пока исполняли это приказание, кто-то успел доложить о случившемся царице, она прибежала из своих покоев и бросилась к ложу фараона. «Что с тобой? Что сделали с тобой, любимый?» Старая кормилица Тэйе, вбежавшая следом за ней, обхватила ее за плечи, прижала к своей груди, увела, почти оттащила от ложа Тутанхамона. Кто-то тронул меня за плечо, я обернулся и увидел царевича Джхутимеса. «Раннабу, что случилось? Что с фараоном?» Что я мог ответить? Я услышал голос Эйе, глухой, странный голос, в нем звучали тревога и боль, я поднял глаза и увидел его лицо, смертельно бледное, лицо постаревшего отца...

Мернепта никого не замечал. Стоя на коленях у ложа, он одной рукой сжимал запястье Тутанхамона, а другой гладил его по щеке, как захворавшего ребенка. «Мальчик мой, мальчик!» Я стоял рядом, я слышал его горестный шепот, я видел смертельно бледное лицо фараона, я вонзил ногти в свою грудь, чтобы облегчить боль, рвущую её изнутри. Вот донеслись до меня звуки молитв и заклинаний, вот послышался жалобный женский крик, вот закричал кто-то, обращаясь к небесам: «Боги, боги!» Ни призыва, ни мольбы не было в этом крике, одна только бесконечная ярость, и с уст моих сорвался древний вопль моего народа, вопль затерянных в бесконечных степях племен, обращенный ко всем богам и к тому, кто допустил злодейство: «Ай-я! Ай-я!» Но не только мои кулаки сжимались в бессильном гневе и не только мой крик источал

скорбь и гнев, их было много, и царь хатти должен был услышать и содрогнуться за двойными стенами своей проклятой Хаттусы. Я вдруг почувствовал, что мои руки влажны, и, взглянув на них, содрогнулся, хотя увидел то, что должен был увидеть: на моих ладонях и пальцах, даже на моих браслетах была кровь, царственная кровь Тутанхамона...

ЖРЕЦ МЕРНЕПТА

Он жил еще долго, мой мальчик, мучительно долго — целый день и целую ночь. Жестокий удар, нанесенный обыкновенным камнем, был так силен, что ничто уже не могло вернуть несчастного юношу к жизни, даже вмешательство богов, к которым возносили молитвы жрецы и народ во всех святилищах Мен-Нофера и окрестных поселений, до которых долетела уже горькая весть.

Тутанхамон, мой мальчик, при рождении которого я читал заклинания, мальчик, чья любовь была единственной отрадой моего Ба и моей одинокой старости, умирал у меня на глазах, умирал в кольце зажженных светильников, в облаках благовонных курений, умирал совсем молодым, прекрасным и полным здоровья и силы. Несколько раз он открывал глаза, несколько раз приоткрывал губы, словно собирался заговорить, и тогда я наклонялся к нему и спрашивал: «Скажи, кто был с тобой? Кто ударил тебя, мой возлюбленный, мой божественный фараон, мой мальчик, солнце моего сердца? Скажи, кто?» Но он не мог ответить, и только глаза его выражали безмерное страдание, которое он переносил как воин, без единого стога. Я спрашивал: «Скажи, кто это? Эйе? Май? Раннабу? Туту? Маху? Закрой глаза, если услышишь имя злодея, дай мне знать, кто разбил мое сердце на тысячи мелких осколков!» Но он ни разу не закрыл глаз, хотя от слабости с трудом держал их открытыми, крепился изо всех сил, чтобы невольной слабостью не обречь на смерть невинного. Несколько раз он терял сознание и уже был похож на того, кто отправляется в путешествие к вратам Аменти. Жизнь угасала в нем, как угасает

на небосклоне призрачная утренняя звезда, уходила медленно, но беспощадно, уносила с собой зрение, слух, осязание, час за часом отнимала частицу дыхания, и последние несколько часов он уже не открывал глаз, только дышал тяжело и прерывисто, и вот дыхание стало затихать и наконец замерло, и в груди остановилось благородное сердце, чистое и доброе сердце великого фараона, молодого и прекрасного, как солнце, свет которого отныне должен был освещать лишь его Дом Вечности. Страшно, отчаянно закричала царица Анхесенпаамон, и дворец наполнился воплями и рыданиями, которые выплеснулись за его пределы и потекли по улицам Мен-Нофера, зажигая огни в домах, будя спящих горожан. И не было в ту ночь дома, в котором не оплакивали бы безвременную кончину божественного фараона, любимца Кемет, бывшего для своих подданных сладостным дыханием северного ветра и теплым солнечным лучом. А наши лица поистине окаменели от горя и казались менее живыми, чем навеки застывшее прекрасное лицо молодого властителя, который уже смотрел на нас откуда-то издалека, оттуда, где никто не мог очутиться раньше положенного богами срока. Жрецы, окружившие ложе умершего владыки, монотонно читали главы из «Книги Мертвых»¹⁴⁹, и светильники горели ровным светом, разрушая ночную мглу, но бессильные развеять мрак смерти. Мой взгляд случайно упал на один из светильников, и я содрогнулся — две крошечные раскрашенные фигурки фараона и царицы, заключенные в слое полупрозрачного алебастра, протягивали друг к другу руки и улыбались, более живые, чем все мы. И тогда я погасил светильник, и образы юных властителей Кемет исчезли.

С наступлением вечера золотая погребальная ладья, на которой покоилось тело фараона, отплыла на западный берег Хапи, в Город Мертвых. Волны великой реки несли множество цветов, которыми жители Кемет в последний раз выражали свою любовь к фараону, и в волнах отражался свет больших и маленьких факелов, превращая Хапи в поток сплошного света. Эйе, Джхутимес и я находились на палубе погребального судна, ибо нам предстояло перенести погребальное ложе че-

рез порог заупокойного храма, где семьдесят дней должны были готовить фараона к путешествию в Страну Запада. В последний раз могли мы видеть его лицо, такое прекрасное и в смерти, ставшее совсем юным, ибо исчезла с него печать взрослой усталости и тяжких ежедневных забот. Его величество покоился на золотом ложе в полном церемониальном облачении, окруженный букетами и венками. Один из них — я видел это собственными глазами — был сплетен руками безмерно скорбящей Бенамут, другой — руками бедной митаннийской царевны. «Мальчик мой, возлюбленный сын мой, — шептал я ему, — прости меня, недостойного, того, кто не уверег тебя, кто не призвал на себя твою гибель, кто не принял на себя удара, отнявшего солнце у Кемет! Прости меня, дряхлого старика, провожающего тебя к Месту Правды, того, кто должен был опередить тебя на много лет. Прости...» И я смотрел, смотрел на его черты, которые вскоре должны были навек скрыться под золотой маской, стать ликом воссоединившегося с Осирисом, ликом бессмертного божества. И, поправляя на груди его ожерелье, касаясь украшений на диадеме, я ощущал безжизненность его тела, воистину прекрасного сосуда прекрасного сердца. Мне хотелось в последний раз приласкать его, в последний раз выразить свою бесконечную любовь к нему, и я смотрел, все ли сделали для моего мальчика жрецы, обряжавшие его, не забыли ли они что-либо из того, что любил он при жизни? Вот золотая диадема с украшениями из сердолика, вот ожерелье из золотых и темно-синих фаянсовых бус, вот перстень с печаткой, на которой изображена лунная барка — точно такой же подарил он нежной и прекрасной Бенамут, дочери скульптора Хесира, с которой провел свою последнюю ночь. Вот кинжал из золота особой закалки, вложенный в роскошные ножны с изображенными на них сценами охоты, которую он так любил и на которой бывал так удачлив. Вот браслет из слоновой кости, на котором животные пустыни, как живые, глядят друг на друга и на охотника, готового поразить их копьем, — этот браслет надела на ручку маленького царевича вечноживущая Нефр-эт, и теперь он сопровождает его в за-

гробное царство. Вот еще один браслет из маленьких скарабеев, с узором из цветов — он был поднесен его величеству царевичем Джхутимесом в день празднования нового года... Нет, ничего не было забыто преданными и любящими сердцами, обряжавшими своего господина для путешествия к вратам Аменти! Я смотрел на прекрасное лицо юноши, похищенного смертью, с которого уже исчезли следы последнего земного страдания. Вот маленький шрам на щеке, возле левого уха — его оставил наконецник боевой палки, это было во время военных занятий... Вот едва заметный след хананеянской стрелы на руке, чуть пониже локтя. Вот длинные ресницы, поражавшие своей красотой, придававшие такую выразительность взгляду молодого фараона. Они опущены и не трепещут, и под ними — неподвижный взгляд, неподвижное черное озеро... Рука моя, дрогнув, коснулась губ Тутанхамона, единственного, что еще казалось живым на застывшем лице. И мне не верилось, что никогда, никогда больше не увижу я его улыбки, так часто обращенной ко мне, что губы эти навсегда останутся сомкнутыми, строгими и прекрасными. Встретимся ли мы там, на полях Иалу, и смогу ли я и в загробном мире быть верным слугой моего возлюбленного фараона, я, недостойный жрец Мернепта, посмевавший смотреть на солнце после того, как погасло солнце Кемет?..

Вот и свершилось то, чего не должно было свершиться, вот затворились тяжелые ворота заупокойного храма, и я расстался с моим мальчиком, моим возлюбленным сыном, свидеться с которым мог теперь лишь в царстве Осириса. Страшный вопль народа потряс стены храма, когда в последний раз блеснуло золотое шитье ложа, когда жрецы с закрытыми лицами приготовились замкнуть тяжелые ворота. И вопль этот сопровождал обратный путь золотой ладьи, хотя на ней не было уже фараона. Военачальник Джхутимес, принадлежащий к царской семье, и мы, два жреца, связанные с ней узами не менее священными, чем кровные, стояли возле опустевшего царского шатра, не глядя друг на друга, не размыкая уст. В полном молчании достигли мы двор-

да, в полном молчании совершили все полагающиеся обряды, и когда удалились к себе, каждый из нас долго еще мог слышать крики и рыдания людей, оплакивающих своего фараона. Я знал, что не смогу заснуть, я знал, что должен обратиться к звездам. Приказав подать носилки, я велел отправляться к храму Пта, с крыши которого обычно вел свои наблюдения. Когда я садился в носилки, какая-то маленькая уродливая фигурка вынырнула из темноты, и я узнал карлика Раннабу. Жестом я пригласил его сесть рядом со мной, и он так же молча поблагодарил меня кивком головы. Мы проделали путь до храма в полном молчании и молчали, поднимаясь на крышу храма, над которой распростерлось во всей своей красоте и бесконечности звездное небо. Долго стояли мы, глядя на беспощадные звезды, которые не могли ни назвать нам имя убийцы, ни вернуть нас в то время, когда еще можно было стоять вот так на крыше храма, ощущая близость молодого фараона, когда можно было видеть живой взгляд его блестящих глаз и ощущать живое тепло его руки. Потом Раннабу тихо сказал:

— Царица Анхесенпаамон заперлась в своих покоях и никого не хочет видеть, только глядит, не отрываясь, на алебастровый светильник, который не разрешает погасить. Глаза ее безумны, она онемела от горя. Что теперь ожидает ее? Кого бы она ни выбрала себе в мужа, второго такого повелителя у нас не будет. Она еще не думает об этом, но завтра уже придется подумать. И мне кажется, я знаю имя будущего фараона...

— Мне все равно, кто теперь будет фараоном. Для меня великая река превратилась в высохшее русло, и я увидел обращенный к нам лик чудовищ Аменти. Я уже стар, Раннабу, и, к счастью, мне недолго осталось жить. А ты можешь воспользоваться случаем и покинуть дворец.

Раннабу тяжело вздохнул и развел руками.

— Куда же я пойду? Моя родина далеко, и на ней никто не ждет меня, встретят лишь позор и унижения. Я подумал когда-то, что останусь с фараоном до конца, и я не покину его и в смерти, ибо он одарил меня бесценным сокровищем — лю-

бовью и доверием. И у меня никогда не будет другого такого господина...

— Сохрани свою одежду, Раннабу, на которой осталась кровь фараона, и отдай ее мне. Я очень прошу тебя...

— Я сделаю это, Мернепта.

Вдали послышался женский плач, к нему присоединились другие голоса, мужские и женские, и мы поняли, что в каком-то доме неподалеку тоже произошло несчастье, угасла чья-то жизнь. Вдруг мне отчего-то вспомнились давние слова Раннабу о том, что человеческая память лучше сохраняет имена разрушителей, чем тех, кто поднимает из праха поверженные руины. «Пройдет время, — подумал я, — и Кемет забудет имя того, кого так любила и так горько оплакивала, а сохранит память о смельчаке Эхнатоне, разрушившем святилища неугодных ему богов. Кто бы ни вступил на престол Кемет, ему осталось сделать совсем немного, ибо все уже сделал юноша Тутанхамон». И так горько стало от этой мысли, что слезы увлажнили мои давно уже потускневшие глаза.

— Кто-то не хотел, чтобы началась война с хатти, — тихо сказал Раннабу, — кто-то всеми силами пытался помешать фараону двинуть войска к границам Ханаана и прийти на выручку царю Митанни. Кто-то рассчитывал, что молодой фараон не устоит, что его легко будет заставить переменить свое решение, кто-то пытался перехватывать гонцов и действовать через близких фараону людей, ибо он постоянно слышал о нежелательности и невыгодности войны с Супиллулиумой. Ничто не помогло, и враг прибег к последнему средству; улучив миг, используя то, что было под рукой, ибо это было последнее, что могло удержать в полете стрелу войны. Но кто же рассказал этому тайному врагу о том, что Хоремхеб уже отправился в путь, что фараон собирается послать гонцов к царям союзных государств и объявить войну хатти? Я все время размышляю над этим — кто? Выдать тайные намерения фараона мог и человек, преданный ему, ибо враг мог вкрасься к нему в доверие, мог опутать тайными сетями обмана, ведь это могла быть и женщина, которой неведомо коварство искушенных людей.

Плохо то, что мы никогда не увидим лица убийцы, даже если узнаем его имя, потому что он, скорее всего, давно уже покинул дворец... Кстати, божественный отец, не припомнишь ли ты, кто отсутствовал на церемонии прощания во дворце?

— Не припомню, Раннабу. Я ни на кого не смотрел...

Раннабу горестно вздохнул.

— В этой толпе и впрямь трудно было рассмотреть лица придворных, и я не поручусь, что видел или не видел Май, Миннехта, Туту или Небутенефа. И все же, все же... — Карлик покачал головой, потом посмотрел на звезды и снова опустил голову. — Как мог я оставить его одного на берегу, как мог допустить, чтобы... — В его голосе слышались мне сдерживаемые рыдания, и, хотя сердце мое разрывалось от горя, я хотел утешить его.

— Ты не мог послушаться приказа фараона, Раннабу. И я, я сам поступил бы так же.

Раннабу только покачал головой.

— Где был тот человек, что нанес удар? Он должен был следить за нами и действовать очень быстро, ибо не мог знать, что я не успею позвать телохранителей. Он подошел сзади, фараон не видел его. Кто встретил нас, когда мы вошли во дворец?

— Не помню.

— Потом вошли Эйе, Джхутимес, Май, еще Яхмес, Ипи, Сеннехеб, Амени... Не знаю! Не помню! — Карлик в отчаянии потер лоб. — Смотрел только на фараона, не видел тех, кто входил и выходил, думал только об одном, проклинал себя... Кто же теперь вернет этот миг? Кто?

— Отчего ты уверен, Раннабу, что тайный враг фараона нанес ему страшный удар своей рукой? Это мог быть подкупленный стражник, телохранитель, раб...

— Этот человек, если только он не собирается взойти на трон Кемет, понимает, что в случае раскрытия тайны ему грозит страшная, мучительная казнь, от которой еще не спасался ни один человек, к тому же при дворе Супиллулиумы его ждет щедрая награда. Его величество Небхепрура Тутанхамон не от-

даст приказа о переходе границ Ханаана, не объявит войны хатти, и Хоремхеб целые сто лет может простоять на границах, не делая ни единого шага. Все сбылось! Супиллулиума может торжествовать победу, ибо теперь никто не придет на помощь царю Митанни, никто не станет угрожать двойным стенам Хаттусы. Кто-то вовремя нанес удар, который остановил бег колесниц войска Кемет... И все-таки я должен узнать, кто совершил это злодеяние, должен! — Раннабу с силой ударил кулаком по каменной ограде, которая приходилась ему как раз по росту. — Ты очень любил его величество, божественный отец, я тоже. И пока в жилах Раннабу течет кровь, убийца фараона не будет чувствовать себя в безопасности! Я отправлюсь за ним в погоню, я обыщу все царство Хатти, от хижин до дворцов, вот этим кинжалом, тем самым, который не сумел защитить Тутанхамона, свершу возмездие. Мернепта, это будет так, хотя бы мне пришлось провести в поисках двадцать лет и найти убийцу, когда оба мы уже будем глубокими стариками. Это будет так! Если я остаюсь жить, то только для этого!

Кто-то принялся отчаянно стучать в ворота храма, и несколько младших жрецов со светильниками в руках бросились открывать. Мы с Раннабу недоуменно и встревоженно переглянулись — не случилось ли новое несчастье? И когда по лестнице к нам взлетел мой верный слуга Пареннехеб, задыхающийся и покрытый пылью, мы были уже готовы услышать из его уст нечто неприятное, только неприятное, ибо не было на свете ничего страшнее уже свершившегося. Пареннехеб даже не поклонился, так он был возбужден, и мы с трудом разобрали его слова:

— Совет верховных жрецов, собравшихся в храме Амона, провозгласил фараоном отца бога Эйе, который выполнит все погребальные церемонии уже не в качестве верховного жреца, а преемника Осириса Тутанхамона! Он предложил молодой царице разделить с ним трон, и она... она согласилась!

Раннабу пожал плечами.

— Этого следовало ожидать — за неимением наследника кто имеет больше прав на престол, чем бесконечно преданный

царскому дому отец бога Эйе? А царица Анхесенпаамон... Что ж, ей всего семнадцать лет, она одинока и несчастна. Ты меня не удивил этим известием, Пареннехеб.

Я тоже не был удивлен, теперь мало что на свете могло удивить меня. Потрясенный нашим равнодушием слуга растерянно поклонился и уже начал спускаться вниз по лестнице, как вдруг, вспомнив что-то, вновь обернулся к нам.

— Еще одна новость, божественный отец, уж не знаю, плохая или хорошая... Исчез из дворца один высший сановник, приближенный его величества, исчез без следа, бежал поспешно, в покоях его беспорядок...

Раннабу вдруг напрягся, как готовящийся к прыжку зверь, рука его стиснула рукоятку висевшего на поясе кинжала.

— Кто? — яростно выкрикнул он. — Кто?!

Пареннехеб недоуменно посмотрел на него.

— Господин Туту, бывший верховный жрец Дома Солнца.

1998—1999 гг.

КОММЕНТАРИИ

Вера Евгеньевна Василевская родилась в 1968 году в Москве. Занималась журналистикой, печаталась в различных периодических изданиях. С 1988 года — художественный руководитель театра исторической драмы, в 1991 году закончила режиссерские курсы ГИТИСа. В 1999 году окончила РГГУ по специальности «историк-архивист».

Исторический роман «Тутанхамон» — первое крупное произведение. Издается впервые.

Все стихотворные тексты взяты из книги «Лирика Древнего Египта». М., 1965 г. Перевод В. Потаповой (подстрочник) и А. Ахматовой (литературный перевод).

1. *Атон* — живой солнечный диск. Изображался в виде солнечного диска с лучами, которые заканчивались кистями рук с символами жизни — анх.

2. *...ушедших на поля Иалу.* — Поля Иалу — счастливые поля, поля блаженных в загробном царстве.

3. *...владыки страны Кемет...* — Кемет (Та-Кемт, Кем) — Черная Земля. Так называли египтяне свою страну.

4. *...по берегам Хапи...* — Хапи — древнеегипетское название Нила.

5. *Нут* — богиня неба, владычица ночи. Часто изображалась в виде женщины, изогнувшейся дугой и опирающейся на землю кончиками пальцев рук и ног, поддерживаемой богом Шу, или в виде огромной коровы, под телом которой плывут звезды и бог Солнца в своей солнечной утренней и вечерней ладье.

6. ...*верховный жрец храма бога Тот*... — Тот — бог мудрости, красноречия, письма и математики. Изображался в виде человека с головой ибиса.

7. Современное понятие «душа» лишь отдаленно передает смысл египетского Ба. Ба переживает человека и покидает его тело после смерти, поэтому можно предположить, что к нему можно отнести и современное понятие духа.

8. *Осирис* — владыка загробного мира, бог-царь, воплощение умирающей и воскресающей природы. Получив трон по наследству, он мудро и справедливо правил Египтом, но был убит коварным Сетхом. Оживленный с помощью ока Хора (око солнечного бога — одно из центральных понятий в египетской религии), стал царем мертвых, главой загробного суда. Изображался в виде спеленутой мумии в белой короне с двумя перьями, со знаками царской власти в руках.

9. ...*в пятидесятый раз надо мной вошла звезда Сопдет*... — Звезда Сопдет (греч. *Соти, Сотис*) — звезда Сириус. День восхождения этой звезды считался первым днем нового года.

10. *Аменхотеп III* — фараон XVIII династии (ок. 1405—1367 гг. до н. э.), при котором египетская держава достигла наибольшего расцвета.

11. *Хор* — один из самых многозначных образов в древнеегипетском пантеоне, воплощавшийся в разных ипостасях, чаще всего в виде сокола или человека с головой сокола, а также крылатого солнечного диска с двумя урями по бокам. Первоначально он представлялся богом неба, глазами которого были солнце и луна, или самим дневным светилом. С древнейших времен почитался как покровитель власти фараона и его земное воплощение, его имя было частью царской титулатуры. Другими важными ипостасями этого бога были Хор Бехдетский, победивший врагов Ра, Хор-Сематауи — объединяющий Обе Зем-

ли, Хор-Ур — старший, или великий Хор, Хор-Ахте — Хор горизонтов.

12. ...*в ожесточенной схватке с хатти...* — Хатти (хеты, хититы) — народ, населявший расположенное в северной Сирии могущественное царство Хатти.

13. ...*близ города Хальпы...* — Хальпа — город в северной Сирии.

14. *Сетх* — первоначально покровитель фараонов, в более позднее время ассоциируется с бурей, зноем, пустыней, в мифах об Осирисе предстает коварным убийцей. Постепенно начинает превалировать представление о нем как о божестве зла.

15. ...*увидеть врата Аменти.* — Аменти — одно из названий загробного царства, царства мертвых.

16. *Хатхор* — изображалась в виде женщины с коровьими рогами и солнечным диском между ними или в виде коровы. Первоначально считалась матерью Хора. Богиня любви, радости, веселья, танцев, пирушек, владычица опьянения.

17. ...*в одном из храмов города Хемени.* — Хемени — древнеегипетское название города Гермополя. Гермополь (современное Ашмунен) — город в Среднем Египте, примерно в 300 километрах южнее Каира, центр почитания бога Тота.

18. ...*лик Золотой...* — Золотая — один из эпитетов богини Хатхор.

19. ...*молю великую Исиду...* — Исида — богиня материнства. Изображалась в человеческом облике, в древнейшее время — с тренобразным венцом на голове, в позднейшее — чаще всего с коровьими рогами и лунным диском между ними. В мифах об Осирисе Исида — сестра и супруга Осириса, пытавшаяся найти и сохранить его тело после того, как Осирис был убит своим братом Сетхом. Исида зачала своего сына Хора от мертвого (по другим версиям — уже от воскресшего) Осириса и помогала ему в борьбе с убийцей его отца.

20. ...*она коснулась кончиком носа...* — Древние египтяне не знали поцелуя в губы вплоть до IX—VIII вв. до н. э., когда в Египет начали проникать греческие влияния.

21. ...*верховному жрецу Дома Солнца...* — Дом Солнца (Пер-Атон) — главный храм Атона в солнцепоклоннической столице.

22. ...в городе, называемом *Горизонт Атона*... — Горизонт Атона — Ахетатон, современная Тель-эль-Амарна, новая столица, ставшая резиденцией царя-солнцепоклонника.

23. ...оповещающая *Ка Нефернаи*... — Ка — по египетским представлениям, нечто вроде гения человека, его жизненной силы, имеющее облик того, кого одухотворяет.

24. ...пал ниц перед величием владыки *Обеих Земель*... — Владыка Обеих Земель, владыка Земель Нехебт и Буто — земля Нехебт — Верхний Египет, символом которого считалась богиня Нехебт, изображаемая в виде коршуна. Земля Буто — Нижний Египет, символом которого была священная змея Буто.

25. ...отца бога *Эйе*... — Отец бога — условный титул, который носил муж царской кормилицы.

26. ...что переживает наше земное тело, превращаясь в *сах*. — Сах — священное тело, мумия.

27. ...дела и нужды своего *степата*... — Степаты (греч. *номы*) — первоначально мелкие государственные образования, в описываемую эпоху области Египта, провинции, во главе которых стояли правители областей (греч. — *номархи*).

28. *Судьба моя подобна судьбе Синухета*... — Синухет — герой древнеегипетской «Повести о Синухете», знатный египтянин, много лет проведший в скитаниях.

29. ...*быть может, то был карлик Бэс*... — Бэс — бог семьи, веселья, покровитель женского туалета. Изображался в виде бородатого кривоногого карлика.

30. *Когда взойдет звезда Танау*... — Танау — древнеегипетское название Венеры.

31. *Птахотеп* — возможно, главный советник фараона V династии Исеси (XXV в. до н. э.). Позднее считался одним из великих мудрецов древности. Наиболее известно его «Наставление о том, как надобно себя вести, чтобы добиться преуспевания во всем».

32. ...*появился в наших краях купец из Джахи*... — Джахи — древнеегипетское название Финикии.

33. *Моряки фенеху*... — Фенеху — этнический термин, которым в Древнем Египте обозначались жители Финикии.

34. ...как любил Геб свою Нут... — Согласно древнеегипетскому мифу, бог земли Геб и богиня неба Нут любили друг друга так крепко, что даже родились, обнимая друг друга.

35. ...в городе Ину... — древнеегипетское название Панополя.

36. ...видел людей в белых льняных одеждах... — Жрецы в Египте носили длинную одежду из белого льна.

37. ...головы коснулась бритва. — Египетские жрецы брили голову, тогда как для простых жителей Кемет это не было обязательным, хотя и распространенным почти повсеместно.

38. ...громадный раб-кушит проводил меня... — Кушит — житель страны Куш — Нубии.

39. ...и пощадил мое имя... — В имени Мернепта упоминается бог Пта (см. примечание), что было недопустимо во времена солнцепоклоннического переворота.

40. ...колебля грудь бога Шу... — Шу — бог воздуха, изображался в виде человека или в паре с богиней Тефнут в виде львов.

41. ...богиня-хранительница Нефр-эт... — Судя по некоторым источникам, в эпоху солнцепоклоннического переворота все функции богов загробного царства выполняли Эхнатон и его жена Нефр-эт, властвуя таким образом не только над жизнью, но и над смертью своих подданных.

42. ...давно была возведена ее сень Ра... — Сень Ра — в эпоху солнцепоклоннического переворота маленький солнечный храм, посвященный кому-либо из членов царского дома.

43. ...заполонили бы берега Тростникового моря... — Тростниковое море — Красное море.

44. ...цветущие месяцы перет. — Древние египтяне делили год на три сезона: время разлива — ахет, время сева — перет, время жатвы — шему.

45. ...благословение семи Хатхор... — Согласно представлениям древних египтян, семь Хатхор, подобные европейским феям, слетались к колыбели новорожденного, награждали его своими дарами и предсказывали его судьбу.

46. Но за моими плечами стояла богиня Маат... — Маат — богиня правды, истины, справедливого суда, изображалась в виде женщины, ее прическу украшало перо страуса.

47. ...если бы при своем рождении он перевернулся лицом вниз? — Примета, по египетским представлениям предвещающая смерть ребенка в самом раннем возрасте.

48. ...зазвенел, как серебряный систр... — Систр — музыкальный инструмент типа трещотки, атрибут богини Исиды.

49. ...едва не лишившийся погребения... — По представлениям древних египтян, уничтожение тела влекло за собой уничтожение Ка, которое, утратив свою земную оболочку, никогда больше не могло возродиться. В представлении египтян лишение погребения было самым страшным, что только могло случиться с человеком.

50. ...бесконечные солнечные диски, длинные руки-лучи. — Атон изображался в виде диска с длинными лучами, которые заканчивались человеческими кистями.

51. Амон-Ра, великий бог-покровитель города Опета... — Амон-Ра — до солнцепоклоннического переворота верховное божество древнеегипетского пантеона. Изображался в антропоморфном виде в короне с двумя перьями и солнечным диском, иногда — с головой барана. Первоначально, по-видимому, был не слишком известным местным божеством, покровителем Фив. Его возвышение и отождествление с богом Солнца Ра было связано с увеличением политического значения Фив и превращения этого города в столицу фараонов. Опет — в описываемое время название города Фивы.

52. ...голосом птицы мент... — Птица мент — египетский стриж. Своеобразной чертой египетских стрижей являлось то, что они селятся большими колониями на утесах среди скал, окаймляющих пустые равнины, откуда они спускаются ранним утром и куда возвращаются поздним вечером. У древних египтян могло возникнуть представление, что стрижи связаны с перевоплощениями духа умерших. Одна из глав «Книги Мертвых» начинается словами: «Я — птица мент...», а заканчивается следующей фразой: «Тот, кто знает эту главу, возвратится после выхода днем».

53. Хати — бог Нила, изображавшийся в виде тучного человека с чертами, подчеркивающими его сущность бога плодородия, с сосудами в обеих руках.

54. *Воистину Прекрасная пришла в жизнь наследника...* — Нефрит в переводе с древнеегипетского означает «Прекрасная пришла».
55. *...носитель опахала по правую руку царя...* — одна из высших придворных должностей, доступная только наиболее знатым или особо приближенным сановникам.
56. *...я и не заметила, как был застегнут твой пояс и заплетена твоя косичка.* — В так называемый день прощания с детством на мальчика надевали набедренную повязку и пояс. Мальчики-царевичи носили также косичку, которая была отличительным знаком принадлежности к царскому дому.
57. *...при моем муже, Осирисе Аменхотепе...* — По представлениям египтян, человек после смерти воссоединялся с Осирисом и при упоминании его имени полагалось прибавлять имя этого бога.
58. *Моя гробница в Месте Правды уже готова...* — Место Правды — некрополь.
59. *...как тянется сердце брата к сердцу возлюбленной сестры.* — В Древнем Египте влюбленные часто называли друг друга братом и сестрой, отчего возникло представление о том, что существовали браки между родными братьями и сестрами. Между тем эти браки совершались не чаще, чем в наше время в любой цивилизованной стране, хотя браки между двоюродными братьями и сестрами заключались довольно часто, особенно в царских семьях.
60. *Эйе, отец бога...* — условный титул, который носил муж царской кормилицы.
61. *...венки из цветов мекхем...* — из цветов портулака.
62. *...времена Снофру и Джосера...* — Снофру — фараон IV династии (XXVI—XXV вв. до н. э.). При нем Древнее царство достигло наибольшего расцвета. Вел успешные завоевательные войны в Нубии и Ливии, на Синае. Джосер — фараон III династии (ок. 2650 — ок. 2575 гг. до н. э.). Завершил объединение Верхнего и Нижнего Египта в мощную державу со столицей в Мемфисе. С пирамиды Джосера началось строительство египетских пирамид.
63. *...жезл и плетень фараона...* — Жезл и плетень — знаки царской власти, по некоторым версиям, символизирующие две основные функции власти — сдерживать и погонять.

64. *В тринадцатую ночь второго месяца времени перет...* — Один из самых несчастливых дней в календаре, в который, согласно верованиям древних египтян, становились ужасными глаза богини Сохмет, насылающей болезни.

65. *...будет носить длинный локон, а не косичку.* — Девочки-царевны носили длинный, так называемый девичий локон.

66. *Хабиру* — кочевые племена, некоторые исследователи отождествляют их с предками евреев.

67. *Разве не был убит фараон Аменемхет...* — Аменемхет I — фараон ок. 1938—1908 гг. до н. э., основатель XII династии, боролся за усиление центральной власти и был убит в результате заговора. Сохранилось «Почтение» Аменемхета I его сыну Сенусерту.

68. *...ни ханаанских купцов!* — Ханаан — в древности так называлась вся территория от границ Египта вплоть до реки Оронта, включающая в себя сирийско-палестинские земли.

69. *...да будет он жив, цел и здоров!* — В египтологической литературе встречающаяся в разных вариантах священная формула, которой полагалось сопровождать упоминание имени фараона.

70. *...до границ земли Буто.* — Земля Буто — Нижний Египет, покровителем которого считалась богиня Буто (Уто).

71. *...допущенных к трапезе Великого Дома...* — Великий Дом — иносказательное название фараона, с которым некоторые исследователи связывают само образование этого термина — египетское Пер-Он, семитское Фара-о.

72. *Сохмет* — грозная богиня войны, солнечного жара, могла наслать страшную болезнь и сама же исцелить ее. В жизни человека воплощала необузданную пламенную страсть, гнев, ярость. Кроме того, считалась покровительницей скульпторов. Изображалась в виде женщины с головой львицы.

73. *...я был бы уже командующим корпуса Ра.* — С древних времен войско в Египте разделялось на три корпуса, или легиона (названия условные), каждый из которых находился под особым покровительством Ра, Амона или Пта.

74. *...имя могущественного предка моего отца.* — Имеется в виду фараон XVIII династии Джхутимес (Тутмос) III (1490—

1436 гт. до н. э.). Вел войны, в результате которых было восстановлено господство Египта в Сирии и Палестине.

75. ...*опасен и извилист, как путь змеи Мехен...* — В египетских ритуальных текстах часто встречается упоминание волнообразно изогнутой змеи Мехен, символизирующей те изгибы пути, по которому следует Солнце во время его ночного пути через подземное царство. В египетской мифологии образ змеи часто имеет как добрый, так и злой смысл.

76. ...*должно стать зорким, как третье око Ра.* — Согласно одной из версий древнеегипетского мифа о сотворении мира, бог Ра, сотворив бога воздуха Шу и богиню влаги Тефнут, вскоре потерял их и отправил на их поиски свой собственный глаз. Не дождавшись его возвращения, Ра сотворил себе новый глаз, а когда старый вернулся, отыскав детей бога, Ра поместил его на лбу и превратил в змею-аспида, которая отныне стала символом царской власти.

77. ...*Хоремхеб, чье имя фараон пощадил...* — В период правления царя-солнцепоклонника были изменены имена придворных и членов царской семьи, в которых встречались имена старых богов. Имя «Хоремхеб» означает «Хор в празднестве».

78. *Хатшепсут* — царица Египта (правила ок. 1472—1458 гт. до н. э.), дочь Джхутимеса I (см.), достигла беспрецедентной для царицы власти, приняв полные права и регалии фараона.

79. ...*стрела летит почти на целый схен...* — Схен — 445,2 м.

80. *Тефнут* — богиня влаги. Известен миф об уходе Тефнут, разгневавшейся на людей за недостаточное ее почитание, после чего в Египте настала страшная засуха. Миф завершается возвращением богини в Египет по просьбе Ра, пославшего за ней Тота и Шу, по другим версиям — Инпу.

81. ...*прибыл из Она...* — Он — Гелиополь.

82. *Пта* — согласно мемфисским космогоническим мифам, бог-творец, создавший мир посредством слова. Одной из наиболее важных функций бога было покровительство ремеслам. Изображался в виде человека с бритой головой, закутанного в погребальные пелены.

83. ...*никто уже не будет называться Аменхетом или Сети...* — Большинство древнеегипетских имен образовано от имен

богов. Таким образом, считалось, что человек, носящий имя бога, находится под его особым покровительством. Имена Аменхотеп, Амени, Аменемхет и некоторые другие включают в себя имя бога Амона, имя Сети образовано от имени бога Сетха.

84. *...самую священную из гробниц Осириса...* — Согласно древнеегипетскому мифу об Осирисе, его убийца Сетх разрубил его тело на четырнадцать частей и разбросал их по всему Египту. Исида, находя каждую часть тела, воздвигала над ней гробницу. Самой священной из гробниц Осириса считалась гробница в Абидосе, который и стал центром культа этого бога.

85. *...поддаюсь нечестивым народам Сати?* — Сати — Азия.

86. *Неджес* — простолюдин.

87. *...не вкушавших рыбы...* — То есть люди, посвященные в жреческий сан.

88. *Еще жив херхеп...* — Херхеп — одна из жреческих должностей, ученый писец Священной Книги. Херхеба призывали в тех случаях, когда сыну фараона нужно было дать имя. Кроме того, во время торжественных церемоний херхеп читал древние священные изречения и произносил проповеди.

89. *Вероятно, она бежала в Ибу...* — Иба — древнеегипетское название Слоновьего Острова (греч. *Элефантина*).

90. *Жаль только, что носит имя старой богини...* — В состав имени «Бенамут» входит имя богини Мут, супруги Амона-Ра.

91. *Анхаб* — Эйлейтиасполь.

92. *Инпу* (греч. *Анубис*) — главный бог в царстве мертвых. Впоследствии эта роль перешла к Осирису, но за Инпу остались важные функции покровителя бальзамирования и некрополя. Изображался в виде черного шакала или собаки, или человека с головой шакала.

93. *...о последней победе Хоремхеба над кочевниками шасу.* — Шасу — одно из кочевых сирийско-палестинских племен.

94. *...времена владычества царей-чужеземцев?* — Период истории Египта, когда им правили завоеватели-кочевники. Греческое «гиксосы», ошибочно сочтенное этническим термином, является только собирательным понятием и обозначает чужеземные кочевые племена, среди которых были представители различных этносов.

95. ...*храм до небес, подобный вавилонским зиккуратам?* — Зиккурат — в архитектуре Месопотамии высокая ступенчатая башня.

96. ...*сохраненный ковчег...* — Принадлежность погребального обихода, ящик, в котором хранились сосуды с извлеченными из тела покойника внутренностями. Обычно на четырех углах этого ковчега изображались Исида, Нефтида, Нейт и Селкит, но, как полагают некоторые исследователи, в эпоху правления Эхнатона их заменяли изображениями царя и царицы.

97. ...*воды трех Хати...* — т.е. земного (река Нил), небесного — дождь, подземного — того, что протекает в царстве Мертвых.

98. ...*пригляделся к своим семерам...* — Семеры — высшие савновники.

99. ...*готовили к погребению в Даме Вечности...* — Дом вечности — гробница.

100. ...*разве спасла она фараона Джедефра?* — Джедефра — один из фараонов Древнего царства, согласно некоторым источникам, убитый своими подданными в заупокойном храме.

101. ...*крыльями птицы бенну.* — Бенну — цапля, отождествлялась с сердцем и является одним из воплощений умершего, когда он выходит как душа, живущая после смерти. Гл.13 «Книги Мертвых» гласит: «Я вхожу как сокол, я выхожу как Бенну на рассвете». Греки отождествляли эту птицу с Фениксом.

102. ...*стена, выше тех, которыми окружен Мен-Нофер...* — Мен-Нофер — в описываемое время название города Мемфиса — древней столицы Египта, находившейся южнее Каира. С XVI в. до н. э. был важнейшим торговым центром, а также центром почитания бога Пта.

103. ...*немногим больше двух локтей...* — египетский локоть в описываемое время составлял приблизительно 51 сантиметр.

104. ...*бальзам, привезенный из страны Офир.* — Страна Офир — эта страна лежала, видимо, на пути в Индию, на юго-восточном берегу Африки, на юге Аравии.

105. ...*титул царского сына Куша...* — Царский сын Куша — титул наместника страны Куш, пост которого нередко действительно занимался царскими сыновьями.

106. *Диадема с золотым царским уреем...* — Урей — золотое изображение змеи аспида, знак царской власти.

107. *...видел себя подобным его величеству Джхутимесу при Мегиддо...* — Имеется в виду знаменитая битва 1482 г. до н. э., в которой Джхутимес III разгромил сосредоточенную у города Мегиддо коалицию сирийско-палестинских княжеств, поддерживаемую Митанни.

108. *...поверх него — бело-красный немес...* — Немес — полосатый головной платок фараона. Цвета полос символизировали цвета Верхнего и Нижнего Египта — белый и красный соответственно.

109. *...и были провозглашены пять великих имен...* — Пять великих имен — имеются в виду пять имен, взятых фараоном при вступлении на престол: Хор, Небти, Хор Золотой, собственное имя и тронное имя.

110. *Аменхотеп II* — фараон XVIII династии (1426—1400 гг. до н. э.). Вел успешные войны в Сирии.

111. *Род мой происходил из города Хутнисут...* — Хутнисут (Ха-Ниса) — древнеегипетское название Алебастронополя, города в Верхнем Египте.

112. *Осирис для того и приносит себя в жертву каждый год...* — Со смертью и воскресением Осириса связывалось умирание и возрождение природы.

113. *...кудри ее были словно лазурит.* — По представлениям древних египтян, у богинь чаще всего были лазурные волосы.

114. *...кость в горле чати...* — Чати — в Древнем Египте высший сановник, везир.

115. *Не будь я пьян, как львица Хатхор-Сохмет...* — Одна из версий древнеегипетского мифа о боге Ра повествует о том, как владыка поручил своей любимой дочери Хатхор жестоко наказать людей, задумавших свергнуть Ра с престола. Хатхор превратилась в львицу Сохмет и набросилась на людей так жестоко, что даже боги не могли ее остановить. По совету мудрого Тота повсюду было разлито вино, похожее на кровь, и львица, вылакав его и опьянев, была обезврежена.

116. *...Хуфу, Хафра и Менкаура...* — Три Великих фараона Древнего царства, которым принадлежат самые высокие в Егип-

те пирамиды (Великие пирамиды). Хуфу — фараон IV династии (начало XXVI в. до н. э.); Хафра — фараон IV династии (конец XXVI в. до н. э.); Менкаура — фараон IV династии (конец XXVI в. до н. э.).

117. ...а может быть, и Тиа... — Тиа — бог познания.

118. ...когда соединились цветы лотоса и папируса. — Имеется в виду объединение Верхнего и Нижнего Египта, символами которых были лотос и папирус соответственно.

119. ...разгневанное око великого бога... — См. примеч. 79.

120. ...чье имя в царском картуше... — Картуш — ободок, в который при написании заключались царские имена.

121. *Джхутимес (Тутмос) I* — фараон XVIII династии (правил 1493 — ок. 1482 гг. до н. э.). Завоевал часть Куша.

122. ...не уступают коням ретенну... — Ретенну — древнеегипетское название Ассирии.

123. ...мебель, сделанная искусными мастерами из ценного дерева аш... — Дерево аш — некоторые исследователи считают, что этим термином назывался знаменитый ливанский кедр, большинство же склонно видеть в нем киликийскую пихту.

124. ...захватить Гебал... — Гебал — Библи, один из крупнейших финикийских городов.

125. ...тысяча колесниц прибудет в Вашшуканни... — Вашшуканни — столица царства Митанни.

126. *Атум* — воплощение заходящего солнца. Изображался в виде человека в короне Верхнего и Нижнего Египта, реже — в образе змея.

127. ...священный скипетр джед... — Джед — символическое изображение позвоночного столба Осириса, один из символов царской власти. Судя по некоторым источникам, фараон поднимал скипетр джед, призывая к молчанию и повиновению.

128. *На золотой палетке...* — Палетка — письменный прибор, дощечка с углублениями для красок и тростниковых палочек-каламов. Царские палетки делались из золота и слоновой кости, надпись на палетке Тутанхамона подлинная.

129. ...нож парасхита... — Парасхит — вскрыватель трупов, извлекавший внутренности для последующего бальзамирования

покойников. Парасхиты в египетском обществе считались нечистыми и отверженными.

130. *«Перед лицом твоим рыба играет в реке, пронизал ты лучами пучину морскую...»* — Строки из «Гимна Солнцу», по всей вероятности, сочиненного самим царем-солнцепоклонником Эхнатоном.

131. *Себек* — бог-крокодил, как владыка вод, связанный с культом Нила.

132. *...рассыпая вокруг себя крупинки бесен.* — Крупинки бесен — вид благовоний, употреблявшихся во время отправления религиозных обрядов.

133. *...воды Зеленого моря...* — Зеленое море — Средиземное море.

134. *...или Мут — приказаний великого Амона?* — Мут — мать, считалась супругой Амона. Часто изображалась в виде женщины с головой львицы.

135. *...подобен Хору, воплотившемуся в Са-Осирисе?* — Согласно древнеегипетскому мифу, Са-Осирис — мудрый отрок, воплощение бога Хора, явившийся для того, чтобы разрешить многолетнюю тяжбу между чародеями Египта и Эфиопии.

136. *...богов, которые когда-то сократили жизненный срок благочестивого фараона Менкауры.* — Согласно древнеегипетскому мифу, боги сократили жизненный срок благочестивого Менкауры из-за того, что он мешал исполнению воли богов, которые предрекли Египту бедствия на протяжении многих лет.

137. *Баал* — сирийско-палестинское божество, с эпохи гиксов отождествлялся с египетским Сетхом.

138. *...почти сто лет правления Пиопи II...* — Пиопи II — пятый царь VI династии (ок. 2325 — ок. 2150 гг. до н. э.). Правил 94 года.

139. *...люди из тех, кого называли хенти-уши...* — Хенти-уши — мелкие и средние ремесленники, работа которых чаще всего была связана с культом умершего фараона.

140. *Его судьба — судьба бога Телепина...* — Телепин — бог весны у некоторых малоазийских народов, особенно почитался у хатти. Его судьба схожа с судьбой египетского Осириса.

141. ...как в радостный праздник техи. — Техи — буквально «опьянение» — праздник, который справлялся в первый день второго месяца времени ахет.

142. ...ее сердце стало добычей чудовища Амт. — Амт — чудовище загробного царства, пожиравшее сердце грешника.

143. ...гирлянда цветов, как на шее Аписа? — Апис — священный бык древних египтян, божество плодородия. Считался воплощением бога Пта.

144. Испугать ее судьбой Секененра? — Секененр — фараон XVII династии (ок. 1545 г. до н. э.), один из первых начавший борьбу с кочевниками-чужеземцами и погибший в битве с ними.

145. ...храм целителя Имхотена... — Имхотеп — реальное историческое лицо, советник и архитектор фараона Хуфу, построивший первую пирамиду, позднее был назван богом-целителем и греками отождествлялся с Асклепием.

146. ...в начале седьмого часа ночи... — Египтяне делили сутки на двенадцать дневных и двенадцать ночных часов, продолжительность их постоянно менялась в зависимости от времени и даже месяца года, поэтому седьмой час ночи может означать и час ночи, и два, и три, но также и одиннадцать, и двенадцать.

147. Небти — двойное царское ожерелье, состоящее из символов Нехебт и Буто.

148. «Прцветает он, этот добрый властитель...» — Так называемая «Песнь арфиста» (более правильно: «Песнь из дома усопшего царя Антефа, начертанная перед певцом с арфой»), датируется XXI—XVI вв. до н. э., прекрасный памятник древнеегипетской литературы, дошедший до нас в двух списках — папирусе Харрис 500 и настенной надписи в гробнице ваятеля фараона Паттаненхеба в Саккара близ Мемфиса.

149. «Книга Мертвых» — сборник погребальных молитв и заклинаний, один из лучших памятников древнеегипетской религиозной литературы, относящийся ко времени Нового царства.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Тутанхамон. Биографическая статья</i>	5
В. Василевская. Тутанхамон. Исторический роман	
Книга первая. Восход	9
Книга вторая. Зенит	155
Книга третья. Закат	336
<i>Комментарии</i>	430

Литературно-художественное издание

**Великие властители
ТУТАНХАМОН**

**Василевская Вера Евгеньевна
ТУТАНХАМОН**
Исторический роман

Ведущий редактор *А. В. Варламов*
Художественный редактор *О. Н. Адаскина*
Технический редактор *Т. П. Тимошина*
Корректор *И. Н. Мокина*
Компьютерная верстка *Л. А. Быкова*
Компьютерный дизайн *С. В. Барков*
OCR - Давид Титиевский, май 2017 г., Хайфа

Подписано в печать 20.01.2001. Формат 84×108/32.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 3584.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство Астрель»
Лицензия ЛР № 066647 от 07.06.99 г.
143900, Московская область, г. Балашиха, проспект Ленина, 81

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская обл., Агинский р-н,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

ISBN 5-17-005376-2

9 785170 053766

